

**Материалы международной
научно-практической конференции**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ
И КУЛЬТУР**

30-31 мая

Иркутск-2016

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»
Евразийский лингвистический институт**

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

**Материалы II Международной научно-практической
конференции**

(Иркутск, 30-31 мая 2016 г.)

**Иркутск
МГЛУ ЕАЛИ
2016**

УДК 81
ББК 81.2-9
А 35

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

План изд. науч. лит. 2015, поз. 16

Ответственный редактор: Готлиб О.М. к. фил. н., доцент, профессор кафедры восточных языков.

Члены редакционной коллегии: Каплуненко А. М., д. фил. н., профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации;
Кремнёв Е. В., к. соц. н., доцент, заведующий кафедрой восточных языков;
Кузнецова О. В., к. фил. н., заведующий кафедрой зарубежного регионоведения;
Шалина И. В., к. ист. н., доцент, доцент кафедры восточных языков
Дюндик Ю. Б., к. фил. н., доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения;
Шишмарева Т. Е., к. фил. н., доцент кафедры восточных языков;
Кирюхина Л. В., ст. преп. кафедры восточных языков.

А 35 АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: материалы II Международной научно-практической конференции (Иркутск, 30-31 мая 2016 г.) – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016. – 513 с. – ISBN 978-5-88267-439-6.

Данный сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур», состоявшейся 30-31 мая 2016 г. в г. Иркутске. В сборнике статей рассматриваются современные вопросы регионоведения, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР. В сборнике также публикуются статьи, в которых представлены результаты научных исследований, поддержанных грантами РГНФ.

Материалы сборника могут быть полезны для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, всех, кого интересует современное состояние регионоведения, проблемы языкознания и лингводидактики, а также исследования в области других гуманитарных наук, связанные со странами АТР.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Библиографическое описание статей размещено в научной электронной библиотеке (НЭБ) и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ по договору № SIO 21-79/8624/2015 от 21.09.2015 г.

Посвящается памяти выдающегося российского китаеведа
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951 – 08.06.2016)

1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРАН АТР

В.Г. Дацышен (Красноярск)
Сибирский Федеральный Университет
Красноярский государственный педагогический университет

А.Ф. НИКИТИН - ОСНОВАТЕЛЬ ЧИТИНСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается биография основателя кафедры китайского языка Читинского государственного педагогического института А.Ф. Никитина. Жизненный путь китаиста рассматривается на фоне общих проблем китаеведческого образования в СССР в 1950-70-гг.

Ключевые слова: китаеведение; Московский Восточный институт; Отпор; Чита; А. Ф. Никитин; кафедра китайского языка Читинского госпединститута.

V. Datsyshen (Krasnoyarsk)
Siberian Federal University

A. NIKITIN IS THE FOUNDER OF CHITA SINOLOGY

Abstract. The article is devoted to A. F. Nikitin, a founder of the Chinese Language Department in the Chitinskiy State Pedagogical Institute. The sinologist's life is described along with general problems in sinological education in the USSR in 1950-1970s.

Key words: sinology; Moscow Oriental Institute; repuls; Chita; A.F. Nikitin; Chinese Language Department of the Chitinskiy State Pedagogical Institute.

Сибирь является родиной российского китаеведения, а первым русским китаеведом, не только заложившим основы отечественной синологии, но и выведшим ее на академический уровень, был забайкалец И.К. Россохин. Однако до 1917 г. на территории Сибири не появилось высшего китаеведческого образования, китайский язык так и не был введен в средней школе. Революция 1917 г. способствовала возрождению сибирской китаистики,

центром которой стал Иркутск. Но вскоре после окончательной победы советской власти китаеведение на территории Сибири вновь было ликвидировано. Первым городом в Сибири, где сформировалось вузовское и школьное китаеведческое образование, имеющее до настоящего времени непрерывный путь развития, была Чита.

История читинского китаеведения сегодня практически неизвестна за пределами Забайкальского края, да и в работах читинских исследователей пока ей уделяется недостаточно внимания. Например, в двух томах Малой энциклопедии Забайкалья, специально посвященных науке и образованию в регионе, представлены биографии лишь трех китаистов, в том числе первого (А.Ф. Никитин) и последнего (О.М. Готлиб) заведующих кафедрой китайского языка советского периода ее истории [6]. В данной статье делается попытка восстановить и проанализировать научно-педагогическую биографию основателя кафедры китаеведения в Чите А.Ф. Никитина.

Вклад А.Ф. Никитина в дело становления и развития китаеведческого образования в Чите освещен в различных изданиях, посвященных юбилейным датам истории местного высшего учебного заведения. В издании, посвященном 60-летнему юбилею Читинского государственного педагогического университета, говорится: «Создание и становление кафедры китайского языка связано с именами Александра Федоровича Никитина и Александра Андреевича Андреева» [2, с. 73]. В вышедшей в 2008 г. работе «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет» о китаеведах говорится в разделе «Факультет иностранных языков»: «Кафедра китайского языка была создана... в 1961 г. работу по формированию кафедры возглавил А.Ф. Никитин, который был приглашен в институт из поселка Забайкальский (тогда станция Отпор), где он и его коллега А.А. Андреев работали переводчиками китайского языка в таможене на железной дороге... Первые 5 лет А.Ф. Никитин заведовал кафедрой китайского языка, затем работал деканом» [3, с. 133]. Краткая биография А.Ф. Никитина, написанная его ученицей и коллегой О.В. Стельмак, представлена в «Энциклопедии Забайкалья» [11, с. 44].

Для более детального рассмотрения жизненного пути и трудов А.Ф. Никитина на фоне всей эпохи становления и развития китаеведения в Чите необходимо обратиться к историческим источникам. На данный момент нам

доступны документы делопроизводственного характера из фондов Архива Забайкальского государственного университета, документы личного происхождения из личных архивов, работы читинских китаистов и проч. В частности, сбором документов, отражающих научно-педагогическую биографию А.Ф. Никитина, давно занимается Ольга Викторовна Стельмак.

Согласно личному листку по учету кадров [1, л. 2-3], Александр Федорович Никитин родился 1 января 1931 г. в селе Братском Братского района Кировоградской области, был из семьи служащего и по национальности – украинец. В 1943-46 гг. А.Ф. Никитин работал в колхозе с. Каракунуз Джамбульской области Казахстана, и в 1946 г. поступил в педучилище в городе Фрунзе. В 1947 г. он поступил в Московский областной техникум физической культуры в подмосковной Малаховке. В «Автобиографии» [1, л. 4] А.Ф. Никитина говорится, что мать его умерла еще в 1934 г., жил он с отцом, работавшим агрономом, в Феодосии, и в 1941 г. эвакуировались в Джамбульскую область. В 1942 г. отец был призван в армию и в 1943 г. погиб. Будучи учащимся педучилища во Фрунзе, А.Ф. Никитин уехал к родственникам в Москву, перейдя учиться в техникум физкультуры.

В Москве А.Ф. Никитин пришел в китаистику. Как он сам писал в автобиографии: «В 1950 году поступил работать и учиться в Московский Институт востоковедения. Работал в институте на кафедре ФК и Спорта и учился на китайском отделении до 1954 г.» [1, л. 4]. О студенческом периоде жизни А.Ф. Никитина можно узнать из интервью и воспоминаний многих российских китаистов, учившихся вместе с А.Ф. Никитиным.

Посол РФ в КНР И.А. Рогачев вспоминал: «Я хочу описать наш курс. Когда я в 1950 году поступил в институт Востоковедения, на нашем факультете всего было 155 студентов, был установлен исторический рекорд. Это было в связи с тем, что годом раньше было провозглашено образование КНР... В соответствии с потребностью институт увеличил набор студентов. Вследствие этого через 5 лет, когда мы заканчивали курс обучения, ситуация с нашей профессией не была оптимистичной» [10]. Известный российский китаист З.Д. Каткова вспоминала: «На первом курсе были в основном преподаватели, которые сами раньше оканчивали наш институт. Они были молодыми и преподавали очень интересно. Учиться нам было тоже интересно... Потом тексты постепенно усложнялись, а направление текстов и их лексика были политические.

Практически все было связано с политикой, с американским империализмом и т.д. По Китаю мы еще изучали историю Китая, преподавал нам известный китаевед Рудольф Всеволодович Вяткин... Мы так же учили географию Китая и Азии (Георгий Александрович Ганшин). Дальше, новую историю нам преподавал Н.П. Виноградов» [5, с. 167]. В воспоминаниях академика В.С. Мясникова несколько другая картина: «Из преподавателей мы больше всего уважали Бориса Степановича Исаенко – великолепнейшего знатока Китая. Великолепные лекции по отечественной истории читал Михаил Евтропьевич Соловьев. Среди филологов примечательной фигурой был Гарма Данцаранович Санжеев» [7, с. 324]. Академик В.С. Мясников в своих воспоминаниях отмечает: «стипендия была вдвое выше, чем в других вузах. Государство доплачивало за восточные языки. Примечателен был институт и почти полным отсутствием студенток. Девушек стали принимать в МИВ только начиная с нашего курса... В наше время еще не было тех прекрасных учебников, словарей и аудиторий с компьютерами... Не было и языковых стажировок... Наш курс был самым многочисленным – около 120 человек» [7, с. 325].

Старейший красноярский китаист Н.Ф. Иванова, в девичестве Панкратова, вспоминает: «Итак, в 1950 году я стала студенткой института Востоковедения. Китайский факультет самый большой по количеству студентов. Обучение опять раздельное как в школе, 9 или 10 групп парней, 4 или 5 групп девушек. У парней есть военное дело, у нас его нет, я в группе № 11, большинство москвичек, иногородних – 4, в нашей группе одна китаянка русского происхождения – Маша Ванзичо из Белоруссии, Люся Мозгунова с Алтая... Годы учебы в институте стали для меня самыми счастливыми во всех отношениях во всей моей жизни. С огромным интересом познавала тайны китайского языка... В Востоковедении нас обучали очень молодые преподаватели, вероятно, вчерашние выпускники. Китайскому нас обучала Елена Николаевна Ильина, а английскому – Инна Ивановна Родионичева. Всему потоку грамматику читает Б.Г. Мудров» [4, с. 1]. Далее, Н.Ф. Иванова вспоминает: «Ежедневные многочасовые уроки и огромные домашние задания. Тебя спрашивают каждый день, каждый день ты должен отчитаться в освоенных знаниях. На первых двух курсах мы занимались по учебникам китайского и английского языков. Тогда не было столько разных пособий, разговорников, словарей, как сейчас. С третьего курса учебным материалом

стали газеты, по китайскому языку использовали "Женьминь жибао". На разговорную практику иногда приглашали китайцев, но очень редко. Так каллиграфию вел у нас китаец по фамилии Майский, но он вскоре умер. Поэтому основными нашими педагогами были советские китаеведы. Нашу группу обучали китайскому Ильина Елена Николаевна, Любимова Ирина Максимовна, Сипла Воруховна... По лестницам института бегало много студентов, обычных, а, может быть, и не совсем обычных. Имена некоторых стали потом всемирно известными – это Примаков, Рогачёв, Юлиан Семёнов, Крюков, Татьяна Топеха – известный японист, профессор. Среди студентов нельзя было не заметить шумного, бурного Володи Тандита. Он был из группы Игоря Рогачёва и, кажется, дружил с ним. На лекциях он иногда задавал такие вопросы: "Не всё ли равно рабочим, кто их эксплуатирует, капиталисты или коммунисты?" Этим он злил лекторов... Игоря Рогачёва мы знали не потому, что он талантливый студент, а потому что ему нравилась Рена Крещенко из нашей группы» [4, с. 2].

Таким образом, с 1950 по 1954 гг. А.Ф. Никитин учился на китайском отделении Московского Института востоковедения, первоначально совмещая учебу с работой преподавателя физкультуры в этом же институте. Но окончить Институт востоковедения он не успел, в 1954 году, в связи с реорганизацией института, был переведен в Московский институт международных отношений. В воспоминаниях однокурсницы А.Ф. Никитина – З.Д. Катковой, так описывается сложившаяся ситуация: «Во время летних каникул студенты узнали о расформировании ВУЗа, и предложении им поступить на первый курс другого вуза. Тогда студенты написали письмо в ЦК КПСС, с просьбой разрешить студентам выпускного курса доучиться по специальности. Через месяц сообщили, что всех перевели в МГИМО» [5, с. 167].

В воспоминаниях другой однокурсницы А.Ф. Никитина – Марии Топеха, говорится: «Наше общежитие находилось в Алексеевском студенческом городке, который находился напротив ВДНХ. Все шло хорошо в институте, мы уже прошли 4 курса. А в 1954 году, когда все студенты вернулись после каникул, нам было объявлено, что институт расформирован. Часть студентов была переведена в МИМО, часть в ИВЯ (институт восточных языков при МГУ на Моховой улице), а всем остальным было предложено поступать в любой институт на первый курс. Только студенты, прошедшие 4 курса, были

полностью переведены в МИМО на пятый курс» [12, с. 3]. В воспоминаниях Н.Ф. Ивановой отмечено следующее: «Прошло 4 года, ничто не предвещало беды и вдруг... Институт расформирован. Работает комиссия – кого куда направить. Мне предлагают продолжить учебу в Красноярском пединституте, кому-то советуют начать всё с 1-го курса. Наши взрослые студенты, т.е. участники войны, члены партии отправляются на прием к Ворошилову. Спасли 4-ый курс – нас всех переводят в МИМО... Это здание у Крымского моста... Стипендия снижена. Когда студенты просят сохранить прежнюю, им напоминают пушкинскую старуху /Много хотите! / Нам вводят много новых предметов: международное право, историю дипломатии, хотят ввести методику преподавания ин. яз, но все против этого» [4, с. 2].

Московский институт международных отношений А.Ф. Никитин закончил по специальности страновед по Китаю со знанием китайского и английского языков. Но после окончания института он был направлен на работу школьным учителем английского языка Узбекистан. Это была типичная ситуация для того времени. И.А. Рогачев вспоминал: «В сентябре 1954 года я начал учиться на 5 курсе в Московском институте международных отношений. Весной 1955 года мы должны были сдать экзамены и получить дипломы. В дипломах было написано, что мы являемся специалистами по проблемам восточных стран, специализация – Китай. Однако на наши головы свалились ещё неожиданные трудности – государство не предоставило распределения и трудоустройства. Исключением были только 2 участника войны и члены КПСС. В институте нам сказали: "Дорогие товарищи, ищите себе работу сами"! Я ещё помню, что, для того чтобы найти работу, я неустанно обращался в районные комитеты комсомола, но они только обещали обсудить это дело. На протяжении многих месяцев после окончания, будучи секретарем комитета комсомола, я был очень озабочен положением моих однокурсников. Я часто получал телефонные звонки с горечью и обидами. Раньше преподаватели говорили нам, что Никита Сергеевич Хрущев очень беспокоится о будущих специалистах - китаеведах, при этом признавал, что мы сможем найти работу на Дальнем Востоке, т.к. подписанные там советско-китайские соглашения требуют завершения. И мы тогда были оптимистами. Однако в 1955 году я узнал, что один наш соученик стал преподавателем физкультуры, один начал преподавать английский в средней школе, многие отправились в союзные республики... очевидно, что с

набором студентов тогда произошла ошибка. Хотя выпускников оказалось не 155, а 130, все равно не было возможности обеспечить каждого работой» [9]. З.Д. Каткова вспоминала: «нас ожидало малоприятное будущее, потому что было трудно с распределением. Объясняли это тем, что китайские товарищи уже хорошо владеют китайским языком и что наши специалисты не нужны. Тем, кто уже был семейный, выдавали просто свободные дипломы. А тех, кто был неженат или незамужем, отправляли на границу или в Среднюю Азию преподавать английский язык» [5, с. 168].

В июле 1955 г. А.Ф. Никитин окончил МГИМО, и с ноября 1955 г. приступил к работе в качестве учителя английского языка в средней школе №12 Андижанской области, затем он был переведен в школу № 16 этой же области [1, л. 4]. Н.Ф. Иванова вспоминает: «Направляют в г. Андижан Узбекской республики... В Андижан мы поехали с Люсей Акатовой, проведя несколько дней в Ташкенте. Но нас там не ждали... нас направили в кишлак Харабек/град/... Узбечата в кишлаке почти не знали русского языка, пришлось изучать узбекский. Пока ребяташки сопровождали меня от школы к кибитке, я выучивала у них несколько слов и предложений. Но мое узбековедение продолжалось только один месяц. Я уехала домой в Красноярск, где в это время как раз требовался переводчик в аэропорту» [4, с. 3]. А.Ф. Никитин проработал учителем английского языка в узбекской школе до сентября 1958 г., пока не освободилось место переводчика на советско-китайской границе.

В 1958 г. А.Ф. Никитин приехал в Читинскую область и стал работать переводчиком китайского языка на станции Отпор Забайкальской железной дороги. Представление об этом этапе жизни китаиста мы можем составить благодаря воспоминаниям его однокурсницы М. Топеха, сумевшей устроиться туда на работу сразу после окончания института. Она писала: «Я упорно искала, где требуются специалисты с китайским, и, когда мне сказали, что требуются 6 переводчиков на станцию Отпор, я стала оформляться туда. В конторе передачи – нашем месте работы – осуществлялось оформление товаров, идущих из Китая в Союз. Мы должны были переводить сопроводительные бумаги. Также мы должны были считывать названия городов на пломбах вагонов, откуда эти товары шли. Смена дежурного по станции, через которого осуществлялась отправка вагонов, тоже была нашим долгом. В мой первый приход на дежурство я только слушала диалог между

двумя дежурными на станции Отпор и станции Манчжурия, который сводился к следующему: «Кузина» – «Вэй», «Давай жезло!» – «Хао». Кузина – это по-китайски «гуй син», т.е. «Как фамилия?». Наш дежурный запрашивает жезл, который китайская сторона должна запустить и тем самым открыть путь нашему поезду. И наоборот, если требуется, наша сторона запускает жезл. Кроме того, меня обязали объявлять по радио на китайском языке о прибытии курьерских поездов из Москвы, о стоянке в течение 3-4 часов на границе, об отметке в конторе интуриста и других обязанностях пассажиров. Была и общественная работа – выпускали стенгазету, состояли в БСМ (бригада содействия милиции), у меня до сих пор хранится книжечка члена БСМ и даже Почетная грамота за участие в одном деле. В стенгазете почти половину статей писал мой будущий муж Владимир Топеха, а я рисовала и оформляла ее» [12, с. 3].

Работая на станции Отпор, А.Ф. Никитин впервые посетил Китай. На 1 мая 1959 г. в Китай ездил делегация передовиков производства Борзинского района, и молодой китаист был включен в нее в качестве переводчика. Тогда же, в 1959 г., он вступил в КПСС. В апреле 1960 г. А.Ф. Никитин перешел на должность переводчика в «Интурист».

Но вскоре в жизни А.Ф. Никитина произошли перемены. В письме на имя О.В. Стельмак А.Ф. Никитин писал о создании читинского китаеведения: «Известие о том, что в Читинском Обкоме партии озвучено решение о создании в ЧГПИ китайского отделения и начат подбор кандидатов для практического осуществления этой идеи мне довелось услышать впервые в парткоме станции Отпор в марте 1960 года. В это время мы с Александром Андреевичем Андреевым работали переводчиками на ст. Отпор, он – в таможене, я – в отделении «Интурист» и внештатным в Дипломатическом агентстве. Вскоре нас для беседы вызвали в Обком партии, а после беседы предложили перейти на работу в ЧГПИ в качестве старших преподавателей китайского языка» [9, с. 1].

В личном деле А.Ф.Никитина сохранилось «Заявление Директору Читинского педагогического института т. Королькову И.В. от Никитина А.Ф.», в котором говорилось: «Довожу до Вашего сведения, что с 15 сентября 1960 г. приступил к исполнению обязанностей в качестве преподавателя китайского языка во вверенном Вам институте. 15.IX.1960» [1, л. 1]. Сам А.Ф. Никитин

писал: «Первые месяцы работы на ФИЯ мы начинали в составе кафедры английского языка, а потом практическим шагом в создании групп будущего китайского отделения был отбор абитуриентов. Важной задачей отбора мы считали необходимость зачислить в группы с изучением китайского языка как можно больше юношей... К сожалению, в условиях Забайкалья эта задача оказалась малоперспективной. Попытка обращения в воинские части с просьбой помочь в направлении в качестве абитуриентов демобилизующихся юношей в целом не удалась. Наша просьба выполнялась, но уровень учебной подготовки демобилизующихся ребят был настолько низок, что из десятков можно было признать подходящими лишь 1-2 человек (из всего потока сдававших вступительные экзамены)» [9, с. 1].

А.Ф. Никитин описал в своих воспоминаниях «организационный план» будущей кафедры, включавший в себя следующие пункты: «1. Создать учебно-материальную базу для отделения китайского и английского языков. Для чего: – позаимствовать необходимую литературу различного профиля (учебную методическую, страноведческую, историческую и т.д.) из библиотек МГИМО и ИСАА при МГУ; – заполучить из Пекинского университета вспомогательные материалы и детскую литературу различной степени трудности (в десятках экземплярах), которые будут служить важным вспомогательным средством на начальном этапе обучения китайскому языку; приобрести звукозаписывающую и множительную технику: магнитофоны повышенной механической мощности, пишущие машинки, в том числе китайскую... 2. Предпринять меры для обеспечения китайского отделения преподавательскими кадрами. Для чего: – объявить конкурс на должности старших преподавателей и информировать о нем ВУЗы, в которых преподается китайский язык; – договориться с соответствующими службами, чтобы они отследили и сообщили об определенной категории эмигрантов из Китая (имеющих высшее образование. Умеющих говорить на русском языке и т.д.), которых можно было бы пригласить на преподавательскую работу в ЧГПИ; – с 1961-62 учебного года создать кафедру китайского языка на ФИЯ. 3. На первоначальном этапе определить основные требования и разработать учебные планы для I, II и III курсов отделения. Одновременно подготовить для этих курсов учебные планы, программы и методические пособия по китайскому языку. 4. Для осуществления вышеназванных задач в ближайшее время организовать

преподавателям кит. языка командировки в ВУЗы Москвы и в Пекинский университет» [9, с. 2].

Для достижения основных целей, поставленных в программе открытия в Чите китаеведения, А.Ф. Никитин получил командировку в Пекин. В конце 1960 г. А.Ф. Никитин вместе с А.А. Андреевым получили 50-дневную командировку в КНР в качестве иностранных стажеров Бэйда. Для того, чтобы получить разрешение, а выезд в КНР, А.Ф. Никитин собрал характеристики с мест прошлой и настоящей работы. В служебной характеристике на А.Ф. Никитина говорилось: «Работая переводчиком китайского языка в Агентстве ВНО «Интурист» на ст. Забайкальск т. Никитин показал себя с положительной стороны. Делу партии и Социалистической Родине предан, морально устойчив, идеологически выдержан. В работе первичной партийной организации принимал активное участие. Член бюро парторганизации ст. Забайкальск. Много работает над усовершенствованием языка, а также над повышением своего идейно политического уровня. Свои знания умеет и передает товарищам. В коллективе пользовался заслуженным авторитетом. В семье устойчив... Никитин А.Ф. работает в Читинском государственном педагогическом институте с 20 августа 1960 года на кафедре английского языка в качестве преподавателя китайского языка во вновь открытом при институте англо-китайском отделении... Никитин А.Ф. рекомендуется для посылки в Китайскую Народную республику в составе делегации. Данная характеристика обсуждена на заседании партийного бюро Чит. Государственного педагогического института протокол №17 от 23. IX-60 г.» [1, л. 21]. Следует отметить, что в документах представлена противоречивая информация о времени пребывания А.Ф. Никитина в КНР. В официальном документе, составленном в начале 1970-х гг. указано, что он был «в КНР в 1960, 1961 гг.» [1, л. 140]. В его личном деле сохранились две характеристики, с рекомендацией разрешить командировку в Китай, подписанные в ноябре 1960 г. и в апреле 1961 г.

Командировка в Пекин была плодотворной. А.Ф. Никитин вспоминал: «мы посещали занятия лучших китайских преподавателей, изучали методы обучения кит. языку иностранных студентов различного уровня подготовленности, а также обучении с различной целевой установкой. Одновременно сами учились, совершенствуя знания кит. языка. На выделенные

нам небольшие средства закупают нужные нам детские книжонки, рыская по городу и разыскивая их на пыльных полках книжных магазинов. В день завершения стажировки нас ждал приятный сюрприз. Руководство университета сообщило, что дарит Читинскому пединституту для китайского отделения большую пишущую машинку, которая будет отправлена адресату самолетом... После возвращения из Пекина, мы подготовили от имени ректора ЧГПИ благодарственное письмо руководству Пекинского университета, отправленное адресату вместе с довольно емким ящиком, в котором находился высококлассный магнитофон новейшей модели» [9, с. 3].

Следующей по плану создания китайской кафедры была поездка в столичные институты. А.Ф. Никитин писал: «В июне 1961 года по указанию Обкома партии я был командирован в Москву с целью отбора необходимой литературы и учебных материалов в библиотеках упоминавшихся Вузов. В отделе ЦК КПСС мне передали письмо, в котором рекомендовалось ректорам соответствующих ВУЗов оказать представителю ЧГПИ должное внимание и помощь в выполнении возложенной на него миссии. Естественно, что тем самым моя миссия была предельно облегчена и обречена на успех. Главным источником послужила библиотека МГИМО, частично библиотека ИСАА. Все отобранное было погружено в контейнер и отправлено в адрес ЧГПИ» [9, с. 3].

Ближайшими помощниками А.Ф. Никитина в деле создания кафедры китаеведения была приехавшая из Шанхая семейная пара китаистов Тан. В истории университета отмечено: «С 1961 года на кафедре китайского языка работали В.А. Тын и К.В. тын, вклад которых в преподавание китайского языка в нашем институте трудно переоценить. Будучи носителями языка, супруги Тын преподавали практически все аспекты языка и, кроме того, вели преподавание теоретических дисциплин» [2, с. 73]. Вскоре помощниками А.Ф. Никитина стали его ученики: «Во второй половине 60-х годов коллектив кафедры пополнился молодыми специалистами – выпускниками китайско-английского отделения ЧГПИ. Среди них были Н.П. Григорьева. В.К. Потаенко, С.Г. Лескова и другие» [2, с. 73].

Создание полноценного китаеведения в институте нуждалось в «административном ресурсе». В приказе по ЧГПИ от 12 декабря 1960 г. говорилось: «Никитина А.Ф., ст. преподавателя кафедры английского языка с 12.XII-1960 года назначить зам. декана факультета иностранных языков без

дополнительной оплаты» [1, л. 8]. С 1 января 1961 г. китаиста назначили исполнять должности декана факультета иностранных языков. Приказом по Главному управлению высших и средних учебных педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР от 15 февраля 1961 г. А.Ф. Никитин был назначен и.о. декана факультета иностранных языков.

Все годы А.Ф. Никитин был членом партбюро факультета иностранных языков, а в 1963-64 учебном году даже возглавлял организацию (был секретарем партбюро). В характеристике, подписанной ректором, секретарем партбюро и председателем месткома университета, и согласованной с Обкомом, Горкомом и Райкомом КПСС, было написано: «За время работы в институте т. НИКИТИН А.Ф. показал себя как знающий свой предмет преподаватель, много уделяющий времени воспитанию студентов, инициативный, морально устойчив, идеологически выдержан. В коллективе института пользуется авторитетом. В 1960-61 учебном году т. НИКИТИН А.Ф. был в составе партийного бюро, а в настоящее время член партийного бюро факультетской партийной организации» [1, л. 22]. Позднее А.Ф. Никитин был членом парткома и членом Бюро Центрального райкома КПСС г. Читы, избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

Создание кафедры вскоре потребовало все время молодого китаиста, и 25 августа А.Ф. Никитин написал заявление ректору: «В связи с тем, что мне необходимо беспрепятственно и немедленно начать заниматься делами кафедры китайского языка в качестве заведующей кафедрой, прошу освободить меня от занимаемой должности декана факультета иностранных языков» [1, л. 10]. На следующий день просьба была уважена. Работа по созданию кафедры вступила в завершающий этап. Приказом по Главному управлению высших и средних учебных педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР от 15 января 1962 г. А.Ф. Никитин был назначен заведующим кафедрой китайского языка Читинского пединститута, как избранного по конкурсу.

Для полноценной работы в ВУЗе китаисту А.Ф. Никитину нужна была ученая степень. И уже летом 1964 г. он собрал документы на поступление в аспирантуру. В сохранившейся в личном деле характеристике, было, в частности, написано: «Никитин А.Ф. ведет плодотворную научно-методическую работу. Он является автором учебника китайского языка для

студентов 1 курса и учебных материалов для студентов II и III курсов, разработал курс методики преподавания китайского языка в средней школе, разработал на русском языке курс истории и культуры Китая. Тов. Никитин А.Ф. проявляет большой интерес к истории проникновения иностранного капитала в Восточную Сибирь, занимается глубоким исследованием этого вопроса и достиг в этом определенных результатов. Материалы исследования по теме «Иностранные концессии в СССР» обсуждались и были одобрены на кафедре истории Читинского пединститута. Никитин А.Ф. принимал активное участие в работе философского семинара на историко-филологическом факультете, выступал с докладом по теме исследования» [1, л. 39].

С 15 октября 1964 г. А.Ф. Никитин был зачислен в очную аспирантуру Иркутского государственного университета по специальности «история СССР» [1, л. 36]. В 1966 г. он опубликован две научные статьи, в читинском сборнике «Общественные и исторические науки» и в Иркутском сборнике «Вопросы истории и методологии преподавания истории в школе». Уже 30 декабря 1966 г. А.Ф. Никитин закончил аспирантуру и предоставил к защите кандидатскую диссертацию «Роль советской концессионной политики в осуществлении ленинского принципа мирного сосуществования 1920-1925 гг.». 2 января 1967 г., как окончивший аспирантуру, он вновь вернулся к работе в Читинском пединституте на работу 21 апреля 1967 г. Диссоветом при Иркутском госуниверситете А.Ф. Никитину была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

Став кандидатом наук, читинский китаист планировал продолжить научную работу, и уже в декабре 1967 г. декан факультета А.Ф. Никитин выехал в научную командировку в Москву, «для работы в библиотеках и архивах столицы по теме научных исследований» [1, л. 8]. Однако посвятить себя научной работе он так и не смог. Почти сразу по возвращении из научной командировки, 4 января 1968 г., А.Ф. Никитин был назначен проректором Читинского пединститута по учебной работе. И уже в начале марта 1968 г. А.Ф. Никитин в Москве был назначен исполняющим обязанности ректора ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского. А.Ф. Никитин принимал участие во многих всесоюзных научно-методических и общественно-политических мероприятиях: в заседании коллегии Министерства просвещения СССР по вопросу изучения китайского

языка в школах; в работе пленума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и т.д.

В марте 1973 г. А.Ф. Никитин выехал на совещание в Министерство просвещения РСФСР, назначив исполняющим обязанности ректора пединститута проректора по учебной работе Э.П. Тюкавкину. В ноябре 1973 г. ректор ЧГПИ А.Ф. Никитин подписал приказ, в котором говорилось: «Освободить тов. Никитина Александра Федоровича от обязанностей ректора Читинского государственного педагогического института, согласно его заявления» [1, л. 155].

Последний период работы А.Ф. Никитина в имеющихся материалах представлен противоречиво. С 7 декабря 1973 г. А.Ф. Никитин временно перешел на должность доцента кафедры китайского языка. В книге по истории Читинского педуниверситета говорится: «С декабря 1973 года по сентябрь 1974 года А.Ф. Никитин плодотворно работал в должности доцента кафедры китайского языка. Он, в частности, является автором учебника китайского языка для 1 курса, учебных материалов для 2 и 3 курсов, им разработаны курсы методики преподавания китайского языка в средней школе, курс истории и культуры Китая» [2, с. 73]. Но в архиве имеется и подписанное заявление А.Ф. Никитина на имя и.о. ректора Э.П. Тюкавкиной: «Прошу освободить меня от занимаемой должности доцента кафедры китайского языка с 9 января 1974 года в связи с переходом на другое место работы» [1, л. 156].

В 1974 г. А.Ф. Никитин покинул созданную им кафедру и уехал из Читы. Показательно, за свои труды и достижения за все годы работы в Чите, А.Ф. Никитин не был удостоен ни каких наград. В выданной летом 1973 г. характеристике говорилось: «А.Ф. Никитин морально устойчив, в быту скромн, требователен к себе и подчиненным. Однако т. Никитин А.Ф. допускал серьезные ошибки в работе с кадрами, за что имеет партийное взыскание – строгий выговор, объявленный Читинским горкомом КПСС» [1, л. 139]. Строгий выговор, без занесения в учетную карточку, был наложен Бюро Читинским ГК КПСС в октябре 1972 г. «за допущенные недостатки в работе с кадрами». Что за «недостатки в работе с кадрами» выявили партийные органы у «морально устойчивого» и «требовательного к себе и подчиненным» китаиста выяснить нам не удалось. А.Ф. Никитина покинул Читинский пединститут,

которому отдал почти полтора десятка лет, и где смог создать первую в истории Сибири китаеведческую кафедру.

Дальнейшая биография создателя читинского китаеведения не менее интересна. С 1974 г. А.Ф. Никитин стал работать старшим научным сотрудником, а затем зав. сектором китаеведения в г. Фрунзе. В 1978 г. А.Ф. Никитин перешел на работу в МИД. Сначала он работал в советском посольстве в Улан-Баторе, занимая поочередно должности 2-го и 1-го секретаря, советника посольства. В 1986 г. А.Ф. Никитин вернулся в Москву, занимал должности советника, эксперта, зав. отделом повышения квалификации дипломатических сотрудников центрального аппарата МИД. В 1989 г. китаист выехал на работу КНР, став заместителем генерального консула СССР в Шанхае. Получил в 1990 г. ранг Чрезвычайного и полномочного посланника, А.Ф. Никитин был назначен генеральным консулом в Шэньян. С 1994 г. создатель первой в Сибири кафедры китайского языка перешел работать в центральный аппарат МИД РФ.

Таким образом, в биографии А.Ф. Никитина нашла отражения целая эпоха развития российского китаеведения в СССР послевоенного периода. Опыт этого китаиста имеет огромную ценность, а его труды в деле организации китаеведческого образования в Сибири до сих пор по достоинству не оценены.

Библиографический список:

1. Архив Забайкальского государственного университета. Личное дело А.Ф. Никитина.
2. Забайкальский государственный педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. История и современность. К 60-летнему юбилею вуза. 1938-1998. – Чита, 1998.
3. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. История и современность: 1938-2008. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 254 с.
4. Иванова, Н.Ф. «Он единственный в Союзе...» Рукопись. – Красноярск, 2010. // Личный архив В.Г. Дацышена.
5. Каткова, З. Д. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX-XXI вв. / под ред. В.Ц.

Головачёва. Том. 1. – М.: Институт востоковедения РАН, ООО Крафт+, 2014. – 496 с.

6. Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование. В двух частях. Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: «Наука», 2011. – 590 с.

7. Мясников, В. С. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX-XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачёва. Том. 1. – М.: Институт востоковедения РАН, ООО Крафт+, 2014. – 496 с.

8. Никитин, А.Ф. Современная концессионная политика и нормализация отношений с Японией (1920-1925 гг.) // Вопросы истории и методологии преподавания истории в школе. – Иркутск, 1966.

9. Письмо А.Ф. Никитина на имя О.В. Стельмак // Личный архив О.В. Стельмак.

10. Рогачев, И.А. Мои университеты – извилистый путь дипломатии. Рукопись // Личный архив Н.Ф. Ивановой.

11. Стельмак, О.В. Никитин Александр Федорович. // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование. В двух частях. Часть 2. Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: «Наука», 2011.

12. Топеха, М. «Путь девчонки с прииска до МГИМО-Университет». Рукопись // Личный архив Н.Ф. Ивановой.

2. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ СТРАН АТР

Н.Л. Адилханян (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В СОЗНАНИИ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ НА МАТЕРИАЛЕ «КАТАЛОГА ЗАМОРЬЯ» ТРАКТАТА «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН»

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение этнолингвокультурных аспектов реализации оппозиции «свой-чужой» в

«Каталоге Заморья» трактата «Шань хай цзин» через анализ мифов, связанных с обозначенными мифическими существами.

Ключевые слова: миф; лингвокультурология; оппозиция «свой-чужой»; «Шань хай цзин»; «Каталог Заморья».

N. Adilkhanian (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

**IMAGE "FOE" IN THE MINDS OF THE ANCIENT CHINESE BASED
ON "THE CATALOG HAI WAI JING" OF THE TRACTATE
"SHAN HAI JING"**

Abstract. *The purpose of this article is to consider some aspects of the opposition «friend or foe» in the mind of the ancient Chinese through the analysis of «The catalog Hai wai jing» of the tractate «Shan hai jing».*

Key words: *myth; cultural linguistic; opposition «friend or foe»; «Shan hai jing»; «Hai wai jing».*

Современные лингвистические исследования сосредоточены на взаимосвязи человека и языка, и, как следствие, на взаимодействии языка и культуры. Предметом лингвокультурологических исследований являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях» [3, с.32].

Предметом данного исследования являются факты формирования оппозиции «свой – чужой» в сознании древних китайцев, нашедшие отражение в «Каталоге Заморья» древнекитайского литературного памятника «Шань хай цзин».

Современный Китай условно можно разделить на 2 части: то, что собственно и является местами, где зародилась и развилась китайская классическая цивилизация и то, что самими китайцами воспринималось «варварскими землями». Именно последние считались местами, от которых следовало ждать постоянных угроз и бедствий. Свое государство древние китайцы именовали «Хуася» 华夏 *Huáxià*, где знак «华» означает «цветущий, покрытый цветами; покрытый орнаментом; роскошный, великолепный», а знак

«夏» – «ист. название династии, государства»; второе самоназвание – «Чжунго» 中国Zhōngguó, где знак «中» означает «центр, середина», знак «国» – «страна; государство; край; место; земля»; в топониме «Тянься» 天下Tiānxià – знак «天» – «небо; божество (первоначально: обожествлённый предок); незыблемое начало; верховная власть», а знак «下» – «внизу; ниже; под». Все вышеперечисленные самоназвания древних китайцев восходят к представлению о центральном положении китайцев в мире и том, что только на «Срединные земли, Поднебесную» распространяется воля благого Неба, варвары четырех сторон света же этого влияния лишены.

Китайское общество ещё на начальных этапах своего развития жестко и четко проводило разграничение между «своим» миром и миром «чужаков», «варваров». Существенные различия в восприятии себя в окружающем пространстве (само географическое расположение: моря на востоке и юге, горы на западе, пустыни, степи на севере, а в центре – Древний Китай) несхожесть в обычаях, укладе жизни отгораживало древних китайцев от остального мира [5, с. 17].

Исследование древнекитайского общества, его этносознания не может обойти такой феномен культуры как миф. Французский социолог Эмиль Дюркгейм разработал концепцию, в которой коллективные представления отличаются от индивидуальных. Вследствие чего, процессы изучения этносознания группы и личности не одинаковы, и первое изучается не только по результатам массовых опросов, но и по вторичным источникам (произведения художественной литературы, мифы, легенды и т.д.). Групповые представления более устойчивы; передаваясь из поколения в поколение, они сохранили свойство нормативного воздействия на людей [4, с. 6-74].

Древнейшее из сохранившихся китайских произведений по мифологии (IV-I вв. до н.э.) – это «Шань хай цзин» (山海经 – «Каталог гор и морей»). Архитектоника трактата «Шань хай цзин» представляет собой свод сочинений, которые делятся на две части: «Шань цзин» («山经» – «Каталог гор») и «Хай цзин» («海经» – «Каталог морей»).

«Шань цзин» («山经») организован по соотнесенности описываемого пространства с 5 направлениями – север, юг, запад, восток, центр, что в полной мере отражает воззрение древних китайцев на себя в этом мире. «Шань

цзин» («山经» – «Каталог гор») состоит из «Нань шань цзин» («南山经» – «Каталог Южных гор»), «Си шань цзин» («西山经» – «Каталог Западных гор»), «Бэй шань цзин» («北山经» – «Каталог Северных гор»), «Дун шань цзин» («东山经» – «Каталог Восточных гор»), «Чжун шань цзин» («中山经» – «Каталог Центральных гор»), при этом каждый цзюань («卷» – свиток) состоит из нескольких книг, количество которых неравномерно.

Вторая часть состоит из оставшихся 13 цзюань, где характеризуются народы и земли. Содержание «Хай цзин» («海经») соотносится с пространством, разделённым по сторонам света – север, юг, запад, восток, делится на 4 части соответственно: «Хай вай цзин» («海外经» – «Каталог Заморья») (VI– IX цзюань), «Хай нэй у цзин» («海内五经» – «Каталоги Земель внутри морей») (X–XIII цзюань), «Да хуан сы цзин» («大荒四经» – «Каталог Великих пустошей») (XIV–XVII цзюань) и последняя часть представляет собой «Хай нэй у цзин» («海内五经» – «Каталог Земель внутри морей») (XVIII цзюань). Вторая часть по своему содержанию воплощает синоцентрическую концепцию, которая ярко иллюстрирует образ «чужого» в сознании древних китайцев [1, с. 27].

Содержание «Каталога Заморья» («Хай вай цзин» – «海外经», VI– IX цзюань), также, как и содержание «Хай цзин» («海经») имеет деление на 4 стороны света (юг, запад, север, восток), отсутствует «центр, чжун, 中», что уже нарушает традиционную древнекитайскую структуру мироздания: одна из основных категорий китайской философии – это пятичленная структура «у син», 五行 (wǔxíng), определяющая основные параметры миропорядка.

Каталог состоит из 4 цзюань, в которых даётся описание царств и людей, населяющих эти царства. На примере топонимов можно проследить характерные черты, которые присутствуют в образе «чужого» в этносознании древних китайцев. Названия царств отражают особенности во внешнем облике людей, живущих в них. Обратимся непосредственно к примерам:

- «Хай вай нань цзин» («海外南经» – «Каталог Заморья Юга», VI цзюань):

- 厌火国 yàn huǒ guó – *царство Огнедышащих: люди этого царства со звериными тела черного цвета, и они огнедышащие;*

- 三首国 sānshǒuguó – царство Трехголовых: люди этого царства имеют три головы на одном теле;
- 长臂国 chángbìguó – царство Длинноруких: ловят рыбу руками в море.
- «Хай вай си цзин» («海外西经» – «Каталог Заморья Запада», VII цзюань):
  - 三身国 sānshēn – царство Трехтуловищных: люди имеют три туловища и одну голову;
  - 臂国 yī bìguó – царство Одноруких: люди имеют по одной руке, одному глазу и одной ноздре;
  - 白民国 báimínguó – царство Белых людей: у людей белое тело, покрытое волосами;
  - 长股国 chánggǔguó – царство Длинноногих, другое название – Длинные ступни: у людей взъерошенные волосы.
  - Хай вай бэй цзин («海外北经» – «Каталог Заморья Севера», VIII цзюань)
  - 一目国 yī mùguó – царство Одноглазых: посреди лица – один глаз; другие говорят, что есть руки и ноги;
  - 柔利国 róulìguó – царство Жоули [Мягкотелых]: у людей одна рука, одна нога, вывернута коленка, ступня наверх;
  - 深目国 shēnmùguó – царство Глубокоглазых: у людей по одной руке, поднятой вверх, по одному глазу;
  - 无肠之国 wúcháng zhī guó – царство Безутробных: люди очень высокие, не имеют внутренностей[кишок].
- «Хай вай дун цзин» («海外东经» – «Каталог Заморья Востока», IX цзюань)
  - 大人国 dàrén guó – царство Великанов: живут большие люди, сидят и вырезают лодки;
  - 黑齿国 hēichǐguó – царство Чернозубых: люди там черные, едят необрушенный рис и змей; красная змея и зеленая змея с ними всегда; кто-то говорит, что у людей черные головы, едят необрушенный рис, приручают змей, змеи красные;
  - 手民之国 shǒumín zhī guó – царство Волосатых: на теле есть длинная шерсть;

- 玄股之國 *xiángǔguó* – царство Черноногих: люди одевают на себя рыбью кожу, едят чаек, две птицы им служат.

Приведенные примеры ярко иллюстрируют, что древние китайцы наделяли «чужих» свойствами, которые резко противопоставляли их самим китайцам:

- цвет кожи (белый, черный);
- цвет зубов (черный);
- отсутствие или избыток частей тела (одно тело, но три головы; одна голова, но три тела; одна рука, одна нога, один глаз; нет внутренностей);
- обилие волос на теле;
- высокий рост;
- непропорционально длинные руки и ноги;
- нечеловеческие способности (извергать огонь);
- странности в поведении и привычках («носят рыбью шкуру», «им служат змеи»).

«Неправильный», а чаще отталкивающий и вызывающий страх, внешний вид, манеры и обычаи, которыми в трактате наделены люди, живущие в царствах за пределами Поднебесной, формировали негативное восприятие «чужих», а также подчеркивали «правильность», «исключительность», «уникальность» самих китайцев. Это же подтверждается и в других древнекитайских источниках (напр., в трактате «Записки о правилах благопристойности» или «Книга ритуалов» Ли цзи 礼记 *lǐjì*) повествующих не о «мифических», а о реально существовавших соседних племенах, которые также описываются как «неблагопристойные»: «разрисовывают тело; ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры; одеваются в перья, живут в землянках» [7, с. 114].

Исследование показало, что, начиная с древнейших этапов развития общества, в этнос знании китайцев выстраивалась жесткая оппозиция «свой – чужой», что нашло отражение в древнекитайских литературных памятниках, носящих яркие свидетельства данного явления. Знание и понимание истоков этой особенности в сознании и национальном характере этноса, помогает в процессе общения и налаживании контактов с его представителями.

Библиографический список:

1. Адилханян, Н. Л. Китайский бестиарий и его социоэмблематические проявления [Текст]: дис. ... магистра: 2015 / Н. Л. Адилханян. – Иркутск, 2015. – 79 с.
2. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы [Текст] / В.В. Воробьев. – М., 1997. – С. 32.
4. Дюркгейм, Э., Мосс, М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений [Текст] / Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1996. – С.6-74.
5. Елисеєфф, В., Елисеєфф, Д. Цивілізація класического Китаю [Текст] / В. Елисеєфф, Д. Елисеєфф; пер. с франц. Д. Лоевского. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с.: ил. («Великие цивилизации») – Перевод изд.: *La civilization de la Chine classiques / Vadime et Danielle Elisseeff. Paris, 1987.*
6. Крюков, М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза [Текст] / М. В. Крюков // Расы и народы: Современ. этн. и расовые проблемы: Ежегодник акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Вып. 6. – 1976. – С.42-64.
7. Крюков, М. В. Древние китайцы: проблемы этногенеза [Текст] / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. – М.: 1978. – 344 с.
8. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого [Текст] / В. Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2000. – 464 с.
9. Уильямс, Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы [Текст] / Пер. с англ. С. Фёдорова. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 478 с.
10. 新华大字典 [Текст] // «新华大字典» 编委会编. – 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004. – 1735页.
11. 山海经诗经 [Текст] – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2007 – 630页.
12. 中国神话传说词典 [Текст] – 上海: 上海辞书出版社, 1985 – 457页.

В.В. Ананьев (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО «МГЛУ»

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ КОЛЛЕКТИВИЗМА- ИНДИВИДУАЛИЗМА ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процессов изменения такого измерения культуры как коллективизм-индивидуализм, наблюдаемых в японском обществе, а также обуславливающих их факторов. С этой целью предлагается использовать выделяемые Г. Хофстеде культурные практики. Устанавливается наличие тенденции к усилению индивидуализма, проявляющейся через изменение ритуалов в демографической и экономической сферах, состава референтных групп, семантики и прагматики определенных лексем; в качестве факторов выделяются демографические и экономические, влияние системы образования, а также проникновение западных ценностей

Ключевые слова: коллективизм; индивидуализм; измерения культуры; Япония.

V. Anan'ev (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

TENDENCIES AND FACTORS OF THE COLLECTIVISM- INDIVIDUALISM DINAMICS OF THE JAPANESE SOCIETY

Abstract. The article aims at a study of changes in such culture dimension as collectivism-individualism which can be observed in the Japanese society as well as of the factors causing them. In order to do that it suggests using cultural practices described by G. Hofstede. The article establishes existence of the individualism strengthening tendency, which reveals itself through changes of rituals in demography and economy spheres, referential groups composition, semantics and pragmatics of certain lexemes; demographic and economic phenomena, influence of the education system and penetration of western values are considered to be the factors causing the changes.

Key words: collectivism; individualism; culture dimension; Japan.

Такой параметр культуры Японии как «коллективизм-индивидуализм», определяющий многие особенности поведения японцев в различных ситуациях, в настоящее время претерпевает значительные изменения.

«Коллективизм-индивидуализм» представляет собой одно из измерений культуры (culture dimensions), предложенных Г. Хофстеде [2] в качестве инструмента для описания и объяснения культурных различий. Система активно используется как в академической среде, так и практиками, что свидетельствует о высокой степени ее достоверности. Вместе с тем представляется, что показатели, приводимые Г. Хофстеде по измерениям для разных культур, являются величинами непостоянными, динамичными, в частности, изменяется степень и характер коллективизма японцев.

Актуальность изучения данного вопроса определяется необходимостью наличия и совершенствования инструментария для организации межкультурной коммуникации.

В качестве задач статьи ставятся следующие пункты: определить основные проявления динамики коллективизма; выявить факторы, обуславливающие происходящие изменения.

Определение культуры Г. Хофстеде основано на техногенной метафоре: культура – это «коллективное ментальное программное обеспечение, отличающее членов одной группы или категории людей от другой» [3, р. 5]. Эксплицировав значение данной метафоры на основе пояснений самого Г. Хофстеде [Ibidem, р. 4], мы получим следующую формулировку: культура представляет собой совокупность ценностей, представлений, ментальных установок и алгоритмов, формирующихся под влиянием социальной среды, а также личного опыта индивида, и определяющих его поведение в той или иной ситуации.

Г. Хофстеде предложил использовать для описания культурного своеобразия измерения культуры. Основанием такого подхода послужили материалы исследования отличий корпоративной культуры подразделений транснациональной корпорации (IBM).

Одно из этих измерений, коллективизм-индивидуализм, подразумевает степень, с которой члены общества склонны образовывать группы. Коллективизм характерен для обществ, где люди с рождения включены в сильные, сплоченные группы, которые продолжают защищать своих членов на

протяжении всей их жизни в обмен на верность. В таких социумах общественные цели и благосостояние ставятся выше личных. Культуры, для которых свойственен индивидуализм, придают большее значение достижению личных целей. Связи между индивидами в них слабы, и каждый должен сам заботиться о себе и ближайших членах семьи [Ibidem, p. 51].

Различия между культурами могут проявляться через различные феномены, которые Г. Хофстеде делит на следующие категории: символы, герои, ритуалы и ценности. Понятия символы, герои и ритуалы объединяются термином «практики», последние являются поверхностными проявлениями культуры, а ценности – глубинными.

Символы представляют собой слова, жесты, изображения и прочие объекты, обладающие некоторым значением, понятным только носителю культуры. При этом постоянно появляются новые символы, а старые выходят из употребления. Символы, принадлежащие одной культурной группе, часто заимствуются другими, именно поэтому символы рассматриваются как поверхностные проявления культуры [3, p. 7].

К героям относятся люди, живые или мертвые, реальные или выдуманные, которые обладают характеристиками, высоко ценящимися в данной культуре, и которые, таким образом, служат образцом поведения [Ibidem, p. 8].

Под ритуалами понимаются коллективные виды деятельности, технически избыточные с точки зрения достижения желаемых целей, но рассматриваемые в рамках данной культуры как социально необходимые и, в связи с этим, выполняемые ради самих себя. К ним относятся способы приветствия и проявления уважения по отношению к другим, социальные и религиозные церемонии [Ibidem].

Ядро культуры, согласно Г. Хофстеде, составляют ценности, которые он определяет, как «предпочтения одних состояний дел другим» [Ibidem]. Ценности усваиваются в раннем возрасте, неосознанно, и к десяти годам ребенок уже обладает сформированной системой основных ценностей, плохо поддающейся изменениям после этого возраста. При этом, будучи усвоенными на ранних этапах развития личности, многие ценности не осознаются их обладателем и, в результате, не могут ни обсуждаться с ним, ни наблюдаться непосредственно. – возможно лишь выявление их через практики.

Практики доступны для восприятия сторонним наблюдателем, хотя их культурное значение лишь может выводиться из интерпретаций этих феноменов носителями культуры. В силу своей значимости они могут быть использованы для косвенной оценки тех или иных измерений культуры. Это обуславливает их ценность с теоретической и прикладной точек зрения: несмотря на то, что одним из плюсов теории Г. Хофстеде является представление параметров культуры в наиболее формальном, цифровом виде, проведение повторной оценки тем же способом, во-первых, сложно, т. к. для исключения посторонних требует участия в исследовании того же контингента опрашиваемых, во-вторых, в случае Японии вызывает сомнения в степени адекватности оценки. Проблема заключается в том, что в ходе исследования Г. Хофстеде опрашивались служащие крупной компании, при этом получается, что объектом анализа становится лишь часть социальных слоев. К тому же, конкретно в случае Японии служащие крупных компаний при поступлении на работу проходят специальное обучение, в рамках которого им прививаются или дополнительно развиваются ценности, полезные с точки зрения управления компанией [1].

Таким образом, наличие и направление изменений в измерениях культуры можно определить на основе оценки практик: ритуалов, героев и символов или, другими словами, технически избыточных, но социально необходимых коллективных видов деятельности, персоналий, воспринимаемых в качестве моделей для подражания, и элементов семиотических систем.

В настоящее время изменения в степени коллективизма японцев проявляются следующим образом.

На уровне *ритуалов* наблюдаются такие тенденции, как: рост числа нуклеарных семей, низкий уровень рождаемости, уменьшение числа браков вследствие желания сохранять личную свободу или делать карьеру. Начиная с 1970-ых гг., уменьшается число браков, при этом опросы отмечают изменение отношения японцев к институту брака: если еще в 1960-ые гг. женитьба / замужество считались практически обязательными (или, по крайней мере, желательными) для всех, а холостяки воспринимались как люди странные, то с 1980-ых вступление в брак перестало рассматриваться как обязательный шаг. К тому же, экономические причины отказа от бракосочетания уступили первое

место желанию сохранять личную свободу или делать карьеру (последнее характерно для женщин) [7; 9, р. 3]. Это – явное усиление индивидуализма.

Важную роль играют феномены экономического характера, которые, с одной стороны, отражают культурные изменения, с другой – их обуславливают или усиливают. К ним следует отнести такие явления, как: изменение системы найма, нестабильность компаний, отказ работоспособных членов общества вступать в общепринятые экономические отношения.

Так, если раньше на японских предприятиях господствовала система пожизненного найма и продвижения по карьерной лестнице на основе стажа (яп. 年功序列 *нэнко: дзёрэцу*), то после краха экономики «мыльного пузыря», в ходе усиливающейся интернационализации компаний все шире применяется принцип учета персональных заслуг.

От 2 до 5% трудоспособных жителей Японии относятся к разряду так называемых фритеров (от англ. freeter) – людей, не имеющих постоянного трудоустройства и обеспечивающих жизнь случайными заработками. Часть фритеров ведет такой образ жизни вынужденно, но от 30 до 60% (по разным исследованиям) избрали его осознанно, поскольку основной их целью является творческая деятельность, либо они просто не хотят следовать традиционным моделям экономического поведения [6].

На уровне *героев*, сложно выделить какие-либо конкретные персоналии, которые явно выступали бы в качестве моделей для подражания. Однако вместе с тем, учитывая роль средств массовой информации в формировании предпочтений членов современного общества, следует обратить внимание на наиболее популярные среди них – телевидение и интернет. Телевидение ежедневно смотрит 84% японцев (причем с учетом просмотра передач, записываемых на какой-либо носитель и просматриваемых в удобное для зрителя время, этот показатель будет еще выше) [10, р. 28]. Интернетом пользуется больше половины опрошенных, из них каждый день – 38% [10, р. 28]. После новостей наибольшую аудиторию собирают телесериалы (50%), развлекательные шоу (41%) и спортивные программы (36%) [Ibidem]. Таким образом, личностями, которых постоянно наблюдают и с которыми – вольно или невольно – сравнивают себя японцы, становятся люди более или менее творческих профессий, где успех невозможен без утверждения своей индивидуальности.

Также следует отметить рост популярности сети Интернет: за пять лет к 2015 году количество пользующихся ею увеличилось на 11% при одновременном снижении интереса к другим СМИ [Ibidem]. Отличительная особенность этого источника информации заключается в свободе выбора объекта, объема, времени, а с развитием мобильных средств связи – и места восприятия, что не может не усиливать индивидуалистские тенденции.

На уровне *символов* или элементов семиотических систем обозначенные выше тенденции отражаются в виде их названий, а также в семантике часто употребляемых выражений. Так, в частности, слово фритер (яп. フリーター *фури: та:*) подразумевает некую свободу, это значение воспринимается и носителями японского языка. Показательным примером представляется слово 拘り *кодавари* «привязанность, предпочтение». В буддийском контексте оно несло негативную оценку, т.к. привязанность к бренным вещам не давала человеку достичь просветления. В настоящее же время оно используется в коммерции для апелляции к индивидуальным предпочтениям потребителя или для их создания, когда реклама говорит потенциальному клиенту: «купи, это нужно, чтобы подчеркнуть твою индивидуальность».

Таким образом, в современной японской культуре происходит заметное усиление индивидуалистских тенденций. Что же лежит в основе этих процессов?

В качестве причин наблюдаемых тенденций можно выделить факторы внутренние и внешние. В число первых входят демографические и экономические факторы, а также влияние системы образования. К внешним следует отнести активные международные контакты и проникновение западных ценностей.

Так, одной из существенных причин усиления индивидуалистских тенденций следует признать перемены в области демографии: в Японии неуклонно растет число нуклеарных семей, рождаемость находится на весьма низком уровне [3, p. 50; 5]. В результате уменьшения состава семьи, в частности, количества детей, ребенок чаще думает о себе в единственном числе; при этом ему уделяется больше внимания, времени родителей, больше материальных ресурсов. Таким образом, закрепляется модель индивидуалистского «я» в противовес коллективистскому «мы».

К основным экономическим факторам следует отнести постепенный отказ от системы пожизненного найма и продвижения по карьерной лестнице в зависимости от стажа, снижение стабильности в сфере трудоустройства и вытекающую из него большую мобильность трудовых ресурсов, а также переориентацию экономики с материального производства на предоставление услуг.

Отказ от систем пожизненного найма и *нэнкодзё: рэцу*, являясь, с одной стороны, проявлением культурных изменений, с другой стороны, их усиливают, стимулируя индивидуалистские стремления работников.

К подобному результату приводит и снижение стабильности в сфере трудоустройства. Юность поколения родившихся с 1970 г. по начало 1980-ых гг. пришлась на период затяжного кризиса. В результате многие японцы не смогли найти стабильную работу и либо трудятся в рекрутинговых агентствах, командирующих персонал в компании, в определенные моменты, нуждающиеся в нем, по принципу аутсорсинга, либо вообще не участвуют в регулярных экономических отношениях [8].

Параллельно с этим увеличивается доля сферы услуг в структуре экономики: на 2005 г. она составляла 66,3% [7]. В сфере услуг велико число малых и средних предприятий, в том числе индивидуальных предпринимателей. Это означает, что все больше японцев имеют возможность – либо вынуждены – во-первых, выбирать место работы, во-вторых, работать не исполнителями, а самостоятельно решать возникающие проблемы.

Объективно большое влияние на формирование ценностной картины мира оказывает школа. С 2002 по 2011 гг. в сфере среднего образования проводилась политика так называемого «свободного образования» (яп. *ゆとり教育 ютори кё: ику*), суть которой состояла в переходе от традиционных способов обучения (с упором на заучивание больших объемов информации) к обучению, более направленному на развитие творческих способностей, широту мышления и т.д. В качестве задач этого курса приводились такие пункты, как воспитание людей, мыслящих широко и способных ориентироваться в быстро меняющемся мире [11]. Эта попытка реформирования была встречена обществом неоднозначно во многом именно потому, что поведение тех, кто учился по этой системе, не совпадает с привычными ритуалами (иначе говоря, стереотипами поведения): отмечается, что они «думают, что можно делать, что хочется», «часто

выказывают недовольство окружающими, а ответственность за возникновение различных проблем возлагают на кого-то или общество в целом» [4].

Таким образом, целое поколение японцев, обучавшееся в рамках этой системы, усвоило более индивидуалистские модели поведения. Однако после отказа от системы *ютори кё: ику* маятник качнулся в обратную сторону, и сейчас школы снова прививают учащимся коллективистские ценности.

К внешним факторам усиления индивидуализма следует отнести активные контакты японских компаний с иностранными партнерами, приводящие к усвоению иных (прежде всего, западных) моделей поведения, а также проникновение западных ценностей, таких как представлений о правах личности, феминизма и др., хотя более сильными представляются причины внутренние.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: анализ внешних проявлений культуры позволяет говорить о том, что показатель коллективизма-индивидуализма японцев изменяется в сторону усиления индивидуализма под воздействием демографических, экономических и социальных факторов.

Библиографический список:

1. Пронников, В. А. Японцы: Этнографические очерки [Текст] / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 270 с.

2. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values [Text] / G. Hofstede. – Beverly Hills CA: Sage Publications, 1980. – 328 p.

3. Hofstede, G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and its Importance for Survival [Text] / G. Hofstede. – London: Profile Books, 2003. – 279 p.

4. 陰山英男氏が指摘する「ゆとり世代」3つの特徴 [文章] / 週刊ダイヤモンド編集部 // 週刊ダイヤモンド. – 2008年. – 4月16日. – <http://diamond.jp/articles/-/6831> (2015年3月2日).

5. 厚生労働省 人口動態統計月報年計（概数）の概況 [電子リソース] / 熟年離婚の現状は？熟年離婚率は上がっている？. – Legal Mall. – <http://best-legal.jp/mature-divorce-rate-807> (2015年4月21日).

6. 齋藤, 環. OK? ひきこもりOK! [文章] / 齋藤環.
—東京: マガジンハウス, 2003. —319ページ.

7. 産業(3部門)別就業者数の推移(1950年~2005年) 産業(3部門)別
就業者の割合の推移(1950年~2005年) [電子リソース] / 総務省統計局. —
<http://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/kouhou/useful/u18.htm> (2015年1月12日).

8. 団塊、バブル、ゆとり、さとり…などなど、〇〇世代の特徴 [電子リ
ソース] / マイナビニュース. — <http://news.mynavi.jp/news/2013/07/31/134/>
(2015年5月8日).

9. テレビ視聴とメディア利用の現在(2)~「日本人とテレビ・2010」調査
から~ [文章] / 平田明裕、諸藤絵美、荒牧央 // 放送研究と調査. —
2010年10月. — 2-27ページ.

10. テレビ視聴とメディア利用の現在~「日本人とテレビ・2015」調査
から~ [文章] / 木村義子、関根智江、行木麻衣 // 放送研究と調査. —
2015年8月. — 18-47ページ.

11. 「ゆとり教育」と教育改革の行方 [電子リソース] / 寺脇研 //
朝日新聞. — 2007年7月14日. — [http://www.asahi.com/edu/university/kougi/
TKY200707140244.html](http://www.asahi.com/edu/university/kougi/TKY200707140244.html) (2015年9月15日).

姬娜·耶夫列民科(哈尔滨市)

黑龙江大学国际文化教育学院, 文学院

浅谈汉俄词素的比较

摘要: 汉语与俄语的词都由词素而构成的。词素属于语言的最基本, 也是最关键的构词材料。词素(морфема), 源自于希腊语的morphe(形式之意), 汉语中把词素也称语素。因为汉俄语的词素, 除了具有“音义结合的最小构词单位”这一共同点之外, 还有一些各自不同的特点。本文将详细地阐述汉俄两种语言间的词素分类, 以及对其异同进行比较与分析。

关键词: 汉语词素; 俄语词素; 汉俄构词对比。

A BREIF COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN MORPHEMES

***Abstract.** Words of the Chinese and Russian languages consist of morphemes. A morpheme is a basic and the most meaningful grammatical unit in a language. A morpheme was created from Greek root morpheme (meaning “form”), a morpheme in Chinese is also called morpheme. Besides the same pronunciation and meaning of the smallest unit, a Chinese morpheme and a Russian morpheme have different characteristics. In this article we will give a detailed exposition of morpheme classification in the Chinese language and the Russian language, and we will also compare and analyse similarities and differences of the morpheme in both languages.*

***Key words:** Chinese morpheme; Russian morpheme; Contrast of word formation between Chinese and Russian.*

I 何谓词素

词素(морфема), 源自于希腊语的 morphe (形式之意), 汉语中把词素也称语素。对“词素”的概念历来有各种理解, 但是较为统一的学界说可表述为, 如王福祥给词素下了这一定义: “词素是语音和语义结合的最小单位”[14,14 页]。葛本仪指出: “词是有它的组成成分组成的, 词的组成成分就是词素。词素也是一种音义结合的定型结构, 是最小的可以独立运用的词的结构单位(造词单位、构词单位、构形单位)”[10, 44 页]。汉语与俄语的词都由词素而构成的。词素属于语言的最基本, 也是最关键的构词材料。因为汉俄语的词素, 除了具有“音义结合的最小构词单位”这一共同点之外, 还有一些各自不同的特点。

II 汉俄语词素分类

一、汉语词素的分类:

1.从语音形式方面来看, 汉语词素可分为**单音词素**和**(双音) 多音词素**。

而且是单音节词素为多数。汉语中双音节词素和多音节词素的数量很少。可以说, 单音节词素是汉语词素的基本形式。例如, 单音节词素是“山、物、草”等

等；（双音）多音节词素是“海水、工作、法兰西、莫斯科”等。

2.从内部结构方面来看，汉语词素可分为**单纯词素**（书、南、纸）和**合成词素**（科学、矛盾、催眠）。

3.从语言功能方面来看，词素又可以分为两种类型：**可成词词素**和**非词词素**。实际上，可成词词素是词根词素，而非词词素“是指这种词素只能和其他词素进行组合来构成一个词，却不能单独地构成一个词了，如‘策’、‘希’、‘访’、‘昌’……。”[10, 51页]，葛本仪指出：非词词素还包括外来语素，“是指外语字母的直接引入形成的词素，如“B超”的“B”、“O型环”的“O”就是这一类型的词素”[Ibidem, 52页]。

4.从性质与表意方面来看，可以分为**词根词素**和**附加词素**（又称**词缀词素**或**不自由词素**）两种类型。

“词根词素通常也称作词根，它具有实在的词汇意义，是组成新词词干的主要部分，同时也是形成新词词汇意义的主要承担着”[Ibidem, 53页]。例如：“人、心、日、冷”等。

词根词素实际上还可以分为**自由词素**和**半自由词素**：

(1)**自由词素**既可单独成词，又能和其他词素结合构成合成词，如：“人”——人力、人员；“水”——废水、水利。

(2)**半自由词素**不能单独成词，但可以自由地和其他词素进行结合构成合成词，如：“语”——语调、母语；“毕”——毕业、完毕。

“附加词素是附加在词根词素上表示语法意义和某些附加的词汇意义的词素”，这类词素不能单独成词，而同别的词素结合时位置又是固定的。该词素意义已经虚化了，附加词素是附加在词根前后，是非词词素。它又分为词缀词素与词尾词素，两者都是词的结构成分。词缀词素也称词缀，其包括前缀（阿-、第-、老-）、后缀（-子、-头、-家）、中缀（-得-、-不-、-里-）。**词尾词素**是指附加在词干后面只表示语法意义的词素，也称**构形词素**，如“-们、-着、-了、-过”。有些汉语言学家把汉语词素（语素）分为实语素和虚语素。通常情况下，词根词素与实语素相对应，而虚语素与附加词素相对应。

二、俄语的词素分类:

具有形态变化的实词 (самостоятельные слова) 可以分解为数个表示词的构成或语法意义的单位, 通称为词素 [5, с. 34]。

1. 根据词素在词中的位置可分为两大类: **词根词素** (корневые морфемы) 和**附加词素** (служебные морфемы)。词根词素是不可缺少的核心部分, 其表达词的基本词汇意义, 是不可分解的词素。如: 以**безводный** (无水的) 这一词来说, 其可分解为**без**(前缀) + **вод**(词根) + **н**(后缀) + **ый**(词尾)。

(1)词根词素又可分为三类:

a)独立词根, 也称**自由词根**, 可以独立成词, 也可以同其他词素结合构成派生词, 如: 词根“**город**”(城市)可构成**городской** (城市的、**пригород** (城郊), 又如词根“**дом**”(房子、家)可构成**домик** (小房子、**домашний** (家里的)。

b)黏着词根, 也称**非独立词根**: 不能独立使用, 只能与前缀、后缀、中缀或词尾相结合构成词。例如, 词根“-**бав-**”可以构成一系列这样的词组: **при** + **бав** + **ить**、**от** + **бав** + **лять**、**с** + **бав** + **ить**等。

b)词根的变体, 即同一个词根在构词或构形过程中发生语音与书写变化的形态, 如: “**拿**” – **брать**、**собирать**、**берут**、**сбор**。

(2)附加词素, 也称**词缀词素**, 这类词素不是词的必备部分, 其表达词根外的附加意义 (语法形态、语法和词汇意义。例如:

a)构词词素 (словообразовательные морфемы), 即借以构成新词新义的词素, 如: **вы-**писать (前缀、**нов-**ость (后缀、**пыл-**е-сос (中缀、**пристрасти-**ть-ся (尾缀) 等。

b)构形词素 (формообразующие морфемы), 表示一个词的不同语法形态的词, 是加在词根后面的词素, 就是词的词尾。例如: 由**белый**(白色的)可构成**бел-оват-ый**(微白的)、**бел-еньк-ий** (洁白的) 或 **бел-ый**、**бел-ая**、**бел-ое**、**бел-ые**、**бел-ым-бел-о**。

(3)从词素构成新词的能力来看, 可分为**能产型词素** (продуктивные морфе-

мы) 和非能产型词素(непродуктивные морфемы)。例如, 前者的为前缀“аэро-” — аэродром、аэросъёмка、аэропорт、аэроплан等; 后缀“-льщик” — неплательщик、бурильщик、крепильщик、носильщик等。后者的也为前缀“об-” — обед、обуть; 后缀“-тук” — петух、пастух。

三、汉俄词素的异同:

汉字是语素文字的唯一代表。语素文字的基本单位是字, 它缺少形态变化; 而俄语是音素文字, 一个字母代表一个音素, 词汇有着极其丰富的形态变化 [11, 18页]。

汉俄语中都有词根词素和附加词素, 两种语言中词根词素是词主要的、不可缺少的部分, 其表达词的基本词汇意义, 但附加词素并不是词的必备部分, 而是表达词根以外的附加意义, 也都不能独立成词。在这方面上, 汉俄两种语言是相同的。但从具体的分类来看, 也并非完全相同, 而往往是大同小异、同中有异。汉语以字为词根词素, 俄语以音节或几个音节(词)为词根词素, 而且俄语词根词素的再分类较丰富, 即俄语词根有三种分类。

从功能方面来看, 汉语自由词素与俄语的独立词根基本是相同的。俄语黏着词根在不能独立成词这一点上, 它与汉语的半自由词素基本相同。但粘着词根的限制性更大, 它只能和附加词素结合, 而且位置比较固定。

汉语的不自由词素与俄语的词缀词素在性质上和功能上较相近的。二者主要的差别表现在于以下三个方面:

1. 汉语的不自由词素和俄语的词缀词素都是根据其构词时在词中的位置进行分类的。汉语不自由词素可以分为: 前缀、后缀、中缀。

a) 前缀, 又称词头, 位于词根之前, 例如: 老二;

b) 后缀, 又称词尾, 位于词根之后, 例如: 桌子;

c) 中缀, 又称词嵌, 位于两个词根之间, 例如: 吃不消。

俄语词缀词素除了前缀(“пересказать”为“复述”)、后缀(“кипятить”为“烧开”)、中缀(“пешеход”为“”)之外, 还有词尾和尾缀。前者位于词形式的末

尾，只在可变化的词中才能出现，用于构成这些词的数、格或人称形式。例如：**бумаж-н-ый**、**смотр-ю**、**снима-вш-ий**。后者位于词尾之后，也是词形式的末尾，如：**что-то**、**кто-либо**、**зачем-нибудь**、**задума-ть-ся**。

从数量上来看，汉语不自由词素比较少，此外适用的范围还有很大的限制。而与汉语相比，俄语词缀词素的数量多得多，而且适用的范围也更广，其涉及到大多数的俄语单词。

2.汉语的不自由词素与俄语词缀词素都有构词与构形两大功能。汉语中这两大功能往往是相通的，比如：“看+得+见”，在这例句中构词与构形是统一的，因为中缀“得”既是构形词素，又是构词词素。汉语专门用于构形的不自由词素极少，最为典型的只有“-们”、“-着”、“-了”、“-过”等。就俄语的构词词素和构形词素而言，一般来说其界限是分明的。俄语的前缀、后缀、中缀、尾缀都是构词词素，而俄语词尾的基本功能是构形，如**идем-те**，但也有例外，即只是在个别情况下词尾可用于构词：**супруг-супруг-а**。

3.汉语不自由词素的词汇意义已经虚化，其只表示语法意义和构词意义。前者就是语言单位在组合过程中所产生的关系意义，即词的语法类别和附加感情色彩，如附加有“可-、难-、好-”等前缀的词多为形容词，附加有“半-、亚-、次-”的词以名词居多。另外，如在人的姓氏前面加上前缀“老-、小-”具有亲近或随便的感情色彩。俄语中的词缀词素除了其能表示语法意义、构词意义和感情色彩（语法类别：用前缀“**при-**”由名词派生形容词；感情色彩：用前缀“**пре-**”-**прекрасавица**）以外，有时还能表示附加性的词汇意义，如：**делать**（做）-**пере-делать**（改做）、**смотреть**（看）-**рас-смотреть**（仔细看）等例子。

4.从判定单词与词素的界限角度来看，汉语单音节词素在数量上占优势。需要指出的是，在口头上一个词素是一个音节，却在书面上一个词素用一个方块字表示。也就是说，书写时一个接一个，反映不出来词同词的明确界限。因为汉语单纯词与词素的存在形式在表面上是同等的，所以在实践中区别二者往往会遇到一些困难。相反，俄语词与词素的界限比较明确，原因在于俄语是拼

音文字，在书写时词与词之间用空格来隔开，而两个词素之间却不隔开。

III 结语

通过对汉语与俄语词素的分类及其功能的比较可以得出以下结论：二者在词素发展上都具有自身特点，另外，在词素的分类与功能方面上既有差异，又有联系。汉俄语词素的对比有利于更好地掌握两者的词汇，并且举一反三。在对外教学中，可以有意识地指导留学生对这些带有词缀词素的词语进行积累、观察，同时启发他们发现一些具有派生能力的词根（词干）结构。使他们易于掌握与记住，而且增强其学习的兴趣，从而爱上“构词学”这一门学科。总之，“汉俄语对比不仅有巨大的教学法价值，而且有相当的理论意义”[16, 4页]。

参考文献

1. Белошапкина, В.А. Современный русский язык [Текст] / В.А. Белошапкина. – Москва, Высшая школа, 1997.
2. Греков, В.Ф. Пособие для занятий по русскому языку [Текст] / В.Ф. Греков. – Москва, Просвещение, 1973.
3. Каменова, С.К. Грамматика русского языка в таблицах и схемах [Текст] / С.К. Каменова. – Москва, Издательство “Лист”, 1996.
4. Мусатов, В.Н. Русский язык: морфемик, морфология, словообразование [Текст] / В.Н. Мусатов. – Москва, Наука, 2010.
5. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь - справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва, Просвещение, 1976, с. 34.
6. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка [Текст] / Тихонов. – Москва, Русский язык, 1990.
7. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н.М. Шанский. – Москва, Изд.3-е, КомКвиг, 2010.
8. Ширшов, И.А. Проблемы словообразовательного значения в современной науке [Текст] / И.А. Ширшов. – Москва, Вопросы языкознания, 1979 (5) .
9. 曹炜.现代汉语词汇研究[文] – 北京：北京大学出版社，2004.

10. 葛本仪.现代汉语词汇学（修订本）[文] – 北京：商务印书馆，2014.
11. 顾鸿飞.汉俄复合词构词法与形态构词法的比较[文] – 中国俄语教学, 1997, 18页.
12. 李仕春.汉语构词法和造词法研究[文] – 北京：语文出版社，2010.
13. 马彪.汉语语用词缀系统研究[文] – 中国社会科学出版社，2010.
14. 王福祥.现代俄语构词学概论[文] – 北京：外语教学与研究出版社，2006.
15. 王铭玉.汉俄构词学中的词素、词缀问题[文] – 中国俄语教学, 1991.
16. 王约，伍高尘.关于十年俄语研究的一些感想及对今后工作的几点想法[文] – 黑龙江大学,1959,4页.
17. 武占坤，王勤.现代汉语词汇概要[文] – 外语教学与研究出版社，2009.
18. 张小平.当代汉语词汇发展变化研究[文] – 济南：齐鲁书社，2008.

N. Ivanova (Chengdu)

Sichuan University, School of Business

**THE PHENOMENON OF MYTHOLOGY IN THE PROCESS OF
ASSIMILATION OF HAN PEOPLE IN SHU KINGDOM
(BASED ON THE FUNERAL RITUALS)**

***Abstract.** The article is focused on the questions of the significance of the mythological elements in the traditional funeral rituals and customs in the process of cross-cultural contacts of Han people with non-Chinese nations on the territory of the former Shu kingdom. The author analyzes funeral rituals of Han people and non-Chinese nations, identifies the presence of the mythological motives in funeral rituals and customs, and determines the role of mythology in the process of the society development on the territory of the former Shu kingdom.*

***Key words:** funeral rituals; Shu kingdom; Han people; non-Chinese nations; mythology.*

Mythology has been walking hand in hand to funeral rituals since the ancient times. Trying to explain what death is, early humans created mythological worlds. On the certain level of evolution, a primitive man started to hold funerals, which later

became unique “cultural treasuries” of every nation. In the given article we will focus on the Chinese funeral rituals and customs.

The ancient sources that are preserved in China describe the ancient history of China, its culture, traditions and customs, but only from the perspective of the official ruling dynasties. As a result, some south-western territories were not mentioned at all. In the given article we are going to investigate the presence of mythological motives in the funeral rituals of Han people (汉族) on the territories of the former Shu kingdom during the Dark Years in the history of China.

The Dark Years are considered to be the beginning of the traditional period of the Chinese history; it started approximately in the III century AD, or 220 year (the beginning of the Three Kingdom period), and finished in the VI century AD, or 581 year (the fall of the Northern dynasties period). We will try to determine how strong the influence of Han people’s funeral rituals was on non-Chinese nations, and how the mythological elements revealed themselves in the funeral rituals during the Great Amalgamation of Ethnos in China.

Myths often relate to the creation of the world and stories about deities, heroes that originated from deities and ancestors. Romanian philosopher, historian and anthropologist Mircea Eliade considered that myths offer examples to follow and thus state the significance of people’s life [1, p. 12]. That is to say that according to the Mircea Eliade’s definition “alive myths” comes into the reality, forming various rituals and ceremonies passed down from generation to generation [Ibid.].

From the olden times, people believed in various spirits, deities, ghosts and the souls of ancestors. Having an overwhelming fear of the death and at the same time anticipating the life after the death, people began to conduct complicated funeral rituals, which were aimed to send the soul of the deceased person to the afterworld and get blessings of the deceased ancestors [12, p. 119]. Disrespect could bring into troubles the whole family, since the soul was regarded to be more powerful than humans [Ibid.]. So, mythology went along with the whole funeral ritual, starting from the preparation of the deceased’s body for burial and to the ceremonies held after burial.

Invasion of the new territories on the South-West by Han people started during the Qin dynasty (秦代, 221-207 BC). Expanding the Qin state boundaries caused significant changes in the demic diffusion of this region: new areas of cohabitation of Han people with minorities appeared [3, p. 56]. In the III century thousands of Han

people, who ran away from the devastation and war on the Central plains, formed the second migration wave to the South-West [2, p. 16]. While exploring new territories, Han people came into a contact with one of the barbaric nations – Qiang people (羌族). The Chinese historian Bai Cuiqin (白翠琴) notices that Qiang people originally lived on the territories of the modern Gansu and Qinghai provinces, and due to some reasons had to move to Sichuan Minjiang river [10, p. 253].

During the Qin and Han dynasties, Qiang people were kept under the tight control by the ruling Chinese dynasty. In the Three Kingdom period they were used like a military force by Wei kingdom (魏国) and Shu kingdom (蜀国) [11, p. 446]. As a result, some tribes of Qiang people that had lived together with Han people were assimilated by the latter; however, some of the tribes still succeeded in preserving their traditions.

Comparing funeral rituals of Qiang people in Wei and Jin periods and the modern ones, we find out that both rituals have a lot in common, still there are some differences. Bai Cuiqin in his book “The History of ethnos in Wei, Jin, and Southern and Northern dynasties periods” gives the following description of a funeral ritual of Qiang people [10, p. 283]:

Usually, only on the third day of the death of a person, funeral ceremonies were held. Before cremating a dead body, it must have been washed and put into the coffin. Relatives asked shamans to pray for the repose of the deceased’s soul, and after that the coffin was placed on the cremation pedestal. Then, people put dry brushwood around the coffin and set fire to it. Relatives started wailing for the deceased, dancing, singing and drinking funeral wine around the coffin. After the fire died out, a few people stored ashes of the deceased in a small box and buried it or lest it in cliffs.

The partial description of funeral customs of Qiang people, we also can find in the “History of the Later Han Dynasty^[1]”. In one of its volumes, “Deng Xun Chuan” (Biography of Deng Xun), it is said:

According to Rong [Qiang] people’s traditions, when parents died, wailing was regarded as a shameful act. Everyone saddled horses and sang funeral songs. But when the news about the death of Deng Xun^[2] reached them, they cried, someone killed himself, someone stab his dog, horse, cow and sheep to death^[3] [10, p. 283-284].

We can find more details in the description of the modern funeral ritual of Qiang people which was made during the field studies in the middle of the XX century. It is worth noting that Qiang people kill a ram (羊) before holding the cremation ceremony, what can be correlated to the existing beliefs about the ram as a guide for the soul of the deceased in the afterworld (引路羊子) [11, p. 564-565]. According to the ancient beliefs, the ram was and still is a totem animal. A legend said that ancestors of Qiang people used the fur of a ram in the battle with Ge people (葛人) for the territories. That fur helped them to defeat Ge people and settle on those territories. This reflects the unique role of the ram in Qiang people's culture, especially in funeral culture.

We consider that there are some signs of the influence of Han people's funeral culture on the examples mentioned above. Firstly, in the "Biography of Deng Xun" it is said that Qiang people considered wailing a shameful behavior. However, the description of the funeral ritual of Wei and Jin periods dramatically differs from this ancient source: wailing became one of the main parts of a holding ceremony for the deceased. We guess that such changes could have happened under the influence of the Han people's beliefs about the eternity of the soul while getting into contacts with the latter. In Han people's funeral culture, every ceremony must have been strictly observed, and according to the ancient beliefs, wailing expressed respect to the soul of the deceased.

Furthermore, in a funeral ritual of Qiang people the ram began to associate with a guide for the soul of the deceased in the afterworld. It also resembles the ancient beliefs of Han people. Qiang people killed a ram, gathered its blood into a bowl and poured it out on the right palm of a dead person. Thus, the soul could follow the ram to the place of origin of its ancestors in the afterworld [11, p. 564-565]. Han people believed that the Master of the afterworld met the soul there and then sent it to its origin. Of course, we cannot claim that the beliefs of Qiang people into the afterworld are fully similar to Han people's beliefs, but still we can mark out some similar motives.

We can conclude that beliefs into eternity of the soul and existence of the afterworld were particular to both Han and Qiang people. The influence of the Han people's funeral culture on the Qiang people funeral customs went through such the beliefs. However, this influence was quite weak, since some of the tribes that lived

apart from Han people could preserve some features of their ancient beliefs in the funeral rituals.

---

^[1] “History of the Later Han Dynasty” was created by Fan E during the ruling of the Song dynasty, one of the Southern dynasties (435-445 AD). It describes the history of the Eastern Han dynasty.

^[2] Deng Xun (邓训; 40-92 AD) was a general during the ruling of Eastern Han dynasty, who protected Qiang people.

^[3]后汉书□邓训传：《戎俗父母死，耻悲泣，皆骑马歌呼。至闻训卒，莫不吼号，或以刀自割，或刺杀其犬马牛羊》。

List of References:

1. Eliade, Mircea. Aspects of the myth [Text] / Mircea Eliade; translation from French. – 4th edition. – Moscow: Akademicheskii Prospekt, 2010.
2. Krukov, M. V., Malyavin, V. V., Sofronov, M. V. Chinese Ethnos on the threshold of the Middle Ages [Text] / M. V. Krukov and others. – Moscow: Nauka, 1979.
3. Krukov, M. V., Perelomov, L. S., Sofronov, M. V., Cheboksarov, N. N. Ancient Chinese in the Period of the Centralized Empires [Text] / M. V. Krukov and others. – Moscow: Nauka, 1983.
4. Krukov, M. V., Sofronov, M. V., Cheboksarov, N. N. Ancient Chinese: the Problems of Ethnogenesis [Text] / M. V. Krukov and others. – Moscow: Nauka, 1978.
5. Malyavin, V. V. The Chinese Civilization [Text] / V. V. Malyavin. – Moscow: Aprel, AST, 2000.
6. Vasiliev, L. S. Worships, Religions, Traditions in China [Text] / L. S. Vasiliev. – 2nd edition. – Moscow: Vostochnaya literature, 2001.
7. 《华阳国志》故事新解/黄剑华著. – 成都：四川人民出版社出版，2014.
8. 活态神话-中国少数民族神话研究/孟慧英著. – 天津：南开大学出版社出版（天津八里台南开大学校内，1990.
9. 丧葬与中国文化/罗开玉著. – 海口：三环出版社出版（海口花园新村，1990.

10. 魏晋南北朝民族史/白翠琴著. – 成都: 四川民族出版社, 1996.
11. 中国各民族原始宗教资料集成: 纳西族卷、羌族卷、独龙族卷、僳僳族卷、怒族卷/吕大吉, 何耀华总主编: 和志武等分册主编. – 北京: 中国社会科学出版社, 2000.
12. 中国少数民族婚丧风俗/严汝娴, 刘宇著. – 增订版. – 北京: 商务印书馆, 1996.

В.В. Калинина (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СТРАНАХ АТР

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение неформальных факторов, оказывающих влияние на процесс принятия политических решений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Исследование сосредоточено на таких неформальных факторах, как: средства массовой информации, группы давления и политические элиты.

Ключевые слова: политический процесс; политическое решение; неправительственные организации; группа давления; политическая элита; лоббирование.

V. Kalinina (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

THE INFLUENCE OF INFORMAL FACTORS ON POLICY DECISION MAKING IN THE COUNTRIES ON THE PACIFIC RIM

Abstract. The purpose of this article is to consider informal factors influencing policy decision making in the countries of the Pacific Rim. The research focuses on the following informal factors: mass media, interest groups and political elites.

Key words: policy making process; policy decision making; non-governmental units; interest group; political elite; lobbying.

Одной из наиболее актуальных проблем современной политической науки является процесс принятия политических решений. От принятых решений зависит не только авторитет власти, но и общее положение государства, а также его имидж на мировой арене. Помимо исполнительной и законодательной ветвей власти, на процесс принятия политических решений влияют неформальные факторы, к которым относятся средства массовой информации, группы давления и политические элиты. В данной статье мы рассмотрим влияние неправительственных организаций на политический процесс в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Средства массовой информации, первичная роль которых заключается в информировании общества о текущих событиях в мире, служат инструментом создания благоприятного образа своего государства, а также осуществления политики национальной безопасности. Посредством СМИ политические лидеры могут манипулировать сознанием граждан своей страны, строя политический процесс во время предвыборной кампании. Так, например, в Тайланде на выборах 2001 г. партия Тай Рак Тай обещала населению дешевое здравоохранение, а годом позже в Бразилии кандидат Луис Инасиу Лула да Силва пообещал развернуть программу по борьбе с голодом [1], благодаря чему он выиграл президентские выборы. СМИ таким образом способствуют коммуникации между политиками и населением.

Влияние СМИ на процесс принятия политических решений осуществляется на нескольких уровнях: на уровне взаимодействия государства и системы и на уровне взаимодействия государства и человека [2]. К первому уровню можно отнести использование жесткой силы, или так называемого «эффекта CNN», суть которого заключается в давящем давлении ведущего канала США, который транслируется 24 часа в сутки. Постоянный поток информации может быть воспринят как угроза национальной безопасности в том случае, если освещение определенных тем приводит к раскрытию секретной информации. Примером такой угрозы может быть известный скандал с WikiLeaks, организацией, опубликовавшей государственные документы с грифом секретности и раскрывшей глаза всего мира на действительные задачи США при вторжении в Ирак.

Нельзя не упомянуть роль СМИ как инструмента формирования международного имиджа государства. Балканский кризис, который был полномасштабно освещен в медийных средствах, особенно по телевидению, создал неблагоприятный образ бывшей Югославии. Администрация Б. Клинтона воспользовалась ситуацией и приняла решение разместить силы НАТО на территории Косово, Сербии и Черногории.

На втором уровне, уровне взаимодействия государства и человека, СМИ оказывает влияние на принятие решений гражданами. К ним можно отнести решения в области экономической политики. Новостные сообщения о резком падении курса рубля заставляют россиян инвестировать свои сбережения в доллары или евро.

Средства массовой информации оказывают большое влияние на настроения граждан относительно принятия политических решений их государствами. Так, например, появившиеся в СМИ новости об изнасиловании германских женщин мигрантами заставляют немцев задуматься о «жесте доброй воли» Ангелы Меркель и ее «гостеприимной» политики в отношении мигрантов.

Следующим неформальным фактором, который мы рассмотрим, являются группы давления. Группами давления являются группы или ассоциации отдельных представителей или организаций, которые пытаются повлиять на политический процесс с пользой для себя путем лоббирования членов правительства. Они классифицируются на экономические, включающие в себя отдельные корпорации и коммерческие организации; профессиональные, включающие торговые профсоюзы, союзы фермеров и т.д., а также группы общественного интереса, такие как: группы по защите окружающей среды, организации по защите прав человека и др. [3]. Группы давления могут прямым или косвенным образом искать способы законного воздействия на политический процесс, при этом они используют следующие механизмы: прямая коммуникация с государственными чиновниками, участие в общественных слушаниях, составление докладов по определенным проблемам. Они также могут прибегать к разным механизмам влияния на процесс принятия политического решения: финансирование проектов, экспертиза общественных вопросов, информация по определенным мнениям.

Влияние групп давления имеет как свои плюсы, так и минусы. В частности, к плюсам можно отнести улучшение процесса принятия политических решений путем предоставления ценных знаний по проблеме, а также данных, которыми они владеют. Однако существует гораздо больше минусов деятельности групп давления, а именно: высокая доля коррумпированности, подкупа должностных лиц, лоббирования собственных интересов.

Мало в каких странах лоббирование считается незаконной деятельностью; стоит отметить Тайвань, единственной страной в Юго-Восточной Азии, регулирующей лоббирование. Так, например, в 2007 г. Тайвань принял закон, который вступил в силу в 2008, определяющий лоббирование как «любое письменное или устное общение с представителями законодательной или исполнительной власти в отношении формулировки, изменения или аннулирования законов, или осуществления политики» [3]. Закон распространяется на президента, вице-президента и чиновников, занимающих высокие посты. В соответствии с законом, лоббисты должны зарегистрировать свою лоббистскую деятельность, заявить затраты на осуществление своей деятельности в специальные агентства. В Канаде также достаточно строгое законодательство в отношении лоббирования. Существует закон, согласно которому членам правительства не разрешается заниматься лоббированием в течение пяти лет после того, как они ушли с должности. К тому же, лоббисты должны обязательно регистрироваться, и информация о них хранится в общественном доступе.

Перейдем к рассмотрению влияния политических элит на процесс принятия политических решений. Политические элиты – это группы, которые постоянно ищут способы контролировать правительство [5]. В западных демократических странах политическое представительство зависит от политических партий. Функционирование демократических систем определяется не только действиями граждан или деятельностью политической системы, но и поведением политических деятелей. Лица, принимающие решения в государственных организациях, принадлежат к политическим элитам и действуют они внутри политических партий. Политические элиты должны определять политическую систему: в некоторых случаях они вырабатывают

строгие правила для поддержания своей власти и избежания политической конкуренции.

Интересно привести примеры с политическими элитами стран СНГ. Политические элиты зародились в период СССР из понятия номенклатуры: привилегированной прослойки общества, занимавшей важные административные посты в различных сферах деятельности стран. Сейчас можно разделить страны СНГ на три группы: клановые государства (страны постсоветской Центральной Азии), бюрократическое государство (Белоруссия) и страны с промежуточной позицией (Россия, Украина, Армения и Молдова) [4].

В Белоруссии экспертами отмечается стабильный экономический рост благодаря слаженной бюрократической системе. Лидер страны А. Лукашенко и его команда – это новое поколение белорусских административных менеджеров. В стране не наблюдается ни внутренних разломов в политике, ни внешних клановых или культурных разделений [Там же].

Азиатские страны, такие как Киргистан, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, характеризуются семейными ценностями и близкими родственными отношениями. Политические партии связаны не только политическими взглядами, но и семейными. М. Сасаки отмечает, что сосредоточение власти и экономических ресурсов Казахстана находится в руках президента Нурсултана Назарбаева и его семьи, клан которых устанавливает полный контроль над экономикой, международной торговлей и СМИ [4].

Промежуточная позиция политической элиты присуща России в период перехода от распада Советского Союза до современной России, когда была введена приватизация, были созданы благоприятные условия для развития бизнеса, что способствовало росту олигархии. Данный период связан с именем президента Бориса Ельцина. В политическую элиту вошли представители бизнеса.

Таким образом, неформальные факторы оказывают существенное влияние на процесс принятия политических решений как самими гражданами, так и государством.

Библиографический список:

1. Стрёмберг, Д., Снайдер, Дж. мл. Влияние СМИ на государственную политику [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://www.marketing.spb.ru/mr/media/public_choice.htm. (дата обращения: 27.05.16).
2. Frizis, I. The Impact of Media on Foreign Policy – Режим доступа URL: <http://www.e-ir.info/2013/05/10/the-impact-of-media-on-foreign-policy>. (дата обращения: 20.05.16).
3. Martini, M. Influence of interest groups on policy-making – Режим доступа URL: <http://www.u4.no/publications/influence-of-interest-groups-on-policy-making>. (дата обращения: 20.05.16).
4. Sasaki, M. Elites: New Comparative Perspectives [Text] / M. Sasaki. – Leiden – Boston : Tuta Sub Aegide Pallas, 2008.
5. Vergara L.G. Elites, political elites and social change in modern societies – Режим доступа URL: <http://www.facso.uchile.cl/publicaciones/sociologia/articulos/28/2802-Garrido.pdf>. (дата обращения: 24.05.16).

霍·奥莉娅 (伊尔库茨克市)

莫斯科国立语言大学欧亚语言学院

中俄文化中动物象征差异产生的原因

摘要

本文所要研究的是中俄动物象征意义差异的原因。动物的种类有很多，本文只选择了中俄两国极具代表性的动物，并对这些动物的象征意义差异与产生的原因作一些解释与说明，从而考察它们在两国文化中意义的不同。

关键词: 中俄文化；动物；象征意义；对比；差异

CULTURAL REASONS FOR THE DIFFERENCES IN SINO-RUSSIAN ANIMAL SYMBOLS

***Abstract.** The article discusses the differences in meanings of the animalistic symbols between Russian and Chinese culture. There are so many different species of animals in the world, so we chose the most representative, similar animal symbols of the two cultures. Through this study, we will learn more about the differences of animalistic symbols of two countries, than give some explanations for reasons of these differences.*

***Key words:** Chinese and Russian culture; animal symbolism; compare; differences*

引言

从远古以来，动物和人就有着密切的联系。人们通过驯服教化来与其建立更亲密的关系，甚至通过这种方法，帮助农耕劳动。善于观察的人类发现动物的某些自然特征与人类十分相似。与此同时，人类又通过观察和模仿，将动物一些独特的特征应用在科学技术当中。动物形象与人物形象的关联性十分密切，经过世代相传及使用，很多关于动物形象的映射都出现在人们的生活当中。在中俄两国文化中，有些动物形象是一致的，有些则相异，还有些是同中存异。本文首先介绍中俄动物象征意义对比研究现状，然后对动物象征意义差异产生的原因进行分析。

I. 中俄动物象征意义对比研究现状

杨慧（2000）在《俄汉动物形象的社会文化色彩》中举出大量表动物语汇的实例，详细分析阐明了中俄在动物语汇方面对社会文化的影响。通过这些动物在民族色彩（即褒贬文化和传统文化）及修辞方法（即比喻意义和象征意义），两个大方面来进行中俄文化的比较，从语言国情学角度揭示其社会文化内容 [6]。

吴文红（2005）在《汉俄文化中动物的象征意义》中提出了解两种语言的动物象征意义对语言交际起到重要的作用 [5]。

刘省非（2007）在《几种常见动物在俄汉语言文化习俗中象征意义的对比》中，罗曼荣（2011）在《中俄民族文化习俗中动物象征意义的差异与融合对比分析》中通过对汉俄民族文化中几种常见动物象征意义的异同进行对比与分析，阐释了两个民族在传统文化习俗方面存在的差异与融合 [1]。

刘艳娟（2010）在《中俄社会中鸡的文化意义》中对比了中俄两国童话、寓言中“鸡”的形象，总结了鸡在两国的文化中的代表意义 [2]。

杨玉明（2010）在《俄汉文化中动物的象征意义》中剖析了俄汉文化中常见动物的象征意义，阐述了中俄两国在动物的文化伴随意义上的异同，反映了不同民族的文化特色。对异国文化的了解能在交际实践中避免产生一些不应有的误会 [7]。

张岚（2010）在《汉俄文化中某些动物的象征意义对比》中，魏征（2011）在《汉俄文化中动物象征意义的差异对比》中分析了自然环境、文化背景、宗教信仰等因素，比较了中俄两国语言中动物象征意义的差异 [8]。

万青松（2011）在《中俄“兔”文化趣谈》中对兔子在中俄两国的文化象征意义进行了浅析 [3]。

王雍琰（2013）在《对俄汉语词汇象征意义教学及教案设计》中通过选取有代表性的动物等词汇，着重分析其象征意义，并将研究成果用于教学中 [4]。

II. 中俄文化中动物象征差异产生的原因

关于动物象征意义差异产生的原因主要是受到了以下因素的影响：

一、文化宗教背景的影响

（一）神话传说的影响

创世纪初人们就开始认识事物的本质，了解大自然、动植物界、天气等变化的原因。但是，当初科学还没有今天这么发达，所以人类只能凭借自己的思想和猜测来解释周围的现象。如此一来，万事万物都被人类赋予了人性的色彩。人类创造了神话和传说，它们经历了千百年历史的洗礼和人们的口口相传被保留到今天。其中动物神话和传说占有很重要的地位。神话和传说中的动物具有多种性格和生活方式，有些动物甚至被人们赋予了神奇的才能。神话和传说对动物象征意义的形成产生了很大的影响，使动物的象征意义不断丰富并和人们的生活息息相关。当今世界充满了多元化的思想，有时同一动物在不同国家

、民族文化中的象征意义有着天壤之别，而有些动物的象征意义在许多国家大同小异。

龙：中国人一直把龙看作是神圣、祥瑞的象征。龙本身是一个虚拟的动物，它只存在于神话故事中。它的出现上至黄帝时代，下至今日。在经典著作方面，《易经》一书，将龙进行了完整的叙述。在上古时代，龙也是部落图腾的一种。传说，该部落原本的图腾并不是龙，而是类似于蛇一类的动物。但是，征伐其他部落每获得一次胜利，该部落首领都会将那个部落的图腾上的一部分添加到本部落图腾上。例如，龙鳞似鱼鳞；龙角似鹿角；龙爪似鹰爪等等。

龙逐渐地被中国古代人民赋予了神秘甚至神化的色彩。他们觉得龙是世间最厉害的动物，他们可以呼风唤雨，吞云吐雾，控制自然。因此它成为了古代牧民的信仰，旱年时，经常拜龙求雨。

在传世的作品中，关于龙的故事也有很多，人们通常把很多美好的品质赋予在龙的身上，因此古时候人们称皇帝为“真龙天子”。而后来，也常常把杰出的人物成为人中之龙。例如，诸葛亮号称“卧龙”。

“龙”的象征意义在俄罗斯文化中很复杂。例如古代俄罗斯传统的童话。童话是俄罗斯独特的一种文化的凝聚与积淀。俄罗斯童话中对“龙”的描述十分详尽。最有名的龙名叫“戈雷内奇蛇”。他拥有双翅，三个头，喷火吐焰。他能飞，古代的时候一直作恶，把村子烧尽，把城市拆毁，人民向他进贡美女请求和平等。古代龙的意思和现在不一样。

牛：牛在中国动物的象征意义是丰富多彩的。

首先，先祖图腾。炎帝和皇帝素来被中国人崇拜为先祖。在《山海经》记载炎帝有牛首和人身的描写，而他的部落最重要的图腾是牛。所以，古代的时候星回节（年节）的活动主要是崇拜牛祖先。

其次，创世神话。远古时，炎帝把他的部落领到黄河中下游的中原地区。他教人民捕鱼和打猎。炎帝因为半身是牛，所以有特殊的才能。他用自己的牛舌嗅觉尝草，用牛眼的敏感识谷，用牛的力气移山倒海，造田兴农。所以说，对中国的进步和发展产生了很大的影响。《山海经》中写着：炎帝的小女儿女媧，在东海游玩时溺水而死，死后变成精卫鸟，从发鸠山（今长子）叼树枝和石子飞到东海边扔到海里。这就是中国著名的神话传说“精卫填海”，向读者解释了牛首人身炎帝的创世壮举。

再次，牛王护神。牛之所以被认为是保护神，是因为古时人们把它作为动物图腾，随着时间流逝，图腾逐渐演变为动物神。秦代人民有祭牛神的风俗习惯。近代民间供奉的牛栏也是被赋予人性特点的神灵。

最后，孺子精神。吃的是草，挤的是奶，他遇强不示弱，遇弱不逞强，工作最得意时就是被人牵着牛鼻子……这就是孺子牛精神！鲁迅先生用“横眉冷对千夫指，俯首甘为孺子牛”的诗句来表是忠诚于人民的信念。正因为如此，他的笔仿佛匕首，用纸上的文字勇敢地与敌人作斗争。

鸡：母鸡和公鸡属于家禽，是俄罗斯文化中最重要象征之一。其被用于民间风俗、传说、童话中。在有的文学作品中是主角，比如说《Курочка Ряба》“麻斑母鸡”，《Сказка о золотом петушке》“黄金公鸡”等。在俄语当中有很多跟鸡有关的俗语，例如《Цыплят по осени считают》只能秋天算小鸡（含意某种事物完成后才能看有没有成绩），或者《Цыплята (яйца) курицу не учат》小鸡不能教母鸡（含意没有经验的晚辈不能教长辈）《Не петь курице петухом, не владеть бабе мужиком》“母鸡不能成为公鸡，家里妻子不能控制丈夫”等。

狗：以预言者的形象流行于俄罗斯传说。比如“莫罗兹科”（冰雪老人）。描写在一个村子里，一对老年夫妇收养了两个女儿，一个是老夫的女儿另外一个老妇的女儿。继母对继女的态度一直不好。继母一直想害死继女。狗总是保护继女。冬天到了继母把继女派到森林里想冻死她。但是一到森林继女就遇到了冰冻老人（冬天之神）。冰冻老人看这个女孩儿快要冻死了便救了她，把她带到自己的家里。最后因为继女的好品质老人送她很多礼物，包括各种各样的宝石、马车、并帮她找到了好新郎。继女带着宝石、马车、新郎回到村子里，继母得知这种情况后，就派自己的亲生女儿也到森林里去，结果什么也没有得到空手而归。《Старикову дочь в злате-серебре везут, а старухину замуж не берут》，“老人的女儿穿金银服装回去，而继母的女儿不能出嫁”。

另外一个传说“列希”（树精）描写了狗能看清并使主人避免妖怪的伤害。打猎的狗提前感到前面有鬼，立即竖起毛来通知主人。许多童话中狗成为英雄的助手和保护者。俄罗斯人都喜欢的童话“科谢伊”凶恶的瘦老头（俄罗斯民间故事中拥有宝物和长生秘方的人物）中读者也看到有狗的形象。男主角伊万公子从科谢伊救回来他的新娘时，路上遇到了一条狗。后来这条狗帮

伊万获得了一个魔法针。针尖上是科谢伊的死亡。那个针就藏在一个鸡蛋里，鸡蛋在鸭子里，而鸭子在兔子里。狗帮伊万抓住了兔子把鸭子拿出来。

蝴蝶：蝴蝶这个动物形象通常代表着美好的爱情、生命的轮回和自由。在中国，最具有代表性的故事就是“梁祝化蝶”。梁山伯与祝英台在私塾读书时，梁山伯并不知道祝英台是女儿身。后来梁山伯送祝英台回家的路上，祝暗示梁自己的身份并希望他到家里提亲。但是没想到，祝家已经把祝英台许配给了马文才。祝英台极力反抗，不愿出嫁最后抑郁而终。梁山伯在祝英台的坟墓前祭拜，坟墓忽然炸出一道裂缝，梁山伯纵身跳下，而后两只蝴蝶从墓中飞出，一段梁祝化蝶的故事就从此诞生了。

通过这个故事，中国人就将蝴蝶赋予了以上提到的一些形象。

（二）宗教信仰的影响

俄罗斯的神话和传说跟宗教有密切的关系。换言之，宗教最初来源于古代的神话和传说，宗教的出现丰富了动物的象征意义，使其变得更加丰满、感情色彩鲜明。由于宗教和动物的文化象征意义都与神话传说密不可分，所以在某种程度上二者也有着千丝万缕的联系。

公元988年罗斯国受洗。根据《往年纪事》记载，当时俄罗斯每个部落分别有自己的多神教的信仰。为了形成统一的宗教并利于人民团结，基辅大公弗拉基米尔988年去拜占庭学习并接受了基督教。回俄罗斯之后宣布基督教为国教。从此开始形成思想根基。新宗教逐渐开始对俄罗斯的文化产生影响。

圣经情节逐渐扎根与深藏于俄罗斯每个人的潜意识里。

龙：根据基督教中的情节，圣徒乔治战胜了恶魔。恶魔成为龙。这个故事体现在了俄罗斯国徽上：在双头鹰胸部有红色盾牌。盾牌上画着圣徒乔治。他骑着白马，穿着蓝白衣（象征心灵的纯洁和勇敢）。骑士手持长矛刺向一条蛇龙，象征着善胜恶，英雄保卫祖国。

国徽上的龙跟诱惑者蛇联系在一起。我们从旧约圣经的故事中能了解到。俄罗斯国徽上的龙被认为是蛇的一种，因此旧约圣经里的诱惑者蛇和国徽上的龙两个形象融合为一体，变成邪恶的化身，有贬义。

熊：象征意义直接来源于斯拉夫人信仰的多神教。俄罗斯人早就开始尊敬这个动物。根据古斯拉夫人的神话，熊是韦列斯 (Велес) 的化身。韦列斯跟古斯拉夫多神教有关的。他是古斯拉夫多神教万神之一。他是熊人、魔法师、哲

人、手艺和艺术神。他理解了光阴和一切，所以使用特殊的知识控制自然的能力比谁都好。根据神话他把运气送给世界，因为以前我们的世界停止不动。他不仅有智慧而且很强大。同时韦列斯是肥力神和财富神。

初看起来熊很笨拙，但是俄罗斯人的祖先早就知道它很灵巧，比如它可以捕鱼、爬树。俄罗斯人崇尚熊，因为它体魄健壮，纯朴诚厚，甚至它还被视为民族的图腾。在许多方面熊都代表了俄罗斯民族的优点，比如，俄罗斯人民体魄健壮，力大无比，如勇士一般，性格纯朴诚厚。因此，在俄罗斯熊被称为俄罗斯森林之王。俄罗斯有些部落的传统奇异故事中熊被描写为部落的祖先起源。西伯利亚人古时候观察了解熊的生活习惯，并吸取它一些自然才能。因为西伯利亚人当时以捕鱼狩猎为主，所以他们平常去森林与河边就是熊的栖息环境。他们害怕以及尊敬熊，并信奉它。在西伯利亚人口中流传着一种说法，他们认为熊是泰加森林的“主人”，是这个世界大家庭的祖先。而且传说熊具有死后复活，懂人语，认识亲属，可以造福等的神奇本领。

在俄罗斯人的名字中也能够发现熊形象影响的痕迹，如Миша, Мишка, Медвед等。这也从一方面反映了俄罗斯人对熊的推崇，并且把它视为俄罗斯民族的崇高象征放入自己的名字中，寄予某种好的寄托。

1980年俄罗斯被选为第22届夏季奥运会的主办国。毫无疑问，熊成为吉祥物。再加上2014年在索契举办的第22届冬季奥运会，除了兔子、雪豹、雪花女孩、火焰男孩大家都喜欢的熊（北极熊）又成为了“吉祥物”之一。

当权政党“统一俄罗斯”的象征就是大熊。前任总统，今俄罗斯联邦政府首脑是梅德韦杰夫。他的姓有熊的痕迹。Medved是熊Medvedev是总理的姓，词根一样。熊还象征未婚夫。如果姑娘在梦中梦到了熊，那么就意味着这位姑娘即将要出嫁。

牛：每年2月11日东正教教徒过弗拉斯 (Влас) 的纪念日。这一天教徒纪年基督教的圣者弗拉斯谢瓦斯季斯基。弗拉斯纪念日，也成为“牛节”。

教徒向圣者祈祷时请他保护牲畜。这一天农民把自己的牛赶到教堂旁边。神父作祷告，并向所有的牛喷圣水。后来，农民为了提高挤奶量，用加乳的粥做的软圆面包喂牛。还有一个风俗把黄油送圣者，就放在他的圣像旁边，或者把黄油涂在圣像上，说：“弗拉斯的胡子全满黄油的！”。

俄罗斯人信仰多神教，牛也是最崇拜的神物之一，女神泽蒙被认为是韦列斯的母亲。泽蒙是创世时出生的，后来她的奶变成了银河系，我们地球所在地。

斯拉夫文化当中公牛跟农业有关的。古代的时候，我们的祖先认为人借公牛的力气耕种，人需要多少地公牛就能耕种多少，有着用不完的力气。母牛是产奶的动物而公牛被用于开垦耕种。古代斯拉夫崇拜了黄金的公牛，把他作为图腾动物。其含义财富。斯拉夫人认为上帝就给予他们机会驯服公牛，而上帝自己骑公牛耕天堂的田。

羊：从基督教角度来看基督耶稣被描述为善良的牧师。羊是耶稣诞生圣像中不可或缺的一部分。基督教教徒是羊而基督耶稣是我们的牧师。有的督教圣者被认为是牧夫的保护者，有的是羊的保护者。我们救世主被认为是祭祀的神羊 **Агнец Божий (Agnus Dei)**。很多基督教教派，比如东正教教派中的政教教会领导人被称为牧师。这个词来源于拉丁语本意是牧人。羊因此跟基督耶稣、基督教联系在一起，被赋予神圣的意义。

羊在东正教的圣诞节期间是起重要作用的物象之一。从圣诞节至显现节，即公历1月7日至1月19日，共12天。这段时间未婚女子一般有算命的风俗。借助羊是算命的一个手段。第一个方法是进行算命的处女先进畜棚随便抓住里面的一个牲畜。如果抓住了公羊她就会很高兴。这是快出嫁的预兆。如果抓住的动物是母羊她还会单身一年。

另外一个算命方法是圣诞节前夜未婚女子把围巾系在公羊脖子上。如果第二天她进畜棚时该公羊面对门站着，这个女生就快要结婚。如果处女想知道未婚夫的外貌她应该摸黑系围巾。如果第二天她系上围巾的那个公羊的毛是白色的未婚夫就应该有黄头发，如果公羊是黑色的未婚夫就有黑头发。

同时，从斯拉夫人特别是俄罗斯人的神话集角度来看，羊是和死亡联系在一起的。俄罗斯人认为自杀的人去世之后成为羊被撒旦用于驾车（撒旦把羊套在他的车上）。

蛇：蛇的象征意义在俄罗斯也受到了宗教的影响。基督教“旧约”最基本的主角是蛇诱惑者。诱惑者蛇是撒旦的化身。原来亚当和夏娃，世界第一被上帝造的人住在天堂。诱惑者蛇来诱惑他们吃智慧树上的果子，是上帝最禁止他们做的行为。上帝最后咒骂他们而流放到地上。

蝙蝠：俄罗斯民间传统，一般的老鼠吃神圣的东西，比如教堂的蜡烛或者复活节烤制的圆柱形甜面包称为蝙蝠。蝙蝠是和妖魔鬼怪联系在一起的。俄罗斯人认为蝙蝠是基基莫拉的化身。基基莫拉是拉夫神话中生活在炉子后边、森林、沼泽等处的小隐身人、女妖、女怪、样子怪诞可笑的人。

外国文化也对蝙蝠的贬义的形成产生了很大的影响。产生影响最大的因素是文学作品。

1897年出版的“德拉库拉”，作者是爱尔兰作家布拉姆·斯托克。描写弗拉德三世被上帝咒骂而成为吸血鬼。德拉库拉被赋予魔法变成蝙蝠的能力。1992年“德拉库拉”由弗朗西斯·科波拉执导。这个作品从此变得有名。不久后在俄罗斯也上映了。从此蝙蝠有了“吸血鬼”的象征意义。

在华夏的传统文化里，蝙蝠绝对是“福”的象征，这在许多留存古老的建筑，以及砖刻，石刻中几乎处处可以见到，不用多说。不过在我国，由于“蝠”字与“福”字同音，所以在民间尚能得到人们的喜爱，将它的形象画在年画上。

（三）传统思想的影响

除神话传说和宗教信仰在动物象征意义的形成过程中起到重要的作用之外，中俄两国的传统思想也对动物象征意义产生了很大的影响。古代科学技术不发达，人们常常依靠占卜或者上天来解释生活中出现的现象和问题。如中国古代人们借助龙来体现“天神合一”的思想，因此龙被认为是权力的象征。迷信是传统思想不可分割的内容，在动物象征意义中，谐音常和迷信思想相联系，如“兔子”与“吐子”相似，所以怀孕期间不可食用兔肉。蝙蝠的“蝠”和“福”同音，象征着吉祥喜庆，在中国古代建筑中很好地印证了这一点。文化的发展深受传统思想的影响，因此动物的象征意义作为传统文化的一部分，也同传统思想有着密切的联系。

龙：中国古代时期，国家政治在极大程度上影响人们的生活。而“龙”常常成为古代中国皇权的最高统治，自然而然的，它就变成了皇权独有的代名词。例如，皇帝被称为“真龙天子”；皇帝所穿的袍子被称为“龙袍”；皇帝的表情也有专有的代名词叫做“龙颜”等等。

如此，龙在古代人民的心中就有着至高无上的形象。皇帝所穿的衣物上或所用器具上通常会出现龙的图案。这一影响甚至成为了中国部分传统节日的由来依据。比如，中国传统春节，老百姓以“舞龙”表示庆祝；端午节的时候，世

界文明的传统竞技项目“赛龙舟”。龙表达了人们对祥瑞如意的期盼。也因为这一传统影响，龙成为了中华民族凝聚力的象征。

随着世界一体化不断地发展，中俄文化交流与合作进入创新时代。俄罗斯人开始理解中国的龙同时也对其尊重。我们把旧约圣经的龙和中国龙区分开来。我们之所以对中国龙熟悉是因为过春节的风俗已经好多年前传播到俄罗斯。俄罗斯人（特别是东正教教徒）恨、蔑视、怕圣经的龙，而尊敬、珍视、喜爱中国龙。

猪：在中国，有一句流传至今的俗语，叫做“猪是家中宝，粪是地里金”。从侧面，我们就可以知道，猪在中国传统意义上是具有吉祥之意的。从客观价值来看，猪身上的每一个部位都是人们十分喜欢的食材。相传，自唐代开始，进京赶考的学子都会受到亲友们赠送的“红烧猪蹄”。因为“猪”与“朱”谐音；“蹄”与“题”谐音，寓意“朱笔题名”。渐渐地，关于猪的这一形象一点一点被传诵，民间还有“肥猪满圈”的说法，预兆自家的猪能为家里带来福气。

猫：由于受传统思想的影响，猫被认为跟梦有密切的关系。俄罗斯人赋予了她预示能力。猫保护小孩，治鬼，自己成为家庭活的避邪物。猫是摇篮曲中常见的角色。

不少迷信之所以跟猫联系在一起，是因为猫一直跟人类在一起。人类已经基本了解猫的每个动作有什么意义。猫积极地洗脸意味着客人要来。如果猫在人身上伸懒腰，意思就是主人要买新的东西。杀猫的人以后7年没有好运。喜欢猫的男生在未来应该爱自己的妻子。如果某个人自己很骄傲，猫就不坐在他身上。自古以来俄罗斯人借助猫预报天气。猫沉睡意味着天气变暖。猫抓地板意思是要起暴风雪等。自古以来猫被俄罗斯崇拜为家庭保护者。她象征舒适环境。俄罗斯人有一种风俗，搬进新居之前人应该让猫先进去。然后主人看猫在哪里睡觉就在哪儿放床。

鱼：从传统文化角度来看俄罗斯人认为鱼不会说话所以小孩子学会说话之前不能吃鱼肉，否则他会变成哑巴。鱼被认为是亡灵或者还没生出的孩子。所以鱼本来是跟死亡和生命联系在一起的。在一个童话中女王吃鱼之后怀孕生了孩子。根据传统迷信梦见鱼就意味着生孩子。梦见鱼也有将要下雨或者眼泪的意思。因为鱼属于水。鱼得作用在传统医学上比较普遍。比如，因为鱼被认为

冷血所以古代医生用鱼治疗热病。鱼的主人是水怪。水怪保护鱼。古代时只有经过水怪的许可才能捕鱼。

在中国传统文化中，在许多陶瓷上都有鱼的花纹，由此可见中国古代人民对鱼的热爱，长江中下游地区是中华民族的发祥地，长江中下游地区更有鱼米之乡的美誉。

老虎：自古至今老虎是俄罗斯人最重要的图腾动物之一。老虎分布在俄罗斯远东地区。所以有的城市城徽上画着这个优美的，高贵的动物。比如哈巴罗夫斯克城徽上画着阿穆尔老虎。他被列入俄罗斯濒危动物红皮书中。位于在西伯利亚另外一个城市伊尔库茨克的城徽上也有一种老虎叫巴巴尔。自古至今伊尔库茨克城徽上画着巴巴尔。他嘴里是黑貂。这里老虎象征西伯利亚的高尚实力和财富。

老鼠：在俄罗斯从民间传统角度来看，如果老鼠啃衣服是将要发生的灾祸的预兆。房子里突然有老鼠意味着家人将会得病或者死亡。如果老鼠挠门，是想迫使主人搬家。应该避免被老鼠咬，被老鼠咬的人将有灾祸发生。不过，因为老鼠是各种疾病感染的媒介。被老鼠咬的人可能变成罪犯。院子里突然有很多老鼠预兆荒年。这个迷信有可能来源于老鼠吃得多的想法。因此老鼠象征饥荒。

如果老鼠吃掉主人的剩饭，后者就会牙疼。所以有一种看法，为了坚固牙齿应该吃被老鼠啃的食物。老鼠能预示未来的灾祸。俗话说得好，如果老鼠从船里跑出去意味着船即将沉水。老鼠有敏锐的嗅觉，它们能提前几小时或者几天之预感到船沉水。如果老鼠突然从房子跑出去意味着房子将要遭受火灾。

二、自然环境的影响

动物象征意义除了受宗教、文化等因素的影响，还会受到其所处的地理位置和气候特点的影响。中国和俄罗斯的北部地区，纬度很高，冬季气候都较为寒冷。这种地理环境和气候特点使得耐寒的动物，如熊受到重视和喜爱，人们赋予其“耐心、保护者”的象征意义。

俄罗斯是世界上面积最大的国家，总面积约1千7百多万平方公里。俄罗斯位于北半球，欧亚大陆北部。俄罗斯的海岸线长达3万7千多公里。乌拉尔山脉把全国划分东西两个部分。俄罗斯东西长达为10万公里，南北宽达为4千公里。俄罗斯欧洲领土的大部分是东欧平原。北濒北冰洋，东邻太平洋，西临大西

洋，西北接波罗的海芬兰湾，西南濒亚速夫海和里海。境内地势东高西低，东部高原，中、西部是平原。因为俄罗斯位于在欧亚大陆北部（北纬50度以北），所以连接属于北极地带，亚北极带，温带，和部分属于亚热带气候。大部分领土属于温带。

由于这样的地理位置，俄罗斯冬季绝大部分地区十分寒冷，就算是夏季，俄罗斯北部的气温也不会很高。这样的天气，使得大部分森林是针叶林。俄罗斯的森林占全世界的森林的五分之一。

自然环境对人类生活和传统文化产生了很大的影响。森林是俄罗斯最广泛的自然区。森林覆盖的面积占国土面积的70%。其中包括泰加森林（针叶林）和落叶林。所以森林对俄罗斯民族生活的各个领域起着很重要的作用。自古以来森林是珍贵的野果、蘑菇、坚果的来源。对俄罗斯人来说森林象征着生活的摇篮、健康的来源，特殊的世界……因为森林地区比较辽阔，所以俄罗斯的动物世界大部分由毛皮动物组成，有的动物的种类分布整个俄罗斯。如熊、狼、狐狸、兔子等。落叶林以阿穆尔老虎而著名。俄罗斯人最初以觅食和打猎为生。打猎文化和自然环境是联系在一起的。打猎的时候俄罗斯人遇到各种各样的动物并逐渐了解它们的生活习惯，随之赋予它们独一无二的象征意义。

熊被称为“森林之王”，是俄罗斯人最尊敬的动物。它擅于捕鱼和寻找蜂蜜，所以被认为是非常聪慧的动物。因此熊除了强壮、勇敢之外还象征着智慧。

中国人常说以貌取人，俄罗斯人正是通过兔子的外貌来赋予其弱小的象征意义。但另一方面，因为兔子奔跑速度快，灵活机智，因此，也有人认为它是智慧的象征。而且人类素来就知道兔子多子，所以在俄罗斯人眼里兔子意味着繁殖能力强。

随着社会的发展，人类开始耕种田地，开始驯化野生动物，并赋予它前所未有的意义。以前的野猪，原来是猎人最害怕的动物之一，所以有勇敢和智慧的寓意，驯化之后变成懒惰、贪吃、喜欢泥泞的动物，完全变成了贬义词的代表。

虽然，农业在不断地发展，但是俄罗斯人离不开森林。狼有时从森林出来直接攻击农村的牲畜，吃掉牲畜。因此在俄罗斯人眼中狼是凶恶、饥饿和残忍的象征。

虽然狐狸也打扰农民的生活，但是和“狼”有不同的地方。因为狐狸身体小，很难被人发现，而且不吃牲畜，它一般偷家禽。因此，狐狸成为狡猾的象征，又因为，狐狸的尾巴看起来很漂亮，所以狐狸也有美丽的象征意义。

中国是面积最大的国家之一。其面积约960万平方公里。中国位于亚洲东部。太平洋西南岸。中国濒东海、朝鲜湾、黄海、南海。中国东北与俄罗斯和朝鲜交界，北同蒙古国交界，西毗邻吉尔吉斯斯坦，塔吉克斯坦和阿富汗，西南与巴基斯坦、印度、尼泊尔、不丹接壤，南比邻缅甸、老挝、越南。中国海岸线长达1万4千5百公里。从东、西半球看，在东半球，从南、北半球看在北半球。从经度范围看，东西跨经度60多度，跨5个时区；从纬度范围看，南北跨纬度近50度，大部分在中纬度、北温带，南部少部分在低纬度、热带；北回归线横穿南部。中国地形自东向西分为三个阶梯，整体以山地丘陵为主。绝大部分处在北温带，只有一小部分属于热带。这样的地理位置适合各种动植物的繁育生长。中国的地理位置决定了其气候有三大特点：显著的季风特色，明显的大陆性气候和多样的气候类型。冬季气温普遍偏低，南热北冷，南北温差大。中国绝大多数地区一年中风向发生着规律性的季节更替，这是由所处的地理位置主要是海陆的配置所决定的。也就是说，中国绝大部分的气候特点是四季分明，冬冷夏热。

“鱼”被中国人喜爱，被赋予不仅是因为音同“余”，也有环境和气候的原因。中国南北纬度跨度较大，南方气候较北方气候温暖。在中国南方，特别是长江中下游，鱼米富饶。气候和环境的适宜使得鱼的数量和种类都十分丰富。

众所周知，气候的特点总是影响着动物的迁徙规律，燕子也不例外。燕子不能在寒冷的气候条件下生存，所以有“秋去春回”的迁徙规律。在中国，自古人们就发现了这一规律，有“无可奈何花落去，似曾相识燕归来”，也有“几处早莺争暖树，谁家新燕啄春泥”。当燕子归来时便意味着春天的到来，万物的复苏。人们总是把燕子和春天联想在一起，“报春燕”因此得名。也就是说，中俄气候的特点使得燕子有了“春回”的迁徙，人们也就赋予了燕子“春天”的象征意义。

俄罗斯与19国接壤。中俄边界线延绵很长，所以两国有很多相似的地方，但是因为传统文化背景不一样，所以象征意义有差异，甚至有的动物象征意义完全不一样。

结语

无论在俄罗斯还是在中国，动物早已不单单是一种生物，在人类社会的发展过程中，它们与人类一同生存，融入到了人类的生活和文化中。有一些动物在中俄两国代表的意义大致相同。例如狐狸在中俄两国中都是狡猾的代名词，狼则给人一种凶狠，孤独的感觉；鸽子不管在俄罗斯还是在中国都是和平的象征；再如兔子，中俄两国都认为它温顺、可爱。但是更多情况下，不同的国家由于地理、历史、宗教习俗等的差异，对同一种动物或者是不同的动物都持有各自的态度。以熊为例，俄罗斯人认为它是强壮和聪明的象征，但是中国人常常形容一个人笨拙时将其比作熊；喜鹊在俄罗斯是贬义的代表，俄罗斯人认为喜鹊不但爱偷窃，热衷于打扮自己而且长相丑陋；而在中国喜鹊是喜事的象征，如果出门看到喜鹊，意味着会有好事来到。与喜鹊类似，蝙蝠在俄罗斯人眼里代表吸血鬼，是邪恶的化身；可是在中国，因为读音相似，人们认为蝙蝠是福气的象征，它常常出现在中国古代建筑上，代表吉祥如意。

如果俄罗斯留学生在在中国学习汉语时，只埋头学习语言知识，忽略了动物象征意义的文化常识，在与他人交往的过程中极易引起误会，闹出笑话。笔者在搜集整理前人有关动物象征意义的文献、材料的基础上，通过访谈了解二十多种动物在俄罗斯和中国人的印象中以及在两国文化中各有何种代表意义，通过比较的方式总结处理这些象征之间的差异，并分析了差异存在的原因。希望为中俄跨文化交际方面提供一些可供参考及使用的建议。

在不同的文化背景下，动物象征意义的区别也是千差万别的。因此在对外汉语教学中教师应该提醒学生注意一些常见的、中国特有动物的文化含义，避免学生在交际中滥用、误用，造成不必要的麻烦。建议教师在对留学生文化教学时，将形容人性格的形容词和动物联系起来，如用老鼠比喻人胆小怕事，用牛形容一个人踏实肯干，用狐狸表示人狡猾等等，学生在学习汉语语言知识的同时可以轻松理解中国文化中的动物象征意义。俄罗斯留学生在与中国人日常交往时，也要格外留心动物的文化意义，切勿受到母语文化负迁移的影响，错误使用动物象征意义。

由于笔者搜集的相关研究资料尚不完善，学术水平有限，因此本文还有许多不足之处，希望各位老师和专家给予批评指正。

参考文献

1. 刘省非, 《几种常见动物在俄汉语言文化习俗中象征意义的对比》[文] — 成功(教育), 2007年。
2. 刘艳娟, 《中俄社会中鸡的文化意义》[文] — 重庆市: 四川外语学院, 2010年。
3. 万青松, 《中俄“兔”文化趣谈》[文] — 俄罗斯中亚东欧市场, 2011年。
4. 王雍琰, 《对俄汉语词汇象征意义教学及教案设计》[文] — 苏州: 苏州大学, 2013年。
5. 吴文红, 《汉俄文化中动物的象征意义》[文] — 河北软件职业技术学院学报, 2005年。
6. 杨慧, 《俄汉动物形象的社会文化色彩》[文] — 松辽学刊(哲学社会科学版), 2000年。
7. 杨玉明; 张建英, 《俄汉文化中动物的象征意义》[文] — 沈阳建筑大学学报(社会科学版), 2010年。
8. 张岚, 《汉俄文化中某些动物的象征意义对比》[文] — 俄语学习, 2010年。

О.В. Кузнецова (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПИЩИ В КОРЕЙСКИХ ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых составляющих религиозных, социальных и бытовых ритуалов в Корее – пища. Отмечается, что различные ритуалы предполагают употребление разных видов блюд, в зависимости от ритуального повода, различается и регламент употребления пищи. Делаются выводы о роли пищи в корейской системе ценностей.

Ключевые слова: обряд; ритуал; традиция; жизненный цикл; конфуцианство; культура пищи; система ценностей.

ON SOME ISSUES OF THE IMPORTANCE OF FOOD IN KOREAN LIFE CYCLE RITUALS

***Abstract.** The article is devoted to food as one of key components of religious, social and everyday rituals in Korea. The author notes that rituals require different food depending on the occasion. The schedule of food taking differs as well. The inferences concerning the significance of food in Korean system of values are made in the article.*

***Key words:** rite; ritual; tradition; life cycle; Confucianism; food culture; system of values.*

В корейской культуре пища рассматривается как неотъемлемая часть мира, как один из центральных символов культуры в целом, она составляет основу социальной действительности, входит в состав жертвоприношений, без нее немислима сама жизнь. Корейцы относятся к пище с поклоном, часто превращая прием пищи в церемониал [3].

В работах по корееведению широко распространено мнение о том, что на развитие и проведение обрядов жизненного цикла значительное влияние оказало неоконфуцианство, ставшее государственной идеологией в период Чосон [4]. За основу проведения обрядов жизненного цикла был взят трактат 家禮 (가례) (кит. *цзяли*, кор. *каре*) – «О семейном благочестии», приписываемый крупнейшему сунскому неоконфуцианцу Чжу Си (朱熹) (주희) (1130-1200).

Карэ – это ритуально-этикетная система, в которую входит описание четырех церемоний: совершеннолетие, свадьба, похороны, поклонение духам предков. В XVII веке корейскими мыслителями была предпринята попытка на основе труда Чжу Си создать собственно корейское учение об этикете-ритуале. Сложившаяся именно в этот период форма проведения ритуалов и воспринимается в настоящее время как традиционная [Там же].

Целью данной работы не является подробное изучение всех обрядовых ритуалов, существовавших в традиционной Корее. Наше внимание будет сосредоточено на роли в них традиционной пищи. Представляется возможным утверждать, что обрядовая и праздничная пища занимает особое место в обрядах жизненного цикла. Следует отметить, что блюда для праздничных и ритуальных церемоний готовились особенно тщательно, с соблюдением соответствующих правил. В праздничной пище исключительно большое внимание уделялось внешнему оформлению. Блюда тщательно подбирались по цветовым сочетаниям, формам и консистенции. Таким образом, каждое блюдо несло в себе определенный смысл.

Рассмотрим более подробно, какая именно пища присуща обрядам жизненного цикла.

Ожидание и рождение ребенка

Корейский народный опыт женского поведения во время беременности прежде всего проявляется в наборе нормативных предписаний *тхэгё* (ᄒᆞᆫᄂᆞᆫ), которые мотивируют поведение беременной и отношение к ней, особое внимание уделяется и пищевым запретам. Некоторые из них легко объяснимы с медицинской точки зрения, например, запрет есть овощи и фрукты, которые выглядят и пахнут не должным образом, продукты, которые могут вызвать побочные эффекты. Однако большое количество пищевых запретов связано с различными мифами и суевериями. Так, нельзя принимать пищу из разбитой посуды и со столика квадратной формы, считалось, что употребление в пищу собачьего мяса в период беременности сделает ребенка немым, конина или ослиное мясо будут способствовать трудным родам, а при употреблении женьшеня ребенок может родиться шестипалым.

Помимо соблюдения правил *тхэгё*, корейцы обращали особое внимание на предродовые приметы, связанные с желанием узнать пол ребенка. Нечетное количество красных бобов, которые зачерпнет для приготовления пищи беременная женщина, означало рождение мальчика, а четное – девочки. Если в первый день первого лунного месяца беременная женщина надкусит край рисового хлебца, она обязательно родит сына, а не дочь. Бытовало поверье, что если во время беременности спать на правом боку и есть много перца, то это приведет к рождению мальчика [1].

На протяжении всего периода беременности нередко использовались и средства магической защиты будущей роженицы – обряды и ритуалы, в том числе и своеобразные охранительные «кормления» духов домашнего очага. Особым почтением пользовались такие духи, как дух-покровительница рожениц *самсин хальмони* (삼신할머니) и дух предка *чосансин* (조상신) [5]. Церемонии «кормления» покровительницы рожениц проходили на третьем, пятом, седьмом и девятом месяцах беременности, сразу после родов, а также на третий, седьмой, четырнадцатый, двадцать первый, сотый день после родов, в первый день рождения. Ритуал отличается в зависимости от региона, но обладает некоторыми общими элементами: обычно круглый столик ставится на чистую соломенную подстилку, на столике обязательно должны были стоять вареный рис, чистая колодезная вода, вычерпанная на рассвете, и водоросли *миёк* (미역). Как правило, если роды были благополучными, матери давали отведать яств как раз со «стола бабушки Самсин», особенность которого заключалась в том, что не подавали мясо. В первые дни мать питалась исключительно рисом и супом из сушеных водорослей *миёк* [4].

Сто дней со дня рождения – бэкиль

В день, когда ребенку исполнялось 100 дней (백일), в корейской семье устраивался праздник. Готовили различные угощения и накрывали стол, за которым собирались все члены семьи и родственники. На утро сотого дня в первую очередь накрывали стол для Самсин хальмони и просили у нее здоровья и долгих лет жизни ребенку, а его мать должна была со стола съесть рис и суп из морской капусты. На стол для гостей обязательно ставили различные виды тток – пегсольги (백설기), сусупаттог (수수떡), инчжольми (인절미), сонпхён (송편) и др.

Пегсольги – белый слоёный хлебец, приготовленный в сиру (большая керамическая посуда с отверстиями в дне, помещаемая в котёл при варке на пару);

сусупаттог – паровой хлебец из гаоляновой муки;

инчжольми – хлебец из клейкого риса четырехугольной формы;

сонпхён – паровой хлебец округлой формы с начинкой из красной сладкой фасоли.

Каждый вид тток содержит в себе определенный смысл. *Пэгсольги* символизирует долголетие и целомудрие, а красный цвет *сусупаттог* должен изгонять нечисть. *Инчжольми* готовили, чтобы ребенок рос крепким, а *сонпхен* чтобы он стал духовно богатым. Считалось, что ребенок будет жить долго, если эти рисовые хлебцы съедят сто человек. Поэтому их раздавали всем соседям, а те в свою очередь желали ребенку долголетия и в ответ давали деньги, рис или нити – символ долголетия. По обычаю хлебцы с начинкой из красной фасоли раскладывали в доме на четыре стороны света для того, чтобы предотвратить беду и принести ребенку счастье и удачу. Все мучные изделия, приготовленные в этот день в качестве угощения, называют одним словом *пэгильтток* (백일떡) [1; 2].

Первая годовщина со дня рождения – толь

Утром в день толь (돌) сначала накрывали стол для Самсин хальмони и просили у нее счастья ребенку, после чего семья ела паб и миёккук. После этого накрывали праздничный стол в женской половине дома, наряженного ребенка сажали за стол с рисовыми хлебцами, лапшой-куксу, кашей из красных бобов, фруктами. Все эти предметы символизировали долголетие, здоровье и защиту от несчастий и злых духов [4].

Немаловажную роль на праздничном столе играли рисовые хлебцы: «Из всего многообразия блюд, куда входят слоеные хлебцы (*пэгсольги*), хлебцы из клейкого риса (*чхапсальтток*), рисовые паровые хлебцы с начинкой из сладкой красной фасоли (*сонпхён*), многослойный разноцветный рисовый хлебец (*муджигэтток*), рисовые шарики с обсыпкой из сладкой фасоли (*кёндан*), необходимо выбрать три или пять видов. Обязательными являются белые хлебцы (*пэгсольги*) и рисовые шарики (*кёндан*). Как и на праздновании ста дней со дня рождения каждое блюдо несет в себе определенный смысл. Так, например, разноцветный рисовый хлебец *муджигэтток*, получивший свое название от слова *муджигэ*, что означает радуга, символизирует будущие надежды ребенка» [2, с. 225].

Свадьба

Традиционный свадебный обряд корейцев был очень сложен, он состоял из нескольких этапов, между которыми иногда протекали месяцы, немаловажную роль играл и выбор обрядовых блюд для некоторых этапов. Одним из важных

этапов является посылка даров невесте перед свадьбой. Перед отправкой дары складывали в ящик, причем сначала положив его на пароварку – *сиру* (시루), в котором было приготовлено специальное блюдо *пончхитток* (붕치떡) – каша, сделанная из толченой фасоли и риса и накрытая сверху свежими красными бобами. В центр клали плоды каштана, а вокруг выкладывали нечетное количество плодов ююбы. Получив дары, невеста изучала их, также положив ящик на *сиру*, в которой заранее была приготовлена каша *пончхитток*, после знакомства с дарами каша съедалась всей семьей невесты [4].

Накануне или в день свадьбы в обоих семьях могли проводиться шаманские церемонии *ётхамкут* (여탐굿) для того, чтобы оповестить предков о свадьбе и обратиться к ним с просьбой о счастье и благополучии молодой семьи. На церемониальном столике выставлялись рис, три вида плодов (каштаны, ююба, кедровый орех или хурма) и ритуальное вино в керамической бутылке [Там же].

Среди блюд свадебного стола перед невестой и женихом обязательно должна стоять целая отварная курица, оплетенная зелеными и красными нитками, что символизирует долгую и радостную совместную жизнь супружеской пары. В клюв курицы вставляют красный перец (символ любви). Традиционный свадебный стол требовал регламентировать количество блюд, которое регулировалось согласно социальному положению: 7 – для представителей знати и 5 – для простых людей. Сами блюда могли различаться по местностям и материальному положению семьи, но обязательно на столе должны быть каштаны и финики, символизирующие долголетие и многочисленное мужское потомство, а также белая и красная фасоль, горох и спиртное. Как и на других обрядах жизненного цикла на столе присутствуют тток в виде драконов, которые выкрашивались в желтый и синий цвет. Желтый дракон выставлялся на восток, а синий – на запад [2].

После свадебной церемонии следует обряд *ихэбэк* (피백) – ритуал знакомства невесты с семьей будущего мужа. Невеста должна преподнести свекру финики, а свекрови – курицу или другой мясной продукт (чаще всего тонко нарезанное вяленое мясо). Получив поклон от будущей снохи, свекор бросал ей на подол финики, а свекровь – кусок мяса. Финики символизировали

благополучие детей, а мясо подразумевало, что родители заранее прощают небольшие промахи невесты.

Традиционная корейская жена наутро после свадьбы должна была встать раньше всех, прибраться в доме (во дворе) и сварить *паб* (отварной рис). Этим она должна была показать, что в доме появилась хорошая хозяйка.

Трапеза «ибачжи» (오박지) проходит через 8 дней после свадьбы. Это специальная трапеза, которую мать невесты готовит сама и посылает в дом жениха. В разных районах в неё могут входить разные блюда, но обязательно присутствуют тток, фрукты, иногда морепродукты. Всё это красиво оформляется и торжественно преподносится родителям жениха в знак признательности за то, что они приняли в свою семью невестку. В некоторых регионах Кореи принято посылать ответную «ибачжи» от матери жениха матери невесты.

Шестидесятилетие – хвангаб/хвегап

Для того чтобы засвидетельствовать одно из важнейших событий в жизни корейца – шестидесятилетие (회갑), проводится большой праздник. Перед юбилеем накрывали стол, в центре которого ставились разнообразные яства, а по краям – красивые цилиндрические пирамиды, сложенные из разнообразных фруктов и сладостей, олицетворяющие богатство и благополучие. Чем выше сложена еда на столе, тем считается большим усердие детей. Количество башен и рядов в них должно быть нечетным. Основные блюда на юбилейном столе: фрукты, финики, каштаны, плоды гингко, орехи, изделия из рисовой муки с пожеланием здоровья [2].

Ключевым моментом праздника было церемониальное чествование родителей детьми и внуками (*хонсу*). Чествование состояло из двух основных элементов: поклона и подношения водки *суль* (술). Перед началом церемонии к столу приставлялся небольшой столик, на котором устанавливали две рюмки и емкость (обычно керамическая бутылка или медный чайник) с водкой *суль*. После совершенных поклонов сын вставал на колени, брал рюмку, жена наливала *суль*, и он двумя руками подносил рюмку отцу. Затем такие же действия совершали младшие сыновья, дочери, потом внуки, племянники и так далее.

Специалисты отмечают, что форма чествования *хонсу* очень напоминает род поклонений при поминании духов предков. Таким образом, церемония празднования шестидесятилетия не только отмечает отход старшего от дел, но и воспринимается как «церемония поклонения живущим предкам» [4].

В конце юбилея дети должны позаботиться о том, чтобы послать гостинцы всем родственникам, у которых дома остались старики. Считалось, что угощение со стола юбиляра будет способствовать продлению жизни, поэтому оно рекомендовалось детям и молодым людям, чтобы они также дожили до своего хвегап.

Похороны и поминальные обряды

Конфуцианская традиция придавала похоронному обряду огромное значение и регламентировала его с необычайной тщательностью. Одним из неотъемлемых компонентов алтаря, который ставится рядом с гробом умершего, является столик черного цвета на длинных ножках с яствами. После установки алтаря статус умершего официально менялся на статус предка, и на протяжении всего траурного периода алтарь для поклонения духам являлся центром всех церемоний. «Помимо церемониальных поклонений, которые совершались через определенный промежуток времени, существовали «бытовые» обращения к алтарю предков *санчхон*. Так, если семья принимала пищу, то к алтарю также выставлялись кушанья, а если умерший любил покурить, то вместо благовоний ему на жертвенный столик клали раскуренную трубку» [Там же, с. 80].

Исследователи высказывают различные точки зрения относительно верований корейцев о жизни души человека после смерти. В целом, корейцы верят, что духи умерших людей могут оказывать определенное влияние на жизнь потомков. Поэтому требуется приносить жертвы и кормить души покойных. Именно на это и направлены церемонии поклонения душам предков.

Наиболее полное описание поминального обряда *джеса* (제사) представлено в статье С.О. Курбанова «Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков». На основе имеющихся материалов можно сказать, что самыми распространенными на сегодняшний день обрядами являются следующие:

кичже (기제) – «жертвоприношение в день смерти». Эта церемония проводится один раз в год в день смерти человека после полуночи;

чхаре (차례) – упрощенная форма ритуала, которая считается наиболее показательной церемонией. Обычно проходит в дни сезонных жертвоприношений, таких как Новый год по лунному календарю или праздник *Чхусок*. Дословно *чхаре* можно перевести как «чайная церемония». Однако вместо чая в качестве ритуального напитка используется рисовая водка *суль*;

сасичже (사시제) – «четыре сезонных жертвоприношения» – жертвоприношение духам предков, которое совершалось в середине последнего месяца каждого сезона (2-й, 5-й, 8-й, 11-й месяцы);

мёчже (묘제) – «жертвоприношение на могилах». Церемония проходит в один из дней 10-го лунного месяца, который избирается для каждого случая особо.

Важнейшим элементом таких церемоний является поминальный стол с различными блюдами перед табличкой или могилой предка. Всю церемониальную пищу готовят женщины. Разновидности блюд, порядок их сервировки на столе различаются в зависимости от региона. Кроме того, считается, что духа предка надо кормить тем, что он любил есть, когда был человеком.

Поминальный обряд, выполненный строго по всем правилам, очень сложен и трудоемок. Для подтверждения этого приведем цитату из книги Т.М. Симбирцевой: «Сторона справа от поминальной дощечки считается востоком, а слева – западом. Это чрезвычайно важно помнить при расстановке блюд, ... Первый ряд – самый дальний от таблички. Здесь действует принцип: "Красное – на востоке (груши, яблоки, мандарины, плоды шелковицы, жаренное в масле печенье из рисовой муки – юква). Белое – на западе (сухофрукты, четырехугольные вафли, рисовые хлебцы тток)". Во втором ряду справа – салаты из трав и съедобных кореньев трех цветов: отварные папоротник, корни колокольчика, редька, шпинат, китайская капуста. Слева – вяленые и мелко нарезанные мясо, минтай, кальмар, осьминог. В центре помещаются квашеные овощи (кимчхи) и соевый жидкий соус (канджан). Третий ряд – отварные мясо и рыба, а также соевый творог с овощами, который может быть заменен на

курятину. Четвертый ряд – блюда, поджаренные на открытом огне или приготовленные на пару, а также тушенья. Рыба на востоке, мясо – на западе. Рыбу (2-3 штуки) жарят целиком и кладут головой на восток, хвостом – на запад. В пятом ряду – белый рис (слева) и суп из говядины (справа). Ближе всего к поминальной табличке ставится миска с рисом. Непременным атрибутом ритуального стола является жертвенное рисовое вино в особых сосудах» [5].

В наше время поминальные обряды несколько упрощены. Обычно на стол ставят паб, суп, водку, зелень, рисовые оладьи (чжон), женьшень, фрукты. Тем не менее, во всех церемониях имеются базовые элементы – между табличкой (или могилой) и потомком всегда стоит стол с яствами, а перед столом – маленький столик с рюмкой и керамической бутылкой для преподнесения ритуальной водки *силь*. Водку наливали в рюмку троекратно и затем совершали низкие поклоны. Считается, что благополучие предков в загробной жизни зависит от размера и характера подношений со стороны потомков. Для того чтобы дух принял угощение, ждали некоторое время, после чего в конце трапезы подавали *суннюнг* (напиток, который готовится только в Корее на основе риса) и убрали со стола. После завершения церемонии вся семья собиралась и делила трапезу, часть которой передавалась соседям. Корейцы верили, что еда со стола жертвоприношения является освященной духами предков и что она приносит счастье. Поэтому обряд принятия пищи со стола *чжеса* называется *ымбок* (음복) и является важной частью этого ритуала [4].

Естественно, в настоящее время некоторые из перечисленных ритуалов уже не проводятся, другие совершаются в упрощенном виде. Например, вместо пирамид из фруктов и сладостей, являющихся главной составляющей праздничного стола в хвегап, могут использоваться муляжи. Все большую популярность приобретает празднование свадеб и юбилеев в ресторанах с использованием элементов европейской культуры. Некоторые из них даже специализируются на обслуживании подобного рода торжеств. Кроме того, христиане, которые составляют большую долю корейского населения, обычно считают поминальные обряды языческими и не проводят их.

Таким образом, представляется возможным заключить, что пища в Корее является важной частью обрядов жизненного и годового цикла, именно в них устойчиво сохраняются особенности национальной кухни, обычаи

приготовления традиционных блюд, правила приема пищи. Ритуально-этикетная сфера Кореи сформировалась под сильным воздействием конфуцианства, поэтому этикет питания в Корее представляет собой сложное культурное явление, неразрывно связанное со всей системой традиционного, веками складывавшегося мировоззрения этноса; в нем сконцентрированы основные этнические особенности народа.

Библиографический список:

1. Ким, Г. Н. Республика Корея [Текст] / Г. Н. Ким. – Алматы: Дайк-пресс, 2010. – 589 с.
2. Корнеева, И. В. Паровые хлебцы *тток* в корейских обрядах [Текст] / И.В. Корнеева // Корееведение Казахстана выпуск 2. – Алматы, 2014. – С. 222-228.
3. Кузнецова, О.В. Отражение корейской системы ценностей в пословицах и поговорках с компонентом «пища» [Электронный ресурс] / О.В. Кузнецова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96320.htm>. (дата обращения: 20.04.2016).
4. Самсонов, Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования [Текст] / Д. А. Самсонов. – СПб.: Наука, 2013. – 144 с.
5. Симбирцева, Т. М. Корея на перекрестке эпох [Текст] /. Т. М. Симбирцева. – М.:Издательство "Муравей - Гайд", 2000. – 256 с.
6. Pettid, M. J. Korean Cuisine: An Illustrated History [Text] /. M. J. Pettid. – London: Reaktion Books Ltd, 2008. – 225 p.

О.В. Кузнецова, Я.В. Матвеева (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГАСТРОНОМИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛИНАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДРУГИХ НАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса зарождения кулинарии в США. В работе выделяются основные факторы, оказавшие наибольшее воздействие на формирование американского кулинарного искусства. Особое

внимание уделено влиянию кулинарных традиций индейцев на современную культуру питания американцев. Заселение европейских колонизаторов, африканских рабов и азиатских иммигрантов на североамериканский континент также сыграло особую роль.

Ключевые слова: кулинария; традиция; гастрономия; культура питания.

O. Kuznetsova, Y. Matveeva (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

THE ORIGIN OF AMERICAN GASTRONOMY THROUGH THE INFLUENCE OF OTHER NATIONS' CULINARY TRADITIONS

***Abstract.** The article is devoted to the research of formation process of gastronomy in the USA. In this paper the main factors which had strongly influenced the American culinary art are provided. Special attention is given to the impact of Indians' culinary traditions on the modern food culture of the Americans. Settlement of European colonists, African slaves and Asian immigrants on the North-American continent also had a particular role to play.*

***Key words:** cuisine; tradition; gastronomy; food culture.*

Культурное наследие любого народа составляют не только произведения художников, архитекторов, музыкантов, писателей, труды ученых, но и нематериальное достояние, включающее и национальную кухню. Кухни имеют этнические, региональные и иные особенности, которые зависят от географического положения страны, ее климата, экономических условий, путей исторического развития. Поэтому ничто не дает возможности так близко соприкоснуться с культурой народа, как национальные блюда.

Явление кулинарной традиции изучалось в работах многих ученых в качестве универсального явления (Бромлей Ю. В., Маркова Г. Е., Люси Лонг). На сегодняшний день достаточно плотно изучена европейская кухня, кухня восточных стран. Установлено, что вопрос о культурном разнообразии зависит от факторов, которые влияют на становление той или иной кулинарной традиции. В ряде работ высказывается идея о том, что данный феномен выступает в качестве дискуссионного. Выявлено, что изучение традиций

национальной кухни позволяет лучше понять особенности национального характера жителей той или иной страны, приблизиться к материальной и духовной культуре как отдельного человека, так и целого народа [1].

Согласно археологическим исследованиям, процесс приготовления пищи на североамериканском континенте начал зарождаться около 12000 лет назад. Из-за отсутствия письменных источников, невозможно установить обладали ли люди какими-либо кулинарными навыками в тот период времени, и насколько была развита данная сфера. Так, первые кочевники, временно поселившиеся на территории Аляски, питались лососем и белками. Для нас неясными представляются методы и процессы приготовления пищи у людей того времени. В то же время кочевой народ явно был рад и благодарен за возможность накормить своих друзей и близких [12; 4].

Намного позднее исследованию культуры питания в Соединенных Штатах Америки были посвящены многочисленные работы. Так, в работах по этнографии Америки наряду с такими элементами материальной культуры, как жилище, одежда, традиционные обряды и праздники, изучается и американская национальная кухня. Однако в опубликованных комплексных трудах по культуре США материалы об американской кухне носят фрагментарный характер. Например, в работе Люси Лонг есть глава, посвященная современной системе питания американцев, в кулинарной книге Черила и Билла Джемисон перечисляются основные продукты питания, способы их обработки, рецепты приготовления некоторых традиционных блюд. Эдуард Геллер описывает свои наблюдения о современной культуре питания, сделанные во время пребывания в США.

Формирование и становление национальной кухни в Америке происходило в процессе длительного периода заселения и освоения страны иммигрантами из различных уголков мира. Соединенные Штаты Америки нередко называют «плавильным котлом» всех кулинарных традиций мира, сегодня практически каждое блюдо на планете готовится в американских домах. За четырехвековой период адаптации на Новой земле иммигрантам наряду с коренным населением индейцев удалось в конечном итоге включить свою собственную особую культуру приготовления домашней пищи в американскую кулинарную сферу.

Журналист Дэвид Розенгартен в своей публикации на тему «Мы есть то, что мы едим: Мы – нация иммигрантов» установил, что *«благодаря коренным*

американцам – индейцам – основным компонентом американского питания является кукуруза. Отварные початки кукурузы, кукурузное суфле, корндоги, кукурузные хлопья, дробленая кукуруза, чипсы тортилья (кукурузные чипсы) – все это уходит своими корнями в пищевые традиции индейцев» [2, с. 7]. Многие исследователи посвятили свои работы изучению кулинарной традиции коренного населения США и установлению их влияния на современное положение и разнообразие американского кулинарного мастерства.

На развитие поварского искусства в Соединенных Штатах повлияло много других факторов. Так, англичане, прибывшие на Новую землю, по-прежнему придерживались своих британских привычек в ведении домашнего хозяйства и поддержании домашнего очага. Они жарили и отваривали мясо, готовили пудинги, каши, свинину с фасолью, стряпали пироги, засаливали треску и пекли черный хлеб. Каменистая почва и короткий период для выращивания агрокультуры ограничивали потребление свежей продукции, однако колонисты приспособивались и сеяли горох, бобы, кабачки, капусту, морковь, репу, и тыкву, также к основным продуктам питания относились дикие ягоды и фрукты. Янки научились ловить рыбу, и постепенно рыболовство превратилось в ведущую отрасль общественного хозяйства. В то же время мясо, особенно говядина, выступало для англичан в качестве незаменимого блюда на семейном столе [8; 10].

Среднеатлантические колонии во многом разделяли вкусы Новой Англии, однако здесь уже появляются голландские и немецкие нотки кулинарного искусства. Пшеница здесь росла намного лучше, чем на северной части континента, поэтому эта территория славилась приготовлением панкейков, вафель, пасты, яблок, запеченных в тесте и, конечно же, выпечкой хлеба. От Нью-Йорка до Мэриленда жители открывали для себя множество даров глубин океана, и у них проснулась особая страсть к блюдам из рыбы шэд, крабам и черепахам. Свинина сменила говядину и стала основным блюдом у голландцев в Пенсильвании и у религиозных сепаратистов из Германии. В отличие от англичан, которые использовали свинину в качестве добавки к различным основным блюдам, переселенцы из Нидерландов предпочитали запекать мясо отдельно. Они также отличались использованием вкусовых контрастов и создали целый ряд разнообразных супов, солений и сладостей [6; 7].

Рабство оказало мощное воздействие на американскую культуру в целом и американскую кухню, в частности. Первые африканские рабы были завезены на континент еще в 1612 году, и с тех пор они стали играть особую роль в жизни белых американцев. Рабы помогали своим хозяевам во всем: от работы на плантациях до поддержания домашнего хозяйства. Африканцы привнесли свою «тропическую энергию» в южную кулинарию. Хотя хозяева поместья обучали их готовке британских и французских блюд, темнокожие повара полагались на свое чувство вкуса, которое имело совершенно другие корни. Повара знали тонкости сезонного приспособления к жаркому южному климату. Они с другой стороны раскрыли вкусы местных продуктов, а также готовили блюда из еды, завезенной со своего родного континента (окра, коровий горох, баклажаны, сорго, кунжут). К тому же африканцы имели свои секреты выращивания риса и сладкого картофеля [3; 9].

Испанцы, итальянцы, французы также оказали свое влияние. Суп из стручков бамии, джамбалайя (плов с ветчиной, курицей или устрицами), рагу из лангустинов, ремулад – все эти французские блюда теперь можно было отведать в различных городах Америки. В Нью-Мексико выходцы из Испании одними из первых привнесли свое кулинарное искусство на юго-западную часть страны (перец чили, кукурузные лепешки, блюдо тамале). Поздние поколения колонистов из Мексики распространяли свои традиционные блюда от Техаса до Калифорнии [11].

В период с 1820 по 1920 годы новая волна иммигрантов из Европы обрушилась на Америку. Большинство из них прибыли из Германии, Австрии, Великобритании, Ирландии, Италии, России, Польши, Скандинавии и Греции. Все приезжие в той или иной степени добавили свои элементы и традиционные особенности в американскую кулинарию. С середины двадцатого века наблюдается азиатское влияние на континенте. В частности, китайская кухня занимает важное место в Америке и по сей день [5].

Итак, основные элементы современной культуры питания американского народа уходят корнями в период освоения страны первыми колонистами. Среди факторов, оказавших наибольшее воздействие на формирование повседневного рациона питания американцев, выделяют, прежде всего, заселение европейских колонизаторов, африканских рабов и азиатских иммигрантов на североамериканский континент. Кулинарные особенности этих наций в

совокупности позволили сформировать отличительно новое направление в сфере гастрономии – американское кулинарное искусство.

Библиографический список:

1. Кузнецова, О.В. Отражение корейской системы ценностей в пословицах и поговорках с компонентом «пища» [Электронный ресурс] / О.В. Кузнецова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96320.htm>. (дата обращения: 20.04.2016).
2. Розенгартен, Д. Мы есть то, что мы едим: мы – нация иммигрантов! [Текст] / Д. Розенгартен // США: общество и ценности. – 2004. – С. 6-10.
3. Covey, H. What the Slaves Ate: Recollections of African American Foods and Foodways from the Slave Narratives [Text] / H. Covey, D. Eissach. – CA. : ABC-CLIO, 2009. – 311 p.
4. Cox B. Spirit of the Harvest: North American Indian Cooking [Text] / B. Cox, M. Jacobs – NY. : Stewart Tabori & Chang, 1991. – 256 p.
5. Dusselier, J. Asian American Food Culture [Electronic resource] / J. Dusselier. – 2015. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 05. 03. 2016).
6. Jamison, C. A. American Home Cooking: Over 300 Spirited Recipes Celebrating Our Rich Tradition of Home Cooking [Text] / C. A. Jamison, B. Jamison. – NY. : Broadway Books, 1999. – 470 p.
7. Levenstein, H. Revolution at the Table: The Transformation of the American Diet [Electronic resource] / H. Levenstein. – 2003. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 21. 02. 2016).
8. Long, L. Ethnic American Food Today: A Cultural Encyclopedia [Electronic resource] / L. Long. – 2015. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 19. 02. 2016).
9. Miller, A. How Blacks Built America: Labor, Culture, Freedom, and Democracy [Electronic resource] / A. Miller. – 2015. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 28. 02. 2016).
10. Smith, M. History of American Cooking [Electronic resource] / M. Smith. – 2013. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 19. 02. 2016).
11. Stavans, I. Mexican-American Cuisine [Text] / I. Stavans. – CA. : ABC-CLIO, 2011. – 148 p.

12. Tannahill, R. Food in History [Electronic resource] / R. Tannahill. – 1998. – URL: <http://books.google.ru> (the date of reference: 18. 02. 2016).

О.В. Кузнецова, Е.С. Новопашина (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ В 20-21 ВЕКАХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ключевых исторических этапов эволюции семьи в США в 20-21 веках, а также выявлению тенденций ее развития в исторической перспективе. Особое внимание уделено причинам, способствующим данным направлениям изменений. Отмечается, что дискуссионным продолжает оставаться вопрос об определении понятия «семья».

Ключевые слова: семья; эволюция; американское общество; ценности; трансформации.

O. Kuznetsova, E. Novopashina (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF AMERICAN FAMILIES IN THE 20TH - 21ST CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the key historical stages in the evolution of American families in the 20th – 21st centuries as well as the identification of tendencies of its development in a historical perspective. Special attention is paid to the causes contributing to these areas of change. The definition of family remains among the controversial questions.

Key words: family; evolution; American society; values; transformations.

Согласно классическому определению одного из крупнейших английских социологов Энтони Гидденса, под семьёй понимается группа людей,

связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми [1]. Являясь сложной, комплексной, многофункциональной формой жизнедеятельности людей, семья как важнейший социальный институт и как базовая ячейка общества претерпевает изменение как внутренней, так и внешней структуры. Такая эволюция подразумевает изменение состава, поведения, ценностей, семейных традиций. Поэтому в будущем определение семьи может стать более сложным и противоречивым, так как, например, с развитием репродуктивных технологий ребенок может иметь несколько родителей.

Целью данной статьи является выделение наиболее заметных тенденций развития американской семьи на определенных исторических этапах в 20-21 веках.

Американская семья не является исключением и подверглась реконструкции за последние несколько десятилетий. 20 век свидетельствует о разительных переменах в семейной структуре и динамике: расширенная семья становится нуклеарной, снижается количество браков и растет тенденция к разводу, появляются новые формы союза, такие как сожительство и гостевой брак, изменяются гендерные и межпоколенческие отношения, а также существенно снижается рождаемость. Для того чтобы понять эти и другие тенденции развития семьи в США, представляется необходимым разобраться в причинах происходящих процессов. Анализ тенденций мы решили начать с 20-х годов прошлого столетия, а именно со времени Великой депрессии, что можно объяснить началом резкого спада рождаемости именно в этот период 20 века американской истории.

Великая депрессия в США была вызвана рядом серьезных недостатков в экономике. Суть проблемы заключалась в огромной диспропорции между производственной мощностью страны и способностью населения к потреблению. Кроме того, она была вызвана следующими факторами:

1. неравномерным распределением богатства;
2. высокими тарифами и военными долгами;
3. чрезмерным производством в промышленности и сельском хозяйстве;
4. обвалом фондового рынка и финансовой паникой [10].

Даже после обвала фондового рынка политики по-прежнему продолжали давать оптимистические прогнозы по поводу экономики страны. Однако в

стране стали закрываться заводы и банки, а бизнес разоряться. Прибыль ферм упала в два раза, и к 1932 году примерно каждый четвертый американец был безработным [10].

Великая депрессия бросила вызов американским семьям, поставив экономические, социальные и психологические интересы выше семейных. В 1933 году средний доход семьи упал до \$1500, что на 40% меньше, чем в 1929 году (\$2300). Миллионы семей потеряли свои сбережения, так как многочисленные банки рухнули в начале 1930-х годов. Те, кто не мог платить ипотеку или аренду, были выселены из своих домов и квартир. Всё это способствовало тому, что количество заключаемых браков сократилось, а тенденция к низкой рождаемости ускорилась. Несмотря на то, что уровень разводов также уменьшился, это было вызвано лишь неспособностью оплачивать услуги адвокатов. В некоторых случаях две и более семьи были вынуждены ютиться в односемейных жилых домах. С 1929 по 1931 год количество детей, поступивших в учреждения закрытого типа, увеличилось на 50%, а в экономически неблагополучных семьях дети страдали от недоедания и отсутствия достойной одежды. Положение дел было особенно тяжелым для глав семейств – мужчин, которые, потеряв источник дохода, эмоционально и физически отдалялись от своих семей. Несмотря на это, те семьи, которые оказались стойкими по отношению к кризису, вспоминают период Великой депрессии как сплочивший и укрепивший их семейные отношения. Например, в конце 1930-х годов был образован ориентированный на семью Конгресс производственных профсоюзов США, важность создания которого, по словам историка Элизабет Коэн, заключалась в сплочении семей, а также стирания расовых и этнических барьеров между семьями.

Таким образом, последствия мирового экономического кризиса для развития семьи в США имели две стороны медали: дезорганизация семейной жизни населения страны, но в то же время укрепление семейных уз, одним из подтверждений которого может послужить тот факт, что для того чтобы прокормить семью, женщины и дети шли на низкооплачиваемую и низкоквалифицируемую работу. Кроме того, дети 1930-х годов, будучи свидетелями смены гендерных ролей, впоследствии считали, что замужняя женщина не должна строить карьеру, а может работать только в случае крайней необходимости.

Для того чтобы вывести страну из кризиса, укрепить экономическую безопасность и благосостояние американских семей, президент Франклин Делано Рузвельт в марте 1933 года начал проводить политику, получившую название «Новый курс» (New Deal). Несмотря на то, что был принят Закон о социальных гарантиях (The Social Security Act), обеспечивающий благосостояние пенсионерам, слепым, детям, находящимся на иждивении, а также предполагающий охрану детства и материнства, Новый курс не защищал права женщин, а именно последние подвергались дискриминации при трудоустройстве или не в достаточной мере получали пенсионные выплаты [9].

Совершенно очевидно, что Соединенным Штатам Америки потребовался не один год, чтобы оправиться от кризиса. Печально известное заявление Герберта Гувера в марте 1930 года о том, что для США «худшее уже позади» и экономика восстановится сама собой, себя не оправдало, так как худшее продлилось до начала Второй мировой войны, которая также принесла опустошение, лишения и смерть. Она стоила США 350 миллиардов долларов и 292 тысячи убитых американских военнослужащих [7]. Более того, американские семьи также ощутили на себе все тяготы войны, которая радикально изменила их жизнь.

В то время, пока американские войска принимали участие в военных операциях за рубежом или обучались в американских военных лагерях, семьи также были вовлечены в военные действия, что повлекло драматические изменения в американском обществе. Во-первых, ощущался дефицит рабочей силы в связи с уходом мужского населения на фронт, поэтому женщины столкнулись с необходимостью брать на себя новые обязательства: если до войны они работали в течение нескольких лет, а после замужества и рождения детей оставляли свою работу, то теперь правительство призывало женщин посвятить себя трудовой деятельности, преимущественно такой, какой раньше они не занимались (например, работа на заводах оборонной промышленности) и на условиях полной занятости.

Несмотря на то, что война открывала новые возможности для самореализации, она также открыла более серьезную реальность. Разлука с отцами, мужьями и сыновьями имела разрушительные последствия для семьи в целом. Вследствие сдвигов в семейных ролях навсегда менялся и эмоциональный компонент в американских семьях. Кроме того, уровень

бедности значительно рос, поэтому семьи были вынуждены постоянно переезжать в поисках работы. Около 20 миллионов людей находились на грани голодания (была введена карточная система распределения продовольствия), семьи сталкивались с нехваткой жилья, медицинских и образовательных учреждений. Именно эти факторы способствовали увеличению количества разводов с последующими проблемами среди молодого поколения. В стране насчитывалось 5 миллионов «вдов войны», которые в одиночку пытались воспитывать своих детей, большую часть дня находившихся без присмотра из-за полной рабочей занятости их матерей. Это способствовало увеличению подростковой преступности и росту количества венерических заболеваний, что вызывало беспокойство по поводу разрушения общественных ценностей [7]. В целом Вторая мировая война стала благоприятным моментом для реконструкции и развития экономики Соединенных Штатов Америки после Великой депрессии. Таким образом, американская мечта стала реальностью для большинства семей, так как они могли позволить себе покупку жилья, автомобиля, а также обеспечения детей всем необходимым, чего они были лишены в сложные предшествующие годы.

После окончания Второй мировой войны во многих странах Запада началось значительное увеличение уровня рождаемости, так называемый Бэби-бум (Baby Boom). Главным образом это явление получило распространение в США, и было вызвано благоприятной экономической ситуацией, сложившейся в стране (корпорации разрастались, профсоюзы обещали щедрые зарплаты и льготы своим членам, потребительские товары становились разнообразнее и доступнее). Временными рамками данного процесса в США принято считать период с 1946 по 1964 год, когда на свет появилось 75 миллионов детей, что составило 40% населения страны [4].

Помимо экономических причин, способствовавших Бэби-буму, выделяют следующие:

1. это было частью стремления к нормальной жизни после шестнадцатилетней депрессии и войны, когда американцы откладывали заключение брака и рождение детей;
2. это было частью кампании во время холодной войны в борьбе с коммунизмом за счет численного превосходства над коммунистами.

Послевоенный экономический бум способствовал демографической трансформации: чувствуя экономическую стабильность и защищенность, американские семьи начали осваивать новые территории. «Солнечный пояс», протянувшийся от Юго-Востока до Юго-Запада США, стал самым популярным регионом благодаря теплему климату, низкому налогообложению и большому количеству рабочих мест (например, в Калифорнии бурно развивалась электронная промышленность, Техас и Флорида процветали от деятельности крупных аэрокосмических фирм и военных объектов). Все эти факторы не могли не стать причиной процветания американских семей, которые, будучи уверенными в завтрашнем дне, стали организовывать агробизнес. Однако и у сложившейся ситуации было две стороны медали: неравномерное распределение населения и материальных ценностей оказало негативное влияние на северо-восточные штаты. Такие исторически производственные регионы, как «Ржавый пояс» (в него включают штаты Иллинойс, Индиана, Огайо, Мичиган, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд и Западная Вирджиния), специализирующийся на тяжелой промышленности, и «Снежный пояс» (штаты Нью-Йорк, Иллинойс и Пенсильвания) страдали от недостаточного финансирования со стороны правительства. Так, в начале 1970-х годов штаты, расположенные в «Ржавом поясе», столкнулись с неэффективностью производства, вызванной тем, что для американских компаний более доступной и экономически привлекательной стала иностранная сталь. Это привело к сокращению рабочих мест в регионе и оттоку населения [3].

С начала 1960-х годов начался спад уровня рождаемости (Baby Bust), заставивший экономистов найти объяснение двум противоположным процессам. Доход мужчин, заработная плата женщин и желаемый уровень жизни были предложены в качестве главных критериев для анализа взаимозависимости двух феноменов. Учёные пришли к выводу, что рождаемость росла в том случае, когда рос доход мужчин, и падала, если желаемый уровень жизни и заработная плата женщин возрастали [Baby Boom Generation: Facts, Information, Pictures].

Не произошло улучшения ситуации и в 1980-х годах при президенте Рональде Рейгане, когда США переживали худший спад экономики и уровня жизни со времен Великой депрессии: девять миллионов людей были

безработными, предприятия закрывались, семьи лишались своих домов, а фермеры – земель. Это было вызвано тем, что администрация Рейгана не жалела бюджетных средств на военные затраты, которые были направлены на гонку вооружений с СССР (по словам президента, «империей зла»).

Дети поколения бэби-бумеров начали достигать рабочего возраста в 1990-е годы, когда экономическое благосостояние всё в большей степени стало зависеть от уровня образования: выпускники школ, отказавшиеся от продолжения обучения в колледже, столкнулись с тем, что хорошо оплачиваемые рабочие места были практически им не доступны. Кроме того, их труд оплачивался на 25% ниже, чем 20 лет назад за такую же работу. Именно поэтому преимущества образования, полученного в колледже, способствовали тому, что молодёжь откладывала вступление в брак, отдавая предпочтение получению образования и построению карьеры. Казалось бы, с вступлением в новый век, где уровень жизни, а, следовательно, и условия для создания семьи благодаря техническому прогрессу, экономическому развитию должны быть на порядок выше, происходящие трансформации заставляют задуматься о будущем института семьи в США [2].

На сегодняшний день традиционное определение семьи подвергается критике из-за того, что оно не учитывает целый ряд различных групп, которые также причисляют себя к семье. Социологи задаются следующими вопросами: считать ли семьей пару, не имеющих детей; тех, кто сожительствует; приемных родителей и их подопечных; гомосексуалов с детьми или без них, а также дедушек и бабушек, воспитывающих внуков. Поэтому современное определение семьи может быть обозначено как группа, состоящая из двух и более человек, живущих вместе, состоящих в отношениях и имеющих эмоциональную привязанность, заботящихся друг о друге и о детях и разделяющих обязанности. Кроме того, президент геронтологического общества Америки доктор Дилворт-Андерсон уточняет, что определение семьи может также включать фиктивных родственников (*fictive kin*), которые считаются частью семьи ввиду их прочных связей с биологическими членами семьи (например, эмоциональная связь, оказываемая забота и поддержка) [8].

Проанализировав данные источников, мы пришли к выводу, что одними из наиболее заметных тенденций семейной жизни в США сегодня являются следующие:

1. Сожительство. По данным переписи населения, около шести миллионов разнополых пар в настоящее время проживают совместно, и по продолжительности это занимает в среднем около двух лет, после чего пара либо распадается, либо официально узаконивает свои отношения. Примерно 55% таких пар не имеет биологических детей, 45% воспитывают ребенка одного из партнеров, 21% живут с их общими биологическими детьми. Последние, в свою очередь, имеют тенденцию к большей вероятности вовлечения в преступную деятельность, низкую успеваемость и тяжелую эмоциональную адаптацию. Причины такой закономерности еще предстоит выяснить, однако некоторые из них могут вытекать из того типа людей, которые предпочитают сожительствовать, нежели жениться/выходить замуж [6].

2. Развод и неполные семьи. Согласно историческим наблюдениям, высокий уровень разводов наблюдался в периоды экономического кризиса (Великая депрессия, Вторая мировая война), снижаясь во времена стабильности. В настоящее время в США показатели распада брака остаются высокими, что может быть вызвано большей экономической независимостью женщин, неспособностью справляться с семейными трудностями из-за большей трудовой занятости обоих партнеров, ранний возраст заключения брака. Интересен и тот факт, что сейчас развод не считается чем-то неприемлемым. Более того, если пары осознают, что брак себя изжил, то они не продолжают жить в нем ради детей. Например, когда губернатор Нью-Йорка Нельсон Рокфеллер баллотировался на пост президента в начале 1960-х годов, тот факт, что он был разведен, навредил его популярности. Однако уже через два десятилетия развод не помешал губернатору Калифорнии Рональду Рейгану стать президентом США.

3. Женщины, занятые трудовой деятельностью. В 21 веке не только мужчины, но и женщины стремятся построить карьеру, чтобы обеспечить семью всем необходимым. Однако в этом случае данная тенденция влияет непосредственно на детей. Большинство их них остаются предоставленными самим себе либо получают заботу от посторонних людей. Согласно исследованиям Национального института детского здравоохранения и развития человека, США, дети, которые проводят время в ожидании прихода их родителей в специально созданных для этого учреждениях, быстрее и лучше

усваивают когнитивные навыки (чтение и арифметические действия). Однако стоимость таких услуг, которая может достигать нескольких сотен долларов в месяц, не делает их доступными для всех американских семей.

4. Жестокое обращение в семье. Выделяют два типа такого обращения: жестокость по отношению к партнеру и по отношению к детям. Согласно данным Министерства юстиции США, около 509 тысяч актов жестокости в отношении партнера было зафиксировано в 2010 году и около 800 тысяч в отношении детей в 2008 году [6]. Жестокость в отношении детей может быть объяснена тем, что, во-первых, они беззащитны и не могут ответить тем же (ни по физическим возможностям, ни по статусу по отношению к родителям). Во-вторых, в бедных семьях это случается из-за стресса, который семья испытывает вследствие отсутствия достаточного количества материальных благ. Всё это ведет к таким дальнейшим последствиям, как девиантное поведение детей, агрессия, депрессия, употребление алкоголя и наркотиков, развод с будущим партнером.

Таким образом, семья в США претерпевает очевидные трансформации, причины которых могут быть проанализированы на двух уровнях: микроуровне, при котором акцент делается на поведении индивидуума (его выборе, личностных и межличностных факторах, влияющих на его поведение); макроуровне, который фокусируется на обществе и ограничениях, влияющих на поведение людей (такие ограничения порождаются экономическими факторами, технологическими разработками, поп-культурой, социальными движениями и политикой правительства). Доминирующей остается нуклеарная семья, однако ее определение оспаривается ввиду того, что репродуктивные технологии способствуют появлению более расширенного трактования. Спорным остается то, приводят ли происходящие трансформации к деградации института семьи в США или, наоборот, несмотря на все разноплановые тенденции, укрепляют его.

Библиографический список:

1. Гидденс, Э. Социология [Электронный ресурс] / Э. Гидденс. – http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch112_i.html (дата обращения: 28.02.2016).

2. American Families [Электронный ресурс]. – <http://www.faculty.fairfield.edu/faculty/hodgson/RussiaDiversity/PopulationBullAmericaFamilies/PBAmericaFamilies.html> (дата обращения: 28.02.2016).
3. Baby Boom [Электронный ресурс]. – <https://www.apstudynotes.org/us-history/topics/baby-boom/> (дата обращения: 27.02.2016).
4. Baby Boomers [Электронный ресурс]. – <http://www.history.com/topics/baby-boomers> (дата обращения: 29.02.2016).
5. Baby Boom Generation: Facts, Information, Pictures [Электронный ресурс]. – http://www.encyclopedia.com/topic/Baby_boom_generation.aspx (дата обращения: 29.02.2016)
6. Changes and Problems in American Families [Электронный ресурс]. – <http://2012books.lardbucket.org/books/a-primer-on-social-problems/s13-03-changes-and-problems-in-america.html> (дата обращения: 02.03.2016).
7. The American Family in World War II [Электронный ресурс]. – <http://www.u-s-history.com/pages/h1692.html> (дата обращения: 28.02.2016).
8. The Changing Family [Электронный ресурс]. – http://www.pearsonhighered.com/assets/hip/us/hip_us_pearsonhighered/samplechapter/0205735363.pdf (дата обращения: 02.03.2016).
9. The Social Security Act of 1935 [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.02.2016).
10. USA Depression, the Great Depression information (USA) – Pictures, causes of the Great Depression [Электронный ресурс]. – http://www.indianchild.com/the_great_depression.htm (дата обращения: 28.02.2016).

H. Lakhdari, E. Turkina (Montreal, Canada)

HEC Montreal

STRATEGIE ET MODELE D'INTERNATIONALISATION DU GROUPE HOLDING POULINA

Resume. Cet article vise à analyser l'influence de la distance culturelle sur les modes d'entrées sur le marché chinois. Une variable relative à la stratégie d'implantation à l'étranger a été retenue : la variable culture et son impact sur le

mode d'entrée. Pour conduire cette étude, une enquête en ligne a été menée auprès des responsables du groupe tunisien Poulina. Notre contribution montre que la distance culturelle influence le mode d'implantation sur le marché étranger.

Mots clés: stratégies d'implantation à l'étranger; Groupe Holding Poulina; distance culturelle mode d'entrée.

Abstract. *This article aims to analyze the influence of cultural distance on choice of entry mode in the Chinese market. The article explores to conduct this study; an online survey was conducted among officials of the Tunisian group Poulina. Our contribution shows that the cultural distance does have influences on the entry mode in the Chinese market.*

Key words: *implementation strategies abroad Group-Holding Poulina; cultural distance; entry mode.*

La mondialisation est un sujet d'actualité qui touche beaucoup de sphères de la société, incluant les grandes multinationales et les petites et moyennes entreprises (PME). Cette mondialisation pousse ces entreprises à devoir trouver des solutions à la concurrence qui apparaît sur les marchés nationaux et internationaux. L'ouverture et la mondialisation des marchés encouragent tous les types d'entreprises à se diriger vers le marché international. Cette politique d'investissement qui tend à se globaliser confronte l'entreprise à la distance entre son pays d'origine et le marché du pays d'accueil. En effet, une entreprise qui veut investir sur de nouveaux marchés fait face à des problèmes d'ordre institutionnel. L'entreprise se trouve dans une situation défavorable par rapport, à ses concurrents locaux puisqu'elle doit gérer la différence des distances économiques, administrative, géographiques et plus encore culturelles. Ce phénomène est bien expliqué dans la littérature « Distance Still Matters: The Hard Reality of Global Expansion » (Ghemawat, P. 2001). Pour rendre facile l'adaptation de l'entreprise à son nouveau environnement, un ensemble de questions s'impose en phase amont de la décision d'engagement sur le marché international, pour saisir le mode d'entrée le plus adéquat possible. La question du choix du mode d'entrée sur les marchés étrangers est une décision stratégique (Lu, 2002), et largement développée dans les travaux de recherche en management international notamment, dans le contexte des multinationales (Canal et White III, 2008). Toutefois, ces études sont essentiellement concentrées sur les facteurs internes. Il serait donc, nécessaire de

prendre en compte des facteurs externes liés à l'incertitude environnementale. Cela permettrait d'enrichir la compréhension des stratégies d'implantation à l'étranger des entrepreneurship.

Au cœur de cette réflexion, et suite à l'évolution considérable du processus d'internationalisation des entreprises, de nombreuses questions relatives à la distance culturelles que les théoriciens mettent en avant depuis plusieurs années inscrit dans le modèle Uppsala qui véhicule une relation entre la distance psychique, et le succès d'implantation de l'entreprise à l'international peuvent être soulevées : En quoi la distance culturelle influence-t-elle le processus d'implantation à l'étranger et les pratiques de mobilité internationale du groupe holding Poulina?

Ce facteur contextuel retient l'attention des praticiens et des chercheurs (Ghemawat, 2011). En effet, ils ont pour conséquence d'affecter les résultats (Feinberg et Gupta, 2009), et la survie des filiales d'entreprises étrangères (Chung et Beamish, 2005 ; Meschi et Riccio, 2008). Les entreprises qui engagent des ressources à l'international doivent alors s'adapter aux facteurs contextuels des pays d'accueil.

L'objectif de cette étude et de mieux comprendre les modalités d'implantation du groupe Holding Poulina à l'international en se focalisant sur le rôle et la dynamique de la distance culturelle dans le processus d'internationalisation.

Cette recherche s'articule autour de trois points. Dans un premier temps, une revue de la littérature relative à la distance culturelle. Dans un second temps, nous aborderons le cadre empirique et méthodologique de notre cas. Enfin, le dernier point s'attachera à présenter et à discuter les résultats obtenus.

1. CADRE THÉORIQUE

1.1. Processus d'internationalisation et distance

La distance est un concept qui a intéressé tout d'abord, les économistes. Beckerman 1956 a examiné l'importance de la distance dans les échanges intra-européen, par la suite ce même concept s'est vulgarisé vers d'autres disciplines, comme le management international (Johanson et WiedersheimPaul ; 1975, Johanson et Vahlne ; 1977, Ghemawat; 2001). La distance est un concept multidimensionnel qui demeure difficile à appréhender (Angué et Mayrhofer, 2008, Child et al.2009). De réelles confusions règnent, donc sur la conceptualisation et l'opérationnalisation du concept [15].

Le concept de distance a gagné plus d'intérêt dans la littérature, sur l'internationalisation des firmes. Les entreprises chercheront ainsi à localiser leurs

activités dans des pays psychologiquement proches à leur pays d'origine, pour accroître leur chance de succès. C'est par rapport, à cette logique que le modèle Uppsala a avancé un de ses plus importants fondements théoriques, à savoir : la distance psychique. Cette composante est considérée comme une des variables les plus importantes, dans la compréhension de la dynamique du processus d'internationalisation.

Plusieurs définitions ont été proposées dans la littérature, pour expliquer la distance psychique. Joanson et Vahlne (1977) définissent cette dernière, comme la somme des facteurs qui limitent la circulation des flux d'informations entre l'entreprise et le marché étranger, par contre Child et *al.* 2009 voient que tous ses facteurs donnent à la distance psychique un caractère multidimensionnel. Certaines études ramènent la distance psychique à la seule distance culturelle, mais d'autres 5 chercheurs ajoutent à la distance culturelle plusieurs variables tel que le système politique, les pratiques managériales, la langue, la religion, le système politique et bien d'autres. En fin, la distance psychique est un concept assez large et on ne peut pas le réduire aux seules différences culturelles (O'Grady et Lane, 1996 ; Dow et Karunaratna, 2006).

Afin, d'éclaircir cette confusion par rapport au concept de distance, Ghemawat (2001) a proposé un cadre conceptuel nommé « *CAGE (cultural, administrative, geographic, economic) distance Framework* ». Cette œuvre offre un cadre d'analyse qui touche les quatre dimensions de la distance susceptibles d'influencer le processus d'internationalisation de la firme. Ce travail distingue entre la distance culturelle, la distance administrative, la distance géographique et la distance économique. Mais dans cette proposition nous nous intéressons à la distance culturelle et son impact par rapport au choix de l'implantation du group holding Poulina sur le marché chinois.

1.2. Distance culturelle et son impact sur le choix d'implantation

La distance culturelle renvoie à la différence de cultures entre deux pays. La culture peut être définie comme «un ensemble de significations, valeurs et croyances de nature collective et dotées d'une certaine durabilité qui caractérisent un groupe d'individus sur une base nationale ethnique ou autre, et orientent leurs conduites» (Faure et Rubin, 1993 cités par Faure, 2004 p 188). La littérature sur cette question a mobilisé différents indicateurs, de mesure de cette distance, très souvent en référence aux travaux de Hofstede (1980) ou de Schwartz (1994). Dans leur article « The effect of national culture on the choice of entry mode », *Journal of International Business*

Studies, 19(3), p.411-432, Kogut et Singh (1988) [13] ont élaboré un indice composite de la distance culturelle entre deux pays sur la base des scores établis par Hofstede (1980).

Pour déterminer l'indicateur le plus approprié, Drogendijk et Slangen (2006) ont tenté d'étudier le choix des modes d'entrée sur les marchés étrangers en utilisant alternativement les mesures de la distance culturelle proposées par Hofstede (1980) et Schwartz (1994). Ils concluent qu'il n'est pas possible, à l'heure actuelle, de souligner la prédominance des travaux de Schwartz au détriment de Hofstede. D'autres contributions (Slangen et Tulder, 2009 ; Dow et Ferencikova, 2010) ont mobilisé l'indice composite de la distance culturelle de Kogut et Singh (1988), ou la mesure de la distance psychique établie par Dow et Karunaratna (2006). Les barrières culturelles, ou institutionnelles semblent influencer considérablement le choix du mode d'implantation à l'étranger (Kogut et Singh, 1988 ; Bhardwaj et al. 2007 ; Meschi et Riccio, 2008 ; Angué et Mayrhofer, 2010). Toutefois, dans 6 cette recherche à vocation exploratoire, nous faisons le choix, de nous intéresser à la distance culturelle perçue par les dirigeants des entreprises en matière de décision d'implantation d'activités à l'étranger.

2. ASPECT MÉTHODOLOGIQUE

2.1. Collecte de données : Processus et outils

Afin de bien, comprendre le processus de l'internationalisation, et l'impact de la culture sur le mode d'entrée, au marché chinois. Nous avons conduit une enquête en ligne, au sein du groupe holding tunisien « Poulina ». On a échangé plusieurs emails avec les responsables et les analystes chargés de l'étude au sein du groupe, en leur envoyant des questionnaires pour la collecte des données.

La collecte de ces données s'est faite entre décembre 2014 et mai 2015, à travers un échange d'emails. Afin de, compléter notre collecte sur (PGH), et rédiger notre cas sur la stratégie d'internationalisation de **groupe holding Poulina**. On a aussi recueilli des données secondaires: Ces données, on les a obtenues en consultant les sites : le site de l'entreprise, des rapports, et des articles de la presse nationale, ainsi que certains articles scientifiques qui traitent la gloire de Ben Ayed.

2.2. Présentation du cas d'étude Le groupe "POULINA" a été constitué en 1967 à l'initiative de promoteurs tunisiens privés dans le secteur avicole. Le dynamisme de l'entreprise articulé autour d'une intégration stratégique verticale et

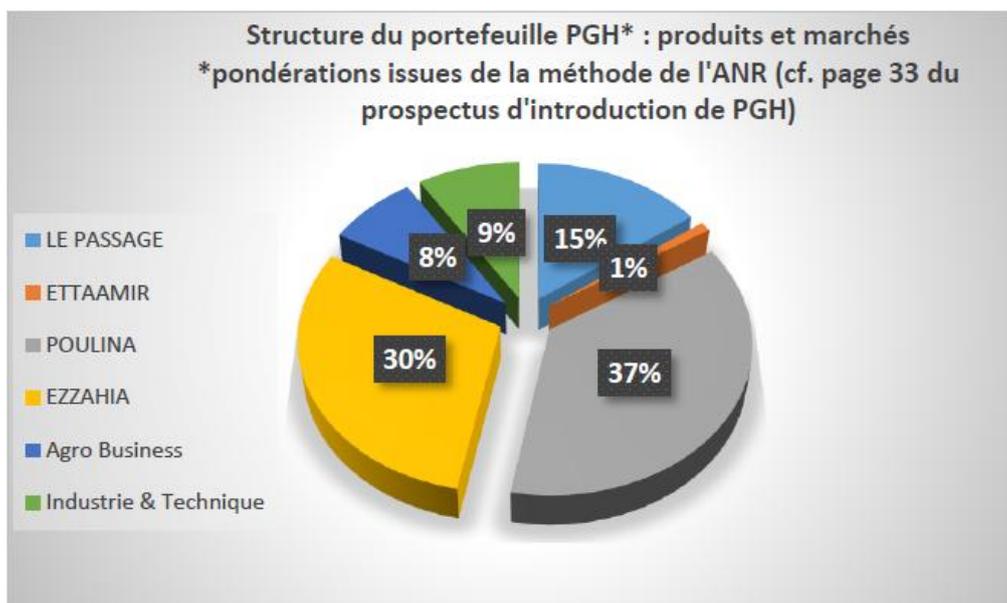
horizontale a permis de développer un groupe multisectoriel ouvrant dans des activités diverses (l'agriculture, l'industrie, l'agroalimentaire et le service).

En 42 ans, POULINA est devenu l'un des premiers groupes à capitaux privés du pays, regroupant plus de 80 sociétés dont plusieurs à l'étranger. Le groupe possède des implantations en Algérie, Maroc, Lybie et récemment en Chine.

La restructuration menée, en juin 2008, en prélude à son introduction en bourse, a donné naissance à une holding Baptisée Poulina Group Holding (PGH), dont l'actionnariat est principalement constitué des membres des familles fondatrices de « Poulina ».

Dans le but de doter la société PGH d'un noyau dur, il a été procédé en mars 2009, à la création du holding financier "Founders Capital Partners" qui regroupe en une seule entité les familles fondatrices de la société, soit 70,03% du capital, leurs conférant ainsi le contrôle majoritaire en droits de vote dans le capital de PGH. (www.poulinagroupholding.com).

Structure du cas d'étude

3. DISCUSSION DES RÉSULTATS

3.1. Différence culturelle entre la Chine et la Tunisie en utilisant le Cadre d'HOFSTEDE Comparaison des dimensions culturelles entre la Chine et la Tunisie selon (Les apports d'HOFSTEDE)

Dimensions culturelles	Chine	Tunisie
Distance face au pouvoir	Élevée	Élevé
Masculinité	Au-dessus de la moyenne	Moyenne
Féminité	Au-dessous de la moyenne	Moyenne

Collectivisme	Très élevé	Moyen
Individualisme	Faible	Moyen
Indulgence	Faible	Faible

Par rapport, aux travaux d'Hofsted, on a constaté que la Chine et la Tunisie ne sont pas loin culturellement pourtant ses deux pays ne sont pas situés dans la même zone géographique, le premier en Asie centrale alors que, le second pays se trouve en Afrique du nord. Ces deux derniers sont qualifiés d'informels autoritaires. Ils sont aussi caractérisés par la forte présence des autorités publiques révèle de leur capacité à amorcer le développement du pays. Ces résultats confirment les conclusions de (Meisel, Ould aoudia 2006).

Ainsi, la distance face au pouvoir est très élevée dans les deux pays. La chine comme la Tunisie est caractérisée par une forte distance hiérarchique donc les deux sociétés sont plus enclines pour à avoir une vision verticale de la hiérarchie avec une séparation claire entre la différente instance du pouvoir.

En comparant la distance par rapport aux deux dimensions : le collectivisme et l'individualisme : On constate que le collectivisme est deux fois plus important en Chine qu'en Tunisie cependant, la Chine est considérée comme un État collectiviste par contre, la Tunisie est plus individualiste que son partenaire chinois.

Concernant l'aspect de la masculinité, les deux pays ne sont pas loin l'un de l'autre, donc les deux pays sont des sociétés masculines, bien que la Tunisie ait une vision plus égalitaire. La gestion dans une culture à dominance féminine est moins évidente mais plus intuitive que décisive à la recherche d'un compromis dans une culture masculine (Hofstede 1991, p125). L'évitement et incertain et même très faible dans une culture masculine.

En somme, l'indulgence est faible dans les deux pays, donc les deux sociétés sont moins indulgentes. Concernant la liberté d'expression est un point très sensible à partir de là, on peut dire que les deux pays sont caractérisés par une forte présence des autorités publics.

Les résultats obtenus à l'aide du modèle d'Hofsted montrent que la différence culturelle entre le pays d'accueil et le pays d'origine du groupe Poulina est moins élevé, la probabilité que l'entreprise soit implantée sous la forme de filiale totalement détenue par l'entreprise elle-même n'est pas vraiment conseillée. Mais dans le cas du group holding Poulina la création d'une filiale conjointe est la forme d'implantation privilégiée un leadership qui a déjà une expérience internationale. La présence d'un

partenaire local permet à Poulina de réduire l'exposition au risque marché et de s'adapter du marché local (Delios et Beamish, 1999; Meschi et Riccio, 2008).

Par ailleurs, en ce qui concerne l'influence de la distance culturelle perçue et son impact sur le mode d'entrée au marché étranger, nous observons que moins la distance culturelle est élevée, plus les dirigeants des entreprises opteront pour le choix de coentreprise (implantation sous la forme de filiale conjointe à l'étranger). Or, une entreprise comme Poulina caractérisée par une méconnaissance du marché chinois, elle devrait s'orienter vers une forme de partenariat dans le but de s'adapter aux exigences du client Chinois. Le partenaire étranger est vu comme une ressource complémentaire permettant de compenser les limites auxquelles sont confrontées les entreprises lorsqu'elles s'engagent sur les marchés internationaux par le biais d'une implantation à l'étranger.

Beamish et Lee (2003), dans leur étude portant sur les filiales coréennes détenues par des PME, notent que les PME ont tendance à se tourner vers la forme des coentreprises afin de réduire le coût lié à l'origine étrangère (« cost of foreignness », Hymer, 1976).

Même toutes les entreprises petites ou grandes sont confrontées, à des degrés différents, au désavantage d'être étranger quand elles réalisent des investissements à l'étranger (Hymer, 1976).

Par ailleurs, le secteur d'activité et la nature de l'activité de la filiale ont une influence sur le type de filiales implantées à l'étranger. En effet, (Carole et Mahamat 2013) montrent que les entreprises évoluant dans un secteur d'activité traditionnel ont une probabilité plus forte à recourir à un partenaire étranger, alors que les entreprises issues de la haute-technologie privilégient un contrôle total par le biais d'une filiale totalement détenue. Étant donné que, notre cas d'entreprise évolue dans un secteur d'activité traditionnel, donc les décideurs se trouvent dans une situation de choix limité, ils devraient s'orienter vers la coentreprise.

CONCLUSION

Cette recherche avait pour objectif d'étudier l'influence de la distance culturelle perçue sur le mode d'entrée au marché chinois. En effet, la gestion des affaires en contexte international, dans un environnement peu connu et non maîtrisé nécessite des précautions supplémentaires par rapport à l'exercice d'une activité dans le cadre national. La littérature suggère que dans le processus d'implantation, et de contrôle

des activités à l'étranger, les entreprises adaptent leur stratégie d'internationalisation en fonction des facteurs contextuels du pays hôte [12; 20; 16].

Nos résultats montrent qu'en présence d'une distance culturelle moins élevée les dirigeants des entreprises ont tendance à implanter des filiales en partenariat avec des investisseurs locaux dans le but de réduire le risque et de s'adapter aux conditions du marché du pays d'accueil. En effet, ces auteurs montrent que les managers optent pour l'implantation de filiales 100 % sur des marchés à haut risque d'investissement simultanément à une distance culturelle élevée. Par ailleurs, une distance culturelle perçue moins forte favorise les stratégies de coopération.

Références:

1. Agence française de développement, (2005). Poulina : Un management tunisien.

2. Anderson, E.; Gatignon, H. (1986). «Modes of foreign entry: A transaction cost analysis and proposition », *Journal of International Business Studies*, [Vol. 17, N° 3, p. 1-26].

3. Angué, K. ; Mayrhofer, U. (2008). « Les effets de la distance sur le choix des partenaires de coopération : une analyse du secteur européen des biotechnologies ». Actes de la XVIIème Conférence Internationale de Management Stratégique, Nice – Sophia Antipolis, du [28 au 31 Mai 2008].

4. Berry, I. W., Poortinga, Y. H., Breugelmans, S. M., & Chasiotis, A., Sam, D. L. (2011). *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge, Cambridge Press. [P 92-94].

5. Bontempi, M. E.; Prodi, G. (2009). «Entry Strategies into China: The choice between Joint Ventures and Wholly Foreign Owned Enterprises. An application to the Italian Manufacturing Sector», *International Review of Economics and Finance*, [Vol. 18, p. 11- 19].

6. Brouthers, K. D.; Brouthers, L. E.; Werner, S. (2002). « Industrial sector, perceived environmental uncertainty and entry mode strategy », *Journal of Business Research*, [Vol. 55, p. 495-507].

7. Brouthers, K. D.; Nakos, G. (2004). «SME Entry Mode Choice and Performance A Transaction Cost Perspective», *Entrepreneurship Theory and Practice*.

8. Delios A.; Beamish P. W. (1999). «Ownership Strategy of Japanese Firms: Transactional, Institution and Experience Influences», *Strategic Management Journal*, [Vol. 20, p. 915- 933].
9. Henisz, Witold J.; Zelner, Bennet A. (2010). «The Hidden Risks in Emerging Markets», *Harvard Business Review*, [p. 88-95]. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*, Beverly Hills, CA: Sage.
10. Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations*, 2nd Edition, Thousand Oaks CA: Sage Publications.
11. Hofstede, G.; Hofstede, G. J.; Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations*, London: McGrawHill.
12. Kumar, S.; Seth, A. (1998). «The Design of Coordination and Control Mechanisms for Managing Joint Venture – Parent Relationships», *Strategic Management Journal*, [Vol. 19, p. 579-599].
13. Kogut., Singh. (1988). The effect of national culture on the choice of entry mode, *Journal of International Business Studies*, [19(3), p.411-432], 14. Mahamat. A., Carole J-A. (2013). « L'influence du risque pays et de la distance culturelle sur les modes de présence et de contrôle des PME à l'étranger » *Management international / International Management / Gestión Internacional*, [vol. 18, n° 1, 2013, p. 73-86].
15. Moalla, E. (2011). «La distance et le développement international des entreprises». *Management & Avenir* [2011(n° 46), p. 35-52. DOI 10.3917/mav.046.0035],
16. Okpara J.O., Kabongo J.D. (2011). «Cross-cultural training and expatriate adjustment : A study of western expatriates in Nigeria», *Journal of World Business*, [Vol. 46, N° 1, p. 22- 30. ilkinson et al. 2008],
17. Pisarek. W. (2013). *Strat_egies d'internationalisation des PME. Les apports en termes de conceptualisation du processus*, Thèse 2013,
18. Meisel, N., Ould- aoudia, J. (2006). *Une nouvelle base de données institutionnelles : «Profils institutionnels 2006»*. Document de travail de la DGTPE. Les Cahiers de la DGTPE – n° 2007-09 – Septembre 2007 – p. 1

19. Srairi S. (2003). Les facteurs déterminants des stratégies de développement des groupes privés tunisiens. XIIème Conférence de l'Association Internationale de Management Stratégique. Les Côtes de Carthage – 3, 4, 5 et 6 juin 2003.

20. Wilkinson, T. J.; Peng, G. Z.; Brouthers, L. E.; Beamish, P.W. (2008). «The diminishing effect of cultural distance on subsidiary control», *Journal of International Management*, [Vol. 14, p. 93-107].

М.Л. Лепнева (Улан-Удэ)

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ А.С.
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

**(на примере исследования биографии седьмого патриарха школы
Винаи Цяньхуа в Китае Фуцзюй Вэньхая)**

Аннотация. Целью статьи является методологическое обоснование работы с историческими источниками для планируемого автором биографического исследования наставника Винаи Фуцзюй Вэньхая (1686-1765 гг.), сыгравшего ключевую роль в установлении позиций школы Цяньхуа как главенствующей школы Винаи в Китае при династии Цин (1644-1912 гг.). В связи с этим проводится классификация источников на основе методологии источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919 гг.), одного из основоположников методологии исторической науки в России. Демонстрируется плодотворность методологического подхода Лаппо-Данилевского для анализа материала в историческом исследовании.

Ключевые слова: методология источниковедения; биографическое исследование; А.С. Лаппо-Данилевский; Китай; Виная; Фуцзюй Вэньхай.

**APPLYING THE METHODOLOGY OF SOURCE STUDIES OF A.S.
LAPPO-DANILEVSKY TO BIOGRAPHICAL RESEARCH**

**(using as an example Fujū Wenhai, the 7th patriarch of Qianhua school of
Vinaya in China)**

***Abstract.** The purpose of this article is to provide methodological grounding for the use of historical sources for biographical research on Vinaya master Fujū Wenhai (1686-1765), planned by the author. Fujū Wenhai played a key role in establishing Qianhua school as a predominant school of Vinaya in China during the Qing dynasty (1644-1912). Accordingly, a classification of sources is conducted on the basis of the methodology of source studies of A.S. Lappo-Danilevsky (1863-1919), who was among the founders of historical science methodology in Russia. Lappo-Danilevsky's methodological approach appears to be beneficial for the analysis of material in historical research, as the author shows.*

***Key words:** methodology of source studies; biographical research; A.S. Lappo-Danilevsky; China; Vinaya; Fujū Wenhai*

Школа Винаи остается сравнительно мало исследованной среди всех школ китайского буддизма. В то же время она имела большое значение для буддийских кругов Китая, поскольку занималась разработкой вопросов монастырской дисциплины и этики монахов, устанавливала правила проведения религиозных обрядов, а также отвечала за передачу монашеских обетов. Вышеизложенное говорит об актуальности изучения традиции Винаи в Китае, в частности, в конце династии Мин – начале династии Цин, когда возник ряд новых школ, главенствующее положение среди которых заняла школа Цяньхуа. В закреплении ее доминирующих позиций особую роль сыграл седьмой патриарх школы Фуцзюй Вэньхай 福聚文海 (1686-1765 гг.), в силу чего его личность представляет особенный интерес для исследования.

Проведение исторического исследования требует работы с источниками, которая должна основываться на определенной методологии. В данной работе будет рассмотрена возможность применения методологии А.С. Лаппо-

Данилевского для запланированного биографического исследования Фуцзюй Вэньхая. Лаппо-Данилевский (1863-1919 гг.) – автор трудов по истории государства, права, политической системы России, теории, истории и методологии науки. Создатель научной школы, оказавшей влияние на ряд социальных мыслителей, философов, социологов, историков науки и историков России первой четверти XX века, которую характеризует единство философских представлений об объекте гуманитарного познания и междисциплинарность научной методологии [2, с. 619]. В своем труде «Методология истории» он рассматривает проблемы теории и методологии исторического познания, подробно разрабатывая вопросы методологии источниковедения.

Как отмечает Лаппо-Данилевский, «основная задача методологии источниковедения – установить те критерии, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно произошел в настоящем или в прошлом развитии человечества» [1, с. 278]. Возможность «получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества» делает всякий доступный историку, реализованный продукт человеческой психики. Такой продукт Лаппо-Данилевский называет термином «исторический материал» [Там же, с. 291]. Историческим же источником, как он уточняет, будет «лишь тот материал, который оказывается пригодным для изучения факта с историческим значением» [Там же, с. 292]. Следовательно, в запланированном мною исследовании источниками будет все то, что позволяет получить информацию о Фуцзюй Вэньхае.

Подход Лаппо-Данилевского к классификации источников представляется целесообразным применить в планируемом мною исследовании биографии Фуцзюй Вэньхая. Соответственно, могут быть выделены следующие виды источников.

По критерию непосредственности заключения о существовании исторического факта [Там же, с. 299-303]:

1. *Остатки культуры* (непосредственный остаток факта): сохранившиеся основные монастыри школы Винаи Цяньхуа (Лунчан-сы 隆昌寺 на г. Баохуашань 宝华山 в г. Нанкин провинции Цзянсу, Фаюань-сы 法源寺 в Пекине ^[1]); существующие обряды (алтарная церемония передачи монашеских обетов и

др.), обычаи и институты (использование строго определенной последовательности иероглифов в монашеских именах 演派字 и определяемая на этой основе линия преемственности 传承^[1]).

2. **Исторические предания** (чужое показание о факте): местные и монастырские хроники («Хроника горы Баохуа-шань» 《宝华山志》^[2], «Хроника монастыря Фаюань-сы» 《法源寺志》^[3] и др.), сборники биографий^[4] («Свод школы Наньшань» 《南山宗统》^[5], «Генеалогия светильника школы Винаи» 《律宗灯谱》^[6], «Новое продолжение жизнеописаний достойных монахов» 《新续高僧传》^[7]), надпись на памятной ступе долголетия Фуцзюй Вэньхая в монастыре Фаюань-сы^[8].

По критерию присутствия или отсутствия нормативной цели [1, с. 312-313]:

Источники с фактическим содержанием: местные и монастырские хроники, сборники биографий, надпись на памятной ступе долголетия Фуцзюй Вэньхая в монастыре Фаюань-сы^[9].

В ряде жизнеописаний^[10] Фуцзюй Вэньхая указывается, что он написал «Дополнительные комментарии к [обетам Бодхисаттвы из] Йога[чара-бхуми-шастры]» 《瑜珈补注》^[11] и «Ритуал и визуализацию жертвования пищи [голодным духам]» 《施食仪观》, а также «Дополнения к хронике [горы] Баохуа[-шань]» 《宝华志余》. Первый из этих текстов, по всей вероятности, можно было бы отнести к **источникам с фактическим идейным содержанием**, поскольку он мог отражать воззрения Фуцзюй Вэньхая по обетам бодхисаттвы. Кроме того, если в нем давались предписания и уточнения по тому, как должны соблюдаться те или иные обеты, он мог относиться к **источникам и с чисто-нормативным** (если речь шла об абсолютных ценностях буддизма), и **с утилитарно-нормативным содержанием** (если затрагивались бытовые аспекты соблюдения обетов). Второй из указанных источников носил утилитарно-нормативное содержание, являясь предписанием по проведению одного из буддийских ритуалов. Третий, по всей видимости, имел фактическое бытовое содержание. Таким образом, можно определить, что в своих сочинениях Фуцзюй Вэньхай уделял внимание как фактическим (бытовым и идейным), так и нормативным темам.

Работа показывает плодотворность применения классификации источников согласно методологии Лаппо-Данилевского для дальнейшего биографического исследования, позволяя выявить их основные группы и специфику, а также наметить некоторые направления для дальнейшего исследования.

Библиографический список:

1. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 624 с.

2. Медушевская, О. М. Лаппо-Данилевский А. С. [Текст] / О.С. Медушевская // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 619-622.

3. Хуэй-Цзяо. Жизнеописания достойных монахов : (Гао сэн чжуань) : В 3 т. [Электронный ресурс] / Хуэй-Цзяо ; Пер. с кит., исслед., коммент. и указ. М. Е. Ермакова; [АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения] – М.: Наука, 1991. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VI/Chuej_tsjao/vved2.htm (дата обращения: 20.05.2016).

4. 读体 (1601~1679) // 中华佛教百科全书 [电子资料] / (台)蓝吉富主编. – 台南: 中华佛教百科文献基金会, 1994年 – 电子百科全书-访问链接: <http://cidian.foyuan.net/list168/> (访问日期: 2016年5月20日)

5. 《律宗灯谱》八卷 [文字] / 恒实源谅 // 北京佛教文献集成. 律学篇. 第一册 / 传印 主编; 北京佛教文化研究所 编 – 北京: 宗教文化出版社, 2011

6. 中國佛教寺廟志數位典藏 / 中華佛學研究所. – 电子资料库 – 2007年至今 – 访问链接: <http://buddhistinformatics.ddbc.edu.tw/fosizhi/> (访问日期: 2016年5月20日)

7. 《南山宗统》十卷 [文字] // 北京佛教文献集成. 律学篇. 第一册 / 传印主编; 北京佛教文化研究所编 – 北京: 宗教文化出版社, 2011

8. 和硕显亲王 宝华山文海和尚寿塔铭 / 和硕显亲王 // 北京佛教文献集成. 律学篇. 第一册 / 传印主编; 北京佛教文化研究所编 – 北京: 宗教文化出版社, 2011. – 第147-148页

9. 严修《新续高僧传四集》[电子资料] / 严修; 喻昧庵 [喻谦] 编 // 中国哲学书电子化计划 – 电子资料库 – 访问链接: <http://ctext.org/library.pl?if=gb&res=85277&remap=gb> (访问日期: 2016年5月20日)

10. Eichman, Jennifer Humanizing the Study of Late Ming Buddhism / Jennifer Eichman // *Chung-Hwa Buddhist Journal*. – 2013. – № 26. – Pp.153-185.

---

^[1] Выстраивание линий преемственности, закрепляемых в т.ч. через именные иероглифы, позволявшие определить поколение, к которому принадлежит монах, в конце династии Мин – начале династии Цин было особенно распространено в школе Чань. В частности, оно сыграло особую роль в противостоянии Ханьюэ Фацзяна 汉月法藏(1573-1635 гг.), Миюань Юаньу 密云圆悟(1566-1643 гг.) и Фэйинь Тунжуна 费隐通容(1593-1661 гг.), в которое затем вмешался император Юнчжэн [10, p. 162]. Именные иероглифы как инструмент выстраивания линий преемственности школы Винаи в Китае могут быть темой отдельного исследования.

^[2] Исторически существовало две «Хроники горы Баохуа-шань». Первую пробовал написать 2-й патриарх школы Винаи Цяньхуа Дути Цзяньюэ 读体见月(1601-1679 гг.), однако она не была издана. Ныне известная «Хроника горы Баохуа-шань» в 15 цзюанях была составлена Лю Минфаном 刘名芳 (?-1759 гг.) и отредактирована Фуцзюй Вэньхаем [4]. «Хроника горы Баохуа-шань» распознана в цифровом виде в [6], а также опубликована в ряде сборников монастырских хроник, вышедших в материковом Китае и на Тайване. Как составление, так и последующее издание таких сборников может быть темой отдельного исследования. Лю Минфан – литератор эпохи Цин, автор нескольких монастырских хроник.

^[3] Авторы – Ван Шунань 王树楠(1851—1936 гг.), Хуан Вэйхань 黄维翰(1867-1930 гг.).

^[4] При изучении подобных биографических сборников следует иметь в виду замечание Eichman об ограниченной ценности подобных источников в силу шаблонности биографий и отсутствия обоснованного обсуждения инновационного вклада в учение конкретных монахов [10, p. 159].

[5] Считается, что Фуцзюй Вэньхай составил «Свод школы Наньшань» в первые годы правления под девизом Цяньлун (1736—1795 гг.) (в предисловии Е Муцзяня и вводной статье Фуцзюй Вэньхай «Истоки генеалогий светильников» указывается 1742 г. [7, р. 6, 8], однако, как отмечают редакторы раздела «Традиция Винаи» в «Сборнике источников по буддизму Пекина», указание на авторство Фуцзюй Вэньхай присутствует только в 1-4 цзюанях. В их начале значится: «Составлено бхикшу традиции Винаи Фуцзюем вслед [за предшественниками] ставшим главою 7-го поколения [школы] Цяньхуа». В начале 4-го цзюаня к этому тексту добавляется: «Отредактировал ученик по обетам бодхисатвы Юньцзянь Уфэн, буддист-мирянин Дун Хун». С пятого же цзюаня указания на авторство отсутствуют [7, р. 2].

[6] Составлена в 1765 г. Хэнши Юаньяном 恒实源谅, 7-м настоятелем монастыря Сююнь-сы на г. Таньчжэшань в Пекине. и распознана в цифровом виде в [6].

[7] «Новое продолжение жизнеописаний достойных монахов» [9] входит в литературный ряд так называемых «Гао сэн чжуаней» 高僧传 (жизнеописаний достойных монахов), восходящий к Хуэй-цзяо 慧皎 (497—554 гг.), как показывает М.Е. Ермаков. Он перечисляет четыре сочинения такого рода, созданные на протяжении истории буддизма в Китае: «Жизнеописание достойных монахов» Хуэй-Цзяо, «Продолженные жизнеописания достойных монахов» 续高僧传 Дао-сюаня 道宣 (596—667 гг.), «Сунские жизнеописания достойных монахов» 宋高僧传 Цзань-нина 赞宁 (919-1001 гг.) и «Жизнеописания достойных монахов Великой Мин» 大名高僧传 Жу-сина 如惺 (годы жизни неизвестны), но не упоминает «Нового продолжения жизнеописаний достойных монахов» [3, с. 95]. Автор «Нового продолжения жизнеописаний достойных монахов» – Янь Сю 严修 (1860-1929 гг.), просветитель и мыслитель конца династии Цин.

[8] Текст был составлен маньчжурским принцем 1-го ранга Сянем в 1746 г. по просьбе ученика Фуцзюй Вэньхай по имени Тяньюэ Синши 天月行实, ставшего его преемником в качестве настоятеля монастыря Фаюань-сы [8, р. 147-148].

[9] Содержание данных источников является преимущественно бытовым. Однако следует отметить, что некоторые из них могут служить для изучения

идей их авторов. В этой связи представляет особый интерес «Свод школы Наньшань», первые три цзюаня которого были написаны Фуцзюй Вэньхаем с целью фиксирования линии преемственности школы Цяньхуа через школы Наньшань Даосюаня вплоть до Будды Шакьямуни и семи Будд прошлого и за счет этого утверждения позиций Цяньхуа как школы, получившей чистую передачу монашеских обетов. Другой интересный источник такого рода – это ступа долголетия Фуцзюй Вэньхая, текст которой был составлен маньчжурским принцем, а потому позволяет судить о намерениях императорского дома укрепить связи с данной школой буддизма, что может стать предметом отдельного исследования.

^[10] А именно в его жизнеописании в «Хронике горы Баохуа-шань» [7, р. 147], «Хронике монастыря Фаюань-сы» [南山宗统, 150], «Своде школы Наньшань» [7, р. 116] и «Новом продолжение жизнеописаний достойных монахов» [9, р. 54].

^[11] Оригинальное название буквально переводится как «Дополнительные комментарии к йоге». Однако учитывая слабую связь между школой Винаи и вопросами йоги, разумнее предположить, что речь идет об обетах бодхисаттвы из Йогачара-бхуми-шастры (Трактата об уровнях йогической практики) Майтрейянатхи – одном из двух основных кодексов бодхисаттвы, наряду с обетами бодхисаттвы из Брахмаджала-сутры (Сутры сети Брахмы).

О.С. Литвинцев (Абакан)

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова»

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА ^[1]

Аннотация. Целью статьи является определение основных этапов развития национального сознания китайского этноса, выявление механизмов межкультурного взаимодействия китайцев с другими народами. В связи с этим рассматривается этногенез хуася, формирование ханьской нации, концепция единого китайского народа – чжунхуаминаньцзу, как наиболее значимых вех устойчивого развития китайской цивилизации.

Ключевые слова: китайский этнос; национальное сознание; китайская цивилизация; Восточная цивилизация; глобализация; ценностные ориентации.

O. Litvintsev (Abakan)

Khakas State University named after N.F. Katanov

MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE NATIONAL CONSCIOUSNESS

***Abstract.** The aim of the article is to identify the main stages of the development of the Chinese national consciousness, the identification of mechanisms of intercultural interaction of Chinese. In this regard, we study the ethnogenesis of Huaxia, the formation of the Han nation, the concept of a single Chinese people – zhonghuaminzu, as the most significant milestones in sustainable development of the Chinese civilization.*

***Key words:** Chinese ethnicity; national consciousness; the Chinese civilization; Eastern civilization; globalization; values.*

Становление и развитие национального сознания китайского этноса прошло ряд важнейших исторических этапов, сопровождавшихся вкраплением в китайскую культуру необходимых для ее дальнейшего существования элементов и отвержением элементов, разрушающих ее единство. Во многом сами процессы аккультурации обусловили богатство, разнообразие и эволюцию китайской цивилизации. Китай как одна из древнейших ныне существующих цивилизаций, обладает уникальным опытом взаимодействия с другими культурами, характеризующимся устойчивым развитием национального сознания.

Существуют различные версии периодизации этнической истории китайцев. Одной из первых в современной науке была периодизация, составленная китайским ученым Ван Тунлином. Первый этап формирования китайской нации, по его мнению, охватывает время с глубокой древности до середины I тысячелетия до н.э. Всю последующую этническую историю Ван Тунлин делит на семь периодов, поочередно сменяющих друг друга. Три из них он называет временем «укрепления и развития» (империи Цинь и Хань,

династии Суй и Тан, династия Мин), четыре других – временем «перерождения и изменения» (эпоха Чуньцю-Чжаньго; троецарствие и династии Юга и Севера; пять династий, Сун и Юань; империя Цин) [6, с. 9].

Одна из последних периодизаций предложена Е.А.Грачиковым, который, следуя геополитическому дискурсу, выделил следующие этапы развития Китая:

1. Доимперский период, характеризуемый политической раздробленностью пространства Центральной равнины. В эпоху «золотого века» китайской цивилизации (7 – 3 век до н.э.) происходит зарождение этико-политических учений, стратегий и стратагем. Борьба ведется между «своими» – однопорядковыми царствами.

2. Имперский период (221 в. до н.э. – 1911 г.). Китайское мироощущение характеризуется китаецентризмом, где весь мир вне Китая объявляется периферией. Главный способ (стратегия) решения проблем взаимоотношения с окружающим племенами, народами и малыми государственными образованиями – «использование варваров против варваров». Сухопутная геостратегия. Приграничная геополитика.

3. Республиканский период. Китайская Республика (1911-1949), Китайская Народная Республика (1949-н/вр.). Поиск путей модернизации.

4. Глобальный период (2009 — настоящее время).

Несколько иной характер, согласно Е.А.Грачикову, носит смена идентичностей Китая:

1. Идентичность империи (221г. до н.э.-1840).

2. Идентичность полуколонии и зависимой страны (1840-1949/1978).

3. Возрождение идентичности великой державы – переходный период (1978-2008).

4. Идентичность глобальной державы с глобальными ценностями (2009-н/в) [1].

На наш взгляд вопрос периодизации развития этнического, а впоследствии национального сознания требует тщательного рассмотрения. Важной составляющей при ее разработке представляется нахождение закономерностей и раскрытие механизмов трансформаций национального сознания при переходе на каждый качественно новый этап развития. Оговоримся, что в понятие «этнос» мы вкладываем содержание, восходящее к концепции родоначальника теории этноса С.М.Широкогорова, который определял этнос как группу людей,

говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею таковых других групп [10, с. 16]. Принимается во внимание то, что понятие «этнос» должно рассматриваться в рамках этнологического дискурса. Понятие «нация» рассматривается нами как исторически сложившаяся в процессе развития устойчивая общность людей, проживающих на одной территории, имеющих общую культуру, язык, самосознание, характеризующаяся экономической общностью и единой, многообразно проявляющейся системой политической жизни, сложным этнопсихологическим характером. Нация обладает особым складом, стилем мышления, менталитетом, чувством собственного достоинства. Понятие «нация» рассматривается нами в рамках политологического дискурса.

Прежде всего, обратимся к истокам китайской цивилизации: периоду неолитических культур народов, населяющих территорию среднего течения реки Хуанхэ, где, по мнению ученых, происходит этногенез древних китайцев. Первый этап генезиса этнического сознания китайцев связан с возникновением этноса *хуася*. Примерно в VI тыс. до н.э. в Восточной Азии появляются предки сино-тибетцев и оседают в бассейне Верхней Хуанхэ, откуда постепенно проникают на Среднюю Хуанхэ и Верхнюю Янцзы, а позже – и на юг Древнего Приморья. В позднем неолите (3500–2500 гг. до н.э.), судя по данным археологии, уже существует этническая группа хуася как восточная ветвь сино-тибетцев. Ко II тыс. до н.э. земли Средней Хуанхэ, значительной части Древнего Приморья и прилегающих районов Великой Равнины стали местами проживания хуася [3, с. 7-32].

Генезис этнического сознания предшествует возникновению этнического самосознания и самоназвания этноса и по необходимости связан с формированием языкового сознания племени. Общие черты зарождающегося на заре человеческой эры мифологического сознания у разных народов преимущественно совпадают. Однако определенный способ видения мира этноса, по словам В.Н.Топорова, складывается в процессе «обживания» и «освоения» пространства, он кодируется и передается последующим поколениям в языке. Закодированная в языке информация об истории своего народа и его специфических отношениях с окружающей средой через мифы и предания объективируется в сознании этноса, оказываясь самым глубоким

пластом мировоззрения. В то же время язык, призванный транслировать потомкам уникальный опыт ориентации во внешнем мире свойственный тому или иному племени оказывается одним из важнейших препятствий для интеграции с чужими племенами. И на Западе, и на Востоке варварами считали в первую очередь, тех, кто не умел говорить на «своем» для данного племени языке. Причем «языке», в двух значениях: во-первых, не владел данным языком как средством общения, во-вторых, не был носителем соответствующего мировоззрения, выражаясь в терминологии Э.Холла, выпадал из «контекста данной культуры».

Важным основанием для различия «своих» от «чужих», в частности для этноса хуася, был язык, родственные узы и единство происхождения. В контрверзе «мы» - «они» родилось этническое самосознание и самоназвание этноса. Древнейшее свидетельство употребления слова «ся» в качестве самоназвания этнической общности сохранилось в надписи на ритуальном бронзовом колоколе, датируемом серединой VI в. до н.э. В Древнем Китае «ся» отличали себя от соседних племен, именуемых «мань», «и», «жун», «ди». Позднее каждый из этих терминов стал ассоциироваться с определенной стороной света, а все они в своей совокупности стали употребляться для обозначения «варваров четырех стран света». Первое упоминание племени *мань* зафиксировано в той же надписи, где мы впервые сталкиваемся с самоназванием *ся* [5, с. 44-45]. Говоря о существенных признаках этнических различий, М.В.Крюков указывает на особенности культуры (прежде всего материальной) и связанные с ними обычаи: древние китайцы придавали большое значение особенностям пищи (что едят и каким способом готовят), жилища, бытовым привычкам (манера сидеть), прическе, украшениям, одежде, также считавшейся одним из важнейших показателей этнической принадлежности. Особое внимание уделялось манере запахивания халата: левосторонний запах свидетельствовал о принадлежности к варварам [5, с. 49]. Таким образом, не вдаваясь в дискуссию об определяющих факторах этногенеза, отметим, что таковыми для исследуемого нами этноса явились общность языка, культуры, территории (представления о Поднебесной как о центре Земли), единство происхождения и брачные узы.

Отличительной особенностью хуася, начиная с самого раннего исторического периода, становится открытость к культурному обмену с

соседними народами и невероятная устойчивость собственных мировоззренческих установок. Уже в шанскую эпоху происходят интенсивные культурные контакты сино-тибетцев хуася с заселявшими бассейн Янцзы австрическими народами: прото-юэ (вьеты) Нижней Янцзы, хмонги Средней Янцзы, мон-кхмеры Индокитая. Между тем, различие образа жизни хуася и их южных соседей было весьма значительным: они жили в разных климатических зонах (в умеренном климате и субтропиках), говорили на разных языках, принадлежали к совершенно разным хозяйственно-культурным типам (практиковали суходольное просоводство и поливное рисоводство), а также различались по формам социальной организации (община просоводов и община рисоводов) [9]. Продолжавшиеся в течение восьмисот лет – вплоть до создания ханьской империи – процессы аккультурации привели к высокой интеграции этих культур. Потомки южных народов – царства У, Юэ и Чу первоначально даже не входили в понятие *Чжунго* – «Срединных государств», которые выводили свою политическую генеалогию от чжоуских ванов. Со временем они восприняли элементы политической культуры хуася (набор бронзовых изделий как атрибутов высшей власти и основного комплекса ритуальных предметов государствообразующего культа предков правящей династии, титулатуру, иероглифику и др.), однако в своих землях и при дворах правителей других царств, в речи, в одежде, в религии, в привычках и обрядности оставались носителями своей культуры [9, с. 540]. В обмен на это хуася получили технологии эпохи раннего металла и основную форму некоторых орудий труда. В целом со времен позднего неолита Юг давал важнейшие технические достижения (фарфор, глазурь), позднее — шелк, полезные сельскохозяйственные культуры (чай). Наконец, на юге зародился даосизм [2].

Аккультурация хуася и ряда австрических народов является уникальным опытом межэтнического взаимодействия равных культур на территории современного Китая. О равноправии культур говорит уже тот факт, что первое номовое государство в Восточной Азии, возникшее около 2500 г. до н.э. в Нижнем Янцзы (территория современных городов Шанхай и Сучжоу) было протохмонгским. Хуаское государство Шан (1600 - 1027 гг. до н.э.) возникло значительно позже. Однако доминирующим в процессе аккультурации стал этнос хуася, несмотря на временное господство чусцев во главе с Лю Баном, сумевших свергнуть циньскую династию и создать империю Западная Хань.

Тем не менее, последняя стала опираться на демографический и мобилизационный потенциал многочисленного народа хуася, а не чусцев.

В историческую эпоху правления легендарной династии Ся, первой чье существование доподлинно известно династии Шан и последующей династии Чжоу у этноса хуася формируется письменность, складывается мифопоэтическое и протофилософское сознание как базовый элемент духовной культуры народа. Тогда же закладываются важнейшие особенности социальной и религиозной структуры будущего ханьского общества, подтверждающие формирование этнического сознания: этноцентризм, сакрализация императорской власти, культ предков и поклонение божеству-первопредку Шанди.

Второй этап качественного развития национального сознания китайцев связан с возникновением Ханьской империи (206г. до н.э. – 220г. н.э.), сумевшей за четыре века своего правления создать на территории от Южно-китайского моря до Великой Китайской Стены и от побережья Тихого океана до Цинхай-тибетского нагорья единое социокультурное пространство. Исторически первой империей на карте Восточной Азии стала Циньская империя, объединившая в 221 г. до н.э. земли Поднебесной. Однако следует признать, что насильственное объединение, причем произведенное «полуварварским» царством, кое даже не входило в число «Срединных государств», не привело к культурной интеграции народов, населяющих территории империи, что очень скоро проявилось в децентрализации власти и падении династии Цинь.

В ханьскую эпоху происходит эволюция таких важных составляющих национального сознания как идеологические взгляды, социальные программы, нормы и ценности. Уже в период Чжоу в результате разложения родоплеменных отношений и возникновения феодальной системы хозяйствования наступает эпоха переосмысления традиционной идеологии. Появляется два варианта нового устройства государства, теоретическим обоснованием которых являются два учения: конфуцианство как идеология служивого сословия и легизм как идеология сильного централизованного государства. Опыт построения обеих моделей отразился в трансформации национального сознания китайцев. Однако если Цинь Шихуан, чьим политическим кредо стал легизм, по справедливому замечанию Д.В.Деопика,

лишь «показал, что создание единого государства в Восточной Азии возможно», то Ханьская империя, вооруженная идеологией конфуцианства (развитого политическим деятелем и философом Дун Чжуншу) сумела дать начало рождению китайской нации как организации более сложного порядка, чем этнос. В виду вызревания вместе с появлением централизованного государства новой идентичности – национальной – в рамках единого государства снимаются межэтнические противоречия между аустрическими народами Поднебесной и доминирующим этносом хуася.

В то же время на обширных территориях централизованного Китая сохранялся сакральный статус правителя – сына Неба, концепция небесного мандата *тяньмин* и благой императорской силы *дэ*, сформировались представления о золотом веке идеализированного прошлого, укрепился организмический взгляд на социум, напоминающий о внутреннем единстве и взаимозависимости верхов и низов. Важнейшей особенностью данного этапа явилось проникновение и вкрапление во все сферы китайской духовной культуры буддизма. Длившийся в течение нескольких столетий процесс доместикации чужеродного индийского учения, в конце концов, вылился в формирование в V – VI веках собственно китайского буддизма, ставшего впоследствии основой идеологической и культурной экспансии Китая на Дальний Восток (Корея, Япония). Буддизм в Китае претерпел значительные изменения, выраженные, в первую очередь, в трансформации главного сотериологического принципа индийского учения о жизни как страдании и связанной с этим необходимости отречения от мирских благ. Напротив, китайский буддизм подчеркнул важность традиционных мировоззренческих гедонистических постулатов китайцев о любви к настоящей жизни и ценности всего мирского, объявив страдания иллюзией заблуждающегося ума. Лишь в этой форме буддизм смог закрепиться в Китае, что говорит о незыблемости базовых ценностей китайцев. В то же время буддизм, по замечанию Л.Е.Янгутова, дал китайскому менталитету, отсутствовавший прежде сотериологический ориентир – достижение просветления, понятое китайцами на мотив собственных мировоззренческих установок о единении, тождестве и гармонии с универсумом [11]. Буддизм – как и веками ранее даосизм – был переосмыслен и вплетен в ткань китайской культуры, став ее неотъемлемым элементом.

Национальное самосознание китайцев выкристаллизовывалось в процессе тесных культурных контактов во времена экспансии Китая его северными соседями: сюнну, сяньбийцы, цяны, цзе, ди (эпоха 16 варварских государств), тангуты (династия Западная Ся), кидане (династия Ляо), чжурчжэни (династия Цзинь), монголы (династия Юань) и маньчжуры (династия Цин). Процесс аккультурации протекал неоднозначно. В Средние века северные кочевые народы, захватив территории Поднебесной и приняв китайский опыт управления и китайскую культуру, были за относительно недолгое время ассимилированы китайцами. В свою очередь монголы и маньчжуры, сумевшие основать собственные всекитайские династии, спровоцировали рост национального самосознания китайцев, осознавших свое отличие от степных захватчиков.

В X – XIII вв. основным самоназванием этнической общности китайцев стал этноним *ханьжэнь*, то есть «люди нации хань» [7, с. 329]. Ханьцы противопоставляли себя и свою этническую территорию *чжунхуа* монгольским, и маньчжурским завоевателям. В XIV в. термином «чжунхуа» пользовался родоначальник династии Мин Чжу Юаньчжан, формулируя свою программу свержения господства монголов. Бином «чжунхуа» был использован для обозначения этнической общности китайцев и сторонниками свержения маньчжурской династии [7, с. 332]. Таким образом, сложившаяся на рубеже нашей эры нация хань за два тысячелетия реализовала свой пассионарный потенциал, став в культурном, политическом и экономическом отношениях гегемоном в регионе Восточной Азии.

Третий и последний этап развития национального сознания китайцев взял начало в XIX веке и продолжается по сей день. Он связан с вступлением Китая в глобальную мировую геополитику и построением отношений с цивилизацией Запада.

В Новое время, ввиду активно развивавшихся культурных и прочих контактов с западной цивилизацией для противопоставления себя иностранцам китайцы стали использовать самоназвание «люди срединного государства» - *чжунгожэнь*. В то же время сохранялись внутринациональные дефиниции. В XIX веке Китай находился под властью маньчжурской династии Цин. Маньчжуров ханьцы именовали «народом мань» – *маньцзу*, подчеркивая их национальное и культурное отличие. В XX веке китайские мыслители, начиная

с Лян Цичао, стали активно пропагандировать концепцию единства китайского народа – *чжунхуаминаьцзу*. Основной ее идеей в современном виде являются представления о едином китайском народе, состоящем из 56 национальностей, среди которых хань занимает положение титульной нации. XXI век был встречен в Китае идеями великого возрождения китайской нации и осуществления китайской мечты.

Для китайцев XIX - XX вв. стали веками тяжелых испытаний крепости духа, сопровождавшихся невиданным подъемом национального самосознания. Вызов, брошенный Западом Китаю, сыграл решающую роль в изменении политической стратегии страны, восстановил ханьцев в исторических правах на управление Поднебесной, возродил в новом облике традиционные ценности китайской цивилизации и, по существу, стал катализатором перемен в китайском обществе. В настоящее время, несмотря на интерес к укладу жизни и ценностям западной цивилизации, китайцы как хранители многотысячелетнего опыта взаимодействия с чужими культурами находятся в поисках путей интеграции в глобальный мир на выгодных для себя условиях. Безусловно, китайская нация не растворится в плавильном котле прозападных либерально-демократических идей глобального мира. Не случайно, что подъем и рост национального самосознания китайцев прямо пропорционален развитию экономической и политической мощи страны. XXI век стал веком интеграции культурных парадигм Востока и Запада. На наших глазах формируется новый глобальный миропорядок, в котором западные ценности уже не будут единственной доминантой развития. Аналитическая, «правополушарная», по выражению А.И.Кобзева, культура Запада вступила в конвергенцию с «синтетической» культурой Востока [4]. Большое преимущество Востока в том, что интеграционные процессы Китай, как мы увидели, всегда осуществлял на основе мягкой силы культурной ассимиляции, а Запад – силой оружия и технологического превосходства. Запад настроен на преодоление противоречий путем их отрицания: существует единственно верная система ценностей, базирующаяся на либерально-демократических идеях. А Восток и не стремится преодолевать противоречия, философски осознавая, что в постоянном усложнении и упорядочивании узоров действительности, во взаимном перетекании одних форм в другие проявляется главный принцип скрытой гармонии бытия.

Китайцы за пяти тысячелетий путь развития поочередно прошли этапы этногенеза (хуася), формирования нации (хань) и осознания себя флагманом восточной цивилизации, объединившим народы Поднебесной (чжунхуа минцзу) и оказывающим, в первую очередь, культурное влияние на весь восточно-азиатский регион. Данные этапы характеризуются следующими наиболее важными чертами: сохранением базовых ценностей китайской духовной культуры (иероглифическая письменность, культ предков, идеалы конфуцианства, традиционные мировоззренческие установки), позволительностью заимствования «полезных» достижений материальной культуры «варваров» (начиная от палочек для еды, элементов одежды и кана, заканчивая западной системой образования и технологиями) усложнением форм социальной организации при сохранении строгой вертикальной иерархии, увеличением численности народонаселения и подконтрольной территории, культурной экспансией в страны находящиеся в традиционных сферах геополитических интересов Китая (Тибет, Монголия, Корея, Япония, страны Юго-восточной Азии). Указанные этапы сопровождались устойчивым развитием по принципу включения и интеграции этнического сознания/идентичности, национального сознания/идентичности, и той формы общественного сознания, которую, вероятно, следует называть «наднациональной»/ цивилизационная идентичность.

Библиографический список:

1. Грачиков, Е.Н., Кочетков, В.В. Идентичность как источник "мягкой силы" Китая. [Текст] // Применение "жесткой" и "мягкой" силы во внешнеполитических целях: теория и практика. – М.: Издательство МГУ, 2015. – С. 165–178.
2. Деопик, Д.В. Четыре этюда об истории древней Восточной Азии: взгляд с юга. [Текст] // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция / ИВ РАН. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 6-15.
3. Деопик, Д.В., Ульянов, М.Ю. Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э.: складывание «двуединого» региона. [Текст] // Общество и государство в Китае: Т. ХLII, ч. 3 – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2012. – С. 7-32.

4. Кобзев, А.И. Китай в глобальной поляризации культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения 20.10.15)

5. Крюков, М.В., Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза [Текст] // Расы и народы. Вып. 6. – М., 1976. – С. 42-63

6. Крюков, М. В., Софронов, М. В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза, М.: «Наука», 1978 – 343с.

7. Крюков, М.В., Малявин, В.В., Софронов, М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1987 – 312с.

8. Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 285 с.

9. Ульянов, М.Ю. Заметки о новой книге по истории Древнего Китая. [Текст] // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2 – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2014. – С. 518-559.

10. Широкогоров, С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Кафедра Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Москва, 2010. – 124с.

11. Янгутов, Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995. – 224с.

---

^[1] Работа выполнена в рамках Гранта Президента Российской Федерации (МК-6015.2015.6)

A. Malkova (Atlanta)
Georgia State University

WHAT HELPS AUTHORITARIAN RULERS STAY IN POWER FOR SO LONG?

***Abstract:** Why do revolutions in authoritarian countries not occur as often as they do elsewhere? And even when they do, why do they not bring the results we*

would expect them to bring? What methods do authoritarian leaders use to make people more submissive and less rebellious?

North Korea is known for being one of the most repressive countries in the world with the dynasty of autocrats successfully staying in power for a very long period of time that does not seem to be likely to end in the nearest future. In this paper I plan to use the model introduced by Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith to explain why things work the way they do in North Korea as well as simultaneously answer the question posed in the title.

Key words: North Korea; DPRK; autocracy; regime; politics; coalitions; elite.

It is common practice to blame rulers' personalities whenever the news announces something terrible happening in autocratic governments. In fact, it is not their personalities, but politics. We do not blame each other's personalities when lose in a card game, because we understand that there are rules that define what we do and how.

Autocrats, in order to be successful leaders, indeed have to have some certain types of characters, but it is the game of politics that they are playing. And this is what matters. There is just one main rule in this game. Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith define it as follows: "Politics is about getting and keeping the power" [14].

Winning Coalitions

Politics is not the game that can be played alone, it is a team game. According to Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith, there are three groups of people that matter in politics. These groups include *interchangeables* (these people may think they matter, but in reality they do not make much difference – all citizens eligible to vote is a good example of what this group is), *influentials* (these people are the ones that actually choose leaders, this is a much smaller group than interchangeables), and *essentials* (as Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith put it, "the real selectorate that makes up a winning coalition", the leader's survival is dependent on this group of people) [14].

The most important of the three groups is obviously the group of essentials. In autocracies, the group of essentials is much smaller than in democracies. This enables autocrats to gain more control over the people they depend on. In North Korean case, the interchangeables are all the citizens eligible to vote (even though the idea of

elections in the context of DPRK sounds somewhat absurd since nominal electorate does not choose the leader). The influentials are North Korean parties (Worker's Party of Korea, Korean Social Democratic Party, Chondoist Chongu Party, General Association of Korean Residents in Japan, Religions Associations). Finally, essentials are the National Party Congress, which is the highest body of Worker's Party of Korea [2].

Very small winning coalition is what makes DPRK (*Democratic People's Republic of Korea*) more a *dictatorship* rather than a democracy or a communist state.

Coming to power and holding on to power right after it

Before one can start playing any team game (the game of politics is a team game as one should remember), the person has to actually be on the team. Since we talk about autocracies, it is important to discuss how to become *the head* of the team rather than just an ordinary player.

According to Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith, to come to power the challenger usually needs to do three things: "remove the incumbent", "seize the apparatus of government", "form a coalition of supporters sufficient to sustain him as the new incumbent" [14].

There is a number of rules as to how one can remove the incumbent. It may be done through the election race, with the help of right timing and actions (if the leader is dying, for example), or simply by inheriting the power. Any of these ways is a valuable one, though, for the paper it is inheritance that is of particular interest.

While general rules of coming to power remain the same for DPRK, this country is famous for having the ruling dynasty. This is wise for at least four reasons. First, the Kims' power is less threatened by the outside challengers, because outsiders simply have close to zero chances of success. Second, mortality, which is the best opportunity for the challengers to come to power, is not considered a sign of huge governmental chaos or challenger race since family members are assigned to be the leaders beforehand and their manner of ruling is not likely to be much different from the manner used by the incumbent. Third, with inheritance the supporters are already in the right place. Fourth, the incumbent lives in power for the rest of his life without being worried about the challenger rivalry.

The next thing that is as important as coming to power is the ability to stay in power, especially during the first year of being a ruler. As Bruce Bueno de Mesquita

and Alastair Smith put it, “would-be autocrats must be prepared to kill all comers – even members of the immediate family” [14].

The Kims seem to be well aware of potential problems that may appear. They are ready to kill for power making sure their coalitions are loyal and no one tries to challenge the existing system. In 2014 all of the news headlines read “Kim Jong Un executes his uncle”. The uncle, Jang Song Thaek, was accused of the attempts to overthrow the state and grab the power of the party [6]. Moreover, all close relatives of Jang Song Thaek, including his children, have also been put to death [5]. While the accusations may not be entirely true, Kim Jong Un did what any autocrat would do – he made sure nothing threatened his authority.

This is not a rare incident for North Korea. In 2014 alone, Kim Jong Un executed fifteen high-ranked officials. All of the executed officials happened to slightly disagree with the leader on some matters [7]. While North Korea is one of the extreme examples of successful autocracies, it is perfect in tactics and strategy.

Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith highlight that “a wise leader does not count too much on those who helped her gain power” [14]. As it has already been mentioned, successful leaders are surrounded by loyal supporters. This means that when a new leader comes to power, he may have to reshuffle the coalition to make sure the essentials are indeed loyal to him. Whenever inheritance takes place, the winning coalition is usually already in place. This was exactly the case with Kim Jong Un. Nevertheless, he was aware of the chances that the very people who brought him to power, may put him down. The coalition has proven to be loyal to Kim Jong Il, but Kim Jong Un is an entirely different person, although a son of his father. Kim Jong Un preferred to be overprotective rather than careless about keeping the power. Thus, he kept his coalition off-balance, making sure that the coalition members’ “loyalty is paid for and that they know they will be ousted if their reliability is in doubt” [14].

Providing for supporters

Successful leaders should not only be able to form the coalitions they can rely on, they should also be able to pay their supporters so they do not betray them.

Since the essentials are those who need to be cared and provided for in exchange for eternal loyalty and support for the leader, the leader is responsible for making the right decisions as to how to spend money that he gets by taxation or whatsoever other means.

According to Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith, there are several basic rules that work perfectly well for autocracies:

1. “Keep your winning coalition as small as possible”.
2. “Keep your nominal selectorate as large as possible”.
3. “Control the flow of revenue”.
4. “Pay your key supporters just enough to keep them loyal”.
5. “Don’t take money out of your supporter’s pocket to make the people’s lives better” [14].

As it has already been mentioned, in North Korea winning coalition is represented by the National Party Congress of WPK. This is a very small and diverse group of people chosen by the leader [13]. North Korean selectorate, at the same time, is enormously large. Every citizen of DPRK gets to vote, the turnout is usually very close to 100%, although, the results of the election do not depend on nominal selectorate [2]. The leader decides whom to make poor or wealthy. Judging from how foreign aid is distributed, North Korean leaders do not upset supporters by taking money out of their pockets. They do a great job distributing resources among their essentials getting their support and loyalty, while the majority of the population of the country remains poor and hungry [19]. The United States alone donates millions of dollars to North Korea for food provision every year, but, as it appears, this money is more likely to go straight to the pockets of the supporters rather than to the problem solution agenda building and implementation [12]. Moreover, not only the Kims pay just enough to the supporters, they literally keep *all* the money under control. There is not a person (at least now) who could possibly replace Kim Jong Un by paying his supporters more because of the Kims’ perfect control.

There are several options as to where to get the money to pay the supporters. The first option is taxation. According to Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith, the general rule states that “the larger the group of essentials, the lower the tax rate”. Accordingly, since the group of essentials in North Korea is very small, the tax rate is supposed to be quite high [4]. While there is almost no reliable information about the amount of taxes average North Korean citizens should pay (because DPRK is a closed society), general economic observations point out that tax rates are very high for the impoverished population of DPRK, even though the government claims to be the only world’s country that does not collect taxes [21].

Another option that can be used to pay the supporters is corruption. In other words, this is an opportunity for the supporters to reward themselves [14]. In the context of collapsed economy, this is exactly what happens in North Korea [13]. Most of the high officials of DPRK are corrupt, which is the consequence of failed (or not properly working) institutional system [15]. In autocratic countries, corruption is a desirable element of governance. Autocrats are rarely accountable to many people of how they manage their money, which makes them feel free to bribe, thus, making themselves and their supporters richer, and the population poorer.

Yet another option is borrowing money, common practice for autocracies. North Korea again does a great job using all of the options available. External debt of the country for 2012 was estimated to be 12.5 billion dollars, though, after Russia wrote off 90% (about 10 billion dollars) of the debt, the number became less frightening in 2014 [17].

One more way to receive money from the external sources is by receiving foreign aid. Autocracies exaggerate any issues they face in order to receive as much foreign assistance as possible. Thus, North Korea has been receiving substantial aid from the US and Russia for nearly two decades [12]. Although International Community is well aware that the money is not going to be spent on the real needs of the population, they still continue to provide for North Korea in exchange for some treaty ratifications and possibility to negotiate over human rights issues. At the same time, the countries that provide assistance to North Korea often have their own interests. For example, China is more interested in North Korea being its ally and political partner rather than actually helping eliminate the hunger and poverty in DPRK [8]. As Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith put it:

Aid is decidedly *not* given primarily to alleviate poverty or misery; it is given to make the constituents in donor states better off....Yes, it is true that a lot of aid is given to corrupt governments but that is by design, not by accident or out of ignorance. Rather, aid is given to thieving governments exactly because they will sell out their people for their own political security [14].

Thus, it is obvious that aid, instead of helping solve humanitarian issues, help autocrats stay in power. The real help to the ones that need it, therefore, come from international NGOs, but they too need to pay something to autocratic governments, otherwise they would be shut down [14].

Control over the population

While it may not seem so, autocrats are not making the lives of the citizens miserable on purpose, they simply play the game of politics using all means available. Ordinary people suffer indeed. Why do not they revolt? The simple answer is that the leaders make sure to keep the crowds controlled in order not to lose the authority and, therefore, power. There is one universal rule that perfectly works when it comes to controlling people: no political freedom whatsoever. Thus, those who are being controlled allow the government have the control both consciously and unconsciously.

There is a number of ways autocrats can control the population. Limited access to public goods or the use of public goods to manipulate the masses are among those. Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith discussed the use of public goods by autocrats while addressing the question of control over the population. Autocratic governments do provide some public goods, even though, theoretically, since their coalitions are small, they have to be more oriented towards the private goods. The logic behind it is simple: provide people with just enough education and healthcare to do their job and they will do their job, give the population freedom to be educated and healthy and they will start a revolution. Thus, people in autocratic countries are provided with primary education, but the policies do not go any significantly further since educated people (therefore, politically aware people) become a threat to the government. Moreover, in some autocratic countries education is used as an effective propaganda tool that enables the government to make sure citizens are well aware of who they are and where their place is. North Korea is not an exception to this rule. DPRK leaders balance the resources and propaganda settings so well that the crowd is simply too weak or too uneducated to revolt [1].

When it comes to the children of leaders (future heirs), they are usually sent to some of the best schools in the world and receive brilliant education. “When the leadership relies on few essentials, higher education is for the children of the power” [14].

It is not a secret that the new leader of the country, Kim Jong Un, as well as his brothers were all educated in Europe, Switzerland [18]. Ordinary North Koreans at the same time are not allowed even to leave the country. But inside North Korea there is not much to offer to the population in terms of education. There are several types of schools in North Korea: general type schools, special type schools, and the schools

for those who continue education. Obviously, special type schools and the schools for those who continue education (meaning higher education) are only for the privileged elites while the only available option for ordinary citizens is general type schools [16].

North Korea is especially famous for successful ideological propaganda. Well-known *juche* (the ideology of self-reliance) is propagandized everywhere with schools and kindergartens not being exceptions. While a lot of things in the propaganda themes and motives are falsified, ideological propaganda succeeds in transforming children into loyal citizens that blindly and without any questions trust their leaders [22].

People are exposed to ideological propaganda not only in schools, but everywhere else as well. The unique trait of North Korean propaganda is that the government is the monopolist when it comes to information [22].

In order to make sure that people do not revolt, whenever some minor misbehaviors occur, political officials send rebels to prisons or concentration camps. There are numerous accounts of ex-prisoners and North Korean defectors that tell about life in imprisonment. While the accounts may not be one hundred percent reliable, they are the only sources of information that International Community has [9]. People in prisons are executed and reeducated according to the *juche* standards. Whenever the officials are confident that the person is on the right track, he may be given another chance to live a life outside of the prison fence.

DPRK is a military oriented country. This being said, military deserves some special attention from the leader. Other than that, all of the officials and elite are military. The leader himself is the Marshal of the Republic and Supreme Commander of the Korean People's Army. Military is present in everyday lives of ordinary citizens and makes sure the existing order is in place. There are numerous soldiers at the borders that ensure no one is crossing the borders either way. Whenever North Koreans are caught in an attempt to defect, they are imprisoned and executed as political traitors [8].

War and Peace

Another question that may occur is what happens with the regimes in case of war and if there is any chance the regime is overthrown after the war is over. Bruce Bueno de Mesquita and Alastair Smith mention that war is all about "staying in power and controlling as many resources as possible". Having considered all costs

and benefits the governments decide if they should or should not go to war. The war may sometimes be inevitable, but most political leaders think hard before deciding to take part in military actions. Small-coalition leaders do not go to war “if doing so uses up so much treasure that would be better spent on private rewards that keep their cronies loyal” [14].

Knowing this all too well, North Korea has its own brilliant way of extracting resources from other countries without going to war with them (and, therefore, making sure there is no threat to the regime). As it is widely known, DPRK possesses nuclear weapons and some other types of arms that are capable of damaging vast territories and injuring millions of people. Along with that, there are certain working nuclear and missile programs [10]. While the only information about the weapons comes from North Korean officials, International Community prefers to believe it in order to be on the safe side. DPRK takes advantage of the situation constantly threatening neighboring countries and the eternal enemy of North Korea the USA while making sure other governments’ officials are aware of the tests of less serious non-nuclear weapons that take place every year. In 2014 alone there were about three tests of rockets on the east coast and two threats of nuclear weapons tests [3]. With the help of threats and rocket tests DPRK makes sure International Community believes there is a massive storage of weapons in the possession of North Korea even if the reality is different in a sense [11]. And, since the governments do not prefer to go to war unless they absolutely have to, the threats serve as a means of extracting resources from the countries being threatened. Thus, North Korea collects benefits while not actually going to any kind of war other than the information war and, therefore, not endangering the regime.

Conclusions

The question posed in the very beginning of the paper was *why authoritarian rulers stay in power for so long without being overthrown*. Through some theoretical discussion and illustration with the example of North Korea, the simplest answer to this question that one can come to is *keep your coalition as small as possible and off-balance while keeping you selectorate as large as possible and over strict control, and you are never going to be overthrown*.

The most important thing that matters for long political life of authoritarian rulers is their *winning coalition*, the people they truly depend on. Everything else that happens in and out of the authoritarian country is dictated by the needs and requests

of the winning coalition. As long as the leader is able to pay his supporters while keeping influential and interchangeable under control, he is the absolute authority; there is simply no one to overthrow him. Strong authoritarian leaders should have some certain type of character that would allow them to kill and steal in the name of power not feeling guilty for it. These are the people that are greedy for power and will not step back no matter what happens.

Kim Jong Un as well as all other leaders from the Kim dynasty have proven to be such kind of leaders that can not be stopped by any obstacles on the way to power and control. They are ready to kill anyone, even their family members, if it is necessary in order not to lose the control. They are ready to steal from the poor and starve them to death while extracting from them the money necessary to pay the supporters in order to be able to stay in power. They are ready to brainwash people with propaganda and execute those who are not willing to submit to the juche doctrines in order to prove no one can question their authority. They are ready and able to manipulate not only their own people, but International Community in order to get what they need to stay in power.

They are unstoppable.

Horrible, yet genius.

List of References:

1. Apolte, Thomas. "Why Is There No Revolution in North Korea? The Political Economy of Revolution Revisited." *Public Choice* 150 (2010): 561–578. Accessed November 29, 2015. doi:DOI 10.1007/s11127-010-9716-4.
2. "DPRK Domestic Politics." USKorea Institute at SAIS RSS. Accessed December 1, 2015. <http://uskoreainstitute.org/resources/north-korea/dprk-domestic-politics-2/>.
3. Davenport, Kelsey. "Chronology of U.S.-North Korean Nuclear and Missile Diplomacy | Arms Control Association." Chronology of U.S.-North Korean Nuclear and Missile Diplomacy | Arms Control Association. October 5, 2015. Accessed November 9, 2015. <https://www.armscontrol.org/factsheets/dprkchron>.
4. "Explore the Data." Economic Data and Statistics on World Economy and Economic Freedom. Accessed December 1, 2015. <http://www.heritage.org/index/explore?view=by-variables>.

5. "Kim Jong Un Executes Uncle's Relatives: Report." NY Daily News. Accessed December 1, 2015. <http://www.nydailynews.com/news/world/kim-jong-executes-uncle-relatives-report-article-1.1592385>.
6. "Kim Jong Un's Executed Uncle Was Eaten Alive by 120 Hungry Dogs: Report." NBC News. Accessed December 1, 2015. http://worldnews.nbcnews.com/_news/2014/01/03/22156917-kim-jong-uns-executed-uncle-was-eaten-alive-by-120-hungry-dogs-report?lite.
7. "Kim Jong-un Kills His Elders – The New Yorker." The New Yorker. May 15, 2015. Accessed December 1, 2015. <http://www.newyorker.com/news/news-desk/kim-jong-un-kills-the-old>.
8. Kim, Mike. *Escaping North Korea: Defiance and Hope in the World's Most Repressive Country*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Pub. :, 2008.
9. Kirkpatrick, Melanie. *Escape from North Korea: The Untold Story of Asia's Underground Railroad*. New York: Encounter Books, 2012.
10. Klingner, Bruce. "North Korea: Sanctions, Nuclear and Missile Threat." The Heritage Foundation. April 2, 2014. Accessed November 30, 2015. <http://www.heritage.org/research/testimony/2014/04/north-korea-sanctions-nuclear-and-missile-threat>.
11. Mack, Andrew. "NORTH KOREA AND THE BOMB." *Foreign Policy* 83 (1991): 87-104. Accessed November 16, 2015. <http://www.jstor.org/stable/pdf/1148719.pdf?acceptTC=true>.
12. Manyin, Mark E., and Mary-Beth Nikitin. "Foreign Assistance to North Korea." *Congressional Research Service*, 2013. Accessed November 16, 2015. <http://www.ncnk.org/resources/publications/CRS-US-Aid-to-DPRK-June-2013-R40095.pdf>.
13. McEachern, Patrick. "Inside the Red Box: North Korea's Post-Totalitarian Politics." May 1, 2009. Accessed October 19, 2015. http://etd.lsu.edu/docs/available/etd-04142009-234949/unrestricted/McEachern_diss.pdf.
14. Mesquita, Bruce, and Alastair Smith. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics*. New York: PublicAffairs, 2011.
15. "North Korea 'Worst' In Corruption." Radio Free Asia. December 1, 2011. Accessed December 1, 2015. <http://www.rfa.org/english/news/korea/corruption-12012011133138.html>.

16. "North Korea – Educational System-overview." – School, Schools, Age, and Continuing. Accessed November 1, 2015. <http://education.stateuniversity.com/pages/1113/North-Korea-EDUCATIONAL-SYSTEM-OVERVIEW.html>.
17. "North Korea – Population – Historical Data Graphs per Year." North Korea – Population – Historical Data Graphs per Year. Accessed December 1, 2015. <http://www.indexmundi.com/g/g.aspx?c=kn&v=94>.
18. "Profile: Kim Jong-un – BBC News." BBC News. Accessed November 1, 2015. <http://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11388628>.
19. Smith, Hazel. "North Korea: Market Opportunity, Poverty and The Provinces." *New Political Economy* 14, no. 2 (2009). Accessed October 30, 2015. <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13563460902826005>.
20. Taylor, Me Ay, and Mark E. Manyin. "Non-Governmental Organizations' Activities in North Korea." *Congressional Research Service*, 2011. Accessed November 30, 2015. <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R41749.pdf>.
21. Yoo, Gwan Hee. Daily NK. April 5, 2010. Accessed December 1, 2015. <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk02900&num=6203>.
22. Ланьков, Андрей. "ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В КНДР: ИДЕИ И МЕТОДЫ." Accessed November 15, 2015. <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/L/lankov/lanprop.html>.

高明宇 (哈尔滨市)
中国东北农业大学艺术学院
唐晓东 (哈尔滨市)
中国黑龙江省农业委员会

画家高卉民先生写意花鸟画艺术的继承与创新性研究

摘要. 高卉民的写意花鸟画具有独特的绘画风格和意境，在当代中国写意花鸟画界极具影响力。其独特画风的形成是继承传统与开拓创新的有机融合。继承传统方面，高卉民善于从原始艺术中汲取营养，更是站在徐渭、八大山人等前辈肩膀上的大师。高卉民更是不囿于传统、勇于开拓创新的巨人，其始终保有的童心、完整的知识结构和作为文人的忧患意识使其敢于突破传统，在采

取满构图、融合民间艺术、与书法艺术相结合、表达内心情感、开辟荒寒意境方面形成独特绘画风格。

关键词：中俄；高卉民；写意画；花鸟画；荒寒

Gao Mingyu (Harbin City)

Harbin, China, Northeast Agricultural University, School of the arts

Tang Xiaodong (Harbin City)

China's Heilongjiang Province, agriculture committee

**A STUDY ON THE INHERITANCE AND INNOVATION OF THE ART
OF FREEHAND FLOWER AND BIRD PAINTING**

BY ARTIST GAO HUIMIN

***Abstract.** Gao's freehand flower and bird painting has a unique painting style and an artistic concept. In the contemporary Chinese painting freehand brushwork painting industry has a high degree of influence. The formation of its unique style is to inherit the traditional style and open up the innovation of the organic integration. Gao Huimin draws nourishment from the traditional art. He is a master who is accomplished on the basis of an ancient artist. Gao Huimin is not limited to the traditional style. The artist creates new ideas. His heart is very young. The complete knowledge structure and the sense of hardship as a scholar make it break through the tradition. In taking the combination of full composition, folk art and the art of calligraphy fusion the artist expresses the inner emotional world and open up the mood deserted and cold. all these formed a unique style of painting.*

***Key words:** Gao Huimin; Freehand brushwork in the traditional Chinese painting; Flower and bird painting; Desolate.*

高卉民是中国当代写意画界极具影响力的画家，无论画界或专家都对其特殊的写意画有着浓厚的兴趣与广泛的关注。高卉民横空出世充满个性色彩的写意花鸟画，也确实为画界吹来一股强劲飓风。绝对个性化来自其鲜明的人文个性、对一般与平庸的摒弃，对艺术与人文价值的强烈追求；绝对的历史性来自对历史的个性化理解与诠释与表现。同一历史文化、历史艺术，不同人有不同的理解。高卉民善于在历史的遗迹中，寻找自己所需的表现技法，这就使其表

现技法绝对的与众不同；又因为其个性见识、取舍的与众不同，在继承传统的基础上寻找创新的突破口，开创了充满荒寒意蕴的绘画风格。高卉民花鸟画艺术的继承与创新，引人思考、给人启迪，并值得深入研究。

一、对花鸟画传统的继承

若要追寻高卉民大写意花鸟画的创新脉络，清晰地认识与正确评价其创新性的价值与意义，了解和分析其画风究竟如何与众不同，如何横空出世，就必须把高卉民与其独特的花鸟画艺术放在艺术的历史长河中去考量和判断。

（一）从原始艺术中汲取营养

无论是工笔花鸟或写意花鸟，都可直接追溯到至今五六千年的原始文化期。以凤凰为标志的图腾文化，理所当然是中华民族最早的花鸟画或花鸟造型的创作。然而，这仅是一个传说而无考证，但其真实性不容质疑。然而大量的原始壁画中花鸟走兽之图形，无疑是可靠的原始先民的花鸟艺术的原始创作。更可靠而具有相当艺术价值的原始花鸟画，当然在大量出土的原始陶器的纹饰中有着杰出拙趣的生动展示。著名的鱼形碗底图案，以及大量花鸟鱼形的装饰，更是最早花鸟艺术的原始创作，至今的一切花鸟艺术均是这些原始艺术的延伸与变化。

由此，可以认识，在花鸟画的历史演进中，工笔画与写意画是难分先后的，写意并非在工笔的基础之上的进步，最早的花鸟艺术工笔与写意是融合的。可以想象最早的凤凰图腾的形制是图案式的，富有装饰性，有着鲜明的对称特点，这一切都是工笔元素。然而图腾文化的另一特征是粗率、拙朴、形制是简易的，线条是粗拙率真而不经意，线条与结构之中，蕴藏大量的随机性与偶然性，甚至表现也带有某些不确定性，这些又是明明白白的写意特征。因此，中国最早的原始花鸟艺术是绝对的工笔与写意的完美融合、不分先后，而且难解难解。

高卉民的大写意花鸟画艺术的创新思想，正是从这原始的基础开始。因为他是一位学者型的写意画家，深邃的艺术史观在其心中是根深蒂固又极其敏感的，历史意识与现代意识完美融合而深藏在高卉民宽厚的艺术潜意识之中。

很清晰又一目了然的是，高卉民大写意的线条，与原始陶罐的纹饰、原始壁画的刻画，甚至于往后延续到汉画像石的线条是高度的吻合和相似的。两者

共同点是，粗拙的、不均匀的，都是外柔内刚的，行笔艰涩而有力度的，厚重而又流畅的。

可以想象，当原始人在进行彩陶纹饰的创作，受工具等条件的限制，加上他们好奇与天真，对自然信息不完全理解与接受，所以线条的粗笨是自然而然的，也是无可奈何的。相反，高卉民在大写意的纵横扫荡之时，这种粗拙本真的线条是恰如其分又随机性的表现。也就是说，唯有此等线条表现才是大写意，才能称之为大写意，这种线条生成不受工具条件限制，而是学识修养的结果。是主动的有意为之，是主观的表现，也可说受原始文化之启迪，或是与其对应重合。

（二）站在先辈大师的肩膀上

可以肯定的是，高卉民的艺术思想来源于广阔的艺术见地，尤其是明代的徐渭、清代的八大山人与赵之谦、乃至现代的齐白石，这一艺术发展的脉络，对其思想产生深刻影响。

从高卉民大写意之泼墨与晕染中，总能隐隐约约、时隐时现地看到徐渭的影子。也可说在技术上其比徐渭走得更远，表现得更放肆。徐渭作为一个封建文人，封建时代的写意艺术家是是笔墨是激愤所致。但是，高卉民的笔墨在激性丛中，有追求理性成份。虽然大写意是随性所欲的，但在放纵之中其蕴含着收敛、在左冲右突与横扫之时，往往又带一点儿适可的自我克制。这是精彩的大写意，倘无收敛与克制则将成为涂鸦。

然而，真正对高卉民绘画产生深刻影响，或者说，高卉民慧眼识珠，在历史长河中觅得的最有价值的历史接受点，应该是明末清初八大山人的写意艺术。八大山人面对国破家亡，退隐山林，历史的变故使他不仅看透一切，而且，心灵与思想也倾向于平静和洁净。这种容忍与大度的思维方式和处世态度，是使其成为历史大家的最重要前提。高卉民写意画从八大山人处获得的，正是这种宁静与纯净，简约与肆意。

经过心灵痛苦煎熬而恢复到对生活宁静的热爱的八大山人，其写意画线条如此凝练、沉稳，随意而毫不修饰，又是如此的纯净。八大以线条为主，高卉民也同样以线条为主。高卉民的线条可以明显地看出对八大的传承和异曲同工，又同样的炉火纯青。犹如高温熔炼之后的钢筋铁条，是那么有力而又有韧劲

，无论直线与曲线，都有着无限的内力和无限的张力，既令人感受无穷的力量，又有着无限的内涵。

高卉民慧眼独见，他最欣赏的是八大的线条与构图的简洁，这也就成了高卉民写意画的重要特征与意境。两者的共同点是那么的鲜明，即同样经过烈火洗炼的线条和同样不掺杂物的简洁明快的构图，由简而给人无限的想象空间，由洗炼的线条反映画家丰富的修养和深邃的思想。

其实，高卉民不仅仅将眼光盯在少数几位历史或现代的大师身上。他有极强的艺术普世思想，对于现代的很多花鸟艺术，其均有深入研究与思考、推而广之，其甚至对现代的一些其它的如山水系列以及动物系列艺术都有普遍的认识思考与对比，从而丰富其思想，拓宽其创作，开放其对艺术的未来想象。

高卉民以丰富的古典文化学识，绵长的历史文化内蕴，支撑着他的一生。正因为文化与历史并重，所以其写意画从技法、表现、风格、内蕴诸多方面都展现出丰富的历史意蕴与历史文化轨迹，历史遗韵随处可见，这是其绘画在当代中国画界独树一帜，开宗之派，受到广泛关注和好评的最主要的原因。

二、对写意花鸟画的大胆创新

（一）创新的动力

1. 保持童心

举凡大艺术家均有一个共同的特点，即使人生到了老年暮期，却依然拥有一颗孩童般天真和稚趣的心。这在高卉民身上似乎尤为明显，就心理讲，真有艺术老顽童的意味。

高卉民有孩童的天真心灵，有着强烈的好奇与任性。在其画中可以感觉更多的不是规范、平庸、规矩等正经面目，而是顽皮、任意、随心所欲、不合常理，这显然是民间艺术的内涵。正因为其始终有一颗童心，所以高卉民的大写意表现总有一种天真想象、总有一种不合常规的表现、总有一种似乎偶然无意得之的意料之外。这是大写意的特征，是彻底绝对的写意创作，又是收放自如的辩证的艺术创作。

在高卉民的性格中，始终追慕着一种表现奔放与自由，这与其孩童的心灵是一致的。所以，高卉民的大写意之中，有一种漫不经心、有一种可遇不可求、有一种偶尔与机遇、有一种灵感的撑起发现、有一种雄心勃勃与灵机一动的

天然组合。有着恣意纵横，更有着走遍天涯海角，不受笔墨时空所限，其艺术天地无比宽广。

2. 完整的知识结构与文人的忧患意识

高卉民从少年到成年，其生活于文化氛围之中，耳濡目染，接受或涉及的均是文化信息，因此，高卉民的人生是艺术与文化的。其性格之中，有着浓厚的文人气质，其语气、行为、乃至其艺术，都孕育着文化的内涵。

文人的正直与对真理真实的执着，使高卉民的精神世界，有着很浓的批判精神、有着很自信的艺术标准与艺术判断，正因这种判断与批判精神为基础，才使其精神中时刻燃烧着创新的火焰，因为对陈旧的不满与批判，才有可能在艺术上坚定不移地创新，才能创作出令人耳目一新的艺术世界。

文人的知识结构完整，其对信息的相应敏感，使其在错综的剪不断理还乱的形形色色的艺术之路中，找着一条自我的创新之中。因此，高卉民的大写意绝非偶然，对其而言是一种自然和必然。是其文化与艺术素修的最佳选择，是历史与当代各种流派与画风的分类组合与焦点界定，是情感与喜好的自然结果。也是中国文人从历史走到今天的连贯展示，因为历史上任何一位写意画大家，其价值都在于承先启后。

中国文人自古都有着一种忧患意识，都有一种以天下为己任，关注苍生的清洁。高卉民在艺术选择中，其摒弃喜庆，独衷忧患；摒弃繁华，独去荒僻；摒弃愉悦，单享伤痛；摒弃温暖，单择苦寒。

（二）创新的表现

高卉民的画往往有很多出人意料之外，无论笔墨与构图，既令人新奇，甚至难得一见，绝无仅有，然而又似乎似曾相识，合情合理。究其原因，即广取博收，其善于融合。吸收与融合得很深沉，绝不露形迹。

1. 独特的构图

高卉民的很多作品超越了传统写意论重虚实对比的理论，采取了满构图。作品中各种表现元素纵横交错又重叠透迹，表面的杂乱蕴藏着内心的相互顾盼，蕴藏着密切的联络，层次分明而有序。这种善于宏观控制，在复杂中有条不紊的构图意识，不仅反映了高卉民宽阔的胸襟与整体性的视角，显然，其又吸取了诸如油画等西方艺术表达的方式。

由此值得注意的是，西方油画之色彩讲求重叠与层次、讲求分割与对比，而中国画之色彩却讲求渲染渗化与融合，尤其是大写意，可将这些特点表现到极致。高卉民是驾驭中国色彩的高手，其笔墨是绝对酣畅淋漓的，回归其复杂的油画式的满构图中，不是简单的追求层次对比，在复杂中变现融合与混沌，由此使画面更丰富、繁复、而迷茫，引人思考，耐人寻味。虚实是中国画的经典传统，当超越虚实而走向混浅时，可以更尽情尽兴地大写意，可以在更广阔的艺术时空中，任意挥洒。

2. 融合民间艺术手法

高卉民的花草是拟人化的，在任意的相互关系中，其实有一种呼应的情致，可谓一草一木总关情。其在描绘生命时，极注重写实，但有时又带一些卡通的一位，使生命的某些其认为重要的特征，获得鲜明而一目了然的体现。其不仅吸纳西画的满构图，同时，其也经常表现民间艺术中的诸如对称、重复、平行等形式，这种从传统中来又挑战传统的手法是高明的，这也是成功的原因之一。高卉民总能放下学者架子，舍弃一本正经的平庸，顽皮而又兴高采烈地欣赏和推崇民间艺术，高卉民是一位融合于民间的当代大师。

3. 与书法艺术相结合

品读高卉民的大写意，很自然的使人联想到书法的狂草。两者都是如此地充满激情，都是线条的世界，线条的错综，剪不断，理还乱；都是随意与想象，没有半点规矩与程式；由其是其一些满构图的混沌作品，有些植物的枝蔓延伸而盘郁，缠绕而穿插，似乎就是一副洋溢着激情的大草，一气呵成，奔放而有节律。

不仅如此，其大写意中，几乎草、隶、篆书，个体都有，铸铁般的坚硬而又富于弹性的篆隶线条，点溅线走的行草书法表现，随处可见。书法特征在大写意中获得完美统一的柔和。高卉民运用的不是书法的技法，而是书法的理念。因为书法的理念，尤其是狂草的理念，与大写意绘画的基础理念，两者是共同的。大师往往都是组合共性，分类分歧的顶级高手。

4. 表达内心情感

高卉民表面看不苟言笑，其实内心蕴育着火一般的热情。作为一位典型的中国文人，作为一位当代的中国画艺术家，从其拿起笔走中国画之路那日起，

高卉民的情感便与花鸟溶化在一起，高卉民的情感世界中，种满了各种花草，生活着各种生命。

既然花草鸟兽已经成为高卉民宣泄释放自己情感的工具和方式，那么，在花鸟与情感两者之间，情感的重要性远胜于花鸟实体本身。而且，情感是最不稳定，变化无常的因素，花鸟作为自然物是相对稳定的存在。若以花鸟为重，那必然需照相一般的精工，若以情感为重，那么，情感的驱使下，手中笔可以任意挥洒。也就是说，高卉民是重情之中，那么，其花鸟画必然走任意挥洒的写意之路。

艺术的生命在于真实，既然高卉民的写意花鸟画不完全在意自然存亡真实程度，岂不背离了艺术的本真？其实不然，高卉民的艺术依然是真实的，因为高卉民原本重情，其写意花鸟艺术也在于重情，也在于情感的表达，其花鸟艺术中其色彩与笔墨中都包含着情感的真实。其依然真实，相比较而言、对艺术而言，人类情感的真实，艺术家自身之情感真实远比自然物诸如花鸟之类的真实、重要得多。

既然情感的真实比自然的真实重要得多，这就是艺术产生与存在的归根结底的理由，那么，情感的不稳定，情感的变化，比自然物的稳定重要得多，为着表现与表现不稳、表现不可捉摸、表现随意所欲，高卉民只有一种艺术选择，那就是大写意。

所谓大写意顾名思义，可以尽情尽兴，随意书写自己的情感和意念，意是一切之中心，一切表现的重中之重。于是乎，自然物山水花鸟之类的自然形体就不那么重要可以有所变化。因此，在大写意中，往往被描绘的自然物都有被变形、夸张、取舍、增减的可能性，这是大写意的需要，也是大写意的结果。

5. 开辟独特的绘画意境

大写意的风格是无限的，可以说，世上有多少大写意的画家，即产生多少大写意的风格。在整个封建时代大写意不多，这是因为那时代的人性尚未获得真正的解放与开放。与大写意风格直接相关的诸多因素中，恐怕人性是最主要的因素。徐渭的大写意是愤愤不平，是心中怒怨的宣泄；八大山人的大写意是孤独的，其以极高的形式看淡人间的一切。在现代享有盛誉的一些写意画家中，齐白石在生活中充满浪漫情趣，其生活细节与生活状态，充满着愉悦与趣味，一种小家碧玉的满足；潘天寿则将自己的情感融入历史中，其大写意有着中

国文人的孤傲与自信，有着不甘平庸的独辟蹊径。那么，高卉民的写意画，只要初具艺术欣赏敏感度的人均能品读出其具有荒寒意蕴的画风，是理所当然的荒寒。在这种普遍统一的认可共识中，对于其画“荒寒”焦点如此集中，说明这种认可与共识中具有彻底性与绝对性。

三、结语

高卉民的大写意显然是反传统、具有很强的批判意识的，但是，其创新之中又显然保留了大量的中国写意传统因素。由此可见，在继承传统艺术与创新这一老生常谈的问题中，高卉民并非将二者简单的割裂，其高明之处在于将二者融洽，即传统之中有创新，创新之中蕴含传统，二者依赖，互不遗弃。无论传统或创新，归根结底都是一种表达，即表达形式与表达方式。当高卉民的艺术进入表达的随心所欲的自由状态，那么，其也就将传统与创新有机融合了。

参考文献

1. 张传友《古代花鸟画论备要》 人民美术出版社 2011年
2. 徐文景《当代中国画十论》人民出版社 2012年
3. 季惟斋《画史》华东师范大学出版社2014年
4. 吕彭《美术的故事—从晚清到今天》广西师范大学出版社2015年

С. Нуркеева (Алматы)

Институт гармоничного развития человека

ННПООЦ «Бөбек»

ТРИЕДИНСТВО ЯЗЫКОВ - КАК ЯДРО СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Статья посвящена проблеме поликультурного и полиязычного образования, необходимого для современного поликультурного общества, каким является Казахстан. Вместе с тем, в статье подробно рассматривается принцип трехязычия, являющийся сильным инструментом оптимизации, гармонизации межкультурного, межэтнического общения, ресурсом успешной модернизации, конкурентоспособности Казахстана.

В Казахстане создан и успешно работает уникальный институт культурного и религиозного взаимодействия, призванный для консолидации полиэтнического и поликонфессионального общества. Это – Ассамблея народа Казахстана, которая играет ключевую роль в укреплении казахстанской идентичности и единства.

Ключевые слова: лингвистический капитал; полиэтническая цивилизация; полиязыковая ситуация; диалог языков.

S. Nurkeyeva (Almaty)

Institute of Harmonious Development of Man

NSEHC «Bobek»

TRINITY OF LANGUAGES - AS THE CORE OF MODERN LANGUAGE POLICY OF KAZAKHSTAN

***Abstract.** The article deals with the problem of multicultural and multilingual education required for a modern multicultural society as Kazakhstan. At the same time, the article details the principle of trilingualism, which is a strong tool for the optimization and harmonization of inter-cultural, inter-ethnic communication, resource of successful modernization and competitiveness of Kazakhstan.*

A unique institution of cultural and religious interaction has been established and successfully operates Kazakhstan, dedicated to the consolidation of multi-ethnic and multi-confessional society. It is the Assembly of People of Kazakhstan, which plays a key role in strengthening the Kazakhstani identity and unity.

Key words: linguistic capital; multiethnic civilization; multilingual situation; dialogue of languages.

Сегодня Республика Казахстан стоит на рубеже нового этапа социально-экономической модернизации и политической демократизации. Осуществляемая в стране стратегия сохранения и укрепления гражданского мира,

межэтнического и межконфессионального согласия направлена на обеспечение социальной базы развития демократии. Выступая с Посланием народу Казахстана «Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии», Президент отметил: «Мы сохраняем и развиваем многовековые традиции, язык и культуру казахского народа, обеспечивая при этом межнациональное и межкультурное согласие, прогресс единого народа Казахстана» [5, с. 3].

Данный принцип последовательно реализуется в рамках политического курса в сфере межэтнических отношений, объявленного Президентом Казахстана в декабре 1991 года, по созданию в республике «высокоразвитой полиэтнической цивилизации, в которой возродится казахская нация, в которой будут свободно чувствовать себя входящие в нее нации и народности». Эта мировоззренческая установка является тем основанием, которое определяет политические, культурные и духовно-нравственные приоритеты и ценностные ориентации казахстанского общества. На каждом конкретном этапе она обогащается, дополняется, уточняется, но сущностное содержание ее остается одним – в полиэтническом Казахстане каждый человек независимо от его этнической, религиозной, расовой и иной принадлежности должен чувствовать себя свободным, защищенным и уверенным в своем будущем.

В эпоху усиления процесса глобализации, развития международных отношений знание нескольких языков является необходимым навыком и требованием современности. Новая парадигма образования в Республике Казахстан ставит задачу «воспитания личности с активной гражданской позицией, приобщения обучающихся к достижениям отечественной и мировой культуры, изучения истории, обычаев и традиций казахского и других народов республики, овладения государственным, русским, иностранным языками» [3, с. 9].

В своем Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» Глава государства предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединство языков»: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население

которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык – государственный язык, русский язык — как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику» [6, с. 7].

Реализация государственной политики в области образования обеспечивается посредством законодательных актов и программ развития. Указом Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года №110 утверждена Государственная Программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020гг., в которой намечены основные цели, задачи и направления языковой политики государства, а именно: развитие языков в новых условиях, совершенствование нормативно-правовой базы, направленной на усиление институционального статуса казахского языка как государственного, на сохранение социолингвистической активности русского языка и на развитие английского языка как средства интеграции в мировое пространство [9, с. 4].

Одной из основных программных целей является формирование «лингвистического капитала каждого казахстанца», состоящего из трех компонентов: казахского-русского-английского. Эти три компонента, или трехязычие стало объектом исследования многих ученых и в словарях лингвистических [2, с. 226] и социолингвистических [10, с. 284] терминов дается следующее определение «Трехязычие – это функционирование трех языков в пределах территориальной общности: государства, региона, города, поселка, где каждый из языков коррелируется с определенной сферой общения. 2. Владение индивидом тремя языками в пределах его коммуникативных возможностей». Известный ученый, внесший вклад в развитие казахского языка, основоположник социальной лингвистики на уровне СНГ Б.Хасанулы пишет, что: трехязычие – «попеременное использование трех языков в гетерогенном социуме представителями одного этноса» [11, с. 356].

Широко известен тот факт, что «чем большим количеством языком владеет каждый потенциальный участник процесса межкультурного общения, тем легче происходит его интеграция в интернациональное сообщество, понимание

особенностей культуры и национального менталитета того или иного народа, тем проще осуществляется кооперация на мировом рынке труда и тем выше его шанс для получения достойного места в жизни» [1, с. 8].

Сегодня, в век технологизации и глобализации, наблюдается активизация процесса поиска эффективных условий, механизмов воспитания молодежи, способной к диалогу с другими культурами. Реалии современного этапа развития общества, языковая ситуация в Казахстане – многонациональном, с многовековой историей, в которой переплелись народы, нации, культуры, в настоящее время диктуют необходимость разработки основных методических принципов и подходов к формированию коммуникабельной языковой личности.

В Послании Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» отмечена актуальность полиязычного обучения, поскольку «одной из важных ценностей и главным преимуществом нашей страны являются многонациональность и многоязычие» [8, с. 9]. Программа полиязычного обучения предусматривает создание новой модели образования, способствующей формированию конкурентоспособного в условиях глобализации поколения, владеющего языковой культурой. Именно образование является важнейшим этапом в процессе формирования и развития поликультурной личности, этапом, когда осознанно формируются основные ценности и жизненные принципы.

Одним из механизмов модернизации образования, позволяющих говорить о качественном его изменении, становится реализация процесса полиязычия как прогрессивного фактора развития казахстанского общества.

Полиязыковая ситуация в мире, в основании которой лежит полиязычие народов и многообразие культур, при определенном социально значимом и специально организованном педагогическом процессе становится важным механизмом гуманизации общественной жизни, человеческой культуры.

В многонациональном Казахстане проводится взвешенная государственная языковая политика. Глава государства Назарбаев Н.А. неоднократно отмечал, что необходимо приложить все усилия для дальнейшего развития казахского языка, который является главным фактором объединения всех казахстанцев. В то же время необходимо создавать благоприятные условия, чтобы представители всех проживающих в стране этносов могли свободно говорить, обучаться на родном языке, развивать его: «... языковую политику надо проводить грамотно и последовательно, не ущемляя ни один язык, на котором разговаривают казахстанцы. В настоящее время мы принимаем активные меры по созданию условий для того, чтобы наши дети наряду с казахским активно изучали русский и английский языки. Трехязычие должно поощряться на государственном уровне.

К русскому языку и к кириллице мы должны относиться столь же бережно, как к казахскому языку. Всем очевидно, что владение русским языком – это историческое преимущество нашей нации.

Мы должны сделать рывок в изучении английского языка. Владение этим «лингва франка» современного мира откроет для каждого гражданина нашей страны новые безграничные возможности в жизни» [7, с. 10].

По мнению Президента Н.Назарбаева «...Казахстан уникален и силен своей многонациональностью. На его земле сформировалось уникальное поликультурное пространство. Поликультурность Казахстана – это прогрессивный фактор развития общества. Евразийские корни народов Казахстана позволяют соединить восточные, азиатские, западные, европейские потоки и создать уникальный казахстанский вариант развития поликультурности» [7, с. 16-18]. Современному поликультурному обществу, каким является Казахстан, необходимо поликультурное и полиязычное образование, предполагающее формирование у обучающихся ценностных установок и склонностей, которые необходимы для успешного взаимодействия с представителями других культур на равноправной основе.

В полиязычном сообществе успешно развивается толерантная поликультурная среда, где сосуществуют и обогащаются национальные обычаи и традиции, музыка, литература, театр и т.д. Как сказал Президент, «Казахстан – уникальная страна. В нашем обществе причудливо объединились и взаимодополняют, взаимоподпитывают друг друга самые разные культурные элементы. Нам следует оберегать нашу национальную культуру и традиции во всем их многообразии и величии, собирать по крупицам наше культурное достояние» [7, с. 10].

В Казахстане выработан уникальный опыт взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. Для консолидации полиэтнического и поликонфессионального общества создан и успешно работает уникальный институт культурного и религиозного взаимодействия – Ассамблея народа Казахстана, получившая, как известно, возможность непосредственно участвовать в законотворческой деятельности Парламента Казахстана. АНК играет ключевую роль в укреплении казахстанской идентичности и единства, является конституционным органом, обеспечивающим стабильность и согласие в обществе. Выстроена система поддержки и развития культуры, языка и традиций всех этносов, проживающих в Казахстане.

Языковая политика нашей страны также предоставляет все возможности для развития человеческого капитала в Казахстане, что особенно важно сейчас, на пороге модернизационного рывка страны по вхождению в число 50 наиболее развитых государств мира. Благодаря сбалансированной языковой политике, проводимой в республике, одновременно созданы все условия для развития языков других этносов.

В Государственной программе функционирования и развития языков на 2011-2020 годы говорится, что в стране «... создана эффективная система государственной поддержки языков этносов, проживающих в Казахстане (из 7576 общеобразовательных школ 1598 – с русским, 62 – с узбекским, 14 – с уйгурским, 2 – с таджикским языками обучения, 2089 школ – смешанные)» [9, с. 6-7]. В 108 школах языки 22 этносов Казахстана преподаются в качестве

самостоятельного предмета. Еще в 76 общеобразовательных школах родные языки изучаются факультативно. Кроме того, открыто 195 специализированных лингвистических центров, где не только дети, но и взрослые могут изучать языки 30-ти этносов.

Наряду с казахскими и русскоязычными СМИ, в стране издаются газеты и журналы, выходят в эфир передачи на 11 языках, в том числе на украинском, польском, немецком, корейском, уйгурском, турецком и дунганском. Во всех регионах действуют свыше 900 этнокультурных объединений, 192 этнопросветительских комплекса, дома дружбы. Кроме казахских и русских театров, в стране работают еще четыре национальных театра – узбекский, уйгурский, корейский и немецкий.

В Казахстане принята Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, одной из важных задач которой является формирование общества труда и профессионалов, в котором культивируются такие ценности, как семья, дружба, единство, а также трудолюбие, честность, ученость и образование, трехязычие [4, с.5].

В целях внедрения трехязычного образования будет реализована специальная Дорожная карта, модернизированы государственные программы по развитию и функционированию языков и развитию образования и науки до 2020 года, а также реализован информационный План мероприятий по продвижению трёхязычного образования. Будет создан Общенациональный центр по изучению казахстанских ценностей.

Главным результатом реализации Концепции станет дальнейшее укрепление общественного согласия, казахстанской идентичности и единства, формирование Нации единого будущего для успешного вхождения Казахстана в число 30-ти наиболее развитых государств мира.

По сути, триединство языков в Казахстане – концепция, направленная на дальнейшее укрепление страны, ее потенциала, которую общество должно поддержать. Идея языкового триединства, по сути, является частью

национальной идеологии, нацеленной на становление и развитие конкурентоспособного Казахстана – равного среди лучших.

Таким образом, в условиях глобализации мира ядром современной языковой политики Казахстана является триединство языков – казахского (государственного), русского (языка межнационального общения) и английского. Именно принцип трехязычия – это сильный инструмент оптимизации, гармонизации межкультурного, межэтнического общения, ресурс успешной модернизации, конкурентоспособности Казахстана. Полиязычие не только оптимизирует межкультурное общение, но и дает определенные социально-экономические, культурные, интеллектуальные преимущества, возможности и перспективы отдельному человеку, обществу и государству. Перефразируя Людвига Витгенштейна, можно сказать, что границы языка расширяют границы мира.

Библиографический список:

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М., 2000. – 192 с.
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социолингвистика. Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.
3. Закон Республики Казахстан об образовании / «Казахстанская правда» – 15 августа 2007. – С. 9.
4. Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства // «Казахстанская правда» от 31.12.2015 г., № 250 (28126)
5. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии»// Казахстанская правда, от 02.03.2006г.
6. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» (Астана, 28 февраля 2007 года)

7. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» (Астана, 17 января 2014 года)

8. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» (Астана, 27 января 2012 г.)

9. «О Государственной Программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020гг. Указ Президента Республики Казахстан от 29.06.2011г. №110

10. Словарь социолингвистических терминов /отв.ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, М., 2006. – 312 с.

11. Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от стратегии молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты). – Алматы: Арда, 2007. – 384 с.

Ссылки на источник цитирования:

1. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии»// Казахстанская правда, от 02.03.2006г.

2. Закон Республики Казахстан об образовании / «Казахстанская правда». - 15 августа 2007. – С. 9.

3. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» (Астана, 28 февраля 2007 года)

4. «О Государственной Программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020гг. Указ Президента Республики Казахстан от 29.06.2011г. №110

5. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социолингвистика. Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.

6. Словарь социолингвистических терминов /отв.ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, М., 2006. – 312 с.

7. Хасанулы Б. Языки народов Казахстана: от стратегии молчания к стратегии развития (социопсихолингвистические аспекты). – Алматы: Арда, 2007. – 384 с.

8. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М., 2000. – 192 с.

9. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» (Астана, 27 января 2012 г.)

10. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» (Астана, 17 января 2014 года)

11. Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства // «Казахстанская правда» от 31.12.2015 г., № 250 (28126)

А.А. Орсоева (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ВЛИЯНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается функционирование культурного национализма в Республике Корея, а также его продвижение правительством с целью консолидации общества. Анализируется проявление и влияние националистических идей на южнокорейское общество. Описывается проявление южнокорейского культурного национализма за рубежом как ключевой фактор «мягкой силы» Республики Корея.*

***Ключевые слова:** Республика Корея; национализм; культура; мягкая сила.*

INFLUENCE AND MANIFESTATIONS OF CULTURAL NATIONALISM IN SOUTH KOREAN SOCIETY

***Abstract.** The article is devoted to the functioning of cultural nationalism in the Republic of Korea and its promotion by the Government consolidate the society. The author analyzes the manifestation and influence of nationalist ideas in the South Korean society, describes the manifestation of the South Korean cultural nationalism abroad as the key factor of "soft power" of the Republic of Korea.*

***Key words:** Republic of Korea; nationalism; culture; soft power.*

Начиная с 50-х гг. прошлого века, формирование современной культурной идентичности Южной Кореи происходит под влиянием корейского культурного национализма, обладающего сильным интегрирующим потенциалом и призванного консолидировать общество перед лицом угроз, а также обеспечить легитимность действующей власти. Культурный национализм сыграл важную роль в развитии страны, ибо нация складывается на основе общей культуры и общих традиций.

Культурный национализм определяет нацию общностью языка, религии, традиций, историей, общностью происхождения, эмоциональной привязанностью к Родине. Чтобы культурные традиции или этническая принадлежность легли в основу национализма, они должны содержать в себе общепринятые представления, которые способны стать ориентиром для общества.

На сегодняшний день корейское общество оценивается как националистически настроенное. Правительство, а также другие государственные структуры Республики Корея среди основных направлений своей деятельности выделяют сохранение многовековых традиций и культуры Кореи, а также ее продвижение в других странах. Проявления культурного национализма прослеживаются в разных сферах общественной жизни.

В первую очередь националистические настроения коснулись историографии. Корея приложила все усилия, чтобы подтвердить правдивость

теории о 5000-летней истории своего народа. Историки до сих пор не пришли к единому мнению, относить историю государства Чосон к истории китайского этноса, либо корейского. По понятным причинам корейская историография повествует о Древнем Чосоне как корейском государстве, что дает возможность говорить о более раннем происхождении корейской нации. В действительности, по оценкам историков, первые протокорейские государства возникли лишь в III-IV вв. н.э., то есть чуть более полутора тысяч лет назад. Если считать протокорейским и государство Древний Чосон, то историю корейской государственности можно «удлинить» еще примерно на 700 лет. Но говорить о 5000 лет практически невозможно. Ответ заключается в следующем: из мифа о Тангуне следует, что Хванун, сын небесного владыки, спустился на землю и женился на медведице, превратившейся волшебным образом в женщину. Сын Хвануна и медведицы Тангун и стал правителем первого государства Чосон, хронология которого ведется с 2333 г. В XX в. на данный факт обратили внимание националисты, и, несмотря на сомнительность существования Тангуна, дата 2333 г. была принята как непреложная, так как являлась близкой по длительности к истории Китая, а историю Японии превосходила в два раза [4].

Ключевым пунктом корейского национализма является пропаганда идеи об уникальности культуры и языка корейцев. Как часто подчеркивается, несмотря на многовековое влияние китайской цивилизации, Корея смогла сохранить и развить собственную культуру и традиции. Исторические факты свидетельствуют о том, что при заимствовании и восприятии культуры Китая и других народов, главным для корейской нации оставалось не слепое подражание и копирование, но истинное освоение культуры и ее обогащение своим национальным духом.

Национальной гордостью корейцев является алфавит «Хангыль», которому уделяется большое внимание общества, и уникальность которого часто сознательно подчеркивается. Изначально корейцы при написании текстов пользовались иероглификой, однако для простого народа она казалась слишком сложной, поэтому письменная грамотность являлась привилегией аристократии и правителей. Корейский алфавит был создан в XV в. по приказу короля Сэчжона, который на сегодняшний день считается одним из величайших правителей Кореи. Его изображение находится на национальной валюте, а

памятник – на центральной площади столицы Южной Кореи – Сеула. Имя правителя Сэчжона упоминают с приставкой «Великий». Практически во всех источниках, посвященных «Хангылю», говорится о том, что это единственный в мире закрепившийся в употреблении искусственно созданный алфавит. Также часто упоминается тот факт, что, несмотря на многовековое китайское культурное влияние, японскую военную оккупацию и американское присутствие после окончания Второй мировой войны, «Хангыль» сумел сохранить свою самобытность и оригинальность, отражающие национальный характер, многовековые традиции и внутренний мир каждого корейца и корейского народа в целом. При описании алфавита в корейских источниках всегда обращается внимание на то, что корейское письмо является очень целесообразным и эффективным для использования в интернете и при работе на компьютере, а достоинства корейского письма признаны в ученых кругах мира. 1 октября 1997 года ЮНЕСКО внесла корейское письмо в Список всемирного наследия.

Корейцы трепетно относятся к национальной культуре и прилагают все усилия для ее возрождения и развития. Еще во время правления Пак Чжон Хи (1963–1979 гг.) были сделаны определенные шаги, направленные на воссоздание и распространение национальных художественных ремесел, народного песенного и танцевального искусства. Оказывалась широкая государственная поддержка деятелям культуры, музыкантам, литераторам – как материальная, так и моральная. Специальным указом президента была введена премия «Человек – живое сокровище культуры, которой удостаивались лучшие мастера национального искусства.

В 1970-е годы была введена система учета памятников культуры и истории, в рамках которой старинным дворцам, пагодам и т.д. присваивался статус материального национального сокровища, к нематериальному национальному достоянию были отнесены традиционные обряды, танцы, песни. С этого периода времени в Южной Корее начинают проводиться глубокие научно-этнографические исследования, направленные на изучение и последующее возрождение традиционной культуры. Была проведена и программа, нацеленная на возрождение национальной культуры в деревнях, поселках и малых городах.

Реформы, направленные на духовное возрождение нации, проводились и во времена президентства Ким Ён Сама (1993-1998 гг.), сторонника традиций. Главной задачей реформ являлось возрождение чистых духовных традиций и моральных ценностей нации. Следующий президент Ким Тэ Джун (1998-2003 гг.) также понимал важность и необходимость культурного развития, на котором основывается сила государства, чье дальнейшее развитие зависит от нравственного здоровья нации. В своей инаугурационной речи президент развивает мысль о значении культуры в жизни общества [1].

Немалый интегрирующий потенциал несет в себе и спортивная сфера, влияющая определенным образом на национальное сознание. В 1988 году были проведены XXIV игры в Сеуле, ставшие подтверждением высокого уровня экономики и культуры некогда одной из беднейших стран мира. Весь мир получил возможность своими глазами увидеть достижения страны не только в экономическом, но и духовном плане, а также лицезреть богатейшее духовное наследие корейской нации. Подобное значение несло и проведение Чемпионата мира по футболу в 2002 г. Помимо демонстрации высокого уровня развития Республики Корея странам всего мира, масштабные спортивные состязания сплотили корейскую нацию в одно единое целое. Вся страна с замиранием сердца следила за ходом спортивных событий, кроме того, на Чемпионате мира по футболу команда Республики Корея достигла высоких результатов, заняв четвертое место, что для Южной Кореи считалось настоящим прорывом.

На сегодняшний день, к примеру, фигуристка Ким Ён А, пловец Пак Тэ Хван, футболист Пак Чжи Сон, гимнастка Сон Ёнг Чже, пробившиеся на спортивные пьедесталы мира, считаются национальными героями в Южной Кореи и активно привлекаются к пропагандистской культурной деятельности.

Основанные на конфуцианских постулатах, правила поведения в обществе остаются неизменными. Одним их главных остается принцип уважения – к учителю, родителям, к старшим. Сохраняются правила Пяти Взаимоотношений, предписывающих конкретные нормы поведения между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, старыми и молодыми и между друзьями, что особенно ярко проявляется в корейском языке, функционирующем при наличии нескольких степеней вежливости.

Большое внимание в Республике Корея уделяется образовательной системе. Дети с ранних лет начинают обучение в детских садах или школах

раннего развития. Во время обучения в школе принято посещать не один, а несколько различных кружков или секций. Основной особенностью образовательной системы Кореи является активное приобщение детей с раннего возраста к пониманию и сохранению традиционной культуры. Обязательным предметом в школьной программе является этика.

Корейские историки часто подробно описывают, как в середине I тысячелетия н.э. именно корейцы принесли цивилизацию в Японию, при этом избегается упоминания тот факт, что все, что все привнесено корейцами в Японию – китайское: китайская иероглифика, китайская философия, наука и технологии и т.д. Также замалчивается или отрицается и тот факт, что во многом жизнь корейского общества и в нынешнее время устроена по японскому образцу. Японскими остаются принципы менеджмента, организация транспорта, форменная одежда, стиль изложения материала в научных статьях, методика проведения археологических раскопок, стиль официальных бланков, архитектура универмагов и многое другое.

Интересным кажется отношение корейцев к иностранному влиянию на национальную культуру. Несмотря на некоторые протесты, определенное влияние оказывает американская культура. Особенно сильно демонстрирует это язык. На данный момент процент заимствованной лексики из английского языка неуклонно растет, в том числе за счет варваризмов, хотя слова и подвергаются изменениям в соответствии с фонетической и грамматической системами корейского языка. Кроме того, что в типичном газетно-журнальном тексте примерно 80% всех слов имеют китайское происхождение. Источником влияния на протяжении большей части корейской истории был Китай, а в последнее столетие – Япония и США. Тем не менее, все упоминания об иностранном влиянии тщательно удаляются из националистической корейской истории. В националистическом дискурсе Корея неизменно предстает источником влияния на соседей.

В Южной Корее часто проводятся различные фестивали, выставки, посвященные разным аспектам культуры. К примеру, Всемирный фестиваль чая, Всемирная выставка культуры тхэквондо, Фестиваль корейской исторической кинодраматургии. Хёсокский культурный фестиваль посвящен творчеству корейского писателя Ли Хё Сока и его популярному роману «Когда цветет гречиха». Во время «Тура Лунного света во дворце Чандоккун 2016»

посетители имеют возможность больше узнать об истории и культуре древней Кореи, а при посещении «Культурного фестиваля Силла» – об истории и культуре государства Силла, объединившего весь полуостров.

Обязательно соблюдаются традиции и ритуалы, связанные с национальными праздниками. Когда ребенку исполняется 100 дней, проводится праздник «Толь», осенью практически все корейцы отправляются на малую родину почтить память почивших предков и совершить поклон ныне живущим старшим. Наибольший поток жителей из столицы в провинции наблюдается в один из крупнейших национальных праздников страны – Новый год по Лунному календарю, Соллаль. Каждый стремится отпраздновать Новый год в кругу семьи. Национальные праздники демонстрируют стремление корейцев провести время в кругу близких, друзей и родных, для корейцев важно чувство общности и единения.

Развитие культурного национализма во многом благотворно повлияло на корейское общество. В Южной Корее сильны патриотические чувства и трепетное отношение к национальной культуре, ради развития которой правительство прилагает много усилий, не жалея средств и времени. Каждый кореец с детства приучен уважать и ценить собственную культуру, традиции и ценности. Власти Республики Корея понимают, что именно в духовном, культурном развитии заключается залог единства нации, необходимого для успешного развития как общества, так и всей страны в целом.

Высокий уровень, а также привлекательность традиционной и современной культуры стали факторами раскрытия потенциала и развития мягкой силы Южной Кореи. Граждане Республики Корея прилагают все усилия для повышения авторитета страны и на международном уровне, пытаясь занять высокое место в мировом сообществе. Как отмечают специалисты, Республика Корея характеризуется как технологически развитая азиатская страна с демократическими ценностями и республиканской формой правления, сохраняющая при этом неповторимую и уникальную культуру.

Во времена президенства Ро Дэ У (1988-1993 гг.) отмечаются изменения во внешней политике страны в области культуры. Были заключены договоры о культурном сотрудничестве со странами Азии, Европы, Америки, в том числе СССР. Политика углубления культурных связей была продолжена и следующим президентом Ким Ён Самом (1998-2003 гг.). В стране регулярно

проводились различные фестивали, праздники, создавались музеи и культурные центры.

В 2008 году к власти пришел Ли Мен Бак. В этот период уделяется внимание формированию национального бренда Южной Кореи, которым занимается специально созданный Президентский комитет при правительстве. Программа развития национального бренда во многом опиралась на различные социальные, культурные и туристические проекты.

С 2013 г. в Южной Корее реализуется проект администрации президента Пак Кын Хе «Пояс слияния культуры и креативных индустрий» по развитию современной культуры. Проект включает в себя комплекс культурных предприятий, в том числе Долину корейской культуры. Проводятся различные мероприятия, направленные на привлечение иностранных туристов в Южную Корею. Для граждан Китая была изменена визовая система, во второй половине 2015 г. была проведена «Большая корейская распродажа», что обеспечило сфере туризма оборот в размере 345, 7 миллиардов вон [5]

На сегодняшний день активно пропагандируется и становится все более популярным на всех континентах изучение корейского языка. Корейские источники часто обращают внимание на то, что на протяжении уже многих лет наблюдается увеличение числа иностранцев, изучающих корейский язык. Так, экзамен на определение уровня владения корейским языком ТОPIK на сегодняшний день проводится в 71 стране мира. В первый раз экзамен был проведен в 1997 г. в четырех странах, сегодня же количество экзаменуемых возросло в 27 раз и составило 72295. По данным Правительства Республики Корея, в 2016 г. около 90000 иностранных студентов были зачислены в корейские университеты [7].

Всемирно известной становится организация «Корейский фонд», способствующая распространению, продвижению и увеличению интереса к изучению языка и культуры Южной Кореи за рубежом. Правительство Республики Корея выделяет средства для выделения грантов на обучение иностранцев в Корее, открываются центры по изучению корейского языка и культуры Кореи по всему миру.

К примеру, институт имени короля Сечжона выступает как мировая организация, популяризирующая корейский язык и корейскую письменность посредством взаимодействия с правительственными учреждениями, повышая

престиж и доступность изучения корейского языка по всему миру. Институт имени короля Сэчжона предлагает обучение корейскому языку в 43 странах. Среди международных филиалов Института есть институты в Британском Совете Великобритании, Университете Гётё в Германии, Академии Франции во Франции и Университете имени Конфуция в Китае, открыты центры в России, Австралии, Франции и т. д. Государственная Академия Корейского Языка, под патронажем которой находится Институт имени короля Сэчжона, планирует к 2016 году открытие более 200 его филиалов. В августе 2015 г. в Сеуле состоялась седьмая Всемирная конференция преподавателей корейского языка, работающих в 43 странах в институтах короля Сэчжона [6].

В последние десятилетия неотъемлемой и зримой частью культуры и весомым инструментом национальной стратегии «мягкой силы» Южной Кореи становится популярная культура или «К-пор». Корейская волна, или «Халлю», известна во всем мире. Музыка, фильмы, сериалы становятся неотъемлемой частью мягкой силы Южной Кореи, с помощью которых страна продвигает свой язык и культуру за рубежом. «К-пор» – это не только музыка, он перерос в популярную среди молодёжи всего мира субкультуру, движимую интересом к современной южнокорейской моде и стилю.

«Корейская волна («халлю»), в 2000-х годах охватила регион Восточной Азии. В это время активно распространяются различные элементы культуры Кореи: музыка, национальная кухня, кино и т.д. Ситуация способствовала увеличению количества туристов в Республике Корея. Вслед за культурой в страны Азии просочились и корейские ценности, и образ жизни. Изначально корейская популярная культура проникла в соседние страны, однако со временем ее влияние стало заметно во многих странах мира. Выхода фильмов, сериалов, музыкальных альбомов с замиранием сердца ждут поклонники «К-пор». В 2008 году, к примеру, южнокорейская группа TVXQ попала в Книгу рекордов Гиннеса за крупнейший по количеству участников официальный фан-клуб «Кассиопея», включавший на тот момент более 800 000 последователей, что превосходило рекорд Элвиса Пресли. В 2013-2014 годах всему миру стал известен корейский певец PSY, чей ролик «Gangnam Style» набрал огромное количество просмотров в социальной сети «YouTube», также попав в книгу рекордов Гиннеса.

По оценкам министерства культуры, спорта и туризма Южной Кореи общая численность поклонников «корейской волны» во всем мире на 2011 г. составляла 3 млн. 300 тыс. человек. Предположительно, оценка не совсем точная, так как подсчеты не учитывают виртуальные клубы, неофициальные сообщества и т.д. [2]. Что касается культурного экспорта, то по данным крупнейшей теле-радио-компании южной Кореи Korean Broadcasting 1 (KBS) в 2011 году РК получила рекордные доходы от экспорта культурных контентов, которые составили 794 млн. долларов. Это самый крупный показатель с 1980 года, когда начала вестись соответствующая статистика. В 2011 году число туристов, посетивших Республику Корея, выросло на 32 процента по сравнению с предыдущим годом. В 2012 году показатели увеличились еще на 9%. Также, по данным Корейской ассоциации международной торговли, три четверти иностранцев, познакомившись с южнокорейской поп-культурой, стали приобретать южнокорейские товары [2].

Популярная и традиционная культура Кореи становится неотъемлемой частью мягкой силы Южной Кореи. Высокий уровень развития культуры позволил Республике Корея продвинуться дальше и заявить о себе всему миру. Культура Южной Кореи на сегодняшний момент активно продвигается за рубежом, позволяя стране занимать высокое положение в мировом сообществе.

Библиографический список:

1. Асмолов, К. В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация [Текст] / К. В. Асмолов. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 484 с.
2. В 2011 году РК получила рекордные доходы от экспорта культурных контентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Cu_detail.htm?No=27962&id=Cu&page=10.html (дата обращения: 15.12.15)
3. Корейская волна завоевывает мир [Электронный ресурс] / <http://onekorea.ru/2011/11/02/korejskaya-volna-zavoevyvaet-mir/> (дата обращения: 24.04.16)
4. Курбанов, С. О. История Кореи с древности до начала XXI века [Текст] / С. О. Курбанов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. – 680 с.
5. Правительство Пак Кын Хе продвигает культурные индустрии и социальное обеспечение [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL:

<http://m.korea.net/russian/NewsFocus/Policies/view?articleId=133227&page=1.html>
(дата обращения: 15.02.16)

6. Преподаватели корейского языка собрались вместе в Сеуле [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://russian.korea.net/NewsFocus/Society/view?articleId=129488&page_Index=4.html
(дата обращения: 23.02.15)

7. Экономический потенциал «корейской волны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://world.kbs.co.kr/russian/program/program_economyplus_detail.html (дата обращения: 15.12.15)

Д.Б. Очирова (Улан-Удэ)

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается история развития образовательной системы в Республике Корея, в том числе автором предлагается классификация истории образования на два периода, временные рамки которых также приводятся в статье. Также автором описываются причины, объясняющие подобное деление, дается краткая историческая справка. Основное внимание в данной работе уделяется демократическому периоду в истории развития образовательной системы Республики Корея. Рассматривается комплекс реформ, проводимых для демократизации образования, а также современное состояние образовательной системы.*

***Ключевые слова.** образование; Республика Корея; демократизация; образовательная система.*

THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF KOREA DURING THE PERIOD OF DEMOCRATIZATION

***Abstract.** This article reviews the history of the development of the educational system in the Republic of Korea, also the author proposed the classification of education history into two periods. Their time limits are given in the article. In addition, the author describes the reasons explaining such a division, provides a brief historical background. The focus of this paper is on the democratic period in the history of the development of the education system in the Republic of Korea. This article reviews the set of the reforms undertaken for the democratization of education, as well as the current state of the education system.*

***Key words:** education; Republic of Korea; democratization; education system.*

На сегодняшний день национальная образовательная система Республики Корея занимает одно из ведущих мест в мировом рейтинге. Она прошла трудный путь, неоднократно менялась и приобрела более определенные черты к 1990 г. Среди характерных особенностей южнокорейской системы образования можно отметить крайне тесную связь с политической системой и зависимость от нее в определенный период. Таким образом, историю развития образования в Южной Корее можно разделить на два периода: период тоталитарного контроля государством (1948-1993) и период демократизации сферы образования (с 1993 г.).

До эпохи Шестой республики сфера образования была под пристальным контролем государства. Об этом свидетельствуют частые смены в структуре центрального управления в период с 1948-1964 гг., а также изменения содержания учебных программ в зависимости от политической ситуации. Так, при Ли Сынмане в феврале 1951 было введено «положение об особых мерах в области образования в условиях войны», а также обязательными для изучения стали некоторые военные дисциплины. При Пак Чонхи был создан комитет по укреплению преподавания национальной истории в 1972 году. Затем, в 1973

году был опубликован закон, по которому все школьные учебники истории отныне создавались правительством [3, с. 383].

С развитием образования возросло и количество людей с высшим образованием, что в совокупности с более плотным сотрудничеством с иностранцами, а также другими внешнеполитическими факторами привело к тому, что большая прослойка граждан стала критиковать существующую политическую систему. Оппозиционные силы нарастали, начались массовые, в том числе и студенческие, выступления. Правительство Чон Духвана подавило бунт в Кванджу, что привело к непродолжительному упадку в движении за демократизацию, однако уже в конце 1980-х гг. оно развернулось с новой силой. Повсеместно стали создаваться преподавательские профсоюзы и другие различные организации, которые также создавали свои газеты, используя их как пропаганду. Возрастающее недовольство народа, давление США заставило Чон Духвана пойти на уступки. Так 27 октября 1987 г. была принята девятая редакция конституции [2, с. 163]. Эта конституция содержала предложенные Ро Дэу меры по демократизации всех сфер жизни. Однако, нельзя сказать, что демократизация образования началась с этого момента. Для правительства образование – было важным инструментом в осуществлении как политических, так и экономических задач, поэтому оно не спешило с предоставлением автономии учебным заведениям. Когда начались массовые выступления Ро Дэу прибегнул к репрессиям учителей и студентов, около 1500 человек были уволены с рабочих мест либо арестованы, он не смог остановить это движение. Поэтому в последние годы своего правления он вынужден был пойти на уступки, реконструировав региональную систему управления образованием, однако вскоре он был арестован по обвинению в коррупции и покинул пост.

25 февраля 1993 года к власти приходит первый гражданский президент, сыгравший ключевую роль в демократизации страны и образования, в частности, Ким Енсам. В тот год в Сеуле и столичной провинции Кенги создавались управления планирования и надзора за образовательной деятельностью, также продолжалось совершенствование региональной системы управления образованием с целью возможности ее проводить плановую политику, а также повышение автономии образовательных учреждений [2, с. 156]. В городах и провинциях появились специальные инспекторы,

обладающие достаточно широкими полномочиями, они вели распределение бюджета, вводили некоторые предложения по модернизации образования в зависимости от особенностей региона и контролировали вверенные им учебные заведения. Учебные заведения, в свою очередь, также имели свою систему самоуправления. В мае 1995 г. была введена реформа, повышающая степень самоуправления учебных заведений, что позволяло более плодотворно решать различные проблемы, а также повышать эффективность учебного процесса.

В период правления Ким Енсама были проведены значимые реформы в образовательной сфере, так называемый свод законов 1994-1999 гг., который является одним из четырех нормативно-правовых актов нормативно-законодательной базы образования в Республике Корея. В декабре 1994 года начала работу комиссия по проведению реформы системы образования. В результате их работы в мае 1995 был опубликован законодательный проект, основной целью которого ставилась создание продвинутой и эффективной системы образования, которая позволила бы вывести Республику Корею на международную образовательную площадку [2, с. 165]. Осуществление данной реформы прошло в два этапа: выполнение юридических требований и организационных мероприятий, а также распределение бюджета. В 1995-1996 гг. прошли реформы по реконструкции организации учебного процесса, уставов государственных и частных учебных заведений, тем самым предоставив им настоящую академическую свободу. В 1997 г. была проведена квалификация высших учебных заведений, были выделены семь категорий: университеты, технические институты, педагогические институты, профессионально-технические институты, технологические институты, высшие профессиональные колледжи различных направлений, а также единственный институт заочного непрерывного образования, обучение в котором предоставлялось всем гражданам любого возраста [5]. Параллельно вступил в силу закон о защите молодежи 1 июня 1997 г., который был призван защитить молодое поколение от различного негативного воздействия. Изменения также затронули и систему поступления в учебные заведения, примерно в 1998 г. система вступительных экзаменов была упрощена, также были введены новые нормы контроля успеваемости для учащихся всех ступеней образования. Завершение реформ ознаменовалось принятием основного закона об образовании в 1999г., спустя год он претерпел некоторые изменения, была

усилена его гуманистическая сторона, а также положение об автономизации. В 2000 г. был принят новый вариант государственного образовательного стандарта, который полностью регламентирует систему управления учебным процессом во всех учебных заведениях всех ступеней [2, с. 167].

Согласно основному закону об образовании целью образования является воспитание южнокорейского молодого поколения волевыми и высокоморальными гражданами, которые будут готовы к будущей жизни. Стоит отметить, что демократия в Южной Корее не похожа на европейскую демократию, она имеет свою характерную особенность. В качестве цели образования в Республике Корея также прописывается воспитание у учащихся приверженности демократическим идеям, готовности служить своему государству и вносить вклад в его процветание.

На сегодняшний день правительство ведет политику мягкого вмешательства в образовательную сферу, осуществляя контроль через систему управления образованием. Одним из способов контроля является, также, финансирование. В современной Республике Корея система финансирования распределяется по коэффициенту эффективности, а не по количеству учащихся. Каждый год составляется рейтинг образовательных учреждений, что является дополнительным стимулом для повышения эффективности образовательного процесса. Также если ранее основной вектор образовательной политики был направлен на достижение политических задач, либо достижения экономического процветания, то сейчас в приоритете стоит развитие науки, а также сотрудничество с другими странами, превращая образование в мост между другими культурами и Кореей, а также позиционированию Южной Кореи на мировой арене как демократического и сильного государства. В настоящее время множество университетов имеют партнерские договоры с другими зарубежными вузами и производят обмен студентами. Также существует большое количество образовательных программ, курсов не только для иностранных граждан, но также и для зарубежных корейцев.

История образования в Южной Корее имеет свои характерные особенности развития, высокая степень зависимости от политического курса, отсутствие автономии, в некоторой степени отсрочила превращение образовательной сферы в самостоятельный институт. Несмотря на то, что первые идеи о демократизации появились еще в 1950 гг., осуществились они

только к концу двадцатого века. Мы отмечаем начальную границу демократического периода как 1993 год – приход первого гражданского президента. Поскольку попытки реформ при правительстве Чон Духвана и Ро Дэу нельзя в полной мере назвать демократическими. Меры, принимаемые в тот период, являлись вынужденным откликом на массовые выступления.

Библиографический список:

1. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России [Текст] / Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1999. – 448 с.

2. Пак Хису, Толстокулаков И.А. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова: Монография [Текст] / Владивосток: Издательство Дальневост. ун-та, 2005. – 256 с.

3. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т.2: Двадцатый век [Текст] / М.: Наталис, 2011. – 499 с.

4. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI республики: Монография [Текст] / Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2003. – 444 с.

5. Gwang-Jo Kim. Education Policies and Reform in South Korea [Электронный ресурс] URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.196.5601&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 23.05.2016)

V. Pakhomov (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

OIL AND GAS COMPLEX OF THE PRC ON THE PRESENT STAGE OF NATIONAL ECONOMY

***Abstract:** Purpose of this article is the consideration of oil and gas complex of PRC as one of the drivers of the national economy evolution. The structure of the oil and gas sector of the country is analyzed in this connection, the policy function is described as diversification of hydrocarbon supplies and the problem solving of the*

national security, the factors are excreted, those are determined by the energy strategy of Central Asia.

Key words: *energy security; energy strategy; oil; gas.*

Currently the PRC is counted among the richest in minerals countries. In the aggregate it ranks the third place in the world. Out of 200 existing sorts of the resources in its mineral wealth, there are 156 sorts of industrial scale, inclusive 9 power-producing, 54 metal, 90 nonmetals, and 3 other liquid and gaseous minerals. In recent years, the PRC invests considerable money in prospecting and exploring of mineral deposits.

By the PRC expert's estimation, the state oil margin of PRC is enough for 40 years, natural gas for 65 years, and mineral carbon for 250-300 years [1, p. 32]. The mineral carbon comes to 68.7% of country's power consumption. Only in India and the Republic of South Africa, the mineral carbon is a dominating fuel.

At present the PRC is not only multinational state with its history, the richest culture and traditions, numbering many thousand years, but also one of the biggest world economics. The country ranks the first place in using of power resources and the second one the largest oil importer following the USA. The Chinese companies are out of the opportunity to get an access to raw material resources in the world by long-term concessions, purchasing of coal companies' shares, borrowing against security of raw material supply.

The Chinese price competitive ability – originally being based on creation and successful growth of industrial export sector – gradually gives way to the complex competitive ability in the country. This partly flattened out the China's role in the world economy as a commercial power and growing consumer of the fuel and raw material import.

It is important to accentuate that the PRC confidently develops the mineral fuel import, inclusive hydrocarbon without detriment to foreign paying capacity. This suggests to make possible not only the maintenance of available and coming reconstruction of fuel consumption but also the step-by-step reconstruction of fuel consumption of initial energy resource in China at the expense of external factors' using. In connection with the swift economic growth and increase of upgrading ratio in all sectors of the national economy the demand for the energy in China is increased by progressive ratio.

The Chinese industry numbers more than thousand years. The notably intensive development it got in the second half of twentieth century. Whereas oil output was 120,000 t in 1949, so in 1988 it reached 137 million and China was one of the leading oil-producing country [2, p. 5].

In the contemporary conditions, more than 90% of oil is produced in the country overland. However, parallel to exploitation of new fields in the west China activated the geological and geophysical exploration on the continental shelf in Bohai bay in the South of the Yellow Sea and on the shelf of the China South Sea similar in defined area of water of the East China and the South China Sea. The oil field was discovered on the shelf of Hainan Island (Wenchang, Lintou, Leadong). The potential oil resources on the shelf of the South China Sea (to which lay claim at least 12 region countries) are estimated at 10-16 milliards ton [1, p. 32].

The oil and gas complex' base of the PRC makes up three vertically integrated companies: China National Petroleum Corporation (CNPC), China Petroleum & Chemical Corporation (Sinopec), and China National Offshore Oil Corporation (CNOOC).

In Russian expert's estimation the oil production in China will be reduced to 150-170 million ton in 2020 because Beijing will seek to reduce production capacity in own fields and increase import volume by expansion of its own oil-refining capacities. China as the second ranking world oil consumer is increasing its oil-refining volume year by year [1, p. 18].

Within the developing of national energetics, it is the significant increase of natural gas' part in the country's supply-demand balance. The significant investing in the geological exploration makes it possible to increase the proved reserves of natural gas from 1.199 trillion cubic meter in 1988 to 4.64 trillion cubic meter in 2015. This favours availability on the country's territory relative large resources of natural gas [4, p.7].

The natural gas in the energy balance of China carried the little weight in its history and till the middle of the nineties (1990) was used for the production of mineral fertilizers and about 10% for everyday necessities and operation activities for the little power stations. In 2014 on the data of National Development and Reform Commission of the People's Republic of China, natural gas consumption reached 178 milliards cubic meter and its winning 133.6 milliards cubic meter [1, p.18].

In addition to that, the natural gas import according to data of General Administration of Customs of the PRC was increased up to 59.6 milliards cubic meter. Its first-rate supplier was Turkmenistan (49.4%) then followed Qatar (11.2%) and Australia (9.3%).

As of the balance sheet June 2015 contract volume for delivering of the pipeline gas are 125 milliards cubic meter per annum. You can add to them about 10 milliards cubic meter that can supplies Kazakhstan, which form sum of 135 cubic meter. In addition to that the import from Central Asia will be 85 milliards cubic meter (Turkmenistan – 65, Uzbekistan – 10, Kazakhstan -10) what makes total power of four-strands pipeline, Central Asia – China (the fourth pipelines must be put into service in 2016) [3, p. 18].

The PRC is concerned about energy security as it effects not only the economics but also the political, military and diplomatic relations. Thereby the state pursues an active policy of diversification of hydrocarbon's supply.

As the Chinese experts state the PRC goes to grips with the world oil and gas resources and it lost against the Western Countries on the initial stage. Now it is making up for lost time subject to sever international competition and essentially in three regions: the Middle East - North Africa, Central Asia - Russia and the area of South China Sea. The PRC aims to provide its interests at the expense of concession purchase for oil-field development abroad or participation agreement in oil production on the foreign countries' area (Kazakhstan, Venezuela, Sudan, Peru, Iraq, and Azerbaijan). To the benefit areas belong Central Asia and the Russian Federation.

One of the priority lines in the realization of energy strategy of PRC is the development of incontinental supplies oil and gas raw material from Russia and the Central Asian states by line pipe transportation.

Attractiveness of the "Central Asian" vector of the PRC's strategy the following factors are determined in the judgment of the Chinese experts [1, p. 34]:

- interchangeability of interests (Central Asian countries need investments for development of oil and gas resources and product markets. However, China needs the diversification of energy sources);
- availability of common borders which makes it possible to transport the oil and gas resources over-the-counter (in Beijing one realizes the value of the transit possibilities of Central Asia for the transportation of the energy resources through

terrestrial header pipe what seems to be the best assurance for the own energy security);

- the assistance to the development program of the North-East of China (this ensures the new working places in Xinjiang Uygur Autonomous Region, what must favour the situation's stabilization in the area);

- provide peaceful relationship and expansion of influence on the Central Asian countries, what is a plus to sum up the prospective geopolitical aims of Beijing.

In the contemporary conditions, the PRC customary secured its position on the world market of energy resources little by little decreasing perils of hydrocarbon's delivering import. For this purpose, the state uses trade economic relations issuance of crediting on favourable terms, delivering of technologies, education, sending craftspeople on official trip. A special place is set aside for mutually beneficial infrastructure projects in oil and gas fields.

List of References

1. Baodon Van, Chanvey Pun, Ruban L.S. Development of oil and gas field of PRC [Text] Baodon Van, Chanvey Pun, Ruban L.S.// Oil and well drilling – 2015 – №1 p. 30-36.

2. Li Guoyu. Geology of oil and gas of PRC [Text] Li Guoyu // OIGTM SO RAN -1993 – p. 56-57.

3. Mastepanov A.M., Sidorenko S.A., W.W. Kovtun / True turning to East [Text] // Mastepanov A.M., Sidorenko S.A., W.W. Kovtun // Oil in Russia – 2015 – №5-6 – p. 16-25.

4. Novikov J.N. Dynamics changes and contemporary condition of world reserves, recovery and consumption of gas. [Text] J.N. Novikov // Oil and gas geology. Theory and Practice – 2013 – V.1 – №1 – p. 1-25.

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. Анализируется степень изученности американской лингвистической советологии в годы «холодной войны». После Второй мировой войны отношения между Советским Союзом и США резко изменились. На смену военному союзу пришла эпоха, которую ярко характеризовали такие политические метафоры, как «холодная война», «железный занавес», «охота на ведьм» и др. Лингвистическая советология в то время стала восприниматься как изучение языка враждебной страны и методики вражеской пропаганды, эффективность которой признавалась всеми серьезными специалистами.

Лингвистическая советология исследовала Советский Союз через призму печатных и устных заявлений, выявляла скрытый смысл высказываний известных политических фигур того времени. Данное направление было самым популярным и востребованным в кругах американских ученых, не в последнюю очередь, благодаря широкому кругу источников – разнообразных советских СМИ. Доступ к газетам, журналам, радио и ТВ существенно облегчал изучение политических и общественных процессов, происходивших в Советском Союзе. Одной из отраслей американской советологии являлась кремлинология – дисциплина, занимающаяся анализом текстов и документов, способных пролить свет на личные качества высших руководителей СССР и их взаимоотношения. Лингвистическое направление исследования Советов дало импульс к развитию других отраслей советологии – экономическому и региональному аспектам изучения советского государства.

Ключевые слова: американская советология; лингвистическая советология; пропаганда; кремлинология.

THE DEVELOPMENT OF AMERICAN LINGUISTIC SOVIETOLOGY DURING THE COLD WAR

***Abstract.** The article analyzes the degree of American linguistic sovietology's study during the Cold War. After World War II relations between the Soviet Union and the USA has changed dramatically. The era came in place of the military alliance was characterized by a political metaphor such as "cold war", the "iron curtain", "witch hunt" and etc. Linguistic sovietology at the time was perceived as study of hostile country's language techniques of enemy propaganda, whose effectiveness was recognized by all serious professionals.*

Linguistic sovietology examined the Soviet Union through the prism printed and oral statements reveal the hidden meaning of the statements of prominent political figures of the time. This area was the most popular and demanded among American scientists not least thanks to a wide range of sources – various Soviet mass media. Access to newspapers, magazines, radio and TV greatly facilitates the study of political and social processes taking place in the Soviet Union. One of the branches of American sovietology was Kremlinology a discipline dealing with the analysis of texts and documents that could shed light on the personal qualities of the highest leaders of the USSR and their relationships. Linguistic research area of the Soviets gave pulse to the development of other directions of sovietology – economic and regional aspects of the study of the Soviet state.

***Key words:** American sovietology; linguistic sovietology; propaganda; Kremlinology.*

Американские советологи имели широкий круг данных о СССР, с помощью которых они изучали различные аспекты советской действительности. В частности, стоит остановиться на американских лингвистических исследованиях Советов.

Лингвистическое направление является очень важным и самым распространенным в комплексе советологических исследований, поскольку ознакомиться с советской официальной прессой было намного проще, чем

заполучить экономические данные о темпах развития СССР или проводить опросы среди советских эмигрантов, что было само по себе более затратным в плане денежных и временных ресурсов. Кроме того, лингвистическая советология доказала свою состоятельность как научное направление, поскольку использовала в своих исследованиях такие методы, как контент-анализ, количественная семантика, риторическая критика, структурные методы, психолингвистические методики, социолингвистический анализ и др.

Данное направление отдает приоритет изучению языковой политике СССР, особенностям тоталитарного дискурса советских руководителей и противостоящего ему диссидентского лагеря и т.д. Последнее есть ни что иное как политическая коммуникация, состоящая из двух сфер. Первая из них – это официальная политическая коммуникация в Советском Союзе (соответствующий ей вариант языка нередко определяют как советский «новояз», «бюрократический» язык, «тоталитарный язык», «официоз», «казенный» язык, «деревянный» язык и др.) [4, с. 26]. Данный стиль использовался приверженцами советской власти с целью выразить лояльность к господствующему режиму. Его особенностями являлись: резкость, использование угроз по отношению к оппонентам во внутренней политике и на международной арене; применение в устной и письменной речи бесчисленных аббревиатур и сокращений, таких как горисполком, ВДНХ, МТС и пр. Вторая сфера политической коммуникации – язык диссидентов был не столь заметен и менее был изучен в трудах американских и европейских ученых.

«Тоталитарный» язык советских властей зачастую подвергался острой критике. Например, советологи А. и Т. Фесенко, эмигрировавшие из СССР в Штаты, определяли советский язык, как русский, испорченный коммунистами [7, с. 25]. Те же ученые полагали, что применение сложных сокращений и аббревиатур является следствием крайней политизации языка.

Некоторые представители лингвистической советологии ставили перед собой прагматические цели: с помощью советского языка они пытались распутать механизмы загадочного большевистского (русского) мышления для прогнозирования будущих действий советского руководства. В частности, американский ученый Н. Лейтес исследовал образы, характерные метафоры, используемые большевистскими лидерами (в основном он использовал труды Ленина и Сталина), а также литературные модели, с которыми большевики себя

подсознательно себя ассоциировали и те, которые они считали для себя неприемлемыми. С точки зрения Лейтеса, совсем немного культур, которым удалось так контрастно запечатлеть в своей литературе типы национального характера. В частности, ученый выделил поведенческие модели, связанные с образами Карамазова, Раскольников, Рудина, Обломова, чеховских героев и др. литературных персонажей. Исследователь приходит к выводу, что модель большевистского поведения формировалась как отрицательная реакция на Обломовых, которые проспали всю жизнь; на Рудиных, болтунов высокого полета [2, с. 48].

Также Лейтес в своем исследовании использовал методы фрейдизма в попытке высветить «латентные значения» большевистских образов. Проанализировав около 3 тысяч большевистских цитат, Н. Лейтес отмечает такие фобии, как «страх импотенции», «фобия заражения» («чистка партии»), «боязнь быть избитым» (как например, в знаменитом выступлении Сталина перед управленцами советской промышленности в 1931 г., в котором образ избиения и избиваемого используется одиннадцать раз в одном параграфе) и др. [2, с. 48]. Проводя сравнительный анализ между мировоззрением русской интеллигенции XIX в. и большевистской элиты, он выявил существенные различия: элита XIX в. легко поддавалась смене настроения, ее чертами были задумчивость, интроспективность, поиски души; большевики же обладали такими качествами как жесткость, подозрительность, неподатливость, агрессивность. Лейтес заключал, что отношение большевиков к действительности, их поступки были схожи с крайним фанатизмом.

Другой американский ученый Г. Лассвелл пытался в рамках лингвистической советологии выделить особенности советской пропаганды на различных стадиях. На ранней стадии является важным формирование первичных институтов, которые на следующих стадиях возьмут на себя руководящую роль. При окончательном становлении данных учреждений их задачей является поддержание сепаратизма, усиленного пропагандой, чтобы предотвратить создание или уничтожить объединения противника. [6, с. 60] С помощью следующей стадии достигается видимость спокойствия, отвлечение внимания соперника, раскол между потенциальными врагами и временными союзниками. И, наконец, на последней стадии (захват власти) осуществляется деморализация совместно с тактикой террора, которые используются как

средство внушения победы советской власти, бессмысленность попыток сопротивления режиму и отказа от сотрудничества.

Отдельным направлением в американской лингвистической советологии была кремлинология – дисциплина, занимающаяся анализом текстов и документов, способных пролить свет на личные качества высших руководителей СССР и их взаимоотношения. Кремлинологи тщательно анализировали публикации, подписанные высшими государственными руководителями, фотографии (кто находится ближе к Сталину и в какой позе), порядок перечисления фамилий в официальных документах, орфографические особенности и т.д. Например, важным фактом считалось то, что советская пресса начала использовать прописную букву при обозначении должности партийного лидера – Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев [5, с. 40]. В то же время кремлинологи видели связь между низвержением Л. Берии и отсутствием накануне его фамилии среди членов Политбюро, посетивших театр. Некоторым ученым-советологам заключения, основанные на подобных выводах, казались неправдоподобными, в частности советологи гавардских и чикагских школ отрицали научную значимость кремлинологии. Тем не менее, американские кремлинологи (Н. Лейтес, Э. Бернаут и др.) провели анализ статей, написанных по поводу 70-летнего юбилея Сталина, результаты которого не вызывают сомнений. Образ Сталина в представлениях Маленкова, Молотова, Берии и др. авторов статей сводится к следующему: Сталин – глава партии, Сталин – вождь народа; глава партии – великий человек, который во всех отношениях выше других людей, ему склонна постоянная и безграничная доброта ко всем советским гражданам и пр.

В середине-конце 1980-х гг. наметился некоторый сдвиг в изучении лингвистической советологии. С приходом к власти М.С. Горбачева политическая риторика в СССР была изменена. Происходящие социально-политические процессы в Советском Союзе вызвали интерес у американских ученых и первоочередной задачей перед академическим сообществом являлись исследования, которые могли объяснить дискурсивные образования в политической коммуникации СССР. Американские специалисты в области лингвистической советологии по-прежнему использовали в своих исследованиях научные методы 1950–1960-х гг.: детальный анализ новостной политики СМИ Советского Союза, структуры сигнификации в обращениях

генерального секретаря СССР, но приоритет в области советологических исследований отдавался прежде всего советской политической лексике, употребляемой в период перестройки. Для американской общественности казалось непривычным употребление в советской печати определенных слов. Например, в СССР консерваторы являлись коммунистами, а в Америке и в целом на Западе, сторонники консервативной модели государства всегда являлись противниками коммунизма. В СССР словосочетание «черный рынок» содержало мелиоративные коннотации, потому что черный рынок был единственным эффективно действующим механизмом, основывающимся на законе спроса и предложения [5, с. 39-40]. Специалисты отмечают, что слова российский (Russian) и советский (Soviet) уже не являлись синонимами в Америке, в Советском Союзе они стали употребляться для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонников демократического пути развития СССР.

Во время перестройки в Советском Союзе в политическом лексиконе прочно обосновались такие слова, как «суверенитет», «союз», «федерация», «конфедерация» и «независимость». Как замечал один из американских советологов-лингвистов проф. Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкер, частное употребление данных лексических единиц привело к неожиданным результатам. В частности, одно и то же слово могло иметь несколько разных смыслов. Например, центральное партийное руководство понимало независимость как новое и привлекательное название для автономности, однако в восприятии демократических, а также сепаратистских и националистических сил в союзных и автономных республиках независимость являлась правом на самоопределение и территориальным отделением от советского государства.

Многие американские исследователи сходятся во мнении, что с помощью изменения советского политического дискурса М.С. Горбачев надеялся ослабить тоталитаризм в СССР. Однако он не подозревал или же до конца не осознавал, что изменение политической риторики приведет к фундаментальному преобразованию действительности, последствия которой могут быть разрушительными для существования Советского Союза.

Итак, в годы холодной войны лингвистическая советология стремительно развивалась, специалисты использовали самые современные для того времени

методы и приемы исследования (контент-анализ, психолингвистические методики и др.). Напряженные отношения между Советским Союзом и западными странами нередко способствовали жесткости авторской позиции, подчеркнутой враждебности к СССР и его союзникам.

Библиографический список:

1. Brown, A. *The Gorbachev Factor* / A. Brown. – Oxford University Press, 1997. 444 p.
2. Leites, N. *A study of Bolshevism*. Glencoe, Ill.: Free press, 1954. 639 p.
3. Lewin, M. *The Gorbachev phenomenon: a historical interpretation* / M. Lewin. – University of California Press, 1992. 208 p.
4. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Американская лингвистическая советология: начальный этап // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 26-31.
5. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология в США и Великобритании // *Respectus philologicus*. – 2007. – № 12. – С. 34-46.
6. Лассвелл, Г. Стратегия советской пропаганды // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1. – С. 55-67.
7. Фесенко, А., Фесенко Т. *Русский язык при Советах*. – Нью-Йорк: [б.и.]. - 1995. – 222 с.

Austin Patrick Reagan (USA)
University of Southern California

SOFT POWER IN ACTION: AMERICAN POPULAR CULTURE IN RUSSIA

Abstract: *Popular culture offers the type of conversations that encourage acceptance. The idea of persuasive statecraft of soft power (a country's political values, its foreign policies, and its culture) avoids coercion through military or financial means, and aims to foster cooperative missions.*

While treaties and protocols are reserved for foreign service officers, popular culture engages on a civilian level in achieving diplomatic progress.

While the foreign policies of the United States and Russia frequently clash, American popular culture has permeated the iron wall that stands between two nations. Mainstream American art forms – music and film – are appreciated by Russian people, and accepted as components of Russia’s entertainment sector. This cultural prong of soft diplomacy, while limited in its capacity for peacemaking, offers some insight as to how Russians perceive Americans, and how these perceptions can be leveraged towards mutual understanding.

Key words: *soft power; diplomatic relations; American popular culture; American ideals; Human relations; peace.*

In his seminal 2004 work *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, international relations scholar Joseph Nye introduced the idea of persuasive statecraft that avoids coercion through military or financial means. Soft power instead wields three tools: a country’s political values, its foreign policies, and its culture [3]. With these tools, it aims to foster strong relations and cooperative missions. Though my recent travels to Russia were motivated more by a desire for personal enrichment than by the momentous diplomatic purpose described by Nye, I nonetheless saw an element of soft power at work during my trip. While the political values and foreign policies of the United States and Russia frequently clash, American popular culture has indelibly permeated the iron wall that stands between two often icy nations. Mainstream American art forms – music and film – are not only appreciated by Russian people, but are fully accepted and integrated as components of Russia’s entertainment sector. This cultural prong of soft diplomacy, while limited in its capacity for peacemaking, offers some insight as to how Russians perceive Americans, and how these perceptions can be leveraged towards mutual understanding.

The long-tumultuous relationship between the United States and Russia (previously the U.S.S.R.) might at first seem incongruous with the utility afforded by soft power. American presidents have often denounced Russia’s government as corrupt and its political culture as oppressive towards the type of articulated dissent that is protected in the U.S. And nearly three decades since the fall of the Soviet Union, Cold War mentalities in the White House and the Kremlin continue to foster tenuous relations between the two states. Most recently, this has been illustrated through the divergent approaches taken by the two states in regards to the war in

Syria. While the U.S. has supported opposition troops in the ongoing conflict, Russian forces have reinforced the Assad regime, leading many to comment that the confrontation comprises a proxy war between the two major powers. But despite these rocky circumstances, soft power seems to prevail in the cultural arena, with Russians, especially young Russians, eagerly embracing several keystone aspects of American culture.

The first of these is music. Whether perusing a convenience store or riding in a taxicab, American tunes provided me with a familiar soundtrack in unfamiliar places. Justin Timberlake crooned in the lobby of my hotel in Irkutsk. The Black Eyed Peas thumped on the radio of a small souvenir shop near Lake Baikal. American recording artists, singing in English, have clearly found an eager audience in Russia. And this is not just a niche audience, as has perhaps been carved out by Russian artists among American listeners. No, everyone from Madonna to Bruce Springsteen to Christina Aguilera (who a group of Russian university students seemed to have a particular affinity for) has warbled his or her way into mainstream Russian musical tastes. The embrace of America's musical export has made for a generation eager to discuss music with American travelers.

Except something was a little off. Past travels through Europe have taught me to anticipate the prevalence of songs simultaneously gracing America's Top 40 charts. Songs beamed over the airwaves at home are generally consistent with those being played overseas. But it was as though Russia exists a decade or so behind the American musical scene. In an age where streaming technology promises immediate delivery of the newest albums, sonic fads, and up-and-coming artists, Russia's musical preferences seemed almost anachronistic. The music I heard was familiar, but for me evoked a nostalgia for the time when those songs were hot in the United States. University students grooved to the anthems of my middle school years. A bar in Irkutsk curated an entire night's set list to the "Sounds of 2007." Make no mistake, a steady stream of American music pours through Russian headphones. But that stream passes through a temporal dam of sorts, delaying its arrival in Russia and its gradual percolation through the Russian culture. Why is this, I wonder? Does it have to do with politics, or is it simply a matter of geography, the vastness of Russia imposing a buffer on the speed with which music enters the mainstream? Whatever the reason, the lag makes for a unique anthropological phenomenon, capturing the

soundtrack of a decade prior and broadcasting it as though it were the latest and greatest in stereophonic sound.

Another discrepancy between the American and Russian musical cultures is the noted absence of American rap. In Russia, the genre has been widely affiliated with opposition politics, and is often highly critical of the government. While American rap artists too sometimes use their craft to bemoan social ills like racism and poverty, their lyrics rarely (if ever) cast a skeptical eye on the Kremlin and the government of Vladimir Putin. Still, the style has failed to catch on in Russia, and American rap artists remain absent from the cultural lexicon. This absence was echoed in the vocalized distaste shared by several Russians when asked about the genre. As one train patron, roughly my grandmother's age, expressed, "Rap artists are crude and degenerate." These sentiments may be particularly engrained in Russia. Then again, I can more or less imagine my grandmother giving a similar answer.

Little academic research has been committed to analyzing the role of music in diplomacy. Joseph Nye's soft power concept has compelled a modern consideration of this cultural force, however. Audio diplomacy, as a 2015 editorial from *The Guardian* so aptly deemed it, has the potential to mold public perceptions and alleviate long-standing prejudice [6]. Of course, music can also reinforce perceptions. Most Americans today would probably take issue with the ideas held by many Russians in association with the United States. Wealth, fast food, Wall Street, and Hollywood were just a few of the things mentioned by everyday Russian citizens when pressed on their perspective of my country. It gives reason for pause. With a musical culture that often extolls the virtues of fame, money, excess, and ease, is the United States advancing ideals that make for a poor image abroad?

Those seeking to answer this question must turn as well to the medium of film, for which Russians tend to be just as hungry for the magic of Hollywood studios as audiences in the U.S. Unlike American music, American films find viewers in Russia simultaneous to their release in the States. *The Martian* captured imaginations across the country, while *The Revenant* struck awe at the beauty and harshness of a landscape not so different from the tundra biome sprawling much of the Russian interior. In testament to the universal intrigue of the Academy Awards, a group of university women laughed in agreement at one girl's proclamation of, "We were so relieved when Leo finally won the Oscar!" Her words sounded straight from the mouth of an American film buff.

In fact, film proved to be a reliable context with which to find common ground with Russians I encountered on the train and elsewhere. While language barriers impeded some interactions, many Russians were eager to mention popular American franchises like “Star Wars” and “Harry Potter,” with James Cameron’s “Titanic” also mentioned on several occasions. A love of American film eased new friendships and acquaintances. It also showed the utility of film as a means of diplomacy. By sharing in an appreciation of major American motion pictures, we could recognize the universality of art as a purveyor of emotion and thought. While this was an important personal discovery, it is by no means a novel concept. Even during Cold War years, film was viewed as a critical tool for diffusing pressures between the U.S. and the Soviet Union. “Signed in 1958, the U.S.-Soviet Cultural Exchange Agreement provided for numerous exchanges of specialists, students and professors, and famous performers,” writes scholar Marsha Siefert [5]. Though my trip did not involve the type of creative collaboration described by Siefert, it did expose a collective admiration of American film, and served as a benign gateway towards further conversation.

Despite its acceptance by the masses, American film, with its visual and aural display of Western culture, has not always been so warmly embraced by Russian authorities. In 2014, political leaders in Moscow invoked the need for censoring foreign films thought to be antagonistic towards Russian government and political culture. “Russians have long been ravenous consumers of Hollywood movies,” wrote one publication, “but with anti-western rhetoric escalating as the conflict in Ukraine develops, politicians believe it is time to outlaw ‘anti-Russia’ material” [1]. Such inhibitions were denounced by both proponents of free media as well as Hollywood studios, which stood to lose millions of dollars in revenues. Ancillary to censorship concerns, the State Duma in 2014 considered a law to limit the number of foreign films screened in Russian cinemas to 50% of the total. This was not the first such proposal of its time. Earlier discussions considered a cap of 20% foreign films, intended to inspire greater domestic filmmaking [4]. These plans were quickly scrapped however, thanks to the help of what might seem an unlikely ally to Hollywood: Vladimir Putin. Scoffing at the notion of a film quota system, Putin proclaimed, “The Americans are talented and successful people and there is a lot we can learn from them” [2]. Those may seem like strange words from a man often

viewed as antagonistic towards the U.S., but not even Putin is immune to the particular excellence of the American silver screen.

Soft power strategy has only recently entered the lexicon of diplomatic relations. Still, as I learned through my own experience abroad, there is great value to be had in the proliferation of American popular culture. Firstly, it can be used as a conduit for promoting American ideals. Cultural diplomacy as a means of encouraging individuality, opportunity, and tolerance of diversity is an asset both for Americans and those who consume American culture. This is a double-edged sword, however, and superficial ideals like wealth and lust can just as easily pervade foreign perspectives. It behooves renowned artists to imbue their works with noble messages. Secondly, soft power goes hand-in-hand with direct cultural exchange. It is important that Russian and American civilians interact, as these communications often reveal unexpected similarities and interests. Human relations are a vital, though often overlooked, element of the process towards peace. Popular culture offers an excellent launching pad for the type of conversations that change minds and encourage acceptance. Lastly, there is a democratic element to cultural diplomacy that often evades more formal statesmanship. While treaties and protocols are reserved for foreign service officers, popular culture engages on a civilian level. This direct address allows for important shifts in perception and permits a kind of people-to-people ambassadorship. The utility of popular culture in achieving diplomatic progress can therefore not be neglected.

List of References

1. Child, Ben. "Moscow may ban anti-Russian films from cinemas in new censorship threat." *The Guardian*. 27 August 2014. Web. 1 April 2016.
2. Child, Ben. "Vladimir Putin wants Russia to have full access to Hollywood movies." *The Guardian*. 28 November 2014. Web. 31 March 2016.
3. Nye, Joseph. *Soft Power: The Means To Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2005.
4. "Plans to limit foreign films in Russia abandoned." *British Broadcasting Corporation*. 28 November 2014. Web. 1 April 2016.
5. "Using Film as Cold War Diplomacy." Central European University. 20 May 2014. Web. 1 April 2016.

6. Zawisa, Marie. "How music is the real language of political diplomacy." *The Guardian*. 31 October 2015. Web. 31 March 2016.

С.А. Себекин (Иркутск)

Иркутский государственный университет

КИБЕРМОГУЩЕСТВО КИТАЯ: СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются достижения Китая в сфере информационной безопасности и информационной войны. Также делается попытка проанализировать применение китайского исторического опыта и традиций для выработки китайской стратегии ведения кибервойны. В статье обозначена роль каждого субъекта, имеющего отношение к интернету (граждан, частных компаний, государства, народно-освободительной армии Китая) как в деле обеспечения информационной безопасности, так и ведения широкомасштабной кибервойны.

Ключевые слова: Китай; интернет; кибербезопасность; киберпространство; кибервойна.

S. Sebekin (Irkutsk)

Irkutsk State University

CYBER POWER OF CHINA: SPECIFITY USE OF CYBERSPACE

Abstract. The article examines achievements of China in the sphere of information security and information warfare. Also, an attempt is made to analyze the use of the Chinese historical experience and traditions for the development of the Chinese strategy of cyberwar. In the article the role of each entity having a connection to the internet (citizens, private companies, the state, the People's Liberation Army of China) is designated both in ensuring information security and conducting a large-scale cyber war.

Key words: China; internet; cybersecurity; cyberspace; cyberwar.

Китай – одно из старейших государств в мире. Китайская цивилизация тысячелетия существовала и развивалась, согласуясь с китайской философской традицией, включающей в себя множество учений и философских систем, в т.ч. и конфуцианство.

И в современном мире, с его вызовами, проблемами, возможностями и динамикой, Китай в своей политике руководствуется старой «китайской мудростью», складывавшейся тысячелетиями, но не утратившей своей актуальности. На основе китайской философской традиции разрабатываются бизнес-планы, политические курсы и фундаментальные стратегии.

Говоря о любом явлении – политике, экономике, коммунизме или дипломатии – мы говорим о нем как о явлении «с китайской спецификой». Эту специфику и обуславливает традиционная китайская философия. В данной работе будет рассмотрено использование Китаем интернета и киберпространства, политика в отношении их (и политика в них самих) *с китайской спецификой*.

Не отходя далеко от «китайской мудрости», хочется отметить, что в отношении интернета Китай проводит с точки зрения автора именно мудрую политику – он поставил под контроль национальное киберпространство и управляет интернетом на государственном уровне. Дело в том, что интернет – это большая децентрализованная сеть. Он создавался с учетом того, что его не должны контролировать правительства – ни в одиночку, ни коллективно. Поэтому интернет был спроектирован как система, в которой приоритет отдается децентрализации, а не безопасности. Таким образом, он априори является пространством нерегулируемым, в котором будут возникать угрозы как локального, так и глобального масштаба, таящие в себе опасность как для обычного человека, так и для государств и крупных корпораций. Как отметил ведущий юрист общественной организации «РосКомСвобода» Саркис Дарбинян, «Интернет бросает серьезный вызов суверенитету любой власти и монополии любой корпорации»^[1].

Итак, мудрость китайской политики состоит в том, что Китай смог поставить под контроль «свое» киберпространство в рамках своих национальных границ, обеспечив себе «цифровой суверенитет». Несмотря на то, что интернет появился в Китае в 1987 г. – намного позже, чем в некоторых

других странах, Китай добился гораздо больших успехов в сферах кибербезопасности и управления интернетом.

Специфика использования интернета здесь вытекает из исторического опыта. После 1945 г. мир предложил отсталым странам Азии (в т.ч. и Китаю) две конкурирующие формы развития – социализм советского образца или капитализм американского образца. На практике странам Азии не удалось построить ни того, ни другого. Как социализм, так и капитализм быстро принимал форму диктатуры. С одной стороны, это была государственно-социалистическая диктатура, с другой – «диктатура развития» (рыночно-ориентированная диктатура). Огосударствление всего достигло немыслимых масштабов. Точно так же произошло и с интернетом. Придя в Китай, интернет стал огосударствляться, поэтому нынешнее существование интернета в Китае можно обозначить как «диктатура над интернетом».

Действительно, китайское правительство очень серьезно контролирует интернет и вводит цензуру, посредством этого обеспечивая и национальную кибербезопасность Китая. Китайские законы в сфере кибербезопасности и цензуры отличаются особой жесткостью. В 1994 г. Госсовет КНР издал «Правила регулирования, обеспечивающие безопасность компьютерных систем», которые дали Министерству государственной безопасности полномочия на управление сетью. В соответствии с правилами, правительство может нейтрализовать практически любой ресурс.

Начиная с 1994 года, Китай опубликовал ряд законоположений в сфере управления интернетом, среди которых стоит выделить следующие: «Постановление ПК ВСНП относительно защиты безопасности интернета», «Регламентация контроля над информационным обслуживанием в компьютерных сетях», «Положения КНР о защите безопасности компьютерной информационной системы», «Положения о контроле над телекоммуникационными предприятиями, основанными за счет иностранных инвестиций», «Регламентация контроля над защитой безопасности подключения отечественных информационных сетей ЭВМ к международным сетям» и др. Отдельно стоит выделить один из последних законов – «Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики», принятый 1 июля 2014 г. и пока что не имеющий серьезных аналогов во всем мире. Данный закон является «универсальным», уделяя внимание как внутренней, так и внешней

безопасности, и распределяя права и обязанности рядовых пользователей интернета, частных сетевых и IT-компаний, и самого государства^[2].

Законодательная база в сфере управления интернетом и обеспечения безопасности охватывает «всех и вся»: рядового гражданина и крупную компанию, больницу и школу, ресторан и магазин одежды, каждый компьютер и каждый проводок, если они хоть как-то связаны с интернетом.

Для каждого субъекта установлены свои правила и условия пользования интернетом. Соответственно, уровень цензуры для каждой категории граждан или компаний – свой. Как говорит новая китайская мудрость – «Интернет — это орудие работы, а не средство времяпрепровождения». Данное высказывание отражает стратегию Китая по управлению интернетом, которая сильно отличается от западного подхода. Оно отчасти дает ответ на вопрос, почему в Китае так сильно развита интернет-цензура – гражданин должен использовать интернет для работы, а не для праздности. В то же время для тех, кому интернет нужен действительно как «орудие работы» и кому необходимо больше интернет-возможностей (доступ к иностранным сайтам, закрытой информации и т.д.), предусматриваются некоторые послабления. Это: ученые и исследователи, крупные компании (или отдельные бизнесмены) и инвесторы, работники СМИ.

Теперь стоит рассмотреть требования, предъявляемые разным интернет-пользователям государством, выполнив которые тот или иной субъект может пользоваться интернетом. Физическому лицу для того чтобы стать интернет-пользователем, необходимо пройти проверку в местном отделении полиции и предоставить провайдеру справку установленного образца. Больше никаких действий от гражданина не требуется. Дальнейшие действия по обеспечению безопасности выполняет китайское государство. Оно следит за тем, чтобы граждане жили в соответствии с нормами, призванными обеспечить успешное построение коммунизма. Эти нормы подразумевают, что к гражданам не должна попадать лишняя информация. Если вебсайт содержит такую информацию, он фильтруется, и доступ к нему из Китая закрывают. Этим целям служит реализуемая в Китае система под названием «Золотой щит», или «Великий китайский файрвол». «Щит» фильтрует содержимое интернета в Китае и представляет собой систему серверов на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации, которая

фильтрует информацию. Таким образом, доступ к ряду иностранных сайтов с территории Китая ограничивается именно в рамках проекта «Золотой щит». Также, в рамках системы, веб-сайты, базирующиеся на территории Китая, не могут ссылаться и публиковать новости, взятые из СМИ без специального одобрения, а веб-страницы фильтруются по ключевым словам, связанным с государственной безопасностью, а также по чёрному списку адресов сайтов.

Что касается IT-компаний, провайдеров и других компаний, связанных с интернетом, то в отличие от физических лиц, именно на их долю приходится львиная доля обязанностей по обеспечению кибербезопасности. Сотрудничество компаний с государством по вопросу кибербезопасности в Китае является обязательным, что прописано во многих законах, перечисленных ранее. Китайское правительство требует от компаний вводить новые меры безопасности, в том числе и иностранных, например, таких, как Google и Microsoft. Под давлением Пекина Microsoft предоставил Китаю копию закрытого кода своей операционной системы с тем, чтобы Китай мог настроить ее «для себя» (Microsoft отказалась предоставить этот код своим крупнейшим коммерческим потребителям в Америке). Google же был вынужден ввести цензуру результатов поиска на google.cn (адрес китайского поисковика Google). Никто не обсуждает «цену», когда китайское правительство требует ввести новые меры безопасности.

В Китае сети, образующие интернет-инфраструктуру страны, целиком контролируются правительством, которое либо напрямую владеет ими, либо состоит в тесном сотрудничестве с частным сектором. Сети поделены на крупные специализированные сети между правительством, научным и коммерческим сообществами. В эти сети входят: научно-исследовательская сеть China Science and Technology Network; образовательная сеть China Education and Research Network; коммерческие сети; наиболее крупные — China Net^[3]. К тому же, китайское правительство имеет власть и средства, чтобы отсоединить свое интернет-пространство от всего остального мира в случае киберконфликта. Китай добился огромного успеха в вопросах киберобороны своего интернет-пространства.

Стоит отметить, что в США все выдвигаемые инициативы, в которых предлагается начать контролировать киберпространство и диктовать частным компаниям и гражданам стандарты по обеспечению безопасности,

оканчиваются провалом. Компании отказываются от сотрудничества с правительством. Говорить об отключении страны от интернета в США вообще не приходится – это будет являться для них вопиющим нарушением прав человека.

Отдельного внимания заслуживает отношение Китая к антиправительственной пропаганде.

Серьезная ответственность предусмотрена за публикацию материалов, вредящих репутации государства. Сайт, содержащий такую информацию, фильтруется, а доступ к нему из Китая закрывают. Это относится не только к антикоммунистическим сайтам. Китайские власти применяют репрессивные меры против антиправительственных акций внутри сети. Пересылка секретных или же реакционных материалов по IP-сетям считается государственным преступлением. Наказания для тех, кто нарушает правила пользования интернетом, варьируются от денежных штрафов до лишения права пользования интернетом^[4]. Так, в Белой книге Китая под названием «Положение интернета в Китае», говорится о строгом запрещении распространения «информации, содержащей призывы к подрыванию государственной власти, разрушающей единство страны, нарушающей интересы и честь государства, подстрекающей к разжиганию национальной вражды и нарушению национальной сплоченности» и о том, что «...граждане не могут нарушать интересы государства... кроме того, ни одна организация или частное лицо не могут заниматься угрожающей безопасности государства... деятельностью посредством телекоммуникационной сети»^[5].

В мае 2001 г. в Китае было создано Китайское общество пользователей интернета – всекитайская отраслевая организация в сфере интернета. Ее цель – служить развитию интернета и *принятию решений правительства*. Как отмечает консультант ПИР-Центра политических исследований в Москве Галия Ибрагимова, в действительности это правительственный орган, главная цель которого – реализовывать решения правительства в сфере контроля над сетью^[6].

Однако кибермогущество Китая заключается не только в его способностях защищать свою национальную сеть. Гораздо большее кибермогущество кроется в способности Китая вести *кибервойну*. Как и полагается, китайский подход к ведению кибервойны имеет свою философскую специфику. В свою очередь,

исторический опыт Китая, его традиции и философия наложили мощный отпечаток на китайские способы ведения кибервойны.

Знаменитый китайский военный мыслитель и стратег Сунь-Цзы в своем трактате «Искусство войны» 2500 лет назад выразил ту идею, которой уже в современном мире служат китайские наступательные кибервозможности – «...одержать сто побед в ста сражениях – не высшее достижение: высшее достижение – победить неприятеля, не переходя к бою» [7, с. 17]. Для понимания китайского подхода к ведению кибервойн будет полезно привести еще одну идею Сунь-Цзы – «поражение сильного его слабостью».

Обе высказанные Сунь-Цзы идеи легли в основу книги, написанной генерал-майором в отставке ВВС КНР Цяо Лянем «Неограниченная война». В ней раскрывается такое понятие, как асимметричная война – война, в которой более слабые страны могут изменить существующую расстановку сил и добиться преимущества, используя оружие и приемы, *выходящие за пределы традиционного военного арсенала*. В качестве нетрадиционных методов противостояния более сильному врагу в этой книге понимается именно кибервойна и кибероперации. Киберсистемы – вот то оружие, которое может дать Китаю огромное преимущество в войне с «физически» более сильным противником ^[7]. Возможно, на момент выхода книги Китай был не в силах противостоять стране с более мощными (как по количеству, так и по качеству) ВВС, ВМФ, наземными и другими видами войск. Зато киберпространство может стать тем полем, в котором Китай без боя сможет победить противника.

Высказанная выше идея – «поражение сильного его слабостью», также нашла отражение в книге «Неограниченная война». В ней пропагандируется тактика *shashoujian* («жест ассасина») — *использование слабых мест в традиционных (кажущихся) преимуществах противника*. Цель стратегии — «вести бой исходя из имеющегося оружия» и «создавать необходимое для боя оружие». Начиная с окончания холодной войны военные эксперты КНР настойчиво ищут способы эффективного противостояния доминированию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После операции «Буря в пустыне» военные аналитики НОАК сделали вывод, что в ближнесрочной перспективе Китаю нереально одержать победу в непосредственном военном противоборстве с ВС США. Однако был сделан вывод, что *высокая степень зависимости США от спутниковых и информационных технологий*

представляют Китаю возможности асимметричных преимуществ. В этом случае НОАК могла бы получить шанс победить в так называемой локальной войне в высокотехнологичных условиях ^[8]. Именно такой взгляд на использование элементов уязвимости противника и согласуется с древней военной традицией Китая «поражение сильного его слабостью».

Специфика китайского понимания ведения кибервойны на этом не заканчивается. Заимствование своего исторического опыта и старой философии и применение их в современном мире – важная особенность Китая. Ключевую для сегодняшней китайской теории кибервойны идею высказал сначала Мао Цзэдун – «...крепить единство армии и народа», и позже Дэн Сяопин – «объединение гражданских и военных». В современном Китае уделяется огромное внимание взаимодействию граждан, военных и правительства. Эффективность китайских киберподразделений обусловлена тесным сотрудничеством между правительственными структурами, военными и хакерами. КНР активно работает над тем, чтобы киберподразделения могли квалифицированно использовать технологические достижения и опыт гражданского сектора экономики в сфере компьютерных технологий с целью эффективной поддержки регулярного компонента НОАК в операциях. Идет целенаправленный поиск в учебных и научных учреждениях, а также в индустрии информационных технологий высококвалифицированных кадров, с целью их привлечения на регулярной основе к кибероперациям ^[9].

Из них формируются подразделения, которые готовятся для оказания помощи регулярным силам НОАК в проведении широкомасштабных атак на информационно-коммуникационные сети противника. Китай придает огромное значение формированию новых специфических сил кибервойск, которые могут состоять из различных групп потенциальной разработки и применения кибероружия, бригад хакеров и радиоэлектронного подавления, подразделений защиты информации и информационных сетей, радиоэлектронной полиции и подразделений сетевой войны в составе сил «народной войны», а также иметь и другие специфические части и подразделения.

Стоит отметить, что упоминавшиеся китайские хакеры – хункэ (красный гость) – представляют грозную силу даже сами по себе, без сотрудничества с правительством, и поэтому часто нанимаются последним для проведения крупных киберопераций.

На сегодняшний день Китай представляет собой мощную кибердержаву. В Китае созданы полноценные кибервойска, объединяющие свои усилия с обществом. Доктрина кибервойны Китая базируется на подавлении противника за счет громадной численности своего гражданского населения, которое подготовлено к ведению информационной войны. Предполагается, что высокообразованные гражданские специалисты в области компьютерных технологий станут солдатами информационной войны, а не массовым пушечным мясом.

Заимствование некоторого опыта Китая очень полезно. Так утверждает и генеральный директор российской компании по выпуску средств защиты корпоративной информации InfoWatch Наталья Касперская, которая прокомментировала создание в России системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак: «Мера очень своевременная... я знаю, что в Китае создан центр противодействия киберугрозам CNCERT («Техническая группа быстрого реагирования Национальной компьютерной сети» – *прим. авт.*). Компании, поставляющие в Китай продукцию для защиты от киберугроз, должны сертифицировать ее в CNCERT. Получившие сертификат обязуются предоставлять центру информацию обо всех совершенных на территории страны кибератаках... Если бы я создавала систему противодействия, то сделала бы ее похожей на применяемую в Китае...» [1, с. 49].

По кибермогуществу Китай превзошел своего «доктринального» противника – Соединенные штаты. Он обладает стратегическим преимуществом над США, поскольку китайское правительство многими способами контролирует интернет в стране, а китайские военные готовы, в случае необходимости, защитить деловые и государственные интернет-ресурсы страны. И это при условии, что в случае конфликта с США китайское правительство способно отключить китайский сегмент Интернета от всего остального мира, что и сделает в случае конфликта с Соединенными Штатами. Как отмечает бывший советник администрации президента США по борьбе с терроризмом Ричард Кларк, «Китайское правительство имеет и власть, и средства, чтобы отсоединить китайское интернет-пространство от всего остального мира... Американское правительство таких полномочий и

возможностей не имеет. В Китае правительство может устанавливать и вводить в действие стандарты, но идет гораздо дальше» [4, с. 180].

В заключение хочется добавить, что главная мудрость Китая состоит в том, что он восприимчив как к своему собственному, так и к чужому опыту. Китайская теория кибервойны синтезирует различные западные теории, но с учетом своих национальных особенностей. Она активно развивается на основе творческого сочетания базовых положений доктрины кибервойны США и специфических, присущих китайской культуре элементов, к примеру таких как доктрина «народной войны», традиционные теоретические посылы типа «убивать с помощью чужого меча» и «атаковать слабость, а не силу».

Библиографический список:

1. Баулин, А. Кибербитва за Родину / А. Баулин // Эксперт. –2013. – № 4 (836). – С. 46-49.

2. Дарбинян, С. «Интернет бросает серьезный вызов суверенитету любой власти» [Электронный ресурс] / С. Дарбинян // Digital Report: сайт. – URL: <https://digital.report/sarkis-darbinyan-roskomsvoboda-internet-brosayet-sereznyiyy-vyizov-suverenitetu-lyuboy-vlasti/> (дата обращения: 10.04.2016).

3. Ибрагимова, Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности [Электронный ресурс] / Г. Ибрагимова // Индекс безопасности. – 2013. – № 1 (104). – С. 169-184. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559074100.pdf>. (дата обращения: 10.04.2016).

4. Кларк, Р. Третья мировая война : какой она будет? Высокие технологии на службе милитаризма : науч. изд. / Р. Кларк, Р. Нейк ; пер. с англ. Е. Кармановой. – СПб. : Питер, 2011. – 336 с.

5. Паршин, С. А. Кибервойны – реальная угроза национальной безопасности? / С. А. Паршин, Ю. Е. Горбачев, Ю. А. Кожанов ; Ин-т проблем междунар. безопасности РАН, Фак. мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : КРАСАНД, 2011. – 96 с.

6. Положение Интернета в Китае [Электронный ресурс] // Китай : сайт. – URL: http://www.kitaichina.com/se/node_52741.htm (дата обращения: 12.04.2016).

7. Сунь-Цзы. Искусство войны / Сунь-Цзы; пер. с англ. М. М. Михайлова. – М. : Астрель, 2012. – 96 с.

8. Liang, Q. Unrestricted warfare [Electronic resource] / Q. Liang, W. Xiangsui. – Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999. – 228 p. – The electronic version of the printed publication. –URL: <http://www.c4i.org/unrestricted.pdf> (date of the application: 12.02.2016).

9. People's Republic of China Cybersecurity Law [Electronic resource] : draft. – URL: <http://chinalawtranslate.com/cybersecuritydraft/?lang=en> (date of the application: 10.02.2016).

Примечания

[1] Дарбинян С. «Интернет бросает серьезный вызов суверенитету любой власти» [Электронный ресурс] // Digital Report : сайт.

[2] People's Republic of China Cybersecurity Law [Electronic resource] : draft.

[3] Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности [Электронный ресурс] // Индекс безопасности. – 2013. – № 1 (104). – С. 169-184.

[4] Там же.

[5] Положение Интернета в Китае [Электронный ресурс] // Китай : сайт.

[6] Ибрагимова ГУказ. соч.

[7] Liang Q. Unrestricted warfare [Electronic resource]. – Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999. – 228 p.

[8] Паршин С. А. Кибервойны – реальная угроза национальной безопасности?. – М. : КРАСАНД, 2011. – 96 с.

[9] Там же.

В.И. Семенова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЯТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Аннотация. Целью статьи является выявление экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на формирование антропонимической системы бурятского народа. В связи с этим в статье рассматриваются

социальные, религиозные, экономические изменения в обществе, повлекшие изменения в антропонимии бурят.

Ключевые слова: социальная окраска онимов; антропонимия; религиозный фактор; языковые контакты.

V. Semenova (Irkutsk)
Irkutsk State University

EXTRALINGUISTIC BASIS OF BURYAT PERSONAL NAMES

Annotation. *The aim of the article is to identify the extralinguistic factors that influence the formation of the Buryat people's anthroponomical system. In this regard, the article examines the social, religious, economic changes in the society, entailing changes in the anthroponomy of the Buryats.*

Key words: *social coloring of proper names; anthroponomy; religious factor; language contacts.*

Исследователи не раз отмечали специфику собственных имен. А.В. Суперанская пишет: «Онимы, пожалуй, еще в большей степени, чем апеллятивы, реагируют на всевозможные общественные изменения. В имени всегда, независимо от воли называющих, отражаются социальная жизнь общества и культура» [8, с. 21]. Нет сомнений в том, что личные имена социальны. Но нельзя понимать это и слишком упрощенно. Во-первых, имя социально исторически, в силу условий, лежащих вне его. Социальная окраска имени изменчива. Во-вторых, личные имена могут не тотчас реагировать на социальные сдвиги, а отвечать на них с опозданием. В-третьих, социальная обусловленность имени сложна, нередко она не пряма. Ведь имя – слово, и, как все слова, подчиняется законам языка и только через них в нем отражается история.

Антропоним – прежде всего слово, которое, как и все прочие слова, подчиняется законам языка и изучается лингвистическими методами. Но антропоним – это собственное имя, и как имя, он связан с социальным, историческим и этнографическим фоном. Поэтому учет внеязыковых факторов необходим для всестороннего понимания роли языка в обществе и в особенности такой специфической части языка, как собственные имена [1, с. 39].

Ранние имена, как правило, связаны с этнографическими особенностями народов. В представлении древнего человека имя обладало магическими свойствами, благодаря которым якобы можно было избежать несчастий или нанести вред врагу. Поэтому имени придавалось не меньше значения, чем религиозным обрядам, сопровождавшим рождение, пеленание, укладывание в люльку и воспитание ребенка [4, с. 85-93]. Исследователи полагают, что обряды, связанные с охраной ребенка, и охранительные, обманно-охранительные имена имеют одни и те же функции. Значение у них одно и то же, разница лишь в материальном выражении. Об этом же пишет Г.И. Левинсон: «На каком-то уровне каждое речевое сообщение выступает как какое-то действие персонажа, безотносительно к тому, что сообщается. На этом уровне речевое поведение участников эквивалентно неречевому – и то, и другое является просто знаком контекста, неким абстрактным действием между персонажами обряда» [3, с. 163].

Практическая и вербальная сторона действия носят временный характер; определенные обряды человек вынужден совершать неоднократно на протяжении всей жизни. Имя же «защищает» его постоянно. Поэтому и появляются личные имена с «охранными», «обманными», «отпугивающими» значениями. Имена, образованные от названий упоминаемых в шаманских гимнах предметов, названий животных и других атрибутов, участвующих в обряде (ножа, кинжала, стрелы, огня, камней и др.), названий действий, совершаемых при проведении обряда, от слов с негативной семантикой, обозначающих нечто неприятное, плохое, были призваны обмануть темные силы. С такой же целью мальчику могли дать имя с семой 'женщина, женский пол'. Например:

1. Имена, образованные от названий животных, названий их мастей, названий птиц: *Нохой* 'собака'; *Боро*, 'серый'; *Хаба*, 'нерпа'; *Галуун* 'гусь'.

2. Имена, образованные от названий растений: *Зандан* 'сандал'; *Ногоон* 'зелень, трава'; *Сэсэг* 'цветок'.

3. Имена, образованные от названий металлов, минералов: *Болод* 'сталь'; *Шулуун* 'камень'.

4. Имена, образованные от названий различных предметов: *Балта* 'молот, кувалда';

5. Имена, образованные от названий этносов: *Манжа* ‘маньчжур’; *Ород* *Изии* ‘русская женщина, баба’.

6. Имена, образованные от терминов родства: *Абгал* – от бур. *абага* ‘дядя по отцу’; *Нагасалай* – от бур. *нагаса* ‘дядя со стороны матери’.

7. Имена, образованные от цветowych прилагательных: *Сагаан* ‘белый’; *Улаахай* – от *улаан* ‘красный’.

8. Имена, образованные от прилагательных с положительной семантикой: *хайнта* – от бур. *хайн* ‘хороший, добрый’;

9. Имена, образованные от прилагательных с негативной семой: *Муудай* – от *муу* ‘плохой, дурной’.

10. Пожелательные имена: *Мунхэ* – от бур. *мунхэ* ‘вечный’.

В языке любого народа представлены лексемы, отражающие человека и его тело, родственные отношения, явления природы, материальную культуру и др.; эти же основы обнаруживаются в онимическом пространстве. А.В. Суперанская, проделав сопоставительный анализ лексических полей, с которыми соотносятся антропоосновы индоевропейских и арабского языков, заключает, что основы антропонимов, независимо развивавшихся в разных языках, обнаруживают поразительное типологическое сходство, объяснимое общностью исходных категорий, на которые они опираются. Это отношение человека к внешней среде, к окружающим, параллелизм форм мышления и восприятия, характер мировоззрения. «Совокупность фактов, лежащих в основе мотивировок собственных имен, едина для всего человечества. Она составляет известную ономастическую универсалию... Для антропонимов такими основными факторами, определяющими их мотивировку, служат физическая, психическая, биологическая, моральная, интеллектуальная характеристика лица, его социальная, национальная, территориальная принадлежность, родственные связи и др. Позже...появляются символические именованья, данные в честь идей, исторических событий, а также в честь деятелей современности» [8, с. 245; 7, с. 9].

Собственные имена составляют одну из первых сфер языкового взаимодействия. Любые контакты между разными этносами начинаются со знакомства с географическими названиями и личными именами. Ономастические контакты зачастую опережают другие, потому что известия о стране и ее жителях доходят раньше, чем возникают непосредственные

отношения. Онимические системы отличаются особой подвижностью и открытостью, вследствие чего имена собственные легко заимствуются из одного языка в другой. В антропонимии языковая интерференция особенно заметна. Появление иноязычных элементов обусловлено, во-первых, живыми контактами народов, проживающих на сопредельных территориях, непосредственное общение между ними; во-вторых, социальными, религиозными и культурными изменениями в обществе.

Буддизм принес в бурятский антропонимикону имена тибетского и санскритского происхождения. Начало распространения буддизма в бурятской среде относят к концу XVII – началу XVIII века. Мировые религии, как известно, несли свой набор личных имен. Таким образом среди бурят получили широкое распространение имена: *Доржо* – от санскр. *rdo-rje* ‘драгоценный камень, алмаз; *Бадма* – от санскр. *падма* ‘цветок; *Ринчин* – от тиб. ‘драгоценный камень; *Лубсан* – от тиб. ‘мудрый’; *Дарма* – от санскр. ‘Учение; постулат, элемент’.

В Забайкалье ламаистская церковь, постепенно вытеснив большинство исконных имен, утвердила имена тибето-санскритского происхождения. Среди западных бурят ламаизм не получил широкого распространения.

Колонизация Прибайкалья Российской империей началась в 20-х годах XVII века. В Предисловии к «Сборнику документов по истории Бурятии XVII в.» Г.Н. Румянцев пишет: «В 1628 г. казачьи отряды впервые вступили в контакт с самыми западными из бурятских племен – икинатами» [5, с. 6]. В этом же Сборнике в «Отписке пятидесятника Верхоленского Братского острога Курбата Иванова» за 1645 год упоминается имя его сбежавшего слуги – «новокрещена» бурята Ивашко [Там же, с. 49]; в «Статейной речи» за 1645/46 год находим запись о «толмаче Гаврилке новокрещенове» [Там же, с. 56, с. 464]. Очевидно, что заимствование бурятами русских имен началось очень скоро с начала контактов с русскими. На наш взгляд, этому есть еще одно объяснение. Исследователи давно подметили, что чем менее понятен в языке состав какого-либо слова, тем более вероятно восприятие его как имени собственного. И, наоборот, чем более понятен его состав, чем ближе он к апеллятивному ряду (т.е. нарицательным словам), тем слабее восприятие его как имени собственного. Поэтому заимствованное из другого языка имя могло использоваться с охранной функцией.

Одним из путей проникновения русских имен в бурятскую антропонию стал церковный обряд крещения. Ко времени присоединения Бурятии к Российской империи русские в подавляющем большинстве своем утратили исконные русские имена. Поэтому в бурятскую среду они принесли канонизированные православием календарные имена. В документах XVII века отмечены факты крестничества, отразившиеся в антропонимии бурят. С.Г. Жамбалова сообщает, что с 1842 по 1852 год в Ольхонском ведомстве крестилось всего 15 бурят: «В январе и феврале 1849 г. крестилось два бурята 4-го Чернорудского рода и один бурят 6-го Чернорудского рода, а также тайша Субан Баинов. Он принял крещение с наречением имени Иннокентий, а по восприемному отцу, которым был генерал-губернатор Восточной Сибири, он стал Муравьев. Таким образом, в документах начинает фигурировать тайша И.Н. Муравьев. Восприемными отцами рядовых представителей народа соответственно были люди попроще. Так, например, Дудей Точкин стал Иоанн Фортунатов Петухов от имени протоиерея Фортуната Петухова. Для двух других бурят им стал иркутский мещанин Валентин Петров Свинин, поэтому бурят Улыкшенов стал Георгий Валентиньев Свинин, а Табиту Анханов – Симеон Валентиньев Свинин. Согласно именному списку вновь крещеных инородцев Ольхонского ведомства буряты получили следующие фамилии, кроме вышеуказанных: трое стали Пермяковы, есть Дудоровский, Темников, Николаев, Гурулев, Мешков, Протопопов, Благовещенский и Муравьев» [2, с. 89]. В этой же работе С.Г. Жамбаловой упоминается оседлый инородец Харлампий Рыков [Там же, с. 90]. Там же, на Ольхоне, некие *Соони* и *Хамнай* рода Шоно получили фамилии своих крестных отцов – *Мочалов* и *Брянский* [6, с. 146].

Несмотря на немалые усилия церкви, христианизации бурят не произошло. Русские имена распространялись в первую очередь мирским путем, помимо религиозного обряда крещения. Об этом свидетельствуют многочисленные факты заимствования русских имен в деминутивных и пейоративных формах: *Бааньха* – от русского *Ванька*; *Матюуиха* – от *Матюшка*, женское имя *Мааньха* – от *Манька*. Отмечены случаи, когда бурятки получали мужские имена из русского антропонимикона, что тоже свидетельствует об их нецерковном освоении, к примеру, женские имена *Абраам* и *Саава* – от русских мужских имен *Абрам* и *Савва*.

На ранних этапах заимствований образуются имена от русских нарицательных слов. По своей семантике они вполне укладываются в модели исконно бурятских личных имен. Например, имена, образованные от названий предметов быта, одежды, терминов родства, названий животных и др.: *Алоошхо* – от русск. *ложка*; *Баабушха* – от рус. *бабушка*; женское имя *Баатъха* – от рус. *бабка*; *Пулаад* – от рус. *плат, платок*; *Хоошхо* – ср. рус. *кошка*; *Моеор* – от рус. *майор*; *Сахилтаар* – от рус. *секретарь*; *Таршанай, Ташнай* – от рус. *старшина, Хамендаан* – от рус. *комендант, Хапитаан* – от рус. *капитан*. Имена с негативным значением: *Барнааг* – от рус. *варнак*; *Хатаржаан* – от рус. *каторжанин*.

Первые русские имена, заимствованные бурятами, употреблялись наравне с исконными и получали оформление по нормам бурятского языка, подвергаясь серьезным изменениям.

После Октябрьской революции заимствования из русского языка стали массовыми. Появляются так называемые имена-советизмы: *Ким, Мэлс, Октябрина, Энгельс* и др. Образуются имена от апеллятивов, обозначающих новые понятия: *Айкоом* – от аббревиатуры *Айком – Аймачный комитет*; *Хамисаар* – от *комиссар*; *Хамунаар* – от *коммунар*. Встречаются личные имена, образованные от фамилий известных общественных и политических деятелей: например, *Пруунзэ* и *Микъяан*, образованные от фамилий командарма М.В. Фрунзе и известного советского и партийного деятеля А.И. Микояна.

Конец двадцатого столетия в России характеризуется подъемом демократических настроений, ростом национального самосознания народа. В это время все больше появляется личных имен, связанных с героическими персонажами эпоса, легендарными историческими личностями, например: *Чингис, Тэмүүжин, Гэсэр* и др.

В любом обществе существует множество имен, в основе которых лежат самые разные слова. Но мотивировка любого имени исторична и социальна, поскольку «отражает не только общественные вкусы той или иной эпохи, но и характеризуют мировоззрения людей, их идеологию и, наконец, общественные традиции» [8, с. 242]. Таким образом, мотивы выбора собственных имен – явления экстралингвистические. Однако лингвисты должны их знать, потому что, только зная причины, породившие те или иные имена, они могут

разобраться в словообразовательных типах и грамматических формах – явлениях чисто языковых.

Библиографический список:

1. Ахманова, О.С., Краснова И.Е. О методологии языкознания [Текст] / О.С. Ахманова, И.Е. Краснова // ВЯ.– 1974.– № 6.– С. 32–47.
2. Жамбалова, С.Г. Некоторые материалы об этнических процессах у бурят первой половины XIX века (по материалам Ольхонской степной думы) [Текст] / С.Г. Жамбалова // Мат-лы научн. конф. «Цыбиковские чтения – 7».– Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998.– С. 89-91.
3. Левинсон, Г.И. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда [Текст] / Г.И. Левинсон // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор.– Л., 1974.– С. 162-170.
4. Митрошкина, А.Г. Личные имена бурят [Текст] / А.Г. Митрошкина. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007.– 361 с.
5. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 [Текст] / Состав. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь.– Улан-Удэ, 1960. – 482с.
6. Семенова, В.И. Личные имена эхиритских бурят [Текст] / В.И. Семенова. – Иркутск: Изд-во ИГУ.– 2005.– 190 с.
7. Суперанская, А.В. К проблеме типологии антропонимических основ [Текст] / А.В. Суперанская // Ономастика. Типология. Стратиграфия.– М.: Наука, 1988.– С. 8–19.
8. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973.– 366 с.

Sheriden Smith (USA)
University of California

BUT ISN'T IT COLD IN SIBERIA?

***Abstract.** The article gives analysis of Misconceptions and Preconceived Notions of Russian Culture. The author reveals a Western view on Eastern European culture, which is often a common stereotype of perpetual winter, fur hats (ushankas), and stern individuals, deeply rooted from the days of Stalin's communism. Taking*

courses in Russian history, literature, and language, author's expectations of Russian culture was based upon three concepts: autocracy, orthodoxy, and nationalism that would encapsulate the minds of the Russian people. During a train trip along Russia the author interviews some Russians. The results are as follows: Russia is one of the most diverse places, with a multitude of religions, ethnicities, and subcultures in itself. Russians focus less upon whether or not you are ethnically from Russia or if you observe orthodoxy, but rather if you share the same values and have the same views as each other. Russians truly care for one another, in more than just terms of compassion: it is a genuine comradeship between each other.

Key words: *Russian Culture Stereotype; misconceptions; orthodoxy; nationalism; comradeship values.*

An Analysis of Misconceptions and Preconceived Notions of Russian Culture

When telling my friends and family I was going to spend my spring break in Russia instead of a beachy, sunny destination, I received mixed results. “Oh that sounds so incredible, you’re going to Moscow and St. Petersburg, right?” “Russia? Isn’t it basically still winter there?” “Say hi to Putin for me! I hear Russians hate Americans.” These were just a few of the responses from my peers when I disclosed my plans. As soon as I told them more about the details of the trip the four day travel on the train, the kupes, and ending up in Siberia of all places their interest peaked, as if I told them I was setting off on a trek to Atlantis or The Shire. Siberia a place rarely mentioned in everyday conversation besides a snicker about sending someone to a gulag or to be exiled for all of eternity seemed as fictional as Narnia, as elusive and unseen as the North Pole. In many ways these responses and opinions gave me insight to how we, as Americans and as Westerners, view Eastern European culture. We imagine perpetual winter, fur hats (ushankas), and stern individuals, deeply rooted from the solemn days of Stalin’s communism. Smith 2 The perceptions we have of Russia were dictated by “Red Scare” propaganda of the Cold War, along with portrayals of Russian brutishness and demeanor in entertainment such as the James Bond series. We view Russia as a bitter rival, who clings onto the days of when it once was a superpower, and looks towards the west with disgust and disapproval. Many people often ask why I am interested in Russian culture or let alone declare a Central European Studies major, in which I would respond that I am interested in the differences between the cultures and customs of Russia and the United States;

however, after this trip, I have been given insight into my own misconceptions about the very thing I wish to study. Taking courses in Russian history, literature, and language, my expectations of the Russian persona were based upon the works of Dostoevsky, Tolstoy, and Pelevin, history books like *The Domostroi*, and my self-proclaimed knowledge of Eastern Europe. My hypothesis of Russian culture was based upon three concepts: autocracy, orthodoxy, and nationalism. This is referred to as “Uvarov’s Triad,” but is more commonly known as “Official Nationality” during the reign of Tsar Alexander I. Granted this doctrine was developed in 1881, but I believed that these three concepts would encapsulate the hearts and minds of the Russian people, such as Americans choose to subscribe by “Freedom, Liberty, and Justice,” based upon the words of our Constitution (*Encyclopædia Britannica*). These three terms are best described as loyalty to the state, belief in the Russian Orthodox Church, and *narodnost* or nationality, which has had a faltering definition throughout its use. I was able to conduct three interviews to deduce what Russian culture is in the modern day, in comparison to the misconceptions Americans may have and to my own preconceived notions from my education. My participants included a man named Igor on the train from Moscow, a vendor in the market named Yulia in Listvyanka, and a student studying English at the university in Irkutsk named Anna. To get a basis on my qualitative research, I asked my interviewees a simple question: What does it mean to be Russian? However, as I learned from conducting my interviews, that question was not easily received; despite its simple construction, the statement is actually quite complex. Thus, I had to alter my question into two, less introspective questions, that could be easily answered by myself a native English speaker with poor Russian skills and by my participants native Russian speakers with moderate to advanced English comprehension. My questions were as follows: 1. In America, there is a specific view of Russians (stern, notsmiling, hateful of Americans) and are these true? a. What is your view of Americans? 2. What is important to you as a Russian? (After giving the precursor of what is important to Americans i.e. freedom, liberty, justice) Although I initially tried to ask these questions, the conversations tended to take a turn, veering off from the “interview” that I had set to finish. Instead we had deep conversations despite our limited language capabilities, at times about politics, education, and war. These conversations gave me more insight to real Russians, and the fact that despite seeming stoic and unwilling to connect, they actually love to speak their mind and

hear different opinions. The first interview I held was on the train from Moscow to Irkutsk with a man named Igor Tolkun. Igor lived at the last stop of the TransSiberian railway, in a town called Vladivostok; the captain of a seafaring merchant vessel had a deep fear of flying, and took ten days out of his vacation time to avoid traveling home by plane. Igor enchanted our class with his kind demeanor and openness, showing us pictures and home videos of his family vacations in between answering our daily assignment questions. Seeing his willingness to converse, and his relative fluency in English, I decided to monopolize on this and ask him my interview questions. Within our conversation, it quickly turned from what it meant to be Russian, to a conversation about Russian identity and a connectedness that crossed borders. When asking Igor what was important to him as a person and as a Russian he responded with four things: семья (family), справедливость (justice/equality), свобода (freedom), and достойная заработная (decent wages for workers). Igor continued to explain how these values connect to the concept of narodnost, which to him meant the diversity of many nationalities within Russia and its sphere. In relationship to areas of conflict such as Crimea and Ukraine, Igor referred to them not as Russia's territories, but rather as Russia's people. He claimed that America could never understand because of the special historical importance these areas hold to Russians. Because of historical land and culture ties to these areas, there are many people who are ethnically Crimean and Ukrainian within Russia; Igor claims that because of this, it calls for Smith 5 the togetherness of "Russian" people. This concept of togetherness can be tied back to concepts such as the Holy Alliance, which connected all members of European Orthodoxy, and PanSlavism. In regards to Igor's values, he implied that most Russians have the same moral compass, but like any culture there are some bad people who ruin that reputation. The next two interviews I conducted were rather short due to location and circumstance. Because I was on the train when talking to Igor our conversation lasted well over an hour, but the following interviews were in a small market and in a crowded Irish bar, which limited my time and capacity for substantial data immensely. My second interview was in a small marketplace in Listvyanka, with a young shopkeeper named Yulia. The day prior, she had sold me a few trinkets and matryoshkas, and had soon become my favorite vendor because of her kindness and charm. Because she was busy at work, I kept my questioning casual and quick. The whole conversation began because she inquired why there were so many Americans at the market at once, in which I then explained

the purpose of the trip and of my research paper. Yulia asked what my paper was about, which prompted me to ask her the same question I asked Igor: what is important to Russians. After a moment of pondering, Yulia explained to me family and togetherness. Much like Igor, the themes of Yulia's values are reminiscent to the antiquated concept of autocracy; however, Smith 6 instead of loyalty to the state's government, it is to a state's people, which includes family and one another. My final interview was with a fourth year student at Irkutsk State University, whom I had met through the TransSiberian Experience's exchange with the English class at the university; Anna was kind enough to answer my questions in a noisy, crowded pub in the downtown area of Irkutsk. However instead of focusing on my questions, we had a great conversation about education, and how Russia's system of free universities incentivizes Russian students to do well and to pursue academics. After I told her about the debt epidemic happening with American students, Anna was shocked to hear that the government was not much help to its future. Anna continued to tell me that the people were of the utmost importance in Russia, and that a predominant reason for free college goes back to the days of communism, and was kept because of its proven methods to mobilize Russian youths to pursue specialized education. Looking back upon this conversation, I saw how this could possibly connect with what Igor and Yulia had told me: the concept of the "Russian" people as a large family, who takes care of one another. Despite having only a few interviews under my belt, I felt like I got a general sense of the Russian culture versus the American culture. One thing I will concede to is that the stereotypes are true Americans are loud, energetic, and overenthusiastic. However in regards to Eastern stoicism, I would have to disagree; every person I chatted with, or even interacted with, was extremely friendly and kind. After a few minutes of Smith 7 conversation many of them even cracked a smile, which I have learned that within Eastern culture exudes a genuine feeling of happiness and trust; this contrasts Americans who tend to smile all the time, and are seen by Russians as fake and disingenuous. In regards to my own hypothesis about Russians, I was both right and wrong. I had an extremely antiquated and almost extinct view of Russianness. Russia is one of the most diverse places I have ever been to, with a multitude of religions, ethnicities, and subcultures in itself. From my observations Russians focus less upon whether or not you are ethnically from Russia or if you observe orthodoxy, but rather if you share the same values and have the same views as each other. This interconnectedness relates back to the

concept of autocracy, but as stated before, a loyalty and respect towards each other rather than just the government or state. Russians truly care for one another, in more than just terms of compassion: it is a genuine comradeship between each other, which speaks louder than the nationalism I thought would exist. So now when people ask me “But isn’t it cold in Siberia?” I choose to respond by saying that although the weather may have not been as moderate as a typical Southern California day, despite its crisp winds and snowladen scenery, Russia was filled with some of the warmest people I have ever met.

Works Cited

"Orthodoxy, Autocracy, and Nationality". Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopædia Britannica Inc., 2016. Web. 01 Apr. 2016 .

Special thanks to Igor, Yulia, and Anna for their kindness and conversation.

**И.Н. Солсоев, Ю.Б. Дюндик (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ В АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение одной из ключевых функций средств массовой информации в современном американском обществе – формирования повестки дня. Проблемы, связанные с деятельностью масс медиа в США представляют несомненный интерес для исследователей в рамках изучения социально-политических процессов в США в целом. Рассматриваются особенности формирования повестки дня американских СМИ с использованием конкретных примеров из американской политической жизни.

Ключевые слова: СМИ США; формирование повестки дня; социально-политическая система США; внутренняя политика США, внешняя политика США.

**SHAPING THE IMAGE OF AMERICAN MASS MEDIA:
AGENDA SETTING**

Annotation. The goal of the article is to examine one of the key functions of the media in the contemporary American society – agenda setting. Problems associated with the mass media activities in the United States are of great interest to researchers in the study of the socio-political processes in the United States in general. The article features the formation of the agenda in the American media, using specific examples from American political life.

Key words: *US mass media; agenda setting; US Political system; domestic US politics; US foreign policy.*

Although people have an ability to disregard the content in which they are not interested, mass media exercise a powerful influence in determining the degree of attention they give to subjects in which they are interested. For instance, if you are interested in sports in general, but stories about particular soccer championships dominate the headlines for several days, you are likely to devote more time to thinking about soccer than any other sport. The American mass media usually immediately focus their attention on the central current issues. The brightest example here is the coverage of the war on terrorism right after the events of September 11, 2000. With the slogans “America's New War” or “America Fights Back”, the war on terrorism caused a colossal shift in the news people see on network television according to the study of evening and morning newscasts before and after the crisis. Celebrity and lifestyle coverage, which had come to dominate network news, gave way to levels of traditional hard news not seen in decades, according to the study by the “Project for Excellence in Journalism” conducted by the staff of the web site Journalism.org and the Columbia University Graduate School of Journalism. On the morning news, stories about government, the military, national affairs and international affairs, which had nearly disappeared, were up more than seven fold. Stories about celebrities and their lifestyle, which had dominated these programs, declined by three fold. At night, the evening newscasts returned to a news agenda that

is closer to the 1970s than the 1990s. In the period from April 2001 to October 2001, eight out of ten evening news stories concerned government, national or international affairs. Celebrity and lifestyle stories vanished almost entirely. These are a few of the findings of the study of how television has reacted to the events of September 11. The study, which was funded by the Pew Charitable Trusts, examined the weeks of June 18-22 and 25-29 and October 15-19 and 22-26 on the three evening newscasts of ABC, NBC and CBS, and included an even more detailed study of their morning newscasts for the same four weeks as well. Nevertheless, the changes do not last for a long time. There are signs that the shift may have been only temporary. While the news became more serious, almost all of the change was focused on the war, which suggested that the networks simply changed subjects rather than changed their approach to the news [9].

This ability of the media to channel attention has frequently been noted by social scientists studying letters sent to newspapers or to public officials. It is often said that the mail follows the headlines. When one story dominates the news for several days, then a large proportion of the letters will be about this story, whether it concerns taxes, corruption, foreign policy or any other issue.

The attention of organizations is directed by the mass media to certain subjects as well. A political scientist, studying the role of the press in foreign policy, noted that one of the most influential documents circulated in the US State Department at that time was a daily summary of international news stories that appeared in principal American newspapers. The document was influential not because it had an impact on the content of U.S. foreign policy, but because it had the effect of directing the attention of high officials to one problem rather than another. Indeed, subjects that appeared in these news summaries often were moved higher on the agenda of the Secretary of State's daily staff meeting. This researcher concluded from these and other observations: "The press may not be successful much of the time in telling people what to think, but it is stunningly successful in telling its readers what to think about" [6]. Analyzing the headlines of American newspapers we can say that they try to focus the attention of the society on many urgent issues. To illustrate this we can cite some headlines concerning economic issues: "Who lost the U. S. Budget" in the New York Times, "Farce, tragedy and taxes" in the Washington Post, "U.S. economy in worst hiring slump in 20 years" in the New York Times [2, 3].

Propagandists have always recognized the importance of capturing headlines, of getting as many people as possible to talk about a given subject. During a war, propagandists on each side are likely to focus attention on areas where their own military forces are doing well. One of the brightest examples here is the recent war in Iraq, when the majority of journalists supported the position of the USA. But there were the others who did not follow the widely spread opinion, they focused attention on areas where the forces of USA and Great Britain were doing not very well. For example, Phil Donahugh, a famous American journalist who worked at the MSNBC channel, said in a television program that not all the Americans supported the recent war campaign in Iraq (according to the Gallup polls, only 70 % of the Americans supported this war [8]). He was immediately fired after this program, because his position on the Iraqi War did not satisfy the patriotic public opinion. The same happened to Peter Arnett, an NBC reporter when he declared that the American plan of the Iraqi War did not succeed at the beginning stage because of the resistance of the Iraqi people. It should be noted that the British mass media that usually tend to criticize the American mass media did not approve of this decision of the NBC channel. The Guardian published an editorial called “Arnett fired. NBC after Iraqi outburst” [1], in which the position of NBC channel was criticized. Besides, the Daily Mirror, a newspaper from Great Britain, invited Arnett to join the staff of this newspaper. The headlines of British newspapers vividly reflect their positions on the Iraqi issues: “Washington needs a “New South Korea” in the International Herald Tribune, “Gaining an empire, losing democracy” in the same newspaper, “One consequence of a war in Iraq is certain – anti-Americanism” in the Times, “A willful blindness” in the Guardian [5].

Agenda setting is the label often given to the ability of the mass media to direct attention to certain subjects. Several researchers have attempted to determine whether people do, in fact, judge the importance of issues by the emphasis they are given in the mass media. In one study, conducted in Chapel Hill, North Carolina, people who had not yet decided for whom to vote were asked to outline the key issues, as they saw them, in the 1968 presidential campaign. At the same time, a content analysis was made of the mass media serving these voters in order to determine which issues were given greatest prominence. The two lists of issues were very similar. Indeed, there was almost perfect agreement between voter emphasis on certain issues and the degree of coverage given these issues in the New York Times. Correlations between

voter emphasis and coverage in other newspapers were only somewhat lower. The researchers noted that these correlations did not prove the agenda-setting capability of the press – other explanations are possible – but that it seemed very likely that the voters' priorities had been influenced by the extent of media coverage [4].

There has been a mild controversy about whether the newspaper press or television has greater influence on agenda setting. Some people think that newspapers are more important. Others indicate that newspapers are more important during the early stages of issue formation, but that television plays a larger role later. Some experts say that television does have a considerable influence, but that in most cases newspapers are more effective in establishing an agenda. Nevertheless, the author of the book “Taking sides. Clashing views on controversial issues in American foreign policy” John Rourke writes: “The role of the media has long been a topic of discussion, but the television era has focused that debate more sharply. There are two reasons. One is that surveys show that more people get news and information from television than any other source and, also, that for people who get news from only one source, television is overwhelming that source. The second reason that television is so important is because it is so graphic. It is one thing to read in a newspaper or magazine about a terroristic attack, or even to hear on the radio the intermingled wails of the injured and of responding emergency vehicles. It is a far more powerful thing to see with one’s own eyes the images of terror or any other dramatic event” [7, p.173].

When thinking about the agenda-setting influence of the press, we should remember that the press does not always decide unilaterally what should be covered. In political campaigns, for example, the press often adopts an agenda set largely by campaign strategists. In other cases, interest groups and legislative bodies may play a dominant role in establishing an item on the public agenda, even though the press has been less interested in it previously.

List of References:

1. Arnett fired by NBC after Iraqi TV outburst [Electronic resource]. – URL: <http://www.theguardian.com/media/2003/mar/31/broadcasting.Iraqandthemedial1> (mode of access: 20.04.2016).

2. Krugman P. Who Lost The U.S. Budget? [Electronic resource]. – URL: <http://www.nytimes.com/2003/03/21/opinion/who-lost-the-us-budget.html> (mode of access: 20.04.2016).
3. Leonhardt D. U.S. Economy in Worst Hiring Slump in 20 Years [Electronic resource]. – URL: <http://www.nytimes.com/2003/02/06/business/06JOBS.html?pagewanted=all> (mode of access: 20.04.2016).
4. McCombs M. Agenda setting function of mass media [Electronic resource]. – URL: http://www.soc.unitn.it/sus/membri_del_dipartimento/pagine_personali/delgrosso/personali/articoli%5Cagendasettingtotal.htm (mode of access: 20.04.2016).
5. Monbiot G. A willful blindness [Electronic resource]. – URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/mar/11/usa.iraq> (mode of access: 22.04.2016).
6. Riaz S. Agenda setting role of mass media [Electronic resource]. – URL: [http://www.aiou.edu.pk/gmj/artical4\(b\).asp](http://www.aiou.edu.pk/gmj/artical4(b).asp) (mode of access: 27.04.2016).
7. Rourke J. Taking sides. Clashing views on controversial issues in American foreign policy / J. Rourke. – Guilford: Dushkin McGraw Hill, 2000. – 408 p.
8. Seventy-Two Percent of Americans Support War Against Iraq [Electronic resource]. – URL: <http://www.gallup.com/poll/8038/seventytwo-percent-americans-support-war-against-iraq.aspx> (mode of access: 22.04.2016).
9. The War on Terrorism by Pew Research Center [Electronic resource]. – URL: <http://www.journalism.org/2002/05/23/the-war-on-terrorism> (mode of access: 20.04.2016).

Б.С. Сосорова (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В США

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение особенностей

формирования и развития женского движения в США, а также причин появления антифеминистских настроений.

Ключевые слова: феминизм; женское движение; женские организации.

B. Sosorova (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

THE PECULARITIES OF WOMEN'S MOVEMENT ESTABLISHMENT IN THE USA

Abstract. *The purpose of this article is to consider the peculiarities of women's movement and its development. The author defines the causes of antifeminism.*

Key words: *feminism; women's movement; women's organization.*

Во второй половине XIX в. важной составляющей социального движения в США стало организованное женское движение, которое боролось за устранение социокультурной дискриминации по половому признаку. Историю США невозможно изучать без учета влияния идей феминизма на все сферы общественной и частной жизни. Принимая во внимание существование влиятельного женского движения и в наши дни, логичным представляется обращение к причинам его возникновения, особенностям развития и функционирования [3, с. 3]. Борьба женского движения в США за свои гражданские и политические права в начале XX в. представляет особый интерес, как в научном, так и в практическом плане.

В разных парадигмах женское движение определяется по-разному. В одних случаях ему даются узкие трактовки, сводящие движение к новой автономной деятельности («новой» ветви). В других – в понятие женского движения включается широкий спектр женской деятельности, в том числе в партиях, профсоюзах, общественных институтах или других социальных движениях. Если различать употребление термина «женское движение» в узком и широком смысле, то в первом случае в него включаются те виды деятельности, которые имеют феминистский характер, автономны, независимы от политических организаций и организаций, смешанных по признаку пола. Во втором (широком) смысле к движению относятся «различные исторические и

современные проявления женской активности, социальных потребностей и усилий в области феминизма и политики, касающейся женщин. Исследование женского движения тогда будет включать разнообразные организации и сети, такие, как женские профсоюзы, женские политические организации внутри и вне политических партий, благотворительные и религиозные организации» [7, р. 9; 8, р. 208-220]. К женскому движению в такой интерпретации могут быть отнесены разнообразные организации.

Теория общественных движений различает организации и собственно движение. К движению в широком смысле относятся женские связи в повседневной жизни, локальные сообщества; сети феминистских писательниц, феминистские литературные круги, театральные группы. Последователи парадигмы новых социальных движений, определяя женское движение, делают акценты на возникновении новой коллективной идентичности женщин; последователи парадигмы мобилизации ресурсов – на коллективной деятельности, направленной на социальные изменения, представляющей протест против существующей структуры власти и преобладающих норм и ценностей [2, с. 684].

В нашей работе мы рассматриваем женское движение как совокупность многих женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения интересов различных социальных слоев женщин, а также корректировки государственной политики для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни [1, с. 89].

Определяющими факторами в США в исследовании женского движения в США являются партийная система, роль социалистических и коммунистических партий и политическая культура.

Согласно Джойс Гелб, которая выделяет три модели действия движения в зависимости от разных политических возможностей, для США характерна модель группы давления. Децентрализованность, плюралистичность политической системы США определяет особенность женского движения и способы его коллективного действия [9, р.53].

Национальная организация женщин проводила митинги в 70-х годах, марши и демонстрации мобилизовывали сторонников. Одной из наиболее крупных акций было ралли «Женская забастовка за равенство». Акция имела

общенациональный характер, объединяя разрозненные организации движения в целях решения проблем аборт, равных возможностей образования и работы [2, с. 674].

Другой формой действия женского движения была судебная борьба, которая, однако, также не достигала такого размаха, как, например, в движении за гражданские права, поскольку пол (в отличие от расы) не был определен законодательно. Поэтому не столько дела подавались в суды, сколько велась образовательная и разъяснительная работа в этом направлении, воздействуя на рост сознания. Лоббирование явилось одной из важнейших форм действия женского движения в США. Представление законодательных проектов, экспертиза, переговоры с членами Конгресса, получение информации, комментарии предлагаемых законодательных изменений – превратилось в повседневный вид деятельности женского движения. Важной сферой деятельности женского движения является создание коалиций с другими движениями для решения совместных целей (поиска денег, оказания влияния на законодателей по общим вопросам) [2, с. 680].

Дитрих Рухт описывает структуру женского движения в США, напоминающую лоббирующие группы, а именно, как движение, влияющее в первую очередь на политику (лоббирование) и институциональные структуры [10, р. 185-205]. В США существуют разнообразные организационные формы движения, преобладают профессиональные организации, похожие на группы давления. Национальная организация женщин имеет большое количество членов. В движениях существует разделение труда и профессиональный штат. В США структура контекста определяется существованием относительно сильных движений. Открытость системы принятия решений способствует развитию профессиональных движений. Партийная система не оставляет возможности для возникновения третьей партии, однако существующие партии относительно открыты для новых проблем и групп. В США нет жесткого разделения между партиями и движениями.

В настоящее время стоит отметить нарастающее распространение антифеминистских настроений. Критики феминизма утверждают, что в США и в некоторых западных странах мужчины подвергаются дискриминации. В своем интервью К. Соммерс и К. Палья пришли к выводу, что феминизм является «разновидностью тоталитаризма». В статье «Феминизм в цифрах» К.

Соммерс высказывает опасения, что «успехи женского движения будут обращены назад, и женское общество только теряет от этого, как и общество в целом».

Многие женские организации стремятся обходить крайности современных феминисток, рьяно настроенных на борьбу с «мужскими привилегиями», они более ориентируются на диалог, на достижение в обществе консенсуса по животрепещущим женским проблемам: охране детства и материнства, социальным программам помощи семье, соблюдению трудовых, договорных отношений и др. [6, с. 79].

Женское движение, по мнению его исследователей, оказало существенное влияние на политическую систему. Большинство партий провозгласили в своих документах равенство мужчин и женщин. Были созданы новые государственные институты, занимающиеся проблемами женщин (комитеты равного статуса, комиссии равных возможностей, министерства по делам женщин и пр.), во многих университетах были институционализированы феминистские центры и гендерные исследования.

Таким образом, рассмотрев развитие женское движение в США, выявлено, что в условиях открытой политической системы с относительно слабыми партиями и профсоюзами, женское движение действует преимущественно как группа давления и лоббирующая группа. Также наблюдается появление антифеминистских настроений в ответ на радикализацию феминистских организаций.

Библиографический список:

1. Денисова, А.А. Словарь гендерных терминов [Текст]/ А.А. Денисова. – М. : Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
2. Жеребкина, И.А. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие [Текст]/ И.А. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — 708 с.
3. Садовникова, О.А. Женское движение в борьбе за гражданские и политические свободы в США (начало XX в.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03./ О.А. Садовникова. – М, 2007. – 30 с.

4. Соммерс, К, Палья, К. Как далеко ушёл феминизм [Электронный ресурс] / К. Соммерс, К. Палья. — Режим доступа: <http://menalmanah.narod.ru/fvf/wentfem.html>
5. Соммерс, К.Феминизм в цифрах [Электронный ресурс] / К. Соммерс. — Режим доступа: <http://menalmanah.narod.ru/fvf/figure.html>
6. Тихонова, В.А. Женские движения: сущность, особенности развития/ В.А. Тихонова // Вестник МГУКИ. – М, 2013. – № 2 (52) – С. 76-80.
7. T. Andreasen, A. Borchorst, D. Daherup, Moving On. New Perspectives on the Women's Movement (Aarhus Univ. Press. 1991), p. 9.
8. S. Bergman, «Researching the Women's Movement. Consideration Arising out of a Comparative Study of the New Women's Movement in Finland and the Federal Republic of Germany», in T. Andreasen, Moving On. New Perspective on the Women's Movement (Aarhus Univ. Press. 1991), pp. 208-220.
9. J. Gelb and M.L. Palley, Women and Public Policies (Princeton: Princeton Univ. Press, 1982) pp.53.
10. D. Rucht, «The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparasion», Comparative Perspectives on Social Movements (Cambridge Univ. Press, 1996), pp. 185-205.

Shanelle Sua (Los Angeles)
University of Southern California

ONCE UPON A TIME: AN EXAMINATION OF RUSSIAN CULTURE AND SOCIETY THROUGH FAIRY TALES

***Abstract.** The purpose of this article is to consider how Russian fairy tales reveal aspects of Russian culture and society. This paper focuses on family values, the idea of fate, and the importance of kindness as key components of Russian values.*

***Key words:** fairy tales; society; morality; culture.*

Russia is famed for having produced many of the world's leading playwrights, poets, and authors. From Pushkin to Nabokov to Dostoevsky, Russian writers have transfixed and taught audience all around the world common themes about the human condition. However, Russian fairy tales are not as widely studied. While the Grimm

Brothers are often cited authors in the Western fairy tale sphere, Russian fairy tales has largely been overlooked as a way to study Russian culture and norms.

In *The Russian Fairy Book*, translated by Nathan Haskell Dole, timeless classics from Vasilisa the Beauty to the Frog-Queen are indicative of the morals and values Russian society holds. Themes including family values, fate, and kindness are held in the subtext of these fairy tales, and offer insight into Russian culture and values. This paper will utilize fairy tales from this book in conjunction with personal interviews in Irkutsk to offer a look into overarching values in Russian culture which have seeped into national consciousness, and may offer a deeper purview into the mind of the average Russian citizen.

Familial Expectations

In *The Frog-Queen*, a king orders his three sons to shoot arrows into the air and marry the women next to which these arrows fall. While his two eldest sons are able to wed a lord's daughter and merchant's daughter, respectively, his youngest son Ivan must marry a frog from the swamp. Naturally, the youngest son is ridiculed by his siblings and is distraught about the fact he is not even able to marry a fellow human – but he goes on to marry the frog anyways.

This story being a fairy tale, children do not dwell on the question of whether it is plausible for a human to marry a frog. Rather, children are taught to follow their parents' wishes, regardless of their own feelings about the orders. In Russia, family is considered extremely important, and are in general the typical nuclear family. Families rely on each other to complete various tasks, which reinforce the societal collectivism in which the entire group works as a team [4]. Should one person choose to rebel or not cooperate with orders from above, then this system is ruined. As such, it is clear why communism in the 1950s was able to work in Soviet-era Russia; people grew up with the ingrained notion that they must put other people's needs ahead of their own. The unimaginable toil and deaths required to push Stalin's 5-Year Plans was extremely high, but it was thanks to the self-sacrifice of countless Russian individuals to put their country – their second family – to accomplish this industrialization miracle.

In *Vasilisa the Wise*, listening to family is important in terms of helping an individual succeed as well. In this story, a young girl named Vasilisa is the daughter of a rich merchant who married a cruel woman with two daughters of her own, and is made to perform all the menial tasks of the household. Vasilisa is able to withstand

these tasks with the help of a talking doll given to her by her birth mother, and so carries on with her life.

However, Vasilisa's father leaves the house to go on an extended business trip, and Vasilisa is then sent to fetch light from the Baba Yaga, a witch who lives in a hut deep in the forest. Vasilisa is required to complete three impossible tasks or else be eaten, and finishes these tasks with the help of her doll. The Baba Yaga questions how she was able to do so, and upon finding out Vasilisa's doll helped her, the Baba Yaga sends her off saying she did not do anything that was blessed in her hut.

Vasilisa returns to her stepmother's house with a light from the Baba Yaga, which burns the stepmother and two stepsisters. After these deaths, Vasilisa goes on to live with an old woman who is a cloth maker. One day, Vasilisa's doll creates an amazingly beautiful piece of cloth that the old woman gives to the Tsar, who then demands to see the creator of this cloth. The old woman takes him to see Vasilisa, and her perceived skill and beauty entices the Tsar to marry Vasilisa at the end of the story. Vasilisa's doll continues to live with her in the Tsar's palace, and Vasilisa continued to dote on it for the rest of her life.

The doll can be seen as the embodiment of Vasilisa's late mother, or as an alternative mother figure. Either way, Vasilisa is able to achieve a happy ending because she listened to this doll and gave it the proper respect it deserved. Vasilisa gave the doll food saved from her own dinner, and followed all of the doll's instructions thoroughly. By doing so, Vasilisa is able to escape a perilous situation and marry a Tsar. She is only able to do this with her obedience to the doll, and illustrates to children to follow directions in order to be happy. In essence, a mother's love was able to protect her daughter even from beyond the grave, and so imparts an important lesson for children. Though this story does echo that of Cinderella, Vasilisa's reliance on outside help is much more pronounced, and displays how mothers are extremely important in Russian society.

The importance of family is reflected even in stories that do not feature humans. The story of *Kolobok* is one story not included in Haskell's anthology, but was told to me during an interview. Kolobok is a small piece of bread who runs away from home and encounters various animals such as a bear and rabbit, who seek to eat him. Kolobok escapes by singing a song about his ability to escape these creatures, but ultimately is eaten by a fox, who cleverly distracts Kolobok by praising Kolobok's own cunning [2]. The moral of the story, bluntly put, was to not run away from

home. Perhaps this simple statement encapsulates the attitude toward family Russians have. Stay respectful and follow orders, and everything will be fine.

Acceptance of One's Fate

The impermanence of happiness is evident in *The Frog-Queen*, as per our class discussion. This truism is shown through Ivan's relationship with his wife once more. After marrying their wives, Ivan and his brothers are instructed by the King to have their wives complete three tasks. Ivan's wife is the best at these tasks, creating things that "no pen can depict and no tongue can describe". Afterwards, the King throws a ball and all the Princes must show up with their wives. Ivan is embarrassed about having to bring his frog wife, but she reassures him that everything will be okay. His wife sheds her frog skin and shows up at the ball, revealing herself to be Vasilisa the Wise, and impressing everyone with her beauty and magic.

Now in love with his wife, Ivan rushes home to burn Vasilisa's frog skin, but unknowingly sentences her to be taken away by Koschei the Deathless because of his actions. Ivan should have instead treasured what he had – a wife who was extremely clever and accomplished – and been happy with his current circumstances. By trying to prolong Vasilisa's human state, Ivan's plan to keep her as his beautiful wife backfires, and so he must suffer more because of his actions.

This moral indicates Russians' attitude towards happiness, which is quite different from Americans' view on happiness. Someone from the US would applaud Ivan's actions as fulfilling the Bill of Rights' notion of the right to pursue happiness. They would see his attitude as someone who is a go-getter and willing to do what it takes to attain happiness. As such, happiness is seen as something that can be worked towards. Russians, on the other hand, take the opposite view. They see happiness as fleeting, and meant to be enjoyed only if their current circumstances allow it to exist. This may be why the common perception of Americans is of people who are eternally optimistic, perhaps blindingly so, while Russians are seen as more fatalistic and pessimistic [5]. To a Russian, Ivan should have instead been happy with what he was given and not want more. Otherwise, he would lose everything.

The Importance of Kindness

We continue to see more Russian values in *The Frog Queen*, during the second half of the story. In order to rescue Vasilisa from Koschei the Deathless, Ivan travels a great distance and spares the life of each animal that he passes. As a result of his kindness, these animals are able to help Ivan in turn rescue Vasilisa, and thus repay

his kindness. In class, we spoke about the importance of compassion and the role of kindness in society. Russians consider themselves to be part of a community, and as a whole are more collectivistic than individualistic Western societies. In Russia, I witnessed this value firsthand. Whether it be people giving change to those less fortunate outside of churches or meeting Russian students who were very generous in welcoming their American guests, Russian society is much more kind and welcoming than the stereotype would suggest.

As such, it is no surprise that kindness is a common thread throughout all the fairy tales. In another tale, *Ivan Tsarevitch and the Gray Wolf*, the kindness of a gray wolf helps Ivan Tsarevitch to accomplish three seemingly impossible tasks, win the heart of a beautiful princess, and even bring Ivan back from the dead after having had eaten Ivan's horse. The lengths to which the gray wolf goes to help Ivan once again illustrates the importance of kindness, and how people are able to go against insurmountable odds with the help of others. In a society that is in a harsh climate and has faced many struggles throughout history, it is no surprise that this is a lesson that is continuously passed down from generation to generation. As one Russian student said, "In Russia, it is better to help others than to be helped yourself. My grandmother always told me this" [2]. Overall, kindness is shown again and again in all Russian fairy tales, to an even greater extent than the more traditional Western fairy tales, which seem to emphasize individual accomplishments much more. In Russian fairy tales, those who accomplish great things are ones who were helped by others. One requires the help of others, and cannot do everything on one's own.

The Role of Women

Women play a complex role in Russian society, thanks to the generational shifts in Russia today. However, in fairy tales there appear to be two main roles played by women – that of the mother, and that of the wife [1]. In *The Frog Queen*, Ivan's wife Vasilisa, who was disguised as the frog queen, interestingly plays the role of both. In the first half of the story, Vasilisa maintains a mother role, as she takes care of Ivan as he must complete the tasks his father sets before him. She is an accomplished cook, seamstress, and is able to comfort him during times of distress. At this time, Ivan does not see her as an actual wife, yet still relies on her. This treatment stands in direct contrast to the second half of the story, where Vasilisa takes on a damsel-in-distress role, after Ivan finally recognizes her as a wife. While Vasilisa lives with Koschei the Deathless, she is helpless and must rely on Ivan to save her.

In this exchange of roles, one can see how revered mothers are in Russian society. As a mother figure, Vasilisa has a lot more agency and power, while as a wife she takes a more secondary role. Vasilisa's shift in roles reflects Ivan's journey into becoming a man, as he starts off as a more helpless babe and grows into a strong, mature man [1]. Thus, women are seen as helpers in a boy's journey to growing into a man.

During personal interviews, the importance of motherhood is still strongly reflected in Russian society. Many girls echoed the common sentiment of wanting to get married, and even spoke about there being a "stereotype of Russian women wanting to marry as early as possible" [6]. When asked about the rise of feminism, Korkaleba believed that "feminism is taken by girls who are not able to find a boyfriend". This type of belief would stir up great controversy in countries like the US, but in Russia, other women agreed. Pavlova noted that her ideal life would involve her "having a career while also having a husband and kids", which goes to show that while values are changing, at the heart of it all, women in Russia still want to be mothers.

Even in our class discussion on religion, Akishina noted that the Russian Orthodox Church does not care if Mother Mary was a virgin or not when she had Jesus – what is important is the fact she is a mother. In pictures depicting the Mother Mary, she is always shown with baby Jesus, illustrating that mothers are indeed held in high regard in Russian society. That is why it appears to be very important for girls to make their own families and be mothers. This importance may have to do with politics as well, as the Russian Crisis of 1991 had drastically shrank the Russian population. Women are being encouraged today to have children, and the government provides generous stipends for child-rearing [1]. Evidently, the role of mothers in fairy tales also parallel the state's emphasis on having women become mothers in Russia today.

There is one woman who falls outside the mother-wife dichotomy. The Baba Yaga is an interesting figure in Russian fairy tales, and is portrayed as either a terrifying witch or a kind wise woman. The word Baba Yaga roughly translates to "old woman", and in fairy tales she either aids young men on their quests to save beautiful princesses, or she eats young children [1]. In most fairy tales, she is described as living in a hut deep in the forest, and has three horsemen who represent Day, Sun, and Night [3]. The Baba Yaga's association with magic combined with the

fact that she lives deep in the forest reflect the primitive, yet powerful forces of nature. Old Slavic peoples may have created her as a representation of Mother Nature, and the need to respect her power. While the Baba Yaga can be kind, she may also injure one should one disrespect her.

In *Vasilisa the Wise*, Vasilisa's journey to the Baba Yaga's home also reflects Vasilisa's growth into womanhood, away from the confines of her step-mother. Deep in this forest, Vasilisa was able to grow, and so upon her return, was able to escape her step-mother's clutches because of the Baba Yaga's light, which burned the stepmother and stepsisters. In any case, the Baba Yaga is a powerful figure, and is one not to be trifled with. Much like women in today's society, the women of fairy tales are all complex figures who perform a wide variety of roles.

Conclusion

The practical application of learning more about fairy tales goes beyond learning more about someone's childhood. By studying these fairy tales, one may gain insight into how political and social thought may have developed. For Americans seeking to understand Russians more, reading about Russian fairy tales could be a simple, yet interesting starting point into looking more into the Russian psyche. This study could be taken one step further into inviting Russians to speak more about themselves, as fairy tales are not a controversial or threatening conversation point. In the end, I personally felt that I was able to use these fairy tales as a jumping point to then ask more nuanced questions about Russian politics and society. As a result, my experience in Russia was extremely fruitful, and opened my eyes to another way of thinking. I am so grateful to have had the opportunity to immerse myself in a culture that is still misunderstood in the American mainstream, yet is so important for our understanding for the future of world affairs. For me, it is truly amazing to see how learning more about fairy tales can reveal the story of modern day Russia.

List of References:

1. Akishina, Tatiana. "Russian Fairy Tales." University of Southern California. Trans-Siberian Railroad. 15 March. 2016. Discussion.
2. Anischuk, Ivan. Personal interview. 19 March 2016.
3. Dole, Nathan Haskell. *The Russian Fairy Book*. Mineola, NY: Dover Publications, 2000. Print

4. Finney, M. K. "Family Life." *Family Life*. DePauw University, 8 May 2003. Web. 27 Mar. 2016.

5. Korkaleba, Yula. Personal interview. 19 March 2016.

6. Pavlova, Aleksandra. Personal interview. 19 March 2016.

Сун Яньмэй (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

СРАВНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ

Аннотация. Праздники являются частью национальной культуры. Они отражают условия жизни народа в определённый период времени. Вследствие национальных различий у китайцев и русских сформировались собственные праздники и традиции. Однако Новый год и 8 марта празднуются как в Китае, так и в России. В статье главным образом анализируются различия в проведении этих двух праздников. Целью данной работы является помочь народам двух стран лучше понять культуру друг друга, и таким образом способствовать китайско-русскому культурному обмену в условиях глобализации.

Ключевые слова: традиционные праздники; культура; сравнение; Новый год; 8 Марта.

Song Yanmei (Yantai)

Shandong Technology and Business University

A COMPARISON OF THE TRDITIONAL CHINESE AND RUSSIAN FESTIVALS

Abstract. Festivals are a part of a nation's culture. They reflect the life conditions of people at a particular time. Due to the different natural environments, Chinese and Russians have had their own cultures which give birth to different festivals and different customs in celebration. However, New Year's Day and March 8 Day are both celebrated in China and Russia. The article mainly analyzes the differences in celebration of these two festivals in both countries. The purpose of this

article is to help people to get a better understanding of each other's culture and thus promote the Sino-Russian cultural exchanges under the background of globalization.

Key words: *traditional festivals; culture; comparison; New Year's Day; March 8 Day.*

1.0 Introduction

Culture exists in every society and there are different understandings of the concept of culture. Longman Dictionary of English Language & Culture [2] defines culture as the customs, beliefs, art, music, and all the other products of human thought made by a particular group of people at a particular time. And culture is defined by Cambridge English Dictionary [1] that culture is the total range of activities and ideas of a group of people with shared traditions which are transmitted and reinforced by members of the group.

Festivals are part of a nation's culture and reflect the life conditions of the peoples at a particular time. They represent their psychological accumulation of this group of people. For an individual person, festivals are a very important part of the life style while for a social group, festivals play a vital role in helping a society work well. Like the development of a society, the establishment of festivals is a long-term accumulation of history and culture and is the product of human society developing to a certain stage.

Traditional festivals best express the culture and ideology of a country. Just as the saying goes, every festival reflects the most real aspect of a nation's culture [3, 2010]. The traditional festivals in China and Russia originated in their own cultures and therefore have their own characteristics. Major traditional Chinese Festivals are Spring Festival, Tomb-Sweeping Day, Dragon Boat Festival and Mid-Autumn Festival while the people in Russian celebrate New Year's Day, Winter Festival, Easter Day, Birch Day, Christmas and so on.

The customs of the traditional festival holidays are very different. Chinese traditional festivals focus on food and drink while the Russian festivals stress fun. They reflect the differences in cultural concepts, morals, values, and religion. Chinese traditional festivals embody the great importance the people attach to the family reunion. However, Russia festivals reflect its culture's religion and people's religious consciousness. Rest is stressed in their work ethic.

In the article, I'd like to analyze the different customs in celebration of the New year's Day and March 8 Day as these two festivals are celebrated by the people in the two countries.

The comparison of the traditional festivals in the two countries is aimed to help the Russian and Chinese people to have a better cultural communication under the background of globalization.

2.0 Differences in celebration of the New Year's Day

In China, New Year's Day, also known as the Spring Festival, is the most important traditional holiday which falls on the lunar January 1st. Before the Chinese New Year, each family will have a general cleaning of the house which is called "Sweep the dust". Housewives have to do a big shopping like food and new clothes among which fish is a must because in Chinese culture, "Fish" and "Abundance" are homonyms which pray for an abundant next year. Thus, fish has become a unique new year's dish.

Chinese people value the family reunion. Family members will manage to go back home to spend the Spring Festival with the family no matter where they are and what means of transport they take. On the last day of the old year, every family will put up spring couplets, good blessing characters and hang up pictures. On the New year's Eve, family members like sitting together, eating, chatting and watching the Spring Festival Gala. Eating dumplings symbolizes reunion and best wishes for everything being fine [5]. During the Spring Festival, both adults and children need to visit relatives, commonly known as "drop in". Therefore, "Bai Nian" is one of the major characteristics of traditional Chinese New Year which add a lot to the festive atmosphere. Children are especially happy as they can get red envelopes from their relatives.

The land where Russia developed is a factor to determine the nature of their culture and history [6]. In Russia, the New Year's Day is the most important festival which falls on the solar January 1. But it was not celebrated on this day before. At the very beginning, the Russians had celebrated it on March 1 every year and they held a ceremony to worship the sun. When time went to the year 1699, Peter the Great ordered his people to celebrate it on January 1 by using firs, pines and cedars to decorate their houses [4]. Since then, firs have become an important symbol of the New Year. In 1930, the New Year's Day became a public legal holiday. In order to celebrate the coming New Year, the Russians will go shopping several days earlier

such as for fruits, potatoes, candies and trees to decorate their houses like pines and firs. In their view, decorating New Year trees is a big deal, so often the whole family work together to decorate the houses by using evergreen trees. In celebration of the New Year, of course, Freezing Old Man and his granddaughter Snow Maid will definitely turn up. They will carry a big bag of gifts to give people and congratulate on the coming of the New Year. At 12 o'clock midnight, the Kremlin Clock strikes aloud and the TV and the radio will send the bells and the greetings throughout the country. Just at the moment, people, all of the country, drink and congratulate each other.

A big dinner is also a must to celebrate the New Year. The Russians hold that New Year's feast will bring a lot of delicious food in the coming year and New Year's new clothes symbolizes no worry about the clothes next year. If they are not cheerful that day, they may not have a good luck all the year round. Therefore, they must attach great importance to the celebration of the festival and champagne is a must drink. This reflects their life belief to eat well, dress up, and play merrily.

To sum up, both Russia's New Year and Chinese Spring Festival are the time for the family members to get together and to create a peaceful and happy atmosphere. But the difference is that Chinese Spring Festival shows people's strong feelings of missing the home and enjoying the reunion happiness while the Russia New Year suggests a religious tone which reflects people's praying to God for a peace and happiness for the coming year.

3.0 Differences in celebration of March 8 Day

March 8 Day, also known as Women's day, is a day celebrated around the world. This international holiday is established for women all over the world to seek peace and their development.

In China, people began to commemorate the "Women's Day" in 1922. Although Chinese women did not go through a long struggle for their rights like Western women, after the founding of the New Republic of China, the Chinese women have enjoyed the same rights as men. Both women and men have held the half sky. In addition, March 8 Day is designated as a national holiday.

Chinese women have won equal pay for equal work with men and their status has changed dramatically as well. Some surveys show that home finances are mostly controlled by wives. Moreover, at all levels, women leaders can be seen and in almost every aspect of social life in China women have equal rights with men, including

political, economic and cultural aspects. Compared with that in Russia, March 8 day is less important in China. According to the law, women only enjoy half a day's holiday on March 8. Even worse, based on a survey on the Internet, nearly 70% of working women on the day have no holiday and they have to work as usual. This shows that the Chinese Women's Day fails to be given enough focus. In view of that, there is a long way for the Chinese women to struggle for their own rights and interests.

Unlike that in China, great importance has been attached to the holiday in Russia. As the first holiday in spring, it gives people hope and vitality. To Russians, March 8 Day is not only a special day for women but also a Mother's Day, Valentine's day, and Children's Day. So, everyone can find their own status on the day. In Russia, March 8 Day is a national public holiday, and all the Russians have a day off. According to the customs, men, on the eve of Day, should send their greetings and gifts to the female friends around them. Female employees in the company can get prizes and gifts of chocolate. Even some male superiors spend their own money buying gifts for all his women employees. On March 8 Day, the family members get together in their own home or a restaurant for dinner. More importantly, women do not do any housework at home and men are in charge of cooking meals and cleaning the house. It is reported that even 5-year-old kids know to give presents to their opposite sex friends. Thus it can be seen that March 8 Day is widely popular in Russia.

4.0 Conclusion

All in all, due to the different natural environments, Chinese and Russians have had their own cultures which give birth to different festivals and different customs in celebration. But what is common is that the traditional festivals in the two countries both have their own origins in the worship of nature. They are also both rooted in farming practice and have close relations with religion. China's traditional festivals go round the four alternating seasons with strong agricultural features while Russia's traditional holidays center on the Orthodox Church with a strong religious tone. The comparison of the traditional festivals in the two countries is hoped to help the people better understand each other and promote the Sino-Russian cultural communication.

List of References:

1. Cambridge English Dictionary, 2002. Cambridge University Press.
2. Longman Dictionary of English Language & Culture, 2004. The Commercial Press.
3. Gao Yu. *A Contrast on the Chinese Western Festivals and Cultures* [J]. The New West, 2010,4.
4. Chen Guoting. Russian State Reading Collection [M]. Harbin: Harbin Institute of Technology Publishing House, 2005.1.
5. Lin Yigang, Zhong Mozhi. *A Survey to Chinese Foreign Customs* [M]. Beijing: The Central Literature Publishing House, 2008.2.
6. Zhu Daqiu, Zhou Li. *On Russian Culture*[M]. Chongqing: Chongqing Publishing House, 2004.11.

Е.Е. Тихомирова (Новосибирск)

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ «СРЕДИННЫЙ ПУТЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Аннотация. В статье автор обращается к анализу языковых реализаций культурной универсалии «срединный путь». Делается попытка показать, что она является культурной нормой, имеет ключевое значение для понимания базовых ценностей культуры. Применяя когнитивный, семиотический и аксиологический подходы к изучению знаковых явлений в языке и культуре, автор выявляет глубинные универсальные и национальные смыслы представлений о срединном пути. При этом срединный путь интерпретируется не как усредненность, а как этапы процессов понимания, обеспечивающие синкретичность культуры. Обширный языковой материал русского и китайского языков позволяет автору сделать выводы, полезные как для теории культуры, так и для лингвокультурологии.

Ключевые слова: культура; культурная универсалия бинарные оппозиции; культурная норма; концепт; русский язык; китайский язык; этика; модели поведения; срединный путь.

E. Tikhomirova (Novosibirsk)
Novosibirsk State Pedagogical University,
Russian State Humanitarian University

UNIVERSALIYA “THE MEDIAN WAY” IN RUSSIAN AND CHINESE CULTURE

Abstract. *In the article the author addresses to the analysis of the linguistic realization of a cultural universaliya "median way". The author attempts to show that it is a cultural norm and is a key value for understanding of basic values of culture. Applying to cognitive, semiotic and axiological approaches of studying of the significant phenomena in a language and culture, the author reveals deep universal and national meanings of ideas of a median way. Thus, the median way is interpreted not as averaging, but as stages of processes of the understanding, providing syncretism of culture. Extensive language material of the Russian and Chinese languages allow the author to draw useful conclusions both for the theory of culture, and for cultural linguistics.*

Key words: *culture; cultural universaliya; binary oppositions; cultural norm; concept; Russian; Chinese; ethics; behavior models; middle path.*

Изучение культурных универсалий позволяет на современном этапе развития межкультурной коммуникации находить те реперные точки, которые позволяют обеспечить взаимопонимание и взаимопереводимость культур. Культурные универсалии рассматриваются как основы, инварианты различных культур, то неизменное, что присутствует в каждой из них: адекватное действие человека во времени и пространстве и окружающий мир. Инвариантом является тождество между человеком и миром. Культура есть способ отождествления человека и мира, их согласованный порядок, делающий возможным воспроизводить человека как биологическое, социальное и культурное существо. Культура в то же время есть смыслы человеческой деятельности.

Система универсалий культуры образует словарь со своими парадигматическими и синтагматическими правилами, дает варианты национальных образных репрезентаций. Одной из важнейших универсалий этого словаря является универсалия путь [8, 9].

Переходя от пути к универсалии срединный путь, следует отметить, что своеобразие срединного пути, с одной стороны, заключается в своеобразии русского и китайского национального характера и особенностях воплощения в нем представлений о срединном пути и связанных с ним моделей поведения, с другой стороны, в особенностях геополитического и культурного положения России и Китая и формировании на их основе срединных культур.

Д. С. Лихачев отмечает национальное своеобразие действий русского человека: «...во всем доходить до крайностей, до пределов возможного, и при этом в кратчайшие сроки. Не только в пресловутых русских внезапных отказах от всех земных благ, но и в русской философии и искусстве» [6, с. 16]. Вспоминаются в связи с этим слова Иисуса Христа: «...Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» [Откр. 3:14–18]. Христианская культура требовала активной жизненной позиции. В традициях Древней Руси было уважение к другому человеку, особенно к старшему, более опытному, больше пережившему, уважение и бережное отношение ко всему живому; умение стойко переносить тягости и превратности судьбы; терпимость, доброжелательность, бескорыстие. В. И. Даль в тематическом делении пословиц русского народа очень точно использует бинарные оппозиции. Бинарная оппозиция – это универсальное средство членения мира, способ подачи информации о мире человеческим сознанием. Маркирование границ бинарной оппозиции – это, возможно, обозначение границ мира, причем в разных плоскостях. Универсальная структура мифологического мира представлена пространствами: мир богов – мир живых – мир мертвых, воплощенная в мировом древе, языковой и культурной универсалии верх – середина – низ по вертикали и право – середина – лево по горизонтали. В этой традиции человек является центром системы координат. То есть середина – это промежуток, промежуточное положение. Бинарная оппозиция представляет собой границы культурной нормы можно – нельзя, в том числе, границы нормы поведения: Не все должно, что можно. Даль выделяет разделы пословичного

фонда: строгость – кротость; прямота – лукавство; воля – неволя; друг – недруг; умеренность – жадность; простор – теснота; гульба – пьянство. При этом он видит, что бинарная оппозиция не только противопоставляет, но и объединяет, выстраивает границы явления, например, осторожность – смирение. Смирение является одной из важнейших христианских добродетелей. Но и здесь Даль фиксирует бинаризм не как противопоставление, а как отношения отрицательно маркированных крайних членов: Живи тихо, не увидишь лиха. – Новгородцы такали, да Новгород протакали. – Кто живет тихо, тому лихо. – Тихомирный под спудом живет. – Тиха вода, да от нее потоп живет. – С краю не ложатся, а все в середину [2, с. 207–208]. Здесь представляется важным провести параллель, касающуюся этического статуса середины в европейской культуре. Так, Аристотель помещает все человеческие добродетели между крайностями, пороками. У него середина присутствует везде: «Среднее есть начало и конец – начало последующего и конец первого» («Физика» VIII 8, 262 a 20–25). Интересно, что и у В. И. Даля находим такие ряды: богатство – достаток – убожество; пора – мера – спех; кара – милость – потачка; кара – признание – покорность; задор – гульба – беспутство; мир – ссора – спор; смелость – отвага – трусость, правда – неправда – ложь.

С западноцентристской точки зрения А. Вежбицкая пытается интерпретировать подобные оценочные ряды как «склонность к отрицательным оценкам» [1, с. 95]; с точки зрения русского человека сниженную эмоциональность англичанина в купе с его толерантностью можно рассматривать как безразличие.

Одной из известных черт русского человека всегда является особое отношение, любовь к своей земле, к Родине, дому. Дом представляется центром мира, дом как граница своего далее раздвигается: двор – улица – село – край – белый свет. Всегда русский человек осознавал свою связь с миром людей и с окружающим миром, с природой. В русском фольклоре воплощен идеал жизни, мечты о всеобщем счастье, о жизни «по правде». Нравственно маркированное представление о пути, жизненном пути, крестном пути как представление о правильности в противоположность кривде, лукавости, то есть преступлению, локализуется у русского человека в сердце. Оно «...нравственно, оно есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу» [3, с. 174].

Толкование срединного пути в русских моделях поведения достаточно часто сводятся к разговору о посредственности, которая толкуется у В. И. Даля «ни мал, ни велик, или ни худ, ни хорош» [3, с. 174]. Этот семантический ряд с явно отрицательными коннотациями дополняют и дериваты с оценочными семами: середнячок, серединка, серёдка, усреднение, средненький, усреднённый, усреднять, средне, среди, в среднем. Русское слово посредственный может восприниматься как нечто, находящееся посередине, ни то, ни се; но уже в современном русском языке возникает слово посреднический, то есть содействующий в переговорах конфликтующим сторонам в решении спорных вопросов, кто в состоянии вступить в обоюдное взаимодействие. Эта ценность в русской культуре кодируется представлением о ладе, улаживании, прилаживании и т. д. Положительными оценочными коннотациями маркировано и слово сердцевина, в переносном значении важнейшая часть чего-либо; основа, сущность чего-либо.

Таким образом, в середине обнаруживается ее принадлежность к зоне перехода, границе. Поэтому пограничность оказывается тем состоянием, которое маркирует Россию как срединное государство, для которого важным является представление о меже – границе – рубеже – заставе между Европой и Азией. Ю. М. Лотман предлагает рассматривать идею «срединной культуры» предлагая концепцию бинарности-тернарности культур: «Усиление интенсивности семиотических процессов в пограничной полосе семиосферы связано с тем, что именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне. Граница, как мы уже сказали, двусторонняя, и одна сторона ее всегда обращена во внешнее пространство. Более того, граница – это область конституированной билингвильности. Это получает, как правило, и прямое выражение в языковой практике населения на границе культурных ареалов. Поскольку граница – необходимая часть семиосферы и никакое «мы» не может существовать, если отсутствуют «они», культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней «дезорганизации». В этом смысле можно сказать, что «варвар» создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем. Внешнее запредельное пространство семиосферы – место непрерывающегося диалога. Безразлично, видит ли данная культура в «варваре» спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного каннибала, она имеет дело с конструктом, построенным как ее

собственное перевернутое отражение» [7, с. 267]. Далее Ю. М. Лотман приводит пример волн понимания, синкретичности в культуре во времени и пространстве бинарной оппозиции свой – чужой: язычники, поганы (чужие) – свои поганы (язычники, живущие на границе с русской стороны) – свой (христианин). Так появляется идея евразийства.

И. В. Кондаков отмечает: «За каждым бинарным фреймом в истории русской культуры встает в явной или имплицитной форме изначальная культурная дихотомия Запада и Востока, символизирующая причастность России и русской культуры как тому, так и другому, т. е. всему человечеству, мировой культуре и цивилизации, притязания на принципиальную “всемирность”, “всеохватность”, вселенский масштаб» [4, с. 98].

Представление же о срединном пути кодирует практически все культуры, а в китайской культуре является стержневой. Тексты даются в переводе одного из соавторов этой статьи, то есть отражают современные ассоциативные ряды и интерпретации традиционных классических текстов, что дает возможность, с одной стороны, выявить глубинные смыслы, транслирующиеся до сих пор, а, с другой стороны, их деформацию и приращение новыми смыслами.

В китайской культуре термин срединный путь (中庸之道) имеет синоним – 不偏不倚 – не отклоняться ни в ту, ни в другую сторону, и антонимы – 厚此薄彼 – одно ценить, а другим пренебрегать; 偏听偏信 – прислушиваться к мнению только одной стороны и принимать его на веру.

Идея срединного пути является одним из основных элементов общей культурной и общественной психологии и ключевым понятием в учении конфуцианства. Неоценимую роль в развитии национальной культуры играет конфуцианский философский трактат «Учение о срединном и неизменном пути», «Срединное и неизменное», «Учение о середине» (中庸 – Чжун Юн), приписываемый традицией внуку Конфуция Цзы Сы (ок.483–402 до н. э.), который пытался решить социальные проблемы для достижения гармонии в обществе. В книге «Китайское духовное наставление» (中华心法) первое значение: «中不偏, 庸不易», именно такой: у каждого должна быть праведная жизнь и устойчивые цели и идеи, для того, чтобы добиться успеха. Конфуций сказал: «中庸之为德也, 其至矣乎! 民鲜久矣». (Как и моральная этика, срединный путь должен быть наиболее высокий, и этого людям не хватает уже

долго). Второе значение: надо жить справедливо и спокойно. Если не получается – значит, человек слишком эмоционален. Третье значение: «中 (zhōng)» – хороший, «庸 (yōng)» – полезный. «中庸(zhōng yōng)» значит толковый и стоящий. Человек должен уметь делать что-нибудь хорошо. Еще есть такое значение: надо идти к своей цели и нести ответственность за свои поступки. Конфуций впервые выдвинул учение о срединном пути, которое, дополнившись мыслями китайских мудрецов, стало важным моральным учением. Чжу Си (1130–1200) – мыслитель и философ, главный представитель неоконфуцианства – писал, что 中庸者,不偏不倚,无过不及,看似平常之理,实则精妙至极. (Идея срединного пути заключается в следующих словах: «совершенный, тонкий; искусный и мастерский»). Идеология срединного пути изменяется постоянно. Изменение и есть жизнь идеи. Срединный путь не несет в себе идеи простого нейтралитета или недеяния, и тем более, безучастного отношения к другим, а уделяет большое внимание человеческой инициативе. Она акцентирует внимание на том, что не нужно слишком показывать себя, но надо действовать, исходя из своих возможностей. Не нужно быть слишком принципиальным, но надо соответствовать изменяющимся условиям окружающей среды, надо учитывать место, время, обстоятельства и личностный фактор. Надо приспосабливаться к обстоятельствам и действовать в соответствии со сложившейся ситуацией. Нужно уметь проявлять личную инициативу, чтобы анализировать и разрешать реально существующие проблемы. Необходимо анализировать ситуацию, держать ее под контролем, или в нужное время пользоваться ей для того, чтобы делать добро.

В современном словаре «Синьхуа» написано, что срединный путь – это не эклектика. Эклектика беспринципно приравняет две стороны конфликта, не отличает правду ото лжи. Её духовная сущность: в то время, когда управляешь отношениями между людьми и решаешь социальные проблемы, нужно думать над вопросом полностью и не впадать в крайности. Нужно быть благодушным, чтобы сохранять стабильность отношений между людьми и жить в дружбе и согласии. Рассматривать её как эклектику – не адекватно понимать смысл срединного пути [10]. В книге «Лунь Юй» Конфуций поощряет 和而不同, то есть следует ладить со средой, но не отождествляться с ней, выступает против 同而不, то есть не следует отождествляться со средой, но не соответствовать ей. Срединный путь играет необычайно важную роль в китайской истории

философии. Конфуций подразумевает 中(zhōng) – срединный как 无过无不; это предполагает, что следует уметь вести себя в обществе и хорошо обходиться с людьми и делать как раз то, что нужно. Срединный путь представляет собой единство нравственности и добродетели. Для современного воспитания культуры и нравственности он имеет огромное значение.

С точки зрения человека и природы, срединный путь требует гармонии между человеком и природой. Чжуан Цзы (4–3 вв. до н. э.) – один из основоположников даосизма, впервые выдвинул учение о единстве природы и человека (天人合), которое говорит о гармонии между людьми и природой. Срединный путь составляет единство природы и человека.

Срединный путь – это равновесие. Конфуций даёт определение срединного пути как «执两用中», что можно перевести как поддерживать обе стороны, держаться середины и «过犹不及» – кто-то перестарается, а кто-то недоделает. Это означает: не нужно переусердствовать. Все в мире противоречиво. В идеале нужно найти центр противоречия и попытаться его урегулировать. И это – срединный путь. Из-за пристрастного отношения будет обостряться противоречие, и дело будет значительно сложнее держать под контролем.

Срединный путь уравновешенный и положительный. В книге «Срединный путь» написано, что требуется любить других так же, как любишь себя, а обвинять других так же, как винишь себя. Наставлять и вдохновлять человека с искренностью и снисходительностью, чтобы сохранять мирное сосуществование. Основные принципы состоят в следующем.

Нужно быть осторожным и в словах, и в поступках, и заниматься самообразованием. В процессе самосовершенствования надо настаивать на самообразовании и самоограничении, учиться самоконтролю. В книге Цзы Сы говорится: надо строго и сознательно заниматься самообразованием, особенно индивидуально. Нужно быть великодушным и благодушным. Необходимо ставить себя на место другого, понимать, заботиться, быть преданным и великодушным. Необходимо быть искренним настолько, насколько это возможно. Должно отстаивать принцип, чтобы выявить свое сердечное естество и потом выявить чужое сердечное естество и после этого выявить сердечное естество всего сущего, и, наконец, достичь степени совершенного и самого гуманного. Так человек может найти свое настоящее положение в мире.

Кроме этого существует еще есть ряд принципов, например, доверять друг другу, быть честным и добрым и т.д.

Содержание срединного пути включает в себя такие основные смыслы, как 五达道 (wǔ dá dào), 三达德 (sān dá dé), 九经 (jiǔ jīng).

五达道 – использование срединного пути для регулирования пяти видов отношений между людьми. Это отношения типа: гуманный государь и преданный слуга, любящий отец и послушный сын, муж и жена, братья, и друзья. Они являются переходными отношениями в мире. Если правильно поддерживать эти отношения, можно достичь высшей степени добродетели.

三达德 – разум, человеколюбие и справедливость, смелость. Эти качества могут использоваться в отношении между людьми с помощью честности и доброты.

九经 – девять правил (законов), обеспечивающих порядок в государстве. Это самообразование, уважение к человеку высокой морали, любовь к родственникам, уважение к министрам, умение входить в положение министров, умение беречь народные массы, поощрять ремесленников, хорошо обходиться с гостями и успокаивать феодалов. Если соблюдать эти правила, то порядок в государстве будет обеспечен. Как говорится в книге «尚书» («Шан Шу», «Книга преданий») – одном из наиболее почитаемых древнекитайских памятников, входящих в конфуцианский свод классической литературы «Тринадцать канонов», приписываемый Конфуцию: «克明俊德,以亲九族,九族既睦,平章百姓,百姓昭明,协和万邦». Конфуцианская культура считает, что 水止于平而止;道至于中庸中而止.所以君子尊德性而道问学;致广大而尽精微,极高明而道中庸 – вода должна стать спокойной, когда она не течет, путь должен прекратиться, когда он доходит до срединного пути, поэтому благородный человек уважает нравственную натуру, через вопрошание совета, он сам учится, чтобы знания были не только широкими, но и утонченными, чтобы нравственность могла следовать срединному пути [6]. Срединный путь – наивысшая китайская духовная идея и верховный кодекс поведения. Если вещь хочет стать идеальной и сохранять индивидуальное, то ей надо двигаться в подходящее время и место и с подходящим пределом, именно держать умеренно, чтобы стремиться к наилучшему положению, это единство природы и человека (天人合).

В конфуцианском учении у срединного пути есть разные степени, и наивысшая степень – единство природы и человека. Чтобы реализовать цель срединного пути, надо учиться, усваивать знания и соблюдать принцип срединного пути, а не роптать на небо, питать злобу к людям, и винить других (怨天尤人), ясность и мудрость обладающего разумом ограждает его от зла.

Проявление единства природы и человека в срединном пути в следующих областях: единство пути бога и человека, единство характера бога и человека, единство разума и чувств, сверхъестественные силы и святого человека, единство внешнего и внутреннего.

Путь бога – чистосердечие, путь человека – стремиться к чистосердечию. Стараться именно совместить эти два пути. Любой человек может достичь наилучшего и совершенного, если будет продолжительно учиться.

Характер бога – высшая доброта, искренность, гуманность, человеколюбие. Характер человека должен быть вышей добротой, искренностью, гуманностью, человеколюбием. Поэтому нужно хорошо знать закон. Радость, гнев, грусть и веселье – выражение чувств, надо сдерживать и ограничивать чувства и следовать срединному пути, чтобы реализовать единство природы и человека. В книге Цзы Сы можно прочитать: «喜怒哀乐之未发谓之中, 发而皆中节谓之».

Сверхъестественные силы – общее название мира и предков, святой человек – высоконравственный человек, надо стать чистосердечным и с уважением относиться к природе. Можно считать, что единство поступка и морали, или знания и действия.

В целом, надо начать изучать тонкости дела и потом внимательно взвешивать, искать оптимальный результат, отличный от крайностей.

Размышления над культурной универсалией срединный путь демонстрируют, что в таких отдаленных территориально и ментально культурах как русская и китайская вычленяются необходимость адекватных действий человека во времени и пространстве: во-первых, по отношению к своей биологической природе; во-вторых, в социальном и культурном планах, в отношениях между людьми, между человеком и природой.

Библиографический список:

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Русский язык, 2009. – 814 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Т. III. – СПб.: Диамант, 1996. – 664 с.
4. Кондаков, И. В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. – М., 1998. – 582 с.
5. Конфуцианский трактат «Чжун Юн»: Переводы и исследования / Сост. А. Е. Лукьянов; отв. ред. М. Л. Титаренко. М., 2003. – 249 с.
6. Лихачёв, Д. С. Книга беспокойств / Статьи, беседы, воспоминания. – М.: Новости, 1991. – 528 с.
7. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб.; Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.
8. Тихомирова, Е. Е., Абенова Г. Э., Линь Хай. Языковые реализации культурной универсалии «путь» в русском и китайском языках // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – №6. – С. 51–62.
9. Тихомирова, Е. Е., Линь Хай. Этические коннотации культурной универсалии «путь» в русском и китайском языках // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. №3 – С. 100–105.
10. Xinhua zidian. Толковый словарь китайского языка (на китайском). – Beijing, 2004. – 908 p.

И.В. Шаравьёва (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ПОНЯТИЕ «ВЭНЬ» В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «вэнь» как значимый феномен в культуре Китая, уточняется этимологическое значение знака. Выявляются такие основные характеристики «вэнь», как идеографичность, мифологичность, полисемантизм. В статье отмечается

важная роль «вэнь» в идиоэтническом сознании древних китайцев на примере древнего источника «Лунь Юй», «Беседы и суждения».

Ключевые слова: «вэнь»; культура Китая; категория культуры; идеографичность; мифологичность; полисемантизм; этносознание.

I. Sharaveva (Irkutsk)

Eurasian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

“WEN” IN THE CHINESE CULTURE

Abstract. *The article discusses ‘wen’ concept as a significant phenomenon in the Chinese culture. Etymologic meaning of the sign is also specified. Such major characteristics of ‘wen’ as ideografity, mythologism, polysemantism and etnoconciuous are educed. Through the example of an ancient source ‘Lun Iuy’, ‘Talks and arguments’ the present article notes the important role of ‘wen’ in idioethnic awareness of the ancient Chinese.*

Key words: “wen”; Chinese culture; the category of culture; ideografity; mythologism; polysemantism; etnoconciuous.

Понятие «вэнь» выделяется рядом исследователей (Кобзев А. И., Торчинов Е. А. и т.д.) как особое явление в Китае. Данное понятие имеет давнюю традицию изучения и исследовалось с точки зрения различных подходов. «Вэнь» является значимым феноменом в китайской культуре и обладает сложным, комплексным характером, в котором сопряжены культурологический, идеографический, семиотический, философский аспекты.

Этимологическое значение знака 文 «wen» – татуировка шаманов, знак на груди [5, 1996]. Постепенно «вэнь» приобретает значение письменности, а также письменной культуры, что отражается в лексеме 文化 wenhua – культура. Этот бинюм дословно означает "преобразующее влияние" (хуа) посредством письменного слова (вэнь) [3, с. 31]. Китайский универсум, пронизывая окружающие «десять тысяч вещей» проявляется в знаке 文wen (узор), а «в человеке же эта узорчатость проявляется в виде культуры, точнее, культуры, выраженной в иероглифическом узоре, письменном знаке» [Там же].

Представляется возможным определить «вэнь» как категорию культуры Китая, семиотизирующую базовые характеристики культуры. К характерным

атрибутам культуры можно отнести идеографический способ представления картины мира, формирующий китайскую иероглифическую письменность. «Вэнь» входит в список ста базовых понятий китайской культуры и философии, выделенных Кобзевым А.И., представляя собой, таким образом, также и философскую категорию.

К характеристикам существования «вэнь» в китайской культуре можно отнести устойчивость и способность письменных знаков передаваться из поколения в поколение. Культура способствовала стабильности и распространению китайских знаков, в связи с чем письменный знак в идеографическом письме обладает особым статусом и играет важнейшую роль в формировании именно письменной культуры. Статус «вэнь» в континууме китайской письменной традиции раскрывается в грамматологическом аспекте анализа.

В качестве одного из аспектов понятия «вэнь» в культуре Китая признается мифологичность, посредством которой происходит маркирование значимых для китайского этноса событий. Для древних китайцев был характерен мифологический тип мышления, в связи с этим, осмысление важнейших событий окружающего мира происходило в форме создания мифов. В китайской традиции можно выделить некоторые мифы, описывающие процесс возникновения китайской письменности. Следует признать первичность мифа по отношению к письменным знакам, так как китайские письменные знаки создавались в период главенства мифа и ритуала, а с помощью письменности изображались мифологические реалии.

Понятие «вэнь» широко представлено в конфуцианском трактате «Лунь Юй», «Беседы и суждения» [2]. Знак «вэнь» является в древнем трактате полисемантической лексемой, компонентами которой являются такие значения, как:

- «мудрость», «ученость», «просвещенность», «стремление к знаниям»;
- «человеколюбие»;
- «письменные труды»;
- «совершенство»;
- «фамилия»;
- «хорошие манеры»;
- «ритуал»;

- «музыка»;
- «почтительность».

При этом отмечается, что «вэнь» является неотъемлемой чертой «благородного мужа». Не обладая «вэнь», «благородный муж» приравнивается к простолюдинам. Посвятить себя облагораживающим занятиям для повышения «вэнь» возможно только после овладения такими качествами, как преданность, правдивость, человеколюбие.

Древние источники дают понимание о характеристиках культуры «вэнь», выявляя ее статус и важную роль в идиоэтническом этносознании древних китайцев.

Таким образом, «вэнь» пронизывает все мировосприятие китайцев, раскрывая окружающий мир посредством «письменного узора», языка «вэньянь». 文 «вэнь» в континууме китайской письменной традиции представляет собой одно из важнейших понятий в культуре Китая, устойчивую форму проявления познания мира человеком, обладает такими характеристиками, как идеографичность, мифологичность, полисемантизм. 文 «Вэнь» формирует все мировидение китайцев и является их «пятым великим изобретением». Данное понятие определяет материальное и духовное начало и является проявлением целостности Бытия.

Библиографический список:

1. Кобзев, А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры [Электронный ресурс] / А. И. Кобзев. –<http://www.synologia.ru/> (07.05. 2015)
2. Переломов, Л. С. Конфуций «Лунь Юй» [Электронный ресурс] / Л. С. Переломов. – М.: Восточная литература, 2001. – 140 с. – <http://vikent.ru/author/1788/> (12 мая 2015)
3. Торчинов, Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб. : Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. – 329 с.
4. 汉字文化漫谈 / 刘国恩编著. – 武汉: 湖北教育出版社, 1996. – 256 页.
5. 许慎. 说文解字. – 北京: 中华书局出版, 1996.

С.В. Яковенко (Владивосток)
Дальневосточный федеральный университет

К ИСТОРИИ ФЕНОМЕНА ЁКАЙ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация. В статье показано, что на протяжении всей истории человечества представители любого народа обращали мистические и непознанные явления в монстров и духов, придавая, таким образом, смысл и значение этому проявлению собственного опыта. Конкретные формы таких монстров и духов видятся совсем не универсальными, поскольку они обретают свою уникальность, находясь в контексте тех культур и обществ, в которых они появляются, развиваясь и изменяясь в соответствии с желаниями и вызовами людей, характерных тому или иному историческому периоду. На примере Японии автор показывает ёкай в процессе формирования менталитета, выделив периоды эволюции этого явления, не потерявшего значимости в современной японской культуре.

Ключевые слова: менталитет; ёка; история; Япония; трансформация; значимость; современность.

S. Yakovenko (Vladivostok)
Far Eastern Federal University

TO THE YŌKAI'S HISTORY AS THE FACTOR OF THE JAPANESE MENTALITY FORMATION

Abstract. The paper deals with the fact that throughout the history of humanity, representatives of all nations have shaped mysterious and unknown phenomena into monsters and spirits as a way of giving sense and meaning for their own experiences. Specific shapes of such monsters and spirits aren't seen as universal, because they gain their own uniqueness, in context of cultures in which they appear, evolving and changing with desires and challenges of people through particular historical periods. Taking his cues from Japan, the author shows the yōkai in the process of cultural development, pointing out the major transitions in the evolution of this phenomenon, which still hasn't lost its significance in the contemporary Japanese culture.

Key words: Mentality; yōkai; history; Japan; transformation; significance; modernity.

На протяжении всей истории человечества представители любого народа обращали непознанные явления в монстров и духов. Япония не является исключением, поскольку необъяснимые явления и сверхъестественные существа всегда оставались частью воображения этого народа. В широком смысле, феномен мистического в Японии принято обозначать *ёкай* (妖怪) – обобщающий термин, который на русский язык переводится как духи, гоблины, фантомы, спектры, феи, оборотни, демоны, фантастические существа, монстры. Известный японский культурный антрополог и исследователь *ёкай* Комацу Кадзухико (小松和彦, 1947-) определяет их как «трансцендентные явления или существования, связанные со страхом» (恐怖に結びついた超越的現象存在-それが「妖怪」なのである, *кёфу ни мусубицуита тээцу-тэки гэнсё сонзаи – сорэ га Ёкай*] на *нодэару*) [8, p. 31].

Сложность в толковании определения *ёкай* заключается в том, что в каждый исторический период таинственные явления получали свои названия, которые дополнялись и уточнялись. Так, в период Хэйан (794-1192) использовали термин *мононокэ* (物の怪, странная вещь), который Комацу определяет как название неизвестного сверхъестественного присутствия, где *моно* (物, вещь) указывает на что-то бесформенное и неопределённое, а *кэ* (怪), как и *кай* (怪) в *ёкай* (妖怪) означает что-то подозрительное [8, p. 279].

Характерен для этого периода пример Сугавара-но Митидзанэ (菅原道真, 845-903), министра императора Дайго (醍醐天皇, 885-930), сосланного на о. Кюсю по ложному обвинению. После смерти стал он *онрё* (怨霊, мстительный дух), поскольку пожар императорского дворца и гибель главного виновника его изгнания – Фудзивара-но Токихира (藤原時平, 871-909) были истолкованы как возмездие. Поэтому Сугавара-но Митидзанэ было пожаловано звание *Тэнман-дайзидзай-тэндзин* (天満大自在天神, «Великий Вольный Небесный Бог, что Небо Заполняет»), а на месте его захоронения было возведено святилище Тэнмангу [1, с. 122].

Примеры воздействия *мононокэ* имеются в классических произведениях японской литературы, таких как «Повесть о Гэндзи» (源氏物語), с которой

начинается романтическая литература XI века. Авторство этого произведения приписывается придворной даме Мурасаки Сикибу (紫式部, X-XI вв.). Наиболее убедительная отсылка находится в главе 9 с названием «Аои», где дух Рокудзё-но мясудокоро, любовницы принца Гэндзи, преследуя его жену, приводит несчастную к смерти. Автор подчёркивает, что она пострадала от *мононокэ* [2, с. 170-171].

Мононокэ боялись не только за их нематериальность, непредсказуемость и необычность. Фостер указывает, что «хотя такие явления, конечно, не нормальны, они всегда были возможны» [5, р. 7]. *Мононокэ* были частью ежедневной жизни японцев, всё ещё считавших, что сердце становится уязвимым для дурных влияний из-за беспокойства и пессимизма. «Повесть о Гэндзи» была наполнена гневом и ревностью героини, поэтому её дух начал изводить соперников. При этом, несмотря на сходство первопричины возмездия, как в случае с Сугавара-но Митидзанэ, её дух считается *икирё* (生霊, живой дух), поскольку сама Рокудзё-но мясудокоро жива, а дух действовал без её ведома.

Мононокэ является выражением изначальной необузданной энергии, которую все боялись и которая внушала трепет своей сверхъестественностью, оставаясь опасной, всемогущей и загадочной. Чтобы ослабить *мононокэ*, японцы стали давать индивидуальные имена и характеристики духам в соответствии с их местом и способом появления. Так сверхъестественные явления постепенно входили в фольклор. Позже визуальное описание этих индивидуальных явлений стали фиксироваться в виде картин, резных скульптур и статуй.

Особый вклад в развитие феномена *ёкай* внёс художник периода Эдо Торияма Сэкиэн (鳥山石燕, 1712-1788), которого можно назвать основоположником визуализации образов *ёкай*. Изданные им сборники *Газу Хякки Ягё* (画図百鬼夜行, Иллюстрированный ночной парад сотен демонов, 1776), *Кондзяку Газу Дзоку Хякки* (今昔画図続百鬼, Иллюстрированные сотни демонов из Настоящего и Прошлого, 1779), *Кондзяку Хякки Сюи* (今昔百鬼拾遺, Дополнение к сотням демонов из Настоящего и Прошлого, 1781) и *Хякки Цурэдзурэ Букуро* (百器徒然袋, Иллюстрированный мешок одной сотни разных демонов, 1784) включают иллюстрированные записи о 207 *ёкай*.

Отпечатанные в резком контрасте с красочными свитками периода Муромати, черно-белые работы Торияма Сэкиэн с чёткими контурами каждого из *ёкай*, позволяют передать визуальную информацию, без эмоционального оттенка, производимого цветопередачей. В то время, как искусство Муромати оказало влияние на визуальные эффекты в кинематографе XX - начала XXI веков, работы Торияма Сэкиэн имеют значительное влияние на развитие современной манги.

В период позднего Эдо к теме *ёкай* обращались мастера японской гравюры Такаи Козан (高井高山, 1806-1883), Кацусика Хокусай (葛飾北斎, 1760-1849), Утагава Куниёси (歌川国芳, 1797-1861), Цукиока Ёситоси (月岡芳年, 1839-1892). Как объясняет Комацу, это могло быть следствием острого кризиса в политической и социальной системе Японии [4, p. 23]. Центральная власть императора, а затем сёгуната подчёркивала своё господство над сверхъестественным. В 1860 году сёгун Токугава Иэмоти разместил знак в Никко, запрещающий *ёкай* входить в эту зону в периоды его посещения [7, 1908, pp. 27-32].

С наступлением периода Мэйдзи (1868-1912), в Японии, вовлечённой в радикальную промышленную, военную, культурную и социальную трансформацию, *ёкай* впервые подвергаются серьёзным исследованиям учёных. Одним из наиболее активных исследователей являлся Иноуэ Энрё (井上円了, 1858-1919), философ и буддийский священник, создавший специальную дисциплину — *ёкайгаку* (妖怪学, монстрология/демонология). Заложив основы исследований *ёкай* Иноуэ разделил *ёкай* на две обширные группы: *дзицукай* (実怪, реальная тайна) и *кёкай* (虚怪, фальшивая тайна). Из *дзицукай* он, в свою очередь, выделял *синкай* (真怪, истинная тайна) и *какай* (仮怪, временная тайна), а из *кёкай* — *гикай* (偽怪, искусственная тайна) и *гокай* (誤怪, ошибочная тайна). Преследуя цель оградить обманутый японский народ от разного рода ложных тайн, Иноуэ стремился очистить их сознание.

Первым западным автором, заинтересованным *ёкай* является американский прозаик Лафкадио Хирн (Коидзуми Якумо, 小泉八雲, 1850-1904). С момента переезда в Японию 1890-м году, он написал и издал более десяти книг, посвящённых истории, культуре и жизни Японии. Для западного мира этот автор стал ранним интерпретатором такой сложной и интересной

страны как Япония, открывшейся миру после трёхсотлетней изоляции. Так, в книгах «Блики незнакомой Японии» (1894) и «Кокоро: Оттенки и отголоски внутренней японской жизни» (1896) автор передаёт истории людей и социальные коды, делающие Японию уникальной страной. В работах «В призрачной Японии» (1899), «Котто: существующие японские диковинки, с разными хитросплетениями» (1902), «Кайдан: Истории и очерки об удивительных явлениях» (1903), Хирн показывает образы призраков, гоблинов из японских сказок и легенд, а в работе «Япония: попытка интерпретации» (1905) излагает своё личное понимание Японии.

Заслуга Лафкадио Хирна состоит в популяризации специфики *ёкай*, которую он стремился передать западным читателям, в отличие от Иноуэ, пытавшегося очистить от них японскую культуру. Книги Хирна были переведены на японский язык и стали любимой частью литературного жанра, посвящённого *ёкай*.

Метод работы Хирна по сбору легенд, поверий, мифов был использован японскими учёными. Один из них – Эма Цутому (江馬務, 1884-1979) в 1923 году написал книгу *Нихон ёкай хэнгэ си* (日本妖怪変化史, История японских *ёкай* и *хэнгэ*). Будучи крупным специалистом в *фудзокусигаку* – наукой, связанной с историей обычаев и ритуалов, он видел свою главную цель в исследовании *ёкай* в том, чтобы понять, как японцы видели их, понимали и взаимодействовали с ними в прошлом [9, p. 367–368].

Несмотря на то, что слова *ёкай* и *хэнгэ* (変化, оборотень) могут использоваться взаимозаменяя друг друга, Эма предлагает жёсткое разделение понятий и их смысловой нагрузки. Так, по его мнению, *ёкай* – это нечто «необъяснимое, таинственное, трудно поддающееся описанию», *хэнгэ* же — нечто, изменившее свою внешность. [9, p. 367] Разработав сложную типологию, классифицирующую *ёкай* и *хэнгэ* в зависимости от их способности менять форму, места и времени появления, Эма показывает, что независимо от веры в *ёкай* их связь с людьми прослеживается с древности [9, p. 414–418, 450].

Эма, в отличие от Иноуэ, не стремился выяснить существуют *ёкай* или нет, какие из них истинные, а какие фальшивые, чтобы избавиться от них. В отличие от Хирна, он не стремился спасти их и продлить им жизнь в сюжетах жутких повествований. Эма признавал их важность в японской истории и культуре и тем самым считал, что они достойны серьёзных исследований.

Подобная позиция прослеживается в культурном подходе к *ёкай* основателя *миндзокугаку* (民俗学, фольклористика) Янагита Кунио (柳田国男, 1875-1962). Он не разрабатывал определённой методики интерпретации *ёкай*, однако можно выделить следующие три главные линии его позиции: 1) принятие двусмысленности; 2) сбор и категоризация; 3) теория деградации.

«Принятие двусмысленности» означает, что Янагита не заботился о том, существуют ли *ёкай* на самом деле, скорее, как Эма, он полагал, что если люди верили в их существование или рассказывали о них, значит их необходимо изучать. В начале XX века позиция Янагита, отличная от взглядов и методов Иноуэ, задала тон будущим исследованиям *ёкай*.

Сбор и классификация *ёкай*, начало которым было положено ещё в период Эдо, были продолжены Янагита посредством полевых экспедиций, в частности, в 1938-1939 годах, по итогам которых он издал глоссарий *ёкай*.

Третий аспект подхода Янагита к *ёкай* – «теория деградации» заключается в том, что посредством «угнетения старых убеждений и принятия новых, все старые боги деградировали и стали *ёкай*» [10, с. 125]. Проследивая прогресс человеческого общества и его переход на современный уровень жизни, Янагита предположил, что сверхъестественные существа постепенно вырождаются из *ками*, как объектов серьёзной веры, – в *ёкай*, которые могут быть иногда даже комичными.

Отношение Янагита Кунио к *ёкай* продолжает оказывать влияние на учёных и писателей современности. Как и Эма Цутому, признавая важность *ёкай* для японской культуры, Янагита считал, что не дело исследователей оспаривать или подтверждать их объективное существование, если *ёкай* были частью жизни людей, значит они существовали в качестве значимого и актуального аспекта культуры, следовательно достойны изучения. Относясь к *ёкай* серьёзно и наделяя их центральной ролью в развитии новой дисциплины – фольклористики, Янагита Кунио советовал будущим поколениям: «...что любое исследование культуры не может быть сопряжено с игнорированием сверхъестественного, лежащего в её основе» [3, р. 206].

Янагита относил *ёкай* к важнейшей части японского менталитета даже в тяжёлый период восстановления страны после разрушений Второй мировой войны. Собранные как реликвии Японии, *ёкай* теперь воспринимались с ностальгией о довоенном времени. Так, художник манги и аниме Мидзуки

Сигэру (水木しげる, 1922-2015), умело сочетая фольклор и выдуманные им истории, смог создать убедительные сюжеты и запоминающихся героев. Выпущенные в 1969 году в виде чёрно-белого аниме, истории про мальчика-*ёкай* Китаро имели успешное продолжение в цвете: в 1971-1972, 1985-1988, 1996-1998 и 2007-2009 – общее число эпизодов которых составляет 432. В городе Сакаиминато префектуры Тоттори, на родине Мидзуки Сигэру, организован музей и улица Мидзуки Сигэру, на которой расположено около 150 фигур персонажей его манги и аниме. С целью увеличения туристической привлекательности, в префектуре автобусы и электрички оформлены атрибутикой, так или иначе связанной с *ёкай* из его работ, а каждая станция в префектуре названа в честь какого-нибудь *ёкай*.

Кроме манги и аниме, Мидзуки Сигэру также выпустил многочисленные иллюстрированные каталоги, напоминающие бестиарии Торияма Сэкиэн. В целом, Мидзуки Сигэру может представляться как современный Торияма Сэкиэн, точно также использовавший популярные средства передачи информации, характерные для своего времени. Как изображения Торияма Сэкиэн повлияли на будущие поколения, так и произведения Мидзуки Сигэру оказали и продолжают оказывать влияние на развитие менталитета современных японцев.

Комацу Кадзухико приступил к разработке новой *ёкайгаку*. Возможности статьи, к сожалению, не позволяют охватить всю широту его позиции, поэтому мы ограничимся одной из фундаментальных составляющих. По мнению Комацу, ключевым концептом, связанным с *ёкай* является *ками* (神), означающий «бог» или «божество». *Ками* в Японии могут быть объектами поклонения и мольбы, однако они не имеют всемогущей силы, как боги в монотеистических религиях. Существует множество *ками*, населяющих все возможные виды вещей в природном мире. Такой большой объект ландшафта, как гора или наоборот, маленький, как валун или камень могут содержать в себе или даже быть *ками*. В японской традиции практически что угодно может обладать духом и именоваться *ками*.

Поклонение *ками* раньше характеризовалось как часть религии Синто, однако, скорее Синто выступало как интегральная и институциональная система. Это можно рассматривать как попытку «навязать единые рамки на разрозненные культы *ками* или создать особую религиозную традицию,

превратив *ками* в нечто большее» [6, р. 199]. Необходимо отметить, что поклонение *ками* является частью повседневной жизни жителей Японии во многих её частях и сегодня, хотя их смысл в конкретном месте и времени необязательно совпадает с прошлым или будущим.

Подводя итог в анализе культурного феномена *ёкай*, мы должны дистанцироваться от системы ценностей, основанной на вере, что они являются отчётливо добрыми и злыми существами. Нет абсолютно мирных или абсолютно гневных богов, но все сверхъестественные вещи обладают позитивным (*和, ниги*) и негативным (*荒, арами*) аспектами. Из-за этого *мацури* (*祭り*, празднование/почитание) является центральной концепцией в Синто, где позитивная энергия, созданная ежегодными празднествами, должна служить цели сохранения прославляемым богом его *ниги* (позитивный аспект в этом году). Энергия богов, когда их не замечают или не прославляют, способна нести в себе опасность мутации в негативный (*арами*) аспект с равной силой, принося несчастье людям, проживающим вокруг обители бога — храма.

По этой причине все боги и духи имеют потенциал трансформироваться, мутировать или превращаться в *ёкай*, если они недостаточно почитаются и прославляются для сохранения их позитивного образа. Таким образом, один и тот же дух реки одновременно может называться и *ками* и *ёкай*: в случае, когда благодаря его действиям, река затапливает поля риса одной деревни, позитивно влияя на его урожай – для них он *ками*, для другой же деревни он *ёкай*, так как его действия привели к засухе. При этом, если «плохой» *ёкай* делает доброе дело, он начинает считаться *ками*, и наоборот.

Таким образом, проследив эволюцию феномена *ёкай* на протяжении всех исторических периодов Японии мы находим конкретную связь между людьми и сверхъестественным. Начавшись в древности с пугающих и необъяснимых явлений, и сегодня эти представления занимают определённое место в культуре Японии, проявляясь в различных традиционных и современных видах искусства, что подтверждает их значимость на протяжении жизни многих поколений людей.

Библиографический список:

1. Накорчевский А. А. Синто. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское востоковедение», 2003. – 448с. – («Мир Востока»).

2. Повесть о Гэндзи: В 3 т. / Мурасаки Сикибу; пер. с яп., вступ. ст., приложение и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Т. 1. — СПб.: Гиперион, 2010. — 592 с. — (Японская классическая библиотека. XXIV).

3. Christy, A., 2012. *A Discipline on Foot: Inventing Japanese Native Ethnography, 1910–1945*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 308p.

4. Figal, G., 2007. *Civilization and Monsters (Spirits of Modernity in Meiji Japan)*. Durham: Duke University Press.

5. Foster, M.D., 2008. *Pandemonium and Parade: Japanese Monsters and the Culture of Yokai*. Oakland: University of California Press, 336p.

6. Teeuwen, M., 2002. Tracing Shinto in the History of Kami Worship: Editors' Introduction. *Japanese Journal of Religious Studies*, 29 (3-4), pp. 195-207.

7. Visser, de. M.V., 1908. The Tengu. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, 36(2), pp. 27-32.

8. 小松和彦. 妖怪学新考—妖怪からみる日本人の心 [テキスト]
—東京: 小学館. 2000. — 299 ページ

9. 江馬務. 江馬務著作集第6巻生活の陰翳 [テキスト] —東京:
中央公論新社. 1977. 518 ページ

10. 柳田國男. 定本柳田國男集5 [テキスト] —東京: 筑摩書房.
1968. 537 ページ

Н.Н. Ярошевич (Иркутск)

Иркутский филиал

**Московского государственного технического
университета гражданской авиации**

КИТАЙ В XIX ВЕКЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье рассматриваются события истории Китая в XIX веке с точки зрения межцивилизационного контакта между европейской и китайской цивилизациями, а также исследуется ситуация культурного конфликта на примере документов эпохи восстания ихэтуаней и обозначаются способы разрешения конфликта в различных слоях населения.

Ключевые слова: этноцентризм; китаецентризм; культурный конфликт; цивилизационный контакт; восстание ихэтуаней.

**N. Iaroshevich (Irkutsk)
Irkutsk affiliate of the Moscow State
Technical University of Civil Aviation**

CHINA IN THE XIX CENTURY: CLASH OF CIVILIZATIONS AND THE PROBLEM OF CULTURAL CONFLICT

***Abstract.** The article discusses the events of the Chinese history in the XIX century from the perspective of an intercivilizational contact between the European and Chinese civilizations. It investigates the situation of a cultural conflict on the example of the era of Boxer Uprising documents and indicated by means of resolving the conflict in various segments of population.*

***Key words:** ethnocentrism; Sino-centrism; cultural conflict; civilizational contact; Boxer uprising.*

К XIX веку этноцентризм в китайском менталитете выступал одной из этнических доминант. В китайском этноцентризме всегда четко обозначалось противопоставление «мы» и «чужие», что является типологической чертой менталитета. В какой-то степени это противопоставление отражало реальный характер взаимоотношений китайцев с другими этносами, с их соседями, культура которых по уровню развития уступала китайской. На практике такой подход приводил к тому, что «высококультурные» китайцы относились с презрением и пренебрежением ко всем остальным народам, считая их «варварами». Восприятие иных культур происходило в рамках дихотомии дикость/цивилизация, где цивилизация – только Среднее государство, которое окружают дикие «варвары», отличающиеся асоциальностью, аморальностью, отсталостью. В такой культурной ситуации формируется преувеличенное представление китайцев о себе, что не позволяет им адекватно воспринимать действительность, особенно в условиях Нового времени. По мере развития китайской государственности, этноцентризм привел к формированию политической доктрины китаецентризма, которая сложилась в

практику вассалитета и даннических отношений с сопредельными государствами.

Этноцентризм привел к негативному восприятию образа «иностранца», сведению всех не-китайцев на уровень дикарей. Формирование подобного гетеростереотипа не является чем-то уникальным в мировой истории, например, британская колониальная политика XIX века требовала оправдания, поэтому в менталитете британцев формируется представление о том, что все колонизируемые народы – дикари, асоциальные, лишенные культуры и морали, и, значит, нуждающиеся в цивилизаторской миссии британцев. С легкой руки Р. Киплинга такая позиция была обозначена как «бремя белого человека» и следует понимать, что европейцы свою политику в Китае оправдывали именно стремлением цивилизовать китайцев. В XIX веке между китайской и западноевропейской цивилизациями сложилась специфическая ситуация контакта, в котором обе стороны воспринимают партнера как более отсталого, менее культурного, и конечно, неравноправного.

Христианские миссионеры, первоначально испанцы и португальцы, а впоследствии англичане и французы, стали появляться и оседать в Китае с XVI века. После первых контактов с европейскими государствами в XVIII веке маньчжурская династия попыталась закрыть границы. Так, в 1757 году была запрещена торговля с европейцами во всех портах. С конца XVIII - начала XIX века европейские государства безуспешно добивались от Цинского двора равенства в дипломатических контактах, обмена миссиями, свободы торговли и передвижений. Особенно активную деятельность в этом отношении развернула Англия. Однако все попытки европейских государств не имели успеха, поскольку Цинский двор не желал воспринимать всерьез европейских «варваров».

В корне ситуация изменилась лишь после «опиумных войн» и заключения неравноправных договоров с западными странами. Именно поражение в «опиумных войнах» в конечном итоге привело к разрушению традиционных стереотипов и трансформации картины мира. Необходимо отметить, что столкновение с западной цивилизацией – важнейший, критический этап китайской истории. Помимо изменений в этнической картине мира, по мнению некоторых исследователей, именно события второй половины XIX века стали отправным пунктом в процессе национального строительства, то есть

ключевым моментом этнической истории китайцев [4, с. 241]. Хотя подобная постановка вопроса является дискуссионной, тем не менее, она подчеркивает несомненную значимость данного периода, а также всех процессов, проходящих в стране в этот период. В полной мере это касается и изменений в китайской культуре в целом и менталитете в частности. Кроме того, можно обоснованно утверждать, что поражение в «опиумных войнах» явилось результатом не реалистичного построения образа «иностранца» в китайском менталитете.

Таким образом, во второй половине XIX века в процессе столкновения цивилизаций в китайском обществе произошла трансформация традиционной картины мира, и само это явление имело прямую взаимосвязь с социальной структурой общества, поскольку в различных социальных слоях имело различное содержание и векторную направленность.

Часть китайских образованных слоев сделала попытку объективно оценить достижения западноевропейской цивилизации. Так, в работах Фэн Гуйфэня мы видим постановку вопроса о возможности восприятия достижений чуждой культуры, что само по себе говорит о значительных сдвигах в традиционных представлениях. В правящих кругах была разработана концепция политики самоусиления, которая выражалась в формуле: «Основываться на китайском знании, дополнять его западным знанием». Написанная в 1898 г. работа Чжан Чжидуна «Призыв к учению» должна была пояснить сущность политики самоусиления. В этой работе содержатся две основные идеи: 1. Китай остается Китаем, пока соблюдаются отношения между господином и подданным, между отцом и сыном, между супругами, так как существуют нормы добродетели, определяющие, что достойно почитания, что бесценно. Главной ценностью является понятие долга, поэтому рассуждения о свободе, равенстве, власти народа недопустимы. 2. Тем не менее, на современном этапе усиление Китая невозможно без западных знаний. Однако если грамотный человек не усвоит первоначально китайские знания, то по мере изучения западных наук, есть опасность, что он возненавидит Китай. Такой человек не может быть полезен Китаю, и, более того, принесет ему вред.

Один из идеологов реформаторского движения, Янь Фу первым выдвинул идею преобразования китайского национального характера. Хорошо знакомый с европейской культурой, он находил коренное отличие китайцев от европейцев

в том, что китайцы почитают древность и ориентированы в прошлое, поэтому не уделяют должного внимания настоящему; европейцы, напротив, сосредоточены на изменении настоящего и пренебрежительно относятся к прошлому. Янь Фу утверждал, что у европейцев необходимо заимствовать не только военно-технические достижения, но также следует перенять политический строй и методы управления государством. Он считал, что «политика самоусиления» не приведет к спасению Китая, необходимо также реформировать систему образования и заняться совершенствованием морального облика нации. По его мнению, конфуцианство для этих целей не годилось, он видел выход в христианстве, как религии преуспевающего Запада, которая больше подходит для оздоровления морального облика китайцев. Таким образом, в кругах интеллигенции представители европейской цивилизации начинают восприниматься в неразрывной связи с достижениями европейской науки, как более образованные, более культурные, чем китайцы. Мы видим, как образ «варваров-иностранцев» трансформируется, иностранцы начинают восприниматься как учителя, у которых следует многому научиться для преодоления кризиса в Китае и для будущего благополучного его развития.

Однако в среде крестьянства, самой многочисленной прослойки китайского общества, наблюдается абсолютно иная картина, так как их знакомство с европейской цивилизацией состоялось через посредничество христианства. В XIX в. большая часть европейских миссионеров относились к китайской культурной традиции как к препятствию в деле распространения христианской веры. В результате миссионеры призывали китайцев отказаться от традиционных обычаев и верований, раздражая население. Культурный конфликт разрастался, особенно в тех случаях, когда европейцы нападали на культ предков, призывая китайцев отказаться от подобных ритуалов. В результате, в среде китайского крестьянства традиционное презрительно-уничижительное отношение к «варварам» трансформируется в ксенофобию и ненависть к иностранцам. Для простых крестьян становится очевидно, что именно иностранцы повинны во всех тяготах народа, из – за них увеличиваются налоги, лодочники и рабочие теряют работу (в связи с активным строительством железных дорог и развитием паровозного транспорта). Поэтому в крестьянской среде сопротивление западному господству приняло антихристианский характер. В этих условиях неудивительно, что позднее, когда

разразилось антииностранный восстание ихэтуаней (1898 - 1901), идеологически оно стало прежде всего антихристианским.

Современные исследователи видят в восстании ихэтуаней пример культурного конфликта, между христианской и конфуцианской культурой, как слишком различных, прежде всего, в этическом плане. Дацышен В.Г. считает, что «для Китая, одной из самых толерантных в религиозном отношении цивилизаций, борьба с христианством зачастую являлась внешним проявлением борьбы за независимость, за сохранение китайской национальной культуры» [2, с. 94]. Причины и ход событий восстания ихэтуаней достаточно подробно исследованы в синологической литературе. Хотелось бы акцентировать внимание на идеологии и пропаганде ихэтуаней, в которой они обращались к историческому прошлому и культурному наследию Китая.

Прежде всего, на первоначальном этапе восстания, в прокламациях и песнях ихэтуаней мы видим призыв к борьбе с христианской церковью и христианами. В песнях ихэтуаней прослеживается мысль о том, что китайцы, принявшие христианство, сделали это исключительно из корыстных побуждений:

Они совсем не китайцы

Надеясь на силу иностранцев.

Исповедуют иностранную религию,

Ни стыда, ни совести.

Они совсем не китайцы,

Они и родословную давно сменили.

Миссионеры обвинялись в неуважении обычаев Китая: «приверженцы христианского Иисуса оскорбляют духов, поносят мудрецов, предают забвению правила отношений между людьми» [1, с. 29], и в результате Небо разгневалось и послало засуху, то есть наказало китайцев за их бездействие, за то, что не сумели защитить обычаи предков.

Нет дождей

Нет дождей.

Земля сохнет –

Христианские церкви заслони́ли небо.

Вот расправимся с заморскими чертями –

Хлынет проливной дождь [Там же, с. 179].

По мнению ихэтуаней, христианская религия разрушала вековые устои: «протестантство и католичество порочат наших святых, третируют государя и сановников Китая, угнетают простой народ» [Там же, с. 31]. По мере развития движения мы видим расширение его целей и наряду с антихристианской пропагандой повстанцы провозглашают борьбу с иностранцами и их засильем. Прежде всего в прокламациях акцентируется внимание на аморальном облике всех иностранцев: «Мужчины у них безнравственны, женщины развратны, а их дети рождаются от матерей, предающихся блуду со своими сыновьями. Если не верите, приглядитесь внимательней: у всех дьяволов глаза отливают синим цветом» [Там же, с.29]. Синий цвет глаз, по мнению повстанцев, говорит о вырождении иностранцев вследствие их моральной распущенности. Иностранцы в прокламациях ихэтуаней обозначаются как 洋鬼子 yángguǐzi – заморские дьяволы (черти). Таким образом, иностранцы в традиционном сознании китайцев соотносятся с 鬼 guǐ- злыми духами, что сразу определяет – все, что несут иностранцы, может принести Китаю только зло. В прокламации «В угольной пещере горы Вэньцюань откопали плиту» говорится что народ «Особенно возмущает такая ошибка, как заключение мирных договоров. Она повлекла за собой заискивание перед дьяволами и гибель своего народа..... Дьяволам дали полную свободу, повсюду царит несправедливость» [Там же, с. 25]. Постепенно формируется образ иностранцев – грабителей и угнетателей народа:

Иностранцы явились в Китай

Иностранцы явились в Китай

Лютые, как тигры и волки:

Увидят сокровища – грабят,

видят людей – стреляют.

Образ иностранцев все более демонизируется:

Иностранцы свирепее тигров и волков

Открыли порты, впустили иностранцев.

А они свирепее тигров и волков:

Питаются человечиною и пьют людскую кровь:

Народ отошал, как скелет.

Прокламации и песни ихэтуаней наполняются призывом изгнать чужестранцев из страны, уничтожить все заморское, что было ими привезено

или построено: ихэтуани «сожгут дотла иностранные здания...Иностранные товары всех родов будут преданы истреблению» [Там же, с. 29]. Подобные лозунги быстро становятся популярными среди беднейшей части населения, в среде которых рождается песня: «Изорвем электрические провода, вырвем телеграфные столбы, разломаем паровозы, разрушим пароходы!» [Там же, с. 177]. Характерно, что большой разницы между представителями различным иностранных держав повстанцы не видели: «Пусть трепещет от страха великая Франция, а англичане, американцы, немцы и русские навсегда утихомятся!...уничтожить дьяволов всех до единого!» [Там же, с. 30].

В некоторых прокламациях ихэтуаней мы видим, как ненависть к европейцам нередко базируется на сознании национального превосходства и национальной исключительности: «Хотя они и ездят на носилках, не соответствующих их рангу, все же Китай считает их варварами» [Там же, с. 30].

Противопоставляя себя китайцам-христианам и тем более европейцам, ихэтуани обширно обращаются к собственной культурной традиции. Члены союза «Ихэтуань» почитали все три вида религии, существовавшие в Китае – конфуцианство, даосизм, буддизм. В прокламациях содержится достаточно много отсылок к буддизму, обращений к буддийским богам: «В этом союзе почитается буддизм» [Там же, с. 31]. Достаточно часто обращения к населению ихэтуани ведут от имени Гуанди, бога войны, считавшегося покровителем буддизма [Там же]. Главное требование к китайцам-христианам – отречься от христианства и принять буддизм.

Также стоит обратить внимание, что в основе идеологии ихэтуаней лежат многие даосские верования. Члены союза верили в бессмертие и неуязвимость и пытались достичь его различными дыхательными и физическими упражнениями, использованием волшебных талисманов и заклинаний.

Чтобы уберечь себя от гибели, члены союза имели амулеты, которые носили на макушке или на боку. Вера ихэтуаней в их неуязвимость была настолько сильна, что они, по отзывам очевидцев, бесстрашно шли навстречу пулям европейских солдат.

Таким образом, на материалах прокламаций и обращений к народу ихэтуаней, кроме политической и социальной составляющей, мы видим развитие культурного конфликта, проявившегося в столкновении различных этнических норм и ценностей, сопровождающегося усилением этнического

самосознания китайцев. В результате традиционный стереотип о «варварах» – иностранцах приобретает новое эмоциональное наполнение – презрение и снисходительность сменяется ненавистью и отрицанием всего, что принесли иностранцы. Несмотря на то, что в исторической литературе Китай этого периода не классифицируется как колонизированная страна, тем не менее мы можем говорить о колонизации, так как в самом широком смысле механизм колонизации определяется следующим образом: «представители чужой культуры, прибыв в страну, активно навязывают населению свои собственные ценности, нормы и модели поведения» [3, с. 115]. В этом контексте термин колонизация не имеет политического звучания и не носит оценочный характер, а является просто описанием определенного типа взаимодействия культурных и ценностных систем. В отношении Китая речь идет прежде всего о агрессивной попытке насаждения христианства. Кроме того, строительство различных инженерных объектов, сооружение которых широко развернули в Китае европейские державы (мостов, железных дорог и т. п.) также стало одной из форм культурной колонизации, так как вынудило местное население приспособливаться к новым моделям технологической и организационной культуры, что в свою очередь повлияло на культурную и социальную организацию общества в целом. Неслучайно ненависть ихэтуаней была направлена не только на иностранцев, но и на все, что они принесли с собой. Таким образом, восстание ихэтуаней, кроме всего прочего, является проявлением культурного конфликта между европейской и конфуцианской цивилизацией как естественная реакция этноса на культурную колонизацию.

Также мы можем сделать вывод о различных способах преодоления культурного шока, характерного для различных слоев китайского общества. Если применительно к интеллектуальной элите можно говорить о интеграции, то есть идентификации себя как с традиционной китайской культурой, так и новой европейской, то для низов характерна сепарация – отрицание чуждой культуры при сохранении идентичности со своей культурой. Именно в крестьянской среде происходит дальнейшая негативная трансформация образа «иностранца», от «варвара» – дикаря до демонизированного представителя чуждой культуры, непонятной и страшной, но несомненно более развитой, что и продемонстрировал для населения Китая разгром ихэтуаней.

Таким образом, история межцивилизационных контактов Китая и стран Европы, начиная с опиумных войн, представляет собой поэтапный отказ от фундаментальной концепции: Китай – центр мира и мировой культуры.

Библиографический список:

1. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы [Текст] / под.ред. В. Н. Никифорова. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 276 с.
2. Дацышен, В. Г. Христианство в Китае: история и современность [Текст] / В. Г. Дацышен. – М.: Научно – образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
3. Ионин, Л. Культурный шок [Текст] / Л. Ионин // Психология национальной нетерпимости. – Минск.: Издательство «Харвест», 1988. – С.111-118.
4. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст]: учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ СТРАН АТР

**М.П. Афанасьева (Иркутск)
Педагогический институт ИГУ**

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ «俗語» «СУЮЙ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам выделения и исследования «俗語» «суюй» – пословиц и поговорок – во фразеологическом составе китайского языка. Пословицы и поговорки китайского языка характеризуются качественной и количественной определенностью лексического состава и грамматических форм, устойчивостью и традиционностью общего смысла, наличием лексико-структурных вариантов, а также семантической слитностью.

Ключевые слова: пословицы; поговорки; «俗語» «суюй»; фразеологический состав языка; китайский язык.

**TO THE PROBLEM OF THE ALLOCATION "俗语" IN
PHRASEOLOGICAL PART OF THE CHINESE LANGUAGE**

***Abstract.** This article focuses on the allocation of research «俗语» – proverbs and sayings – in a phraseological part of the Chinese language. Chinese Proverbs are characterized by qualitative and quantitative determinations of a lexical composition and grammatical forms, stability and traditionality of a general sense, the presence of lexical and structural variants and the semantic fusion.*

***Key words:** proverbs; sayings; «俗语»; phraseological part of language; Chinese language.*

В связи с рассмотрением устойчивых предложений как одного из структурных типов фразеологии давно встал вопрос о правомерности включения в ее состав пословиц и поговорок. Данный момент является предметом оживленных дискуссий между фразеологами. Как правило, противниками включения поговорочных изречений в состав фразеологии являются те ученые, которые считают, что полноценными ФЕ могут быть только фразеологизмы со структурой словосочетания, выполняющие номинативную функцию и выступающие как эквиваленты слова в роли одного из членов предложения (напр., Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, С.И. Ожегов, А.И. Молотков). Все устойчивые образования, не являющиеся единицами номинации, исключаются ими из состава фразеологии [4, с. 199-202, 213].

Однако, большинство ученых все же рассматривают устойчивые по своей структуре и значению предложения как неотъемлемую часть фразеологии (В.Л. Архангельский, А.В. Кунин, Н.М.Шанский, И.И. Чернышева и др.). Особо следует выделить монографию В.Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке», в которой на фоне общего анализа русской фразеологии, характеристики ее состава и принципов выделения ФЕ главное внимание обращено на описание фразеологических предложений и определение их места среди других типов ФЕ. Среди разновидностей

устойчивых фраз русского языка на первое место «по коммуникативной значимости» автор монографии ставит общеупотребительные пословицы и поговорки. [1, с. 154].

Пословицы и поговорки получили очень широкое распространение во всех жанрах китайской художественной литературы, постоянно употребляются в разговорной речи. Они обладают известной самостоятельностью, несмотря на то, что тесно связаны своими структурно-семантическими свойствами с общим фразеологическим составом китайского языка. Данное свойство проявляется прежде всего в том, что они требуют определенного контекстуального окружения, логического контекста, не обязательного для большинства ФЕ.

Несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, пословично-поговорочные изречения представляют собой весьма емкие и внутренне сложные образования. «С одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой – какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей – художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности» [5, с. 8].

В работах по китайской фразеологии также нет единого мнения о включении пословиц и поговорок в состав ФЕ. В китайской фразеологической традиции пословицы и поговорки принято называть одним термином «俗语» «суюй» далее СЮ (букв. «просторечное выражение, народное речение») [3, с. 77].

Пословицы и поговорки китайского языка характеризуются качественной и количественной определенностью лексического состава и грамматических форм, устойчивостью и традиционностью общего смысла, который у большинства пословично-поговорочных изречений имеет переносный характер. Подобно ФЕ, пословицы и поговорки не создаются в процессе речи, а воспроизводятся говорящим в готовом виде. Если в отдельных случаях замена слов или добавление новых слов все же возможны, как и в других разновидностях ФЕ, то они носят узуальный характер. В результате этого образуются лексико-структурные варианты пословиц и поговорок.

Например, в СЮ 三个臭皮匠，合成一个诸葛亮 sāngè chòu píjiàng héchéng yīgè Zhūgè liàng «из трех грязных сапожников получится один Чжугэ Лян» («один ум хорошо, а два лучше») обычно варьируется глагол-сказуемое 合成

«соответствовать» – 顶 – «равняться» – 变成 «превратиться» – 赛过 «превосходить».

Как пословицы, так и поговорки китайского языка в большинстве своем имеют переносный смысл, не вытекающий непосредственно из значений слов-компонентов, но связанный с ними через образ. Одно и то же значение фразеологизма может создаваться на базе разных образов, выстраивая фразеологические синонимы. Приведем примеры:

一锹挖不出井来 yīqiāowā bùchū jǐnglái «одним ударом лопаты не выкопать колодца»

一口不能吃一个饼 yīkǒu bùnéng chī yīgèbǐng «за один укус лепешку не съешь»

一斧子砍不倒大树 yīfǔzi kǎnbùdào dàshù «одним взмахом топора большое дерево не срубить». Данные СЮ имеют общее значение «сразу ничего не делается; на все нужно время и старание».

В работах китайских ученых по фразеологии часто отмечается, что значение СЮ невозможно вывести из суммы значений составляющих его компонентов. Однако, отечественные лингвисты полагают все же вполне возможным производить деление поговорок по степени семантической слитности (А.А. Хаматова, И.Р. Кожевников).

С точки зрения семантической слитности СЮ считаем возможным предложить выделять две группы привычных выражений: фразеологические сращения и фразеологические единства. За основу данной классификации можно взять классификацию академика В.В. Виноградова, основанную на критериях степени мотивированности элементов ФЕ и степени их спаянности [2].

Первая группа – фразеологические сращения. Значение фразеологических сращений независимо от значения их компонентов. Сращения всегда национально специфичны, буквальный перевод приводит к бессмыслице: 瓜子不饱是个人心 guāzi bùbǎo shì gèrénxīn «семена тыквы не насытят сердца всех» в значении «мал золотник, да дорог», 挂羊头, 卖狗肉 guà yángtóu, mài gǒuròu «вывешивать баранину, а продавать собачье мясо» в значении «обманывать», 狗咬吕洞宾, 不识好人心 gǒu yǎo lǚdòngbīn, bùshí hǎorénxīn

«собака кусает Люй Дунбина, не зная доброты человеческой» в значении «отплатить черной неблагодарностью».

Вторая группа – фразеологические единства – отличаются от сращений мотивированностью и ясной образностью, значение целого связано с пониманием смысла составляющих его слов: 吃了个哑巴亏 chīle gèyǎbā kuī «съесть кукиш» в значении «опозориться», 吃了豹子胆,老虎心 chīle bào zidǎn, lǎohǔ xīn «съесть желудок леопарда и сердце тигра» в значении «стать храбрым».

Следует отметить, что классификация В.В. Виноградова имеет особое значение, так как опирается на семантический критерий и применима, как это видно из вышеизложенного, к широкому кругу языков – от английского до китайского.

К фразеологическим выражениям номинативного характера примыкают устойчивые словосочетания, в которых есть компоненты – числа. Например: 吃了五谷想六味 chīle wǔ gǔxiǎng liù wèi «испробовать пять вкусов и шесть ароматов» в значении «пройти через все испытания», 打入是八层地狱 dǎrù shì bā céng dìyù «попасть в восемнадцатый круг ада» в значении «попасть в безвыходное положение», 打一千, 骂一万, 正月十六吃顿面 dǎyīqiān, màyīwàn, zhèngyuè shíliù chī dùnmìàn «бить тысячу, ругать десять тысяч, а шестнадцатого числа сего месяца успокоиться» в значении «всему свое время».

Проблема выделения и анализа отличительных особенностей китайских пословиц и поговорок «俗语» «суюй» во фразеологическом составе китайского языка до сих пор является актуальной, что вызвано сравнительно небольшой изученностью данного рода фразеологизмов. Следует отметить противоречивость взглядов фразеологов на семантико-грамматическую структуру СЮ. Несомненным является то, что китайским «俗语» «суюй» присущи все признаки, свойственные фразеологическим единицам: от сверхсловности до образности.

Библиографический список:

1. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В.Л. Архангельский. – Ростов: Изд-во Ростовского унив-та, 1964. – 315 с.

2. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография. Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 161с.
3. Войцехович, И. В. Практическая фразеология современного китайского языка [Текст] / И.В. Войцехович. – М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. – 509 с.
4. Кунин, А.В. Английская фразеология [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 346 с.
5. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Восточная литература, 1970. – 240 с.
6. Словарь поговорок китайского языка [Текст]. / – Пекин: Изд-во «Шаньуйньгуань», 2006. – 887с. (汉语俗语词典。 - 北京: 商务印书馆, 2006)
7. Энциклопедия поговорок китайского языка [Текст]. / – Шанхай: Изд-во «Цышучубаньше», 2005. – 1177с. (汉语俗语大全。 - 上海: 辞书出版社, 2005)

С.А. Быкова (Москва)

Институт стран Азии и Африки МГУ

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируется диалектальная ситуация в современной Японии, характеризующаяся функционированием различных территориальных диалектов одновременно с повсеместным употреблением стандартного языка и «общего языка», являющегося разговорным вариантом стандартного языка. Помимо традиционных территориальных диалектов, которые претерпевают различные изменения в процессе своего развития, возникают новые диалекты двух типов: т.наз. «новые» диалекты, сочетающие в себе признаки социальных и территориальных диалектов, и неодиалекты, являющиеся чисто территориальными образованиями и рождающиеся в результате взаимодействия стандартного языка и традиционных диалектов.

Ключевые слова: общий язык; традиционные диалекты; новые диалекты; неодиалекты.

TRADITIONAL AND NEW TERRITORIAL DIALECTS IN THE MODERN JAPANESE

***Abstract.** The dialectal situation in modern Japan, characterized by functioning of different territorial dialects and universal using of the literary language, or exactly saying, its colloquial variant, the common language, is analysed in this article. Two new types of dialects are arising along with using of the traditional dialects, changing in the evolution process,. These dialects are so-called «new» dialects, combining features of social and traditional dialects and neodialects, appearing as a result of interaction of the literary Japanese language and traditional dialects.*

***Key words:** common language; traditional dialects; new dialects; neodialects.*

В современной Японии практически во всех областях общественной, экономической, научной и культурной жизни господствует стандартный язык хё:дзюнго, а, правильнее сказать, «общий язык» (кё:цу:го»), являющийся в сущности разговорным вариантом стандартного японского языка, сложившегося и развивающегося на основе токийского языка, как и хё:дзюнго. Фонетические, грамматические, лексические нормы токийского языка, восходящего к языку Эдо, на протяжении десятилетий рассматривались в японском обществе как эталонные, хотя язык жителей современного Токио достаточно далёк от первоначального «идеального» варианта. На стандартном языке ведётся обучение в образовательных учреждениях страны, он используется во всех СМИ, на нём пишутся научные труды и пр. В послевоенный период правительственная языковая политика была направлена на искоренение исстари существовавших территориальных диалектов и повсеместное закрепление хё:дзюнго в качестве единственного общепотребительного языка. Отношение к диалектам в ту эпоху было крайне негативным, носители диалектов подвергались гонениям и остракизму, а диалекты оценивались как анахронические, уходящие, отмирающие языковые

системы [2, с. 29-38]. Прошли многие годы, прежде чем в японском обществе появилось осознание важности сохранения диалектов как живого источника, питающего общенациональный язык. Территориальные диалекты сохранились в японской языковой системе, доказав свою жизнеспособность. При этом необходимо обратить внимание на два чрезвычайно важных фактора. Во-первых, носители языка чётко различают ситуации употребления родных диалектов и стандартного («общего») языка. На диалекте общаются в неформальной обстановке, на стандартном языке – в официальной. Диалект для жителя любой из префектур страны является родным, истинным языком любимой «малой родины» в противоположность официальному стандартному, не вызывающего у говорящих на нём ассоциаций с «малой родиной» и домом. Во-вторых, территориальные диалекты претерпевают различные изменения вплоть до исчезновения некоторых из них, но одновременно возникают новые диалекты. Появление новых диалектов в современной Японии, вероятно, удивляет не только лингвистов-диалектологов, занимающихся этой проблематикой, но и самих носителей японского языка, учитывая высочайший уровень развития в современной Японии новейших технологий, в частности Интернета, СМИ и т.д.. В результате рождения новых диалектов меняются и система территориальных диалектов японского языка как таковых, и языковая ситуация в стране в целом.

Классификация традиционных, существующих на протяжении веков территориальных диалектов, остаётся практически неизменной со времени создания выдающимся японским лингвистом Тодзё Мисао фундаментальной классификации в начале XX века. Разумеется, эта классификация впоследствии неоднократно уточнялась и детализировалась, но основные её принципы и, следовательно, объединения тех или иных территориальных диалектов в группы, или ветви, в соответствии с их прежде всего грамматическими и фонетическими особенностями остаются актуальными и в наши дни. В общем виде в соответствии с фонетическими и грамматическими характеристиками все традиционные диалекты японского языка могут быть разделены на группы диалектов восточной Японии (восточная часть о-ва Хонсю, 5 крупных диалектов), диалектов западной Японии (западная часть о-ва Хонсю, 5 крупных диалектов), диалектов о-ва Кюсю (3 крупных диалекта) и диалекты, как их характеризовал Тодзё Мисао, архипелага Рюкю (3 основных диалекта).

Определение языка о-вов Рюкю как одной из диалектальных разновидностей японского языка вызывает возражения, поскольку язык архипелага Рюкю, в частности язык Окинавы, играющий роль своеобразного «общего языка» для всего архипелага, характеризуется значительными отличиями от стандартного японского языка и других диалектов, не позволяющими рассматривать его как диалект. Представляется, что это родственный японскому, но всё же самостоятельный язык, который предположительно отделился от праязыка примерно 1400 лет тому назад, после чего японский язык и язык Рюкю стали развиваться отдельно. Более того, термины «язык Рюкю» или «диалекты Рюкю» достаточно условны. В сущности на каждом острове архипелага Рюкю функционирует свой диалект, в значительной степени отличающийся от языка Окинавы, центрального о-ва архипелага. Все указанные выше другие диалектальные ветви также отличаются от стандартного японского языка с точки зрения фонетики (акцентуация, звуки и пр.), грамматики (формы глаголов и прилагательных, ассимиляция в этих формах, употребление диалектальных союзов и частиц). Разумеется, наблюдаются значительные различия и в отношении употребляемой лексики, но решающую роль в дифференциации диалектов играют фонетические и грамматические характеристики. Наряду с традиционными диалектами на территориях их функционирования фиксируются различные наречия и говоры. Традиционные территориальные диалекты развиваются и видоизменяются по различным моделям и с различной скоростью. Одни из них характеризуются, например, лишь незначительными изменениями тех или иных грамматических форм или исторически существовавшей акцентуации, другие всё больше сближаются с «общим языком», утрачивая часть своих исконных особенностей. Наконец, можно констатировать и тенденцию к постепенному исчезновению отдельных диалектов. На этом фоне ярко проявляется неоспоримая приверженность к родному диалекту жителей по крайней мере трёх регионов Японии: района Тохоку, Кансая (в особенности жителей Киото и Осаки), архипелага Рюкю. В этих регионах в неформальной обстановке большинство населения говорит в основном на диалекте. При этом, в отличие от всех других территориальных диалектов язык Киото никогда не только не воспринимался в обществе как территориальный вариант японского языка с пониженным статусом, но, напротив, встречал самое почтительное отношение к себе как язык, пусть и

устаревший, но изящный и чрезвычайно вежливый. К тому же нельзя забывать о том, что язык Киото играл роль стандартного языка в эпоху Хэйан и сохранял свою значимость в качестве литературного языка и в последующие эпохи. На этом языке писали свои произведения, вошедшие в золотой фонд как японской, так и мировой литературы, Мурасаки Сикибу и Сэй Сёнагон. Эти факторы, несомненно, играют важную роль в столь высокой оценке языка Киото в современном японском обществе.

Новые диалекты, рождающиеся в современной Японии, отличаются от традиционных. В системе современных территориальных диалектов они представлены двумя типами, т.наз. «новыми диалектами» синхо:гэн и неодиалектами нэо хо:гэн. Поскольку термины, употребляемые для наименования этих типов диалектов, казалось бы, синонимичны, неспециалист может трактовать их как различные наименования для одной и той же языковой категории. Однако анализ особенностей вышеуказанных разновидностей диалектов убедительно доказывает, что они представляют собой совершенно различные территориальные варианты современного японского языка. Общим признаком обоих типов является только сравнительная новизна существования в качестве языкового явления. Выбор же в сущности синонимичных, но тем не менее различных морфем для их названия продиктован необходимостью дифференциации этих диалектов. Синхо:гэн интересны тем, что сочетают в себе черты территориальных и социальных диалектов [1, с. 219-222]. Новые фонетические, грамматические и лексические формы, характерные для синхо:гэн вначале возникают в речи молодёжи, а более точно выражаясь, в речи подростков 13-14 лет различных префектур и затем распространяются среди взрослого населения соответствующей префектуры, а далее – в других регионах страны. При этом на синхо:гэн всё же чаще говорит молодёжь, пусть далеко и не подросткового возраста, нежели представители старшего поколения. Именно этим объясняется определение синхо:гэн одновременно как явления, имеющего самое прямое отношение к молодёжному языку. Таким образом, эти диалекты со времени своего возникновения обладают одновременно признаками и социальных (речь представителей молодого поколения), и территориальных (зарождаются в определённом регионе) диалектов. Существуют различные «новые диалекты» – токийский, о-ва Хоккайдо и т.д. Постепенно те или иные грамматические, фонетические и

лексические новации, которыми характеризуются эти диалекты, усваиваются носителями языка в других регионах. Яркими примерами подобных форм синхо:гэн могут служить т.наз. ра-нуки котоба, например, мирэру вместо мирарэру, когда в глаголах, относящихся ко 2-му спряжению, в форме страдательного залога эллиптируется формант -ра, образование и употребление адъективной формы тигакатта «отличается; [вовсе] не так» (аналог тигаттэ иру) от глагола тигау «отличаться», зафиксированной вначале в Токио, токийская форма ваканнай от глагола вакару вместо вакаранай «не знаю», слово тяринко «велосипед», употребление префикса тё, восходящего к онному чтению тё: иероглифа 超, для придания высказыванию особой эмоциональности, а также выражения высшей степени качества или состояния (тёбэриба «очень плохо», где бэри является заимствованием из английского языка слова very, ба – аббревиатурой заимствованного английского слова bad), многие другие формы и лексемы, особая интонация, присущая девочкам-школьницам

В отличие от синхо:гэн неодиалекты представляют собой новый тип сугубо территориальных диалектов, являющийся результатом взаимодействия «общего» или стандартного языка с традиционным территориальным диалектом. Тенденция к появлению подобных диалектов фиксировалась в современном японском языке ещё в начале 70-х гг. прошлого столетия. В 90-е годы неодиалекты окончательно закрепились в японской языковой системе в качестве нового типа диалектов. Неодиалект обычно определяется как новый диалект смешанного типа, где в речи его носителей одновременно используются формы и стандартного языка, и территориального диалекта [3]. Одним из таких диалектов является неодиалект Кансая, который функционирует одновременно с традиционными кансайскими диалектами. Так, эквивалентом общеяпонской отрицательной формы конай глагола куру «приходить» в традиционном диалекте Киото и Осаки являются формы кэ:хэн, ки:хин, кивасэн, где форманты отрицательной формы хэн, хин, [ва]сэн присоединяются к незаключительной основе, имеющей в этих диалектах форму ки. Однако в последнее время здесь получила распространение форма ко:хэн, представляющая собой соединение основы ко, употребляющейся в этом случае в стандартном языке, с диалектальным формантом хэн. Другим примером может служить широкое употребление отрицательной

деепричастной формы глаголов типа ясумэнкутэ «без возможности отдохнуть», соответствующей форме ясумэнакутэ стандартного языка. В форме ясумэнкутэ диалектальный формант н соседствует с формантом кутэ стандартного языка. Эти и другие аналогичные формы рассматриваются как формы недиалектов.

Таким образом, анализ диалектальной ситуации в современной Японии позволяет сделать вывод о жизнеспособности территориальных диалектов, что проявляется как в сохранении традиционных диалектов, так и в появлении по крайней мере двух типов новых диалектов.

Библиографический список:

1. Быкова, С.А. «Новые диалекты» и их роль в современном японском языке [Текст] // Тезисы докладов Ломоносовских чтений 2003 г. – М.: Издательский центр ИСАА МГУ, 2003. – С. 219-222.

2. Быкова, С.А. О статусе территориальных диалектов в современном японском языке [Текст] // Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь, 2012). – М.: Ключ – С, 2012. – С. 29-38.

3. 本部暢子、竹田晃子、田中ゆかり、日高水穂、三井はるみ「方言学入門」[テキスト] – 東京: 三省堂, 2014, – 88ページ.

Н.М. Вейнберг (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛИМЕНТОВ/ ПОХВАЛЫ В СИТУАЦИЯХ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья основана на данных, полученных в результате качественного исследования, проводившегося в виде интервью с представителями русско-японских деловых кругов. Целью работы является изучение особенностей комплиментов, используемых в ситуациях делового общения на японском языке. Как было выяснено, комплименты обязательны в ситуациях делового общения с клиентами или партнерами как в формальных,

так и неформальных коммуникативных ситуациях. Кроме того, комплименты используются для смягчения критических замечаний. Комплименты зачастую присутствуют в таких речевых актах как просьба, выражение благодарности, поздравление и т.д., и направлены на налаживание отношений с коллегами, клиентами, партнерами

Ключевые слова: японский язык; стратегии делового общения; речевая вежливость; комплимент; качественное исследование.

N. Veinberg (Irkutsk)

Eurasian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

MAIN CHARACTERISTICS OF USAGE OF COMPLIMENTS IN THE JAPANESE BUSINESS COMMUNICATION

Abstract. *This article is based on a qualitative research of Japanese-Russian business participants' interviews and performs a study of a compliment usage in the Japanese language; we try to reveal main features of compliments which are used in the Japanese business communication.*

As it was proved by the analysis, compliments in the Japanese business communication are not used in relation to a usual routine work, but are essential towards clients or partners both in formal and informal situations. Also, compliments are widely used as softeners of criticism. Besides that, compliments are inherent in other situations, such as making requests, expressions of gratitude, etc. to maintain successful relationships with colleagues, clients or business partners.

Key words: *Japanese language; business communication strategies; linguistic politeness; compliment; qualitative research.*

Данная работа основана на результатах качественного исследования – интервью, проводившегося автором в 2015 году, в г. Токио (Япония), в рамках проекта исследования стратегий деловой коммуникации в русском и японском языках.

Как мы выяснили ранее, в японской культуре существует набор определенных коммуникативных стратегий, направленных на установление

успешных деловых и рабочих отношений [1, с. 56]. Одну из речевых стратегий – «использование комплиментов», мы исследуем в данной работе.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что все стратегии установления успешных деловых отношений напрямую связаны с речевой вежливостью, однако определение понятия «вежливость» у русских и у японцев различно. В русском языке вежливость – это «качество вежливого человека, совокупность хороших манер, умение вести себя в обществе» [5]. Для японцев вежливость (丁寧 さ тэйнэйса) – не только умение вести себя надлежащим образом (礼儀正し さ рэйгитадасиса), но и проявление заботы, внимания (配慮хайрё, 注意 тю:и) по отношению к собеседнику [10; 11]. Очевидно, что в японской культуре вежливость проявляется активно, направлена на собеседника, определяется взаимодействием с другими людьми, а в русской – пассивно, фокусируется на качествах, навыках человека. Проще говоря, в японском языке высказывание «Мария – вежливая» подразумевает не только наличие у Марии хороших манер, но и активное проявление внимания, в русском языке идентичное высказывание сообщает нам о том, что Мария умеет себя вести в обществе, хорошо воспитана.

Соответствующее понимание лингвистической вежливости в полной мере актуально для всех сфер речевого поведения японцев и русских, в том числе и для употребления комплиментов/похвалы в ситуациях делового общения – японцы демонстрируют свои культурные особенности, направленность на собеседника, тогда как русские более сдержанны и не обладают навыками делать комплименты в ситуациях деловой коммуникации.

Похвалой принято считать речевой жанр, в котором говорящий выражает положительную оценку поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в разговоре, результатов его труда, предметов, которыми он обладает, рассчитывая вызвать положительную эмоциональную реакцию и самооценку адресата [2, с. 46]. Схожее определение предлагают и японские лингвисты, которые объединяют похвалу и комплимент в группу речевых актов ほめ言葉 хомэкотоба. Хомэкотоба (похвала/комплимент) – это имплицитное или эксплицитное выражение положительной оценки действиям, поведению адресата (собеседника или третьего лица), вызывающее позитивную реакцию адресата [6, с. 37].

В ходе проведенного исследования мы выяснили, каким образом и в каких ситуациях японцы используют комплименты/похвалу в деловом общении; удалось составить описание всех выявленных видов комплиментов в японском и русском деловом сообществах, определить ключевые различия в использовании комплиментов между русскими и японцами.

Исследования похвалы/комплиментов в российском языкознании [3; 4] занимают меньшее место, нежели в японском, где вопросам изучения похвалы посвящено значительное количество работ, касающихся теоретического аспекта использования комплиментов [7] и др., сопоставлению с английским и другими языками [8] и др. Сопоставительный анализ использования похвалы в ситуациях делового общения на японском и русском языках ранее не проводился.

Результаты нашей работы основаны на интервью сорока представителей японских и русских деловых кругов, участников русско-японских отношений. Интервью проводилось в устной форме по подготовленному списку вопросов и занимало, в среднем, около сорока минут. Все интервью были переведены в текстовый формат и проанализированы в соответствии с методом качественного анализа данных – Grounded Theory Approach (GTA) [9]. В ходе работы были опрошены по двадцать человек с каждой стороны, работающие в сферах образования, информационных технологий, в торговых компаниях, компаниях-производителях и т.д., проживающие в Японии, имеющие опыт работы в сфере русско-японских деловых отношений. Каждому участнику было задано 12-15 вопросов, касающихся не только собственной культуры, но и особенностей коммуникативного поведения другой стороны. Таким образом, задавая японцам вопросы о комплиментах в ситуациях делового общения на русском языке, а русским участникам – о похвале в ситуациях делового общения на японском языке, мы выявили разницу в восприятии, поведении, а также использовании речевых стратегий в деловой коммуникации между русскими и японцами.

Деловое общение в японском бизнес-сообществе можно разделить на две обособленные группы, это: 1) общение внутри компании, организации и 2) внешнее общение с клиентами, другими организациями и т.д. Кроме того, ситуации делового общения могут быть как: А) официальными, формальными, так и Б) неофициальными, неформальными.

Соответственно, любую коммуникативную ситуацию сферы делового общения на японском языке можно охарактеризовать с помощью категорий: «1А», т.е. ситуации внутреннего официального общения, «1Б» – ситуации внутреннего неформального общения, «2А» – внешнее официальное общение с клиентами, потенциальными клиентами, партнерами. При этом ситуаций неофициального, неформального общения с клиентами, партнерами («2Б») в японском деловом сообществе не существует, поскольку общение с клиентами и партнерами в любой, казалось бы, самой неофициальной обстановке фактически является неотъемлемой частью рабочих обязанностей. В связи с этим, любое внешнее общение одной организации с другой можно обозначить как коммуникативную ситуацию «2А», т.е. «внешнее официальное общение».

Наибольшее количество комплиментов используется именно в ситуациях «2А», внешнего делового общения с другими организациями – клиентами, потенциальными клиентами, партнерами. Сами японцы нередко называют комплименты, используемые в общении с клиентами, партнерами, 激しいお世辞 хагэсий о-сэdzi, «грубая лесть». Комплименты/похвала в ситуациях внутреннего общения компании встречаются как при официальном (реже), так и при неофициальном (чаще) общении. Перечислим основные ситуации, когда японский служащий может услышать комплимент в свой адрес в своей организации:

1. Личное собеседование 面談 мэндан, которое обычно проводится руководством два раза в год. В ходе собеседования начальник нередко хвалит подчиненного за проделанную работу, достижение поставленных целей.

2. Высказывание критики, предупреждение о чем-либо. Например, «Вы всегда прекрасно справляетесь со своими обязанностями, но последний отчет нужно переделать». В большинстве случаев японские служащие испытывают негативные эмоции, когда начальник начинает своё высказывание с похвалы, однако использование комплиментов/похвалы при сообщении критических замечаний в целом улучшает восприятие критики сотрудниками. Эта стратегия была заимствована у американских психологов, и в последнее время широко распространена в японских компаниях.

3. Ситуации неформального общения, такие как совместные походы в питейные заведения после рабочего дня, коллективные празднования, выезды куда-либо и др. Как утверждают японцы, во время подобного неформального

общения можно услышать критику, а также значительное количество искренней похвалы, комплиментов.

В ходе интервью было выявлено шесть наиболее часто встречаемых в ситуациях делового общения видов комплиментов, это: (1) комплимент-приветствие, (2) комплимент, используемый для поддержания беседы, (3) комплимент, присоединяемый к поздравлениям, (4) комплимент, присоединяемый к благодарности, (5) комплимент, присоединяемый к словам поддержки/ утешения, (6) комплимент, присоединяемый к словам критики.

Одним из важнейших выводов нашей работы стало то, что японцы в деловом общении используют похвалу в большей мере осознанно, в качестве одной из стратегий успешного делового общения, в то время как представители русской стороны не обдумывают комплименты в адрес собеседника заранее, а делают их только когда действительно удивлены либо восхищены чем-либо. Японцы, в отличие от русских, начиная общение (в особенности деловое), обычно продумывают, каким образом лучше проявить внимание к собеседнику, каким образом сделать комплимент, содержание комплимента.

Согласно полученным данным, комплименты/похвала в ситуациях делового общения на японском языке используются в следующих целях: (1) Вызвать расположение собеседника; (2) поднять собеседнику настроение; (3) проявить внимание и уважение к собеседнику; (4) создать атмосферу общности; (5) поднять мотивацию, увеличить эффективность работы; (6) найти слабые места собеседника, чтобы использовать их в дальнейшем; (7) дать свою положительную оценку действиям собеседника; (8) указать собеседнику на разницу в социальном статусе (поскольку комплимент/ похвала относятся к оценочным речевым жанрам, оценка кого/чего-либо и в японской, и в русской культурах считается привилегией вышестоящего).

Способы выражения комплиментов/похвалы в ситуациях делового общения на японском языке следующие: (1) Прямой комплимент, направленный непосредственно на собеседника, например よく頑張りました ёку гамбаримасита «Вы хорошо потрудились»,きれいなネクタイですね кирэй на нэкутай дэсу нэ «у Вас красивый галстук», お仕事が速いですね о-сигото га хаяй дэсу нэ «Вы быстро справляетесь с работой» – один из наиболее позитивно воспринимаемых японскими служащими комплиментов; (2) Косвенный комплимент, либо сравнение с третьим лицом в пользу

собеседника, например *そういう人の下で働けるので私はすごく幸せです* со: иу хито но сита дэ хатаракэру нодэ ватакуси ва сугоку сивасэ дэсу «я счастлив, что могу работать под руководством такого человека»; (3) комплимент, передаваемый через 3-их лиц, либо комплимент от имени 3-их лиц, например *みんな評価している* минна хё:ка ситэ иру «все (Вас) очень ценят».

Среди основных выводов нашего исследования можно перечислить следующие.

1. Японцы, особенно в деловом общении, используют комплименты осознанно, продумывают их содержание заранее.

2. Комплимент является неотъемлемой частью делового общения на японском языке, в частности, в ситуациях внешнего делового общения (2А) с клиентами, потенциальными клиентами, партнерами организации, при этом комплимент/похвала, даже в виде откровенной лести, положительно оценивается как клиентами, партнерами (получателями комплимента), так и говорящими/слушающими, поскольку является одним из проявлений «старания в работе», «работы на свою организацию всеми силами» (цитаты из интервью).

3. Комплименты в ситуациях внутреннего делового общения (1А и 1Б) не многословны, а также могут являться частью критического замечания. В то же время, критика воспринимается сотрудниками менее болезненно, если к ней добавить комплимент или похвалу.

Помимо перечисленных сфер использования, комплименты/похвала обычно употребляются для установления доброжелательных отношений в разнообразных ситуациях как внутреннего, так и внешнего делового общения, например, при выражении просьб, благодарности, во время поздравлений и т.д.

Библиографический список:

1. Вейнберг, Н.М. Речевые стратегии устного делового общения на японском языке // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сборник научных статей / отв. ред. проф. М.В. Малинович. [Текст]/ Н.М. Вейнберг – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 55 - 63.

2. Дьячкова, И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01. [Текст]/ И.Г. Дьячкова – Омск, 2000.- 139 с.: ил. РГБ ОД, 61 01-10/317-6.

3. Курилкина, М.А. Структура и функции феномена лести. Вестник университета №18, Государственный университет управления, 2009. с. 67-69.
4. Петелина, Е.С. Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести. Синтагматический аспект коммуникативной семантики. [Текст]/ Е.С. Петелина. – Нальчик, 1985. – С.150-154.
5. Толковый словарь русского языка. [Текст] Под ред. Д.В. Дмитриева, 2003. – 1578 с.
6. 大野敬代, 『日本語談話における「働きかけ」と「わきまえ」の研究 : 目上に対する「ほめ」と「謙遜」の分析を中心に』博士学位論文、早稲田大学, 東京, 2010, 320ページ.
7. 川口義一, 蒲谷宏, 坂本恵 「待遇表現としてのほめ」 『日本語学』第15巻5号, 東京, 1996, 13-22ページ.
8. 田辺洋二 「褒め言葉の日・英語比較」 『日本語学』第15巻5号, 東京, 1996, 33-42ページ.
9. Strauss, A. & Corbin, J.M. Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. SAGE Publications, 1998.
10. 明鏡国語辞 [テキスト] – 東京: 大修館書店, 2002. – 1954 ページ.
11. 日本国語大辞 [テキスト] – 東京: 小学館2001. – 2269 ページ.

О.Ю. Воронина (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ТРАКТОВКЕ У.БАКСТЕРА

Аннотация. В статье освещаются ключевые моменты работы западного востоковеда, приводится точка зрения автора по наиболее дискуссионным вопросам развития фонологической системы китайского языка.

Ключевые слова: история языка; период; фонетика.

**EVOLUTION OF THE PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE CHINESE
LANGUAGE IN THE WORK BY W.BAXTER**

***Abstract.** The article deals with the main aspects of the work of the western linguist. It also highlights his point of view on the most disputable issues of the development of the phonological system of the Chinese language.*

***Key words:** history of language; period; phonetics.*

Идеографический тип письма представляет собой один из наиболее древних видов письма. В настоящее время китайский язык является одним из немногих представителей языка с идеографической письменностью. Идеографичность выступает в качестве серьезного препятствия не только в процессе овладения и использования китайского языка, но и в процессе реконструкции и установления ранних форм его фонологической системы. Начиная со второй половины XIX века, западные востоковеды, применяя методы сравнительно-исторического языкознания, предпринимали попытки по восстановлению фонологического облика китайского языка. Пионером в этом, как известно, был Бернхард Карлгрен, чья работа внесла неоценимый вклад в изучение фонологической системы китайского языка. Позже некоторые аспекты его работы были подвергнуты критике и пересмотрены, некоторые получили дальнейшее развитие в работах его последователей. Уильям Бакстер является одним из западных лингвистов, продолживший дело, начатое Карлгреном. В 1992 г. в Нью-Йорке была издана его работа под названием *A handbook of Old Chinese phonology* Справочник по фонологии древнекитайского языка. В своем труде, опираясь на работы своих западных, русских и китайских предшественников, автор подробно описывает свое видение развития фонологической системы китайского языка.

Целью данной статьи является освещение основных моментов развития китайской фонологической системы, представленных в работе Бакстера.

В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- 1) определить периоды развития языка;

- 2) описать характерные особенности каждого периода;
- 3) выделить и описать точку зрения автора по наиболее дискуссионным вопросам развития фонологической системы китайского языка.

В своей работе Уильям Бакстер делит на следующие периоды:

1. Old Chinese Древнекитайский, язык эпохи Чжоу, ранних классических произведений и надписей на бронзе;
2. Early Middle Chinese Ранний среднекитайский, язык словаря 切韵Цеюнь;
3. Late Middle Chinese Поздний среднекитайский, язык династий поздняя Тан и ранняя Сун, отраженный в фонетических таблицах;
4. Old Mandarin Ранний современный, язык династии Юань, отраженный в 中原音韵 Словаре рифм Центральной равнины.

В результате реконструкции фонологической системы древнекитайского языка Бакстер выделил четыре префикса s -, S -, h - и N [1, p. 175].

Консонантная система была представлена 37 согласными: лабиальные p-, ph- (h – показатель придыхания), b-, m-, hm-; дентальные t-, th-, d-, n-, hn-; латеральные l-, hl -; ретрофлексные tr- (r – показатель ретрофлексности), thr-, dr-, nr-, hnr-; дентальные шипящие ts-, tsh-, dz-, s-, z-; ретрофлексные шипящие tsr-, tsrh-, dzr-, sr-, zr-; палатальные tsy- (y -показатель палатализации), tsyh-, dzy-, sy-, zy-, y-; велярные k-, kh-, g-, ng- hng - ; ларингальные ? - , x- , h- [1, p. 177].

Согласные противопоставлялись по глухости/звонкости. Не наблюдалось противопоставления палатальных и ретрофлексных шипящих согласных.

По мнению ученого в данный период существовало три медиали –r- , – j- и – l- (редко).

К централям относились следующие шесть: –i-, -i-, -u-, -o-, -e-, -a-; к терминалям нулевая, -k, -ng, -j, - t, -n, –w, -wk, -m, - p. За терминалями могли также следовать постфиксы -s, -?. Терминаль –j употреблялась после всех централей за исключением -e- [1, p. 293]. Терминали –w и -wk встречались только после –i-, -e-, -a-; -m употреблялась после всех централей.

По мнению Бакстера, тоны в древнекитайском языке были, однако их формирование произошло в результате резких консонантных различий.

В процессе эволюции системы согласных происходило слияние префиксов с последующими инициалами и формирование новой консонантной системы.

Изменение инициалей также происходило под влиянием медиалей. Под влиянием медиали $-j-$ после дентальных произошло формирование палатальных, а под воздействием медиали $-r-$ ретрофлексных согласных. Постепенно исчезла и сама медиаль $-r-$. В результате дифтонгизации огубленных финалей перед переднеязычным носовым $-n$ сложный согласный $kw-$ перешел в медиаль $-w-$ [1, p. 252].

Консонантная система раннего среднекитайского языка имела следующий вид: лабиальные $p-$, $ph-$, $b-$, m ; дентальные $t-$, $th-$, $d-$, $n-$; латеральный $l-$; ретрофлексные $tr-$, $trh-$, $dr-$, $nr-$; дентальные шипящие $ts-$, $tsh-$, $dz-$, $s-$, $z-$; ретрофлексные шипящие $tsr-$, $tsrh-$, $dzr-$, $sr-$, $zr-$; палатальные $tsy-$, $tsyh-$, $dzy-$, $sy-$, $zy-$, $y-$; велярные $k-$, $kh-$, $g-$, $ng-$; ларингальные $ʔ-$, $x-$, $h-$ [1, p. 46].

В раннем среднекитайском произошел переход лабиального $hm-$ в ларингальный $x-$, дентального $hn-$ в $th-$ [1, p. 189]. Если за лабиальными согласными следовали медиали $-j-$ и $-rj-$, то это приводило к образованию палатальных аллофонов. Таким образом, к позднему среднекитайскому периоду палатальные лабиальные привели к появлению лабиодентальных согласных.

Однако наибольших изменений претерпела вокалическая система древнекитайского языка. Одним из таких изменений, приведшим впоследствии к перестройке всей системы гласных, был переход гласных высокого подъема в гласные среднего подъема. До исчезновения медиаль $-r-$ вызвала изменения и некоторых гласных.

К централям данного периода Бакстер отнес $-i-$, $-i-$, $-u-$, $-o-$, $-e-$, $-ε-$, $-æ-$, $-a-$; к терминалям $-w$, $-j$, $-i$, $-ng$, $-wng$, $-m$, $-n$, $-k$, $-wk$, $-p$, $-t$ [1, p. 61].

Автора отмечает, что в среднекитайском было четыре тона. Падающим тоном стали произноситься все слоги, которые в древнекитайском содержали постфикс $-s$, а нисходяще-восходящим слоги, имевшие постфикс $-ʔ$ [1, p. 309].

Таким образом мы выяснили, что ключевую роль в изменении фонологической системы китайского языка, начиная с древнекитайского периода и вплоть до эпохи Сун, по мнению Бакстера, сыграли четыре компонента слога, а именно: префиксы, медиали, терминали и постфиксы.

Библиографический список:

1. Baxter, William H. A handbook of Old Chinese phonology [Текст] / William H. Baxter. – New York, 1992.
2. Спешнев, Н. А. Фонетика китайского языка [Текст] / Н. А. Спешнев. – Л, 1980.

С.К. Воронова (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске – филиал
ФГБОУ ВО МГЛУ**

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЦЕНАРИЯ «ИГРА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ РИЧАРДА КОННЕЛА “*THE MOST DANGEROUS GAME*”

Аннотация. Цель настоящей статьи – проанализировать актуализацию сценария «ИГРА» с точки зрения когнитивной лингвистики на материале произведения Р. Коннела “*The Most Dangerous Game*”, В связи с этим рассматриваются различные аспекты феномена игры, выявляются основные когнитивные признаки, формирующие концепт “game” в современном английском языке и на основании анализа многочисленных примеров демонстрируется актуализация этих признаков в художественном дискурсе, которые в своей совокупности реализуют сценарий «ИГРА», определяющий поведение и деятельность героев анализируемого произведения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; сценарий; художественный дискурс; игра.

S. Voronova (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

ACTUALIZATION OF THE SCENARIO «GAME» IN RICHARD CONNELL’S WORK *THE MOST DANGEROUS GAME*

Abstract. The aim of the article is to analyze the actualization of the scenario “GAME” in the work “*The Most Dangerous Game*” by R. Connell from the point of view of cognitive linguistics. In this connection different aspects of the phenomenon ‘game’ are considered and the main cognitive features of the concept “game” are singled out. On the basis of analysis of numerous examples it is demonstrated how

these features, actualized in literary discourse, in the aggregate realize the scenario "GAME", determining the characters' behavior and all their activity.

Key words: *cognitive linguistics; concept; scenario; literary discourse; game.*

Игра сопровождает человека в течение всей жизни. Родители играют со своими детьми с самого их рождения, дети постоянно играют друг с другом – это фактически их основное занятие, способствующее их физическому и интеллектуальному развитию. Взрослые тоже не прочь поиграть, а иногда они участвуют в различных жизненных ситуациях, поведение внутри которых является ничем иным, как достаточно сложной и запутанной игрой. Почти ежедневно мы становимся свидетелями или участниками тех или иных социальных, политических, экономических, культурных и спортивных игр. Поэтому вполне естественным является желание понять и определить роль игры как культурного и философского явления в жизни человека.

В самом общем смысле игра – это вид непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в её результате, а в самом процессе [3, с. 31]. По мнению некоторых психологов и физиологов, функция игры может быть сведена к высвобождению избыточной жизненной силы либо удовлетворению потребности в разрядке, другие же видят в игре невинное избавление от опасных влечений, необходимое восполнение односторонне направленной деятельности или удовлетворение в некоей фикции желаний, невыполнимых в действительности [2]. В философии игра – один из важнейших феноменов человеческого существования, которое обычно противопоставляется труду; а также – это форма человеческих действий или взаимодействий, в которой человек выходит за рамки своих обычных функций или утилитарного употребления предметов, где цель игры – в поддержании её собственного процесса, присущих ей интересов, правил взаимодействия [1].

Известный голландский историк и культуролог Й. Хейзинга в своём трактате «Человек играющий» исследует игру как специфический фактор всего, что окружает нас в мире, и приходит к выводу, что «сама культура носит игровой характер». По его мнению, «игра представляет собой борьбу за что-то, либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит» [7]. В связи с этим, среди прочих признаков игры, выделяются напряжение и непредсказуемость, поскольку в состязании элемент напряжения, удачи,

неуверенности достигает крайней степени. Она разыгрывается в определённых рамках пространства и времени. Внутри сферы игры законы и обычаи мира повседневности силы не имеют, там царит собственный безусловный порядок.

Нас в первую очередь интересует языковая репрезентация и дискурсивная реализация данного концепта. Е.И. Ривелис определяет игру с точки зрения когнитивной лингвистики как функциональный концепт, имя которого не есть имя вещи, «оно называет некоторое специфическое мироотношение, символизирует особую модель человеческой деятельности, создающей «другую действительность», в которой она, эта деятельность, осуществляется по поводу реализации играющим человеком своих сущностных сил вне всякой связи с внешней целью или пользой либо, в отличие от искусства, без намерения создать объект» [5, с. 343-344].

В современном английском языке именем данного концепта является слово *game*. Проведя его этимологический анализ, мы установили, что оно появилось в английском языке ещё до XII века в значении ‘соревнование, которое разыгрывается согласно определённым правилам’, а в конце XIII века у него также было зарегистрировано значение ‘животное, на которое ведётся охота’ [9]. Необходимо отметить, что существительное *game* сохранило оба этих значения, и первое из них до сих пор является главным в его семантической структуре. В современных одноязычных словарях английского языка приводятся следующие основные значения существительного *game*:

- 1) a form of physical or mental activity or contest that has rules and that people do for pleasure [8];
- 2) a form of play or sport, especially a competitive one with rules [10];
- 3) a secret and clever plan or trick, a set of actions that have been thought and that is meant to deceive someone [11];
- 4) wild animals or birds that are hunted for sport and sometimes cooked and eaten [8].

Семантические компоненты значений, представленные в словарных дефинициях, позволяют нам выделить следующие когнитивные признаки рассматриваемого концепта:

- ‘совместная деятельность’ (activity);
- ‘участники игры’ (people do);

- ‘следование определённым правилам’ (has rules);
- ‘наличие определённых навыков, умений’ (physical or mental activity);
- ‘стремление выиграть, одержать верх’ (contest, competitive);
- ‘получение удовольствия’ (for pleasure);
- ‘продумывание тайного плана’ (a secret plan);
- ‘стремление обмануть противника’ (to deceive someone);
- ‘добыча, охотничий трофей’ (wild animals or birds hunted for sport).

В настоящей статье мы ставим перед собой цель проанализировать актуализацию сценария «ИГРА» в художественном дискурсе на материале произведения Ричарда Коннела “*The Most Dangerous Game*”. При этом под сценарием, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы понимаем определённый тип концепта, представляющий собой последовательность нескольких эпизодов, этапов, разворачиваемых во времени и пространстве [4, с. 119]. Что же касается обращения к когнитивно-дискурсивной парадигме в нашем исследовании, то мы исходим из того, что изучение способов освоения того или иного концепта в разных типах дискурса позволяет раскрыть и комплексно описать его сущность, признаки и функции. В частности, объективация какого-либо концепта в художественном дискурсе помогает проникнуть во внутренний мир героев, углубляет познание человеческой психики, передаёт субъективную оценку автора и персонажей, апеллирует к воображению и чувствам читателя.

Анализируемое произведение начинается с описания того, что охотники на своей яхте приближаются к неизвестному острову в Карибском море. Друзья собираются хорошо поохотиться на ягуаров на берегах Амазонки и шутливо обсуждают своё любимое занятие, которому они посвящают большую часть своей жизни:

(1) “We should have some *good hunting* up the Amazon. *Great sport, hunting.*”
 “*The best sport in the world,*” agreed Rainsford.

“*For the hunter,*” amended Whitney. “*Not for the jaguar.*”

“Don’t talk rot, Whitney,” said Rainsford. “You’re *a big-game hunter*, not a philosopher. *Who cares how a jaguar feels?*”

Рэйнсфорд давно увлекается охотой, получая от этого спорта большое удовольствие, и совершенно не задумывается о том, что могут чувствовать

убиваемые ими животные. Он уверен, что в мире существуют два класса – охотники и те, на кого они охотятся, и, к счастью, они принадлежат к первым:

(2) “The world is made up of two classes – the hunters and the huntees. *Luckily, you and I are hunters.*”

Амбициозный охотник и не подозревает, что очень скоро он окажется в шкуре животного, на которого ведётся настоящая жестокая охота. Тот самый остров, к которому приближалась яхта, станет «игровой площадкой», где будет разворачиваться самая опасная игра.

Предвосхищая страшные события, которые ожидают главного героя, автор посредством определённой лексики создаёт гнетущую и таинственную атмосферу, обещающую нечто непредсказуемое и ужасное. Товарищ Рэйнсфорда, Уитни, рассказывает, что он знает об этом острове:

(3) “It’s rather *a mystery* –”

(4) “The old charts call it ‘*Ship-Trap Island*’... *Sailors have a curious dread of the place.*”

(5) “The place has *a reputation* – *a bad one.*”

(6) “Even cannibals wouldn’t live in such *a God-forsaken place.*”

Постепенно Рэйнсфорду, который поначалу держался вполне самоуверенно и даже подшучивал над своим другом по поводу его предрассудков, передаётся это ощущение надвигающейся опасности:

(7) “What I felt was a – *a mental chill; a sort of sudden dread.*”

(8) “Sometimes I think *evil is a tangible thing* ... *An evil place* can, so to speak, *broadcast vibrations of evil.*”

На основании приведённых примеров можно убедиться, что анализируемый дискурс изобилует лексикой с отрицательной оценкой (ср.: *mystery, ship-trap, dread, bad, God-forsaken, evil, etc.*), что и настраивает читателя на соответствующее восприятие последующих событий.

Услышав неожиданные выстрелы, Рэйнсфорд пытается разглядеть что-нибудь в темноте, но теряет равновесие и падает в воду. На яхте не слышат его отчаянных криков, и она быстро исчезает из виду. Однако герою удаётся из последних сил доплыть до острова с говорящим названием *Ship-trap* (Ловушка для кораблей), где его ждут невероятные приключения.

На острове потерпевший к своему большому удивлению обнаруживает роскошный замок, расположенный на утёсе, хозяином которого оказывается

выходец из России, казачий генерал Зарофф. Он достаточно радушно принимает случайного гостя, узнав в нём известного писателя, автора книги об охоте на снежных барсов, которую он читал:

(9) *“It’s a very great pleasure and honor to welcome Mr. Sanger Rainsford, the celebrated hunter, to my home.”*

(10) *“Perhaps,” said General Zaroff, “you were surprised that I recognized your name. You see, I read all books on hunting published in English, French and Russian. I have but one passion in my life, Mr. Rainsford, and it is the hunt.”*

Два заядлых охотника находят много общего между собой, оживлённо обсуждают своё увлечение. Хозяин острова считает себя непревзойдённым охотником и очень гордится своими достижениями, выслеживать и убивать добычу – его истинное призвание, это единственное, что его в этой жизни интересует и приносит какую-то радость:

(11) *The general said, “God makes some men poets. Some He makes kings, some beggars. Me He made a hunter. My hand was made for a trigger ...”*

(12) *“My whole life has been one prolonged hunt. ...My real interest was always the hunt. I have hunted every kind of game in every land. It would be impossible for me to tell you how many animals I have killed.”*

Однако вскоре обнаруживается кардинальное различие между собеседниками. Для Рэйнсфорда охота – это разрядка, удовольствие, азарт, когда бывает нелегко добыть желанный трофей. Генерал же, в полном смысле слова, одержим охотой: он не просто превращает её в дело всей своей жизни – она становится собственно его жизнью. Он должен постоянно чувствовать азарт, рисковать, испытывать ни с чем не сравнимое удовлетворение от победы. Но он достиг в этом деле такого совершенства, что ему уже скучно охотиться на глупых животных, которые являются для него слишком лёгкой добычей:

(13) *“Hunting tigers ceased to interest me some years ago. I exhausted their possibilities, you see. No thrill left in tigers, no real danger. I live for danger, Mr. Rainsford.”*

(14) *“Hunting had ceased to be what you call ‘a sporting proposition’. It had become too easy. I always got my quarry. Always. There is no greater bore than perfection.”*

Осознание того, что любимое занятие уже не приносит ему былой радости, доводит генерала почти до отчаяния, но он находит выход из этой ситуации.

Чтобы охота была действительно интересной и увлекательной, надо чтобы «дичь» была умной, чтобы с ней можно было по-настоящему состязаться – и тогда победа будет более сладкой. И генерал Зарофф придумывает для себя увлекательную игру – его «дичью» становятся люди, в основном моряки, которые случайно или по его собственной воле попадают на остров, купленный им специально для организации своего развлечения:

(15) “*No animal had a chance with me any more. ... The animal had nothing but his legs and his instinct. Instinct is no match for reason. When I thought of this it was a tragic moment for me, I can tell you.*”

(16) “*I needed a new animal. I found one. So I bought this island, built this house, and here I do my hunting. The island is perfect for my purposes – there are jungles with a maze of traits in them, hills, swamps ...*”

Найдя для себя «достойного зверя», который соответствовал его требованиям к идеальной охоте, генерал устанавливает свои жёсткие условия и правила, не оставляя жертве никакого выбора:

(17) “*It’s a game, you see,*” pursued the general blandly. “*I suggest to one of them that we go hunting. I give him a supply of food and an excellent hunting knife. I give him three hours’ start. I am to follow, armed only with a pistol of the smallest caliber and range. If my quarry eludes me for three whole days, he wins the game. If I find him*” – the general smiled – “*he loses.*”

Выше перечислены лишь самые приемлемые и «безобидные» условия игры, выдвигаемые генералом Зароффом своей будущей жертве, с которой он играет как кошка с мышкой, буквально смакуя каждую затруднительную ситуацию и придумывая всё новые хитрости. Он совершенно хладнокровно убивает людей, совсем не думая о чужих жизнях, о каких-либо последствиях своих бесчеловечных действий. Его заботит лишь собственное удовольствие, которое он получает только в том случае, если соперник достаточно умён и изобретателен:

(18) “*It supplies me with the most exciting hunting in the world. No other hunting compares with it for an instant. Every day I hunt, and I never grow bored now, for I have a quarry with which I can match my wits.*”

(19) “*I wanted an ideal animal to hunt,*” explained the general. “*It must have courage, cunning, and, above all, it must be able to reason.*”

(20) “*But they are men,*” said Rainsford hotly. “Precisely,” said the general. “*That is why I use them. It gives me pleasure. They can reason, after a fashion. So they are dangerous.*”

Если же противник слаб и не может оказать достойного сопротивления, генерал испытывает крайнее разочарование:

(21) “The hunting was not good last night. The fellow lost his head. He made a straight trail that *offered no problem at all*. That’s the trouble with those sailors; they *have dull brains* to begin with, and they *do not know how to get about in the woods*. They *do excessively stupid and obvious things*. *It’s most annoying.*”

Поскольку хозяину острова скучно иметь дело со слабым противником, он даже организовал специальную школу, где около десятка кандидатов на роль зверя для охоты проходят предварительную подготовку:

(22) “I treat these visitors with every consideration. *They get plenty of good food and exercise. They get into splendid physical condition*. You shall see for yourself tomorrow. ... *We’ll visit my training school.*”

Зная о том, что Рэйнсфорд прекрасный и опытный охотник, генерал предлагает ему поохотиться вместе на необычного «зверя», что, по его мнению, должно быть очень увлекательно. Рэйнсфорд шокирован таким предложением и отвечает категорическим отказом. Он охотник, а не убийца, и желает немедленно покинуть злополучный остров с его безумным обитателем. Однако такой поворот событий не вписывается в сценарий игры генерала Зароффа, и незадачливому гостю приходится примерить на себя «шкуру зверя», на которого будет вестись беспощадная охота:

(23) “Tonight,” said the general, “*we will hunt – you and I.*” Rainsford shook his head. “*No, general,*” he said. “I will not hunt.” The general shrugged his shoulders ... “As you wish, my friend,” he said. “The choice rests entirely with you. But may I not venture to suggest that *you will find my idea of sport more diverting than Ivan’s?*”

(24) “*You’ll find this game worth playing,*” the general said enthusiastically. “*Your brain against mine. Your strength and stamina against mine. Outdoor chess!*”

Генерала очень радует возможность посостязаться с противником, равным ему и по силе, и по уму – победа в таком «поединке» дорого стоит, и он не хочет упустить свой шанс. Но на этот раз ему, увы, не повезёт – несмотря на все его уловки и хитрости, Рэйнсфорд его переиграет. Однако и он получит из

этой жестокой игры хороший урок – теперь он точно знает, как чувствует себя животное, на которое ведётся охота:

(25) Then *he ran for his life*. The hounds raised their voices as they hit the fresh scent. *Rainsford knew now how an animal at bay feels*.

В ходе игры, в которую Рэйнсфорд против его собственной воли был вовлечён, он очень хорошо изучил своего противника и понял, что в этой игре в живых может остаться только один из них – и он доведёт свою игру до конца:

(26) The general sucked in his breath and smiled. “*I congratulate you,*” he said. “*You have won the game.*” Rainsford did not smile. “*I am still a beast at bay,*” he said, in a low, hoarse voice. “*Get ready, General Zaroff.*”

На основании проведённого анализа можно с уверенностью утверждать, что весь сюжет данного произведения чётко выстраивается по когнитивному сценарию «ИГРА», включающему в себя следующие основные компоненты: участники игры, место и время её проведения, установленные правила игры, наличие необходимых навыков и умений у участников, стремление участников выиграть/победить, получение удовольствия, напряжённость и неопределённость в ходе игры.

Также следует отметить, что автор анализируемого произведения использует в своём нарративе приём языковой игры, что способствует поддержанию основной темы. «Языковая игра – это сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств» [6, с. 37]. Сюда можно отнести использование окказиональных слов, необычных сочетаний слов, умышленное отклонение от нормативного произношения, использование сходных по звучанию слов или различных значений одного слова в общем контексте и др. В нашем случае наблюдается последнее из перечисленных выше средств, а именно – использование слова *game* в рамках одного текста в его различных значениях, таких как: ‘деятельность для получения удовольствия / развлечение’; ‘спортивная игра / соревнование’; ‘рискованная деятельность, направленная на достижение цели / тактика / план’ ‘животное, на которое ведётся охота’. Данное обстоятельство позволяет неоднозначно интерпретировать и название произведения *The Most Dangerous Game*: «Самая опасная игра» или «Самый опасный зверь».

Библиографический список:

1. Вербицкий, А. А. Игра – это ... [Электронный ресурс] / А. А. Вербицкий, И. В. Дубровина. – Режим доступа: <http://www.insai.ru/slovar/igra>. – (дата обращения: 7.05.2013).
2. Зайцев, В. В. Значение игр в жизни человека и их культурная ценность [Электронный ресурс] / В. В. Зайцев, А. Ф. Шайдулина – Как избавиться от пристрастия к азартным играм. СПб, 2003. – Режим доступа: <http://www.medicus.ru/psychiatry/patient/znachenie-igr-v-zhizni-cheloveka-i-ih-kulturnaya-cennost-24215.phtml>. – (дата обращения: 12.04.2014).
3. Плеханов, Г. В. Игра [Текст] / Г. В. Плеханов // БСЭ. – третье изд. – М., 1972. – С. 31.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314с.
5. Ривелис, Е. И. Словарь в свете когнитивной лингвистики [Текст] / Е. И. Ривелис // *Studia linguistica cognitive*. Вып. 2 : Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 304-350.
6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002.
7. Хейзинга, Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры [Электронный ресурс] / = *Homo Ludens* / Й. Хейзинга. – Прогресс – Традиция, 1997. – Режим доступа: <http://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09.pdf>. – (дата обращения: 12.03.2014).
8. CD – Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/>. – (дата обращения: 14.03.2013).
9. ED – Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>. – (дата обращения: 24.03.2013).
10. MWD – Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/netdict.htm>. – (дата обращения: 03.04.2013).
11. ODoE – Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. Connell, Richard. The Most Dangerous Game [Electronic resource] / R. Connell. – Режим доступа: <http://www.classicshorts.com>. – (дата обращения: 13.02.2014)

О.М. Готлиб, Е.В.Кремнёв, Т.Е. Шишмарева (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И.М. ОШАНИНА НА
ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ^[1]

Аннотация. В статье анализируется текст диссертации И.М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», в частности, изложенные в указанном исследовании грамматологические воззрения одного из крупнейших лингвистов-синологов прошлого века на графические изменения в эволюции китайских письменных знаков с целью ввести результаты данной работы в широкий научный репертуар.

Ключевые слова: грамматология; современное китайское письмо; иероглифическое письмо; письменная форма древнекитайского языка; идеографический элемент; каллиграфия.

O. Gotlib, E. Kremnyov, T. Shishmareva (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

I.M. OSHANIN'S GRAMMATOLOGICAL VIEWS TO THE GRAPHIC
CHANGES IN THE EVOLUTION OF CHINESE WRITTEN CHARACTERS

Abstract. The article analyzes the thesis of one of the greatest sinologists of the last century, I.M. Oshanin's «The origin, development and structure of modern Chinese writing», particularly his grammatological views to the graphic changes in the evolution of Chinese written characters in order to introduce the results of this work to the modern research discourse.

Key words: grammatology; the modern Chinese writing; hieroglyphic writing; the written form of the ancient Chinese language; an ideographic element; calligraphy.

Илья Михайлович Ошанин (1900-1982), один из самых ярких лингвистов-китаеведов XX века, известен главным образом как крупнейший лексикограф, автор и главный редактор основного с 50-х годов прошлого века китайско-русского словаря [2]. Вместе с тем, среди обширного научного наследия профессора Ошанина немалое место занимает и грамматология [3].

Объект нашего анализа – текст диссертационного исследования И.М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», защищенного 70 лет назад, в 1943 году. Один из аспектов этой многоплановой работы – графические, или как называет их сам автор «механические», изменения в эволюции китайских письменных знаков [5, с. 219].

Данные изменения обуславливаются, по мнению ученого, следующими факторами: а) изменение материальной базы письма, т.е. его орудий; б) экономия труда в процессе письма и в) развитие эстетических навыков и потребностей. «Причем, – добавляет он, – для абсолютного большинства иероглифов выработка манеры письма, его почерка и художественного стиля на протяжении данной исторической эпохи находится в связи со всеми этими причинами одновременно, заканчиваясь узаконением сложившегося таким образом почерка декретом центральной власти» [7, с. 101-102].

Отказываясь от детальной проработки многочисленных видов почерка, которых, ссылаясь на У Янь (吾衍) выделяется двадцать, И.М. Ошанин, выделяет всего четыре основных почерка китайского иероглифического письма: 1) гувэнь (古文); 2) дачжуань (大篆); 3) сяочжуань (小篆); 4) кайшу (楷书). Основой такого деления является смена основных орудий письма: 1) нож и различный случайный материал (кость, щиты черепах, дерево, бамбук, камень, бронза); 2) резец или дерево или бамбук; 3) бамбуковый карандаш и бамбуковые дощечки; 4) кисть и бумага.

Как принято считать, впервые термин гувэнь стал применяться по отношению к текстам «Шуцзина» (书经) и других канонических книг, будто бы обнаруженных в стене дома, где за 400 лет до того жил Конфуций. Появление этого вида почерка мифологизировано и относится к правлению одного из древних мифических императоров Китая – Хуанди (黄帝), а непосредственным его создателем считается Цан Цзе (倉頡). Законодательно он был принят

декретом Ван Мана (王莽), как «один из шести основных почерков китайского письма».

«Почерк гувэнь, – как отмечает И.М. Ошанин, – имеет большое количество вариантов для каждого иероглифа (в это время твердое начертание не закреплено за обособляющимися деталями распадающихся картин рисуночного письма), большинство элементов пишется в нескольких положениях, поворачивается в любую сторону, в этом значительная роль принадлежит и крайне разнообразному материалу для письма, а в идеограммах часто происходит перемещение отдельных составляющих их элементов и даже замена одних примитивов другими» [Там же, с. 102-103]. «Для наших дней, – считает ученый, – гувэнь приобретает большое значение, как почерк надписей на «иньских костях», т.е. тот самый почерк, овладение которым подводит исследователя наиболее близко к истокам иероглифического письма» [Там же, с. 102-103].

Почерк дачжуань (大篆) впервые получает свое название при династии Цинь (秦) (246-206 г. д.н.э.) как «первый из восьми почерков», признанных государственной властью после реформ Шихуана (秦始皇帝). Разработка и систематизация почерка произведена в это время Чэн Мо и утверждена декретом Шихуана. Ван Ман (8-23 г. н.э.) вторично утвердил его, как признанный властью стиль письма. Признанным китайской историей автором этого почерка был Ши Чжоу (史籀) – сановник при дворе Чжоуского императора Сюань-вана (宣王), (827-781 г. до н.э.), потому почерк этот носит также название «чжоу вэнь» (籀文). Основные памятники надписи на которых выполнены этим почерком – бронзовые треножники и каменные барабаны Чжоуской эпохи, но по свидетельству исторических документов (напр., декрет Шихуана, упомянутый выше), основным материалом письма во время наиболее широкого употребления этого почерка были дощечки из дерева или бамбука.

Для наших дней почерк этот имеет большое значение не только для исследователя иероглифического письма и палеографа, но и для языковеда-практика, т.е. этот почерк до сих пор сохраняется в китайском быту, часто применяется для печатей, служит для всевозможных каллиграфических украшений домов, мест собраний и пр. [Там же, с. 103-104].

Почерк «сяочжуань» (小篆), первоначально называемый «цинъчжуань» (秦篆), указывая своим названием на время своего появления, разработан в царствование Цинь Шихуана (秦始皇帝, 246-209 до н.э.). Его создание приписывается прежде всего первому императорскому советнику Ли Сы (李斯), известному каллиграфу тех дней. Кроме него, в работе по подготовке этого вида письма, согласно источникам, участвовал и первый евнух Чжао Гао (趙高). Почерк был утвержден декретом императора и вторично узаконен декретом Ван Мана.

Сяочжуань являлся основным почерком китайского письма вплоть до изобретения кисти. Материалом для письма служили бамбуковые дощечки. Словарь «Шовэнь», в котором собраны и распределены по 540 ключам 10 тысяч иероглифов, был написан этим видом знаков. Почерк сяочжуань является ближайшим предшественником современного «изящного почерка» кайшу и является ближайшей предтечей современного письма. В наши дни в Китае он широко применяется для печати и в декоративных целях.

Через ряд переходных этапов, на смену сяочжуань приходит почерк кайшу (楷书), который называется еще и «чжэншу», «чжэньшу» (正書, 真書) – «правильное письмо». Еще в период правления Цзинь Шихуана, государственными писцами начинают применяться сокращенные варианты сяочжуань, получившие название «лишу» (隶书). Позднее этот вариант письма безусловно более удобный, чем «чжуаньшу», тоже был узаконен декретом Ван Мана.

После изобретения кисти это официальное письмо переживает еще одно изменение и принимает почти современный вид. Автором почерка считается некто Ван Ци-чжун (王次仲) Его «изобретение» относится к годам правления Цзяньчу (建初) (76-84гг.н.э.). К концу династии Хань новый почерк смешивается с лишу и к эпоху Троецарствия вырабатывается полностью. Как государственное официальное письмо принят со времен Цзиньской (晋) династии – с III века н.э. и остается им до наших дней [Там же, с. 104-105].

«Второй причиной механического изменения графики иероглифов, – пишет И.М. Ошанин, – является экономия труда, стремление придать знаку такую форму, на изображение которой затрачивалось бы минимальное количество времени». Стремление замены более сложной формы письменного

знака более простой отмечается уже в самую начальную эпоху развития иероглифического письма. На протяжении веков существования почерка гувэнь создается огромное количество всевозможных сокращенных начертаний, которые буквально вытесняют старые, более сложные формы знака. Результатом этого стало официальное реформирование всей системы и в эпоху Хань центральная власть в лице Ван Мана при систематизации почерков китайского письма была вынуждена декретом утвердить эти сокращения, как самостоятельный почерк, «хотя и под насмешливым названием «странные иероглифы» – ци цзы (奇字) [Там же, с. 105].

Наиболее распространенным приемом сокращения знаков была замена в письме сложных и редко употребляемых элементов и сложных знаков – бывших картин рисуночного письма и идеограмм – элементами более обычными и часто встречающимися. Это явление, широко распространенное в иероглифической письменности с самого начала и до наших дней, несомненно, нужно рассматривать, как определенный прогресс в развитии письма, в результате которого иероглифическое письмо все более успешно справляется с теми задачами, которые ставит перед ним человеческое общество. Поэтому попытки некоторых «курсов» иероглифического письма рассматривать этот процесс как результат культурного падения, как следствие «ошибок писцов», объективно, являются протестом догмы против требований жизни [Там же, с. 106].

Стремление к «экономия труда», помимо упрощения графики в почерке кайшу, приводит еще к существованию до наших дней так называемых «цзяньбицзы» (简笔字), т.е. иероглифов сокращенного начертания, не канонизированных китайскими классическими лексиконами или декретами центральной власти, существующих ныне в количестве около 300 и имеющих широчайшее хождение по всей стране[4] [Там же, с. 106-107].

Тот же стимул – экономия труда – является также основной причиной, вызвавшей появление задолго до наших дней двух основных скорописных почерков китайского письма – синшу (行书) – «ходовое письмо» и цаошу (草书) – «травянистое письмо» с бесчисленными оттенками перехода от одного из них к другому.

Почерк «синшу» находится в обращении в Китае со времен Ханьской династии. Его «изобретение» приписывается Лю Дешэну (劉德升), известному

каллиграфу периода Восточной Хань. Принципы этого письма общеизвестны, известно его широчайшее распространение и колоссальное практическое значение в современном Китае. Нужно отметить, что проникновение этого стиля в деловую государственную документацию началось только в наши дни, прежде его применение, например, на экзаменах или в правительственных документах категорически воспрещалось [Там же, с. 107].

Почерк цаошу (травянистая скоропись) упоминается уже в предисловии к «Шовэню», и, следовательно, он существовал в каких-то вариантах уже в середине Ханьской эпохи. Выработался он путем развития скорописных сокращений иероглифов почерка сяочжуань, лишу и кайшу. В следствии этого, цаошу изначально обладает большим разнообразием форм. Фактически едва ли не каждый знаменитый в Китае каллиграф оставлял после себя образцы оригинального скорописного письма, на которых учились и которые воспроизводили последующие поколения. Разнообразие форм цаошу так велико, что в «травянистом письме» китайская каллиграфия различает целый ряд почерков, получивших особые названия, например: чжанцао «章草», синцао (行草), куанцао (狂草) и т.д. [Там же, с. 107]

«Развитие художественных и эстетических потребностей развивающегося общества тоже является причиной изменений в графике иероглифов». Изначально эти изменения тесно связаны и с практическими потребностями жизни общества. Примером такого единения эстетического и прагматического может случить тот факт, что уже при династии Цинь в III веке до н.э. декретом Шихуана узаконены следующие почерки письма, имеющие каждый свое специальное практическое назначение: 1) «кэфу» (刻符) – узорный почерк для верительных бирок удостоверяющих документов. (рудимены его в современном Китае, видимо, сохранились в куриальном начертании цифр); 2) «чуншу» (虫书), позднее, в эпоху Хань, по декрету Ван Мана получивший название «няочуншу» (鸟虫书) – специальное узорное письмо для знамен и сигнальных флагов, в котором основным художественным мотивом являются фигуры птиц и животных. Письмо это не следует смешивать с так называемым «головастиковым письмом», по-китайски «кэдоуцзы» (科斗字) или (蝌蚪字) – одним из вариантов почерка «дачжуань», появившийся после изобретения лака и бамбуковой палочки для письма. 3) «муинь» (木印) – специальный вариант

почерка «дачжуань» для печатей, отличающийся во избежание подделок большим количеством линий изломанных в горизонтальном и вертикальном направлениях. Сейчас употребляется в Китае на больших печатях государственных учреждений. 4) «шушу» (署书) – специальный узорный почерк для надписей на воротах зданий и для вывесок правительственных учреждений. 5) «шушу» (受书) – специальный узорный почерк для надписей на оружии [Там же, с. 108-109].

«Все эти почерки нарочито надуманы и разукрашены, – заключает ученый, – но и в развитии обычных, основных почерков эстетические моменты тоже сыграли громадную роль: есть варианты почерков симметричных и ассиметричных, круглые и квадратные, фигурные и простые, – причем хотя бы одно перечисление вариантов их совершенно невозможно. Многие оказали влияние на форму иероглифов в обычном письме. Единственно, что я хотел бы отметить здесь, что общий процесс развития формы иероглифа проходит по линии симметрии (гувэнь) к асимметрии (кайшу) и от более или менее произвольного расположения частей (гувэнь) к строжайшей архитектонике почерка «кайшу» [Там же, с. 109].

Эстетическая составляющая китайского письменного знака с самых давних времен породила прекрасный феномен китайской каллиграфии. Можно вполне согласиться с тем, что «ни в какой стране мира каллиграфия не занимает того почетного места в жизни народа, как в Китае. Здесь это – первое из изящных искусств. «Следы кисти» знаменитых каллиграфов ценятся в Китае выше, чем картины известных художников. Каллиграфические надписи – любимое и обязательное украшение китайского жилища – от дворца шанхайского капиталиста и правительственного здания в Нанкине – и до ночлежки нищих около «Небесного моста» в Пекине, до лачуги бедного неграмотного крестьянина в Сычуане, до сампана самого бедного из лодочников Кантона. До сих пор в уездных городах и крупных деревнях Китая на перекрестках улиц висят особые ящики с надписью «пожалейте иероглифы», куда прохожий кладет для сожжения поднятый им кусок бумаги с иероглифами, случайно оброненный на улице клочок газеты, обрывок письма и т.д. Так проходит свой путь иероглифическое письмо от первоначальной трудовой магии до эстетики, становясь вместе с тем национальным достоянием великого китайского народа» [Там же, с. 110].

Завершая свой анализ основных причин графической эволюции китайских письменных знаков и их вариантов, И.М. Ошанин делает замечательный, на наш взгляд, дидактический вывод: «Построение курса иероглифического письма должно базироваться на древнейших известных начертаниях элементов и идеограмм, иначе можно совершить ошибку в анализе идеограммы, – неправильно определив ее состав». [Там же, с. 110].

Библиографический список:

1. Алексеев, В.М. Наука о Востоке [Текст] / Редакционная коллегия: М.В.Баньковская (составитель), Л.Н.Меньшиков, В.В.Петров, Н.Т.Федоренко (ответственный редактор), Л.З. Эйдлин. – М: ГРВЛ, 1982. – 535 с.
2. Воскресенский, Д.М. Ошанин Илья Михайлович – выдающийся ученый и педагог [Текст] / Д.М. Воскресенский // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 3. – С. 161-168.
3. Гельб, И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики) [Текст] / И.Е. Гельб. – М.: Радуга, 1982. – 366 с.
4. Готлиб, О.М. Основы грамматики китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М.: «Восток-Запад», 2007. – 282 с.
5. Готлиб, О. М., Кремнёв, Е. В., Шишмарева, Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин [Текст]: монография / О.М. Готлиб, Е.В. Кремнёв, Т.Е. Шишмарева. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 283 с.
6. Марр, Н.Я. Язык и письмо. Избранные работы, т. II. [Текст] / Н.Я. Марр. – Ленинград: ГСЭИ, 1936. – 365 с.
7. Ошанин, И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943.

---

[1] Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Отечественные труды в области грамматики китайской письменности» № 13-04-00248.

[2] Более подробную информацию об И.М. Ошанине можно получить в статье: Воскресенский, Д.М. Ошанин Илья Михайлович – выдающийся ученый

и педагог [Текст] / Д.М. Воскресенский // Проблемы Дальнего Востока. –2000. – № 3. – С. 161-168.

[3] Термин «грамматология» в работе И.М. Ошанина не используется, он появился несколько позднее в работе И.Е. Гельба [3, с. 9].

[4] С 40 годов XX века вопрос унификации упрощения принял государственный характер. В 1956 г. в КНР был официально опубликован «Проект упрощения китайских иероглифов» (汉字简化方案), а в 1964 была официально принята «Сводная таблица упрощения иероглифов» (简化字总表), содержащая 2238 знаков. В 1975 году был подготовлен второй этап реформы (二简字), упростивший ещё 248 иероглифов, что вызвало серьезные социальные проблемы. В 1986 году результаты второго этапа были отменены и официально сокращенными были обозначены 2235 иероглифов. Официальные сокращения китайских письменных знаков были проведены в Японии, Сингапуре, Малайзии. Стандартные (правильные) иероглифы используются на Тайване. В КНР их принято называть «иероглифы полного написания» (繁体字).

Э.В. Калашников (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ИЗОТОПИЯ ПРИ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение роли изотопии при контекстуальном соотношении первичного и вторичного художественного текста. В связи с этим рассматриваются понятия изотопии и даётся анализ конкретного примера.

Ключевые слова: *изотопия; интерпретация; вторичный текст.*

ISOTOPY IN SECONDARY INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT

***Abstract.** The purpose of this article is to consider isotopy in co-textual correlation of a primary and secondary text. In this connection the main notion of isotopy is studied and a specific text is analyzed.*

***Key words:** isotopy; interpretation; secondary text.*

Исходя из тезисов Ю.М.Лотмана, что:

- «Искусство – вторичная моделирующая система»;
- оно «может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение искусства – как текст на этом языке»;
- «Художественная литература говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком как вторичная система»;
- «словесное искусство хотя и основывается на естественном языке, но лишь с тем, чтобы преобразовать его в свой – вторичный – язык, язык искусства. А сам этот язык искусства – сложная иерархия языков, взаимно соотнесенных, но не одинаковых. С этим связана принципиальная множественность возможных прочтений художественного текста» [3].

Последний тезис представляет собой особый интерес, ибо он затрагивает вопросы вторичности интерпретации художественного произведения в целом и текста в частности.

Отсюда вытекает некоторое противоречие: если художественный текст сам по себе вторичен по отношению к языку, то что делать с текстами, вторичными по отношению к исходному? Здесь имеется в виду не только полемика между двумя текстами, а случаи, когда один (исходный текст) становится источником вдохновения второго текста.

Получается, что, с точки зрения семиотики, первый текст вторичен по отношению к языку, а второй текст третичен, ибо он является конечным объектом в цепочке «язык > текст 1 > текст 2».

В настоящее время термины «первичный», «вторичный», «третичный» рассматриваются с точки зрения прикладных дисциплин, в основном, применительно к истории [8] или к процессам обработки информационных массивов [7]. Эти проблемы затрагиваются и в работах отечественных учёных [1], [2].

Необходимо отметить, что проблема вторичной художественной интерпретации достаточно остра: речь идёт не только о создании вторичных текстов на базе прецедентного (в данном случае исходного текста), но и о влиянии исходного текста на другие роды и виды искусства. В случае текстовой связанности двух художественных произведений мы можем проверить корреляцию двух текстов на основе изотопии, под которой понимается «последовательность выражений, соединённых общим “семантическим знаменателем”» (перевод автора – Э.К.) [9], что приблизительно соответствует понятию «ключевое слово» [10].

Понятие сходства (коэффициент сходства в различных его видах) использовался для интерпретации данных в различных науках. Для текстологии больше подходит так называемый коэффициент Жаккара, имеющий формулу или $J = \frac{a}{a+b}$. (Об этом подробнее – [4])

Рассмотрим вышесказанное на примере исходного текста американского писателя Говарда Филиппа Лавкрафта (H.P.Lovecraft) “The White Ship” и его вторичной художественной интерпретации – песни под тем же названием группы, взявшей своим названием имя автора, который вдохновил их творчество (“H.P.Lovecraft”).

Не будем подробно останавливаться на биографии автора и истории группы, рассмотрим основные моменты, касающиеся нашей темы.

Исходный текст представляет собой повествование от имени хранителя маяка, который отправляется в путешествие по различным вымышленным странам на белом корабле. Страны аллегоричны, и герой, в итоге, терпит поражение в поисках страны Надежды. Из текста непонятно, был ли это сон, или на самом деле повествователь совершил «круиз» [5].

Вообще, влияние Г.Ф.Лавкрафта на современную культуру трудно переоценить. Его творчество вдохновляет создателей фильмов, компьютерных игр, художественных текстов и музыки.

Здесь необходимо подробнее остановиться на творчестве группы “H.P.Lovecraft”. Группа играла психоделический рок, её первый альбом, носящий одноимённое название, был выпущен в 1967 году, а песня “The White Ship” стала в нём заглавной. Мрачные тона, использование клавесина, барочных переходов и звучания подлинного колокола 1811 года создают мрачноватую картину, перекликающуюся с исходным текстом.

Текст песни приводится ниже. Подчёркнутые слова были использованы для анализа.

The white ship has sailed and left me here again
 Out in the mist, I was so near again
 Sailing on the sea of dreams
 How far away it seems
 Sailing upon the white ship
 Home through the night here in my darkened room
 Sails of white across the misty moon
 Floating across the sky
 Burning into my eye
 Sailing upon the white ship
 Out of my mind nothing flows
 Alone on the shore, but that's how it goes
 Everyone knows
 How the wind blows
 The white ship
 Out of my mind nothing flows
 Alone on the shore, but that's how it goes
 Everyone knows
 How the wind blows
 The white ship [6]

Для анализа обоих текстов на изотопию были взяты преимущественно нарицательные имена существительные, так как они несут максимальную семантическую нагрузку. В итоге получилась следующая таблица частотности с примечаниями:

Original word	Lyrics by the group	Text by the writer
---------------	---------------------	--------------------

The white ship	8	4/3 (перифраз sails of white)
sail	10	5
left	6	1
mist	5	2
sea	12	1
dreams	2	1
dark	2 (в конце)	1
moon	13	1
sky	2	1
shore	10	2
wind	5	2

Анализ таблицы показывает прямую корреляцию слов с приблизительными соответствиями, исключение составляет только слово shore, однако это расхождение легко объяснимо тем, что текст Г.Ф.Лавкрафта более объёмен и детализирован, в то время как текст песни более лапидарен и нацелен не столько на детализацию путешествия с указанием всех посещённых мест, сколько на передачу интонации исходного текста. Причём расхождение в значениях для слова dark объясняется как раз этим: как уже упоминалось выше, “H.P.Lovecraft” – психоделическая рок-группа, а для этого направления рока характерны достаточно мрачные темы.

Таким образом, мы видим процесс порождения вторичной интерпретации художественного текста со сдвигом в другой вид искусства. Однако, следует признать, что в большинстве случаев вторичная интерпретация имеет весьма поверхностный характер и выражается, скорее, как реминисценция (в лучшем случае, аллюзия), а не изотопия.

Библиографический список:

1. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ [Текст] /В.З Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.

2. Ионова, С. В. Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности [Текст] Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2008. – № 1. – С.6-11.

3. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю.М.Лотман. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14–288.

4. Коэффициент Жаккара [Электронный ресурс] / https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82_%D0%96%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0

5. Lovecraft, H.P. The White Ship [Электронный ресурс] / <http://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/ws.aspx>

6. Lovecraft, H.P The White Ship (lyrics) [Электронный ресурс] / <http://www.metrolyrics.com/the-white-ship-lyrics-hp-lovecraft.html>

7. Primary, Secondary, and Tertiary Sources (University of Tampere) [Электронный ресурс] / <http://www15.uta.fi/FAST/FIN/RESEARCH/sources.html>

8. Primary, secondary, and tertiary sources (Virginia Polytechnic Institute) [Электронный ресурс] / <http://www.lib.vt.edu/help/research/primary-secondary-tertiary.html>

9. Theme (Albert-Ludwigs-Universität Freiburg) [Электронный ресурс] / <http://www2.anglistik.uni-freiburg.de/intranet/englishbasics/Theme01.htm>

10. Viji S. Term and Document Correlation and Visualization for a set of Documents [Электронный ресурс] / web.stanford.edu/class/cs276a/projects/reports/sviji.doc

Н.С. Карачева (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИАЛОГОВ)**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение некоторых приемов, используемых при переводе безэквивалентных языковых явлений на китайский

язык. В связи с культурной обусловленностью самого перевода, проводится сравнительно-сопоставительный анализ вариантов перевода языковых единиц, представляющих собой авторские неологизмы.

Ключевые слова: перевод; культура; безэквивалентные языковые единицы; китайский язык.

N. Karacheva (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

**TOWARD CULTURAL LINGUISTIC PHENOMENA TRANSLATION
INTO CHINESE
(BASED ON FILM LANGUAGE MATERIALS)**

***Abstract.** The purpose of this article is to review some of the techniques of translation of cultural linguistic phenomena into Chinese language. In connection with the cultural conditioning of the translation itself, a comparative analysis of translations of linguistic units was presented.*

***Key words:** translation; culture; language units; cultural linguistic phenomena; Chinese language.*

Большую часть информации о мире человек получает посредством зрения. Пройдя процесс социализации и став личностью, он обретает способность пользоваться материальным воплощением культуры, а также ценить ее духовные проявления. Кинематограф давно стал неотъемлемой частью культуры. В современном мире киноиндустрия достигла внушительных масштабов и продолжает развиваться. Научно-технический прогресс, новейшие компьютерные и Интернет-технологии стирают границы между странами и позволяют транслировать кинопродукцию по всему миру. Однако существует проблема, древняя как само человечество, решение которой до сих пор представляет большую трудность – это перевод. Различия между языками часто остаются непреодолимыми. Переводчик, стремясь оставаться верным оригиналу, так или иначе сталкивается с необходимостью передать при переводе «более важную», с его точки зрения, информацию, жертвуя «менее важной» [2, с. 449].

Цель данной работы выявить переводческие приемы при переводе культурно обусловленных, специфических явлений или, в терминах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, безэквивалентных языковых явлений [1, с. 42].

В 2009 году студией Sony Pictures Animation был выпущен мультипликационный фильм «Cloudy with a Chance of Meatballs», повествующий о молодом ученом, который, желая принести процветание своему маленькому городку, изобретает машину, превращающую воду в еду. По закону жанра все пошло не так, и он сталкивается с трудностями, которые и решает на протяжении мультфильма. Диалоги представляют большую сложность для перевода, т.к. насыщены не только культурно обусловленными реалиями, но и авторскими неологизмами, представляющими собою безэквивалентные языковые единицы. Уже с первых минут фильма переводчика поджидают сложности, зрителю показывают школьные годы главного героя Флинта Локвуда. Учитель вызывает Флинта к доске представить свой проект, и герой произносит следующее:

«-What is the number one problem of our community today. Loose laces. Therefore, I have a lace-less Alternative foot coverings invented. Spray-On Shoes». (Какая самая главная проблема современного общества? Развязанные шнурки. Поэтому я решил изобрести альтернативную обувь без шнурков – лакоботы! – перевод из официальной версии мультфильма на русском языке).

Слово «лакоботы» в оригинальном английском тексте звучит как «Spray-On Shoes». Китайский перевод соответствует английскому по структуре и содержанию «喷雾式鞋了» (Pēnwù shì xiéle). Рассмотрим еще несколько подобных примеров и проанализируем их структуру:

Hair Un-Balder	Антилысин	生发剂 (Shēng fǎ jì)
Flying Car	Ездолёт	飞天车 (fēitiān chē)
Ratbirds	Крысоптахи	老鼠鸟 (lǎoshǔ niǎo)
Blueprints awesome	Чертежи отпадные	超赞蓝图 (chāo zàn lántú)
Coolness enhancement	Крутейший тюннинг	完成增酷行动 (wánchéng zēng)

complete	завершен	
Priming chow plover	Вживляю пищемёт	装载食物阀门 (kù xíngdòng zhuāngzǎi shíwù fámén)
Cheeseburger	Чизбургер	奶酪堡 (nǎilào bǎo)
It's called the Flint Lockwood Diatronic Super Mutating Dynamic Food Replicator (The FLDSMDFR)	Это называется диатонический супермутирующ ий динамический репликатор еды Флинта Локвуда	它叫做弗林特·各克伍德全阶突变动力食物制机 (弗林超食物机) (tā jiàozuò fú lín tè shuǐ gè kè wǔdé quán jiē túbiàn dònglì shíwù zhì jī (fú lín chāo shíwù jī))

Из переводов видно, что русский язык, безусловно, дает гораздо больше возможностей переводчику в ситуации, когда требуется означивать «вымышленные» предметы действительности. В китайском языке перевод некоторых слов выполнен метонимически, при ближайшем рассмотрении видны ассоциативные связи, так «Hair Un-Balder» передано антонимически как «реставратор волос», «chow plover» в переводе на китайский «клапан пищевых продуктов». Слово «клапан» не передает оттенков значения слова «plover», которое является американским сленгом, созданным на основе звукоподражания пробке, вылетающей из бутылки, хотя и не искажает смысла оригинала. Для означивания вымышленных предметов авторы оригинального текста прибегли к приему словопроизводства, т.е. к сознательному созданию слов и словосочетаний в определенный момент деятельности человека [3, с. 18]. Диалоги данного мультфильма носят игровой, развлекательный характер, этой же цели в нем служат производные слова. Для современного английского языка характерно постоянное образование новых слов, наиболее актуальным считается продуктивное словообразование, а в частности словосложение.

Однако только в русском языке данный способ словопроизводства позволяет не только осуществить перевод созданных реалий, но и усилить игровую окраску, которая, безусловно, присутствует в английском оригинале, но выражена в меньшей степени. Безусловно, в русском языке присутствуют специальные операции с производящей основой или несколькими основами,

которые позволяют образовывать такие слова, как «дымоход», «водопровод». Для словопроизводства сложение основ не является продуктивным способом и используется довольно редко, в этом случае скорее произойдет фонетическое заимствование. Для усиления комического эффекта переводчики сложили семантически несовместимые основы – «пищесмет», «ездолет» и т.д.

В переводе на китайский язык игровая окраска производных слов практически отсутствует (ср. англ. *dangeometer* – кит. 危险侦测 (*Wéixiǎn zhēn cè*) досл. «обнаружение опасности» – рус. бедометр). Доктор филологических наук, профессор, китаист Владимир Иванович Горелов полагал, что «это сопряжено с тем, что в китайском языке группа слов, образованных способом словосложения (корнесложения), самая многочисленная. Объясняется это исключительно продуктивностью словосложения, которое как в прошлом, так и теперь является для китайского языка основным способом создания новых слов. Словосложение занимает доминирующее положение и играет ведущую роль в системе китайского словообразования. В отличие от русского языка, где слова, образованные путем сложения основ, составляют небольшое количество. Лексическая единица, получаемая в результате словосложения, называется сложным (корнесложным) словом. Подавляющее большинство сложных слов представляет собой двуморфемные образования. В путунхуа двусложное слово является статистически доминирующей лексической единицей» [3, с. 20]. Следует отметить, что компоненты, из которых состоит производное слово, зачастую являются самостоятельными языковыми единицами, реже – один из компонентов может быть единицей языка, утратившей независимость. Структура производных сложных слов схожа со структурой словосочетаний и регулируется такими же видами связей (сочинительной и подчинительной).

Более того, такие китайские слова, как 生发剂 и 飞天车 вообще не покажутся необычными по своей структуре для носителей китайского языка. Полусуффикс 剂 используется для образования большого количества лексических единиц, номинирующих реально существующие понятия. Слова, в составе которых имеется эта полусуффиксальная морфема, относятся к категории химических, медицинских, физических средств или субстанций, например, 冲剂 растворимые таблетки, 洗涤剂 моющее средство, 式剂 реагент. Суффикс 车 образует многочисленный ряд существительных, обозначающих главным образом средства передвижения – 火车 поезд, 自行车 велосипед,

出租车 такси, 卡车 грузовик, 公交车 общественный транспорт (автобус) и др. Таким образом, если предположить, что летающую машину когда-нибудь изобретут в китайском языке ее назовут именно 飞天车, не вкладывая в это понятие игровой компонент, а составляющие этого производного слова будут восприниматься в их прямом лексическом значении. «Для сложных слов китайского языка характерна выделяемость компонентов, ясность внутренней формы, или смысловой структуры. Значение сложного слова опирается на значения составляющих морфем. Таким образом, в сложных словах существует смысловая зависимость целого от частей» [3, с. 21]. Однако носителя русского языка слова «антилысин» и «ездолет» всегда будут отсылать в мир художественного вымысла.

Итак, текст, насыщенный безэквивалентными языковыми единицами, представляет трудность для перевода. При анализе диалогов мультфильма «Cloudy with a Chance of Meatballs» было выявлено, что в оригинальном тексте такая лексика используется для создания комического эффекта. В переводе на русский и на китайский языки применялся способ сложения корней. Однако в русском языке игровой характер диалогов сохранился, т.к. сложение основ не является самым продуктивным способом словопроизводства, в отличие от китайского языка, где группа слов, образованная таким образом, самая многочисленная. Именно поэтому комический эффект в китайской версии мультфильма минимален.

Библиографический список:

1. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990 – 247 с.
2. Гадамер, Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Текст] / Х-Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка [Текст] / В.И. Горелов. – М. : Просвещение, 1984. – 216 с.

А.В. Керешун (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

О СПЕЦИФИКЕ ДИАЛОГИЧНОСТИ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА ХИЛЛАРИ КЛИНТОН

Аннотация. Целью статьи является изучение основных лингвистических средств выстраивания диалога с целевой аудиторией в монологическом политическом дискурсе. Материалом для исследования послужили предвыборные речи американского политика, Х. Клинтон. Рассмотрение основных структурных компонентов диалога с точки зрения теории взаимодействия Субъекта и Другого позволило автору выявить специфические маркеры диалогичности монологического дискурса.

Ключевые слова: дискурс; монолог; диалог; конструкт.

A. Kereshun (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

ON THE PICULIARITY OF A DIALOGUE IN HILLARY CLINTON'S PRE-ELECTION DISCOURSE

Abstract. The aim of the article is to study the main linguistic means which let make a dialogue with target audience in a monological political discourse. The author of the article studied pre-election speeches of the American politician H. Clinton. The major structural components of a dialogue were seen through the theory of the Subject and the Other interaction. It lets discover the specific dialogical markers of the monological discourse.

Key words: discourse; monologue; dialogue; construct.

Выбор изучения дискурса Хиллари Клинтон обусловлен ее лидерованием среди кандидатов в президенты США в 2016 году от демократической партии. Несомненно, опыт Хиллари Клинтон в политике внушает уверенность избирателям. Ее финансовые возможности по организации предвыборной

компании также превосходят таковые ее соперников от партии. Однако мы считаем, что немалое значение в лидировании бывшего госсекретаря США играют и ее речи.

Если мы сравним дискурс Клинтон с дискурсом Берни Сандерса, то мы увидим, что главным его отличием становится диалогичность. В своих монологических выступлениях Клинтон активно выстраивает диалог с аудиторией. Однако особенностью этого диалога не является общение по схеме вопрос-ответ или обмена мнениями. Дискурс остается монологическим, но при этом содержит признаки диалога.

Уместно остановиться на понятии диалога. В лингвистике изучению диалога посвящено немалое количество работ. Существует не меньше и определений диалога. Но при таком разнообразии взглядов на него возможно выделить его основные компоненты. Во-первых, в диалоге принимают участие, по крайней мере, два коммуниканта. В изучаемом дискурсе такими участниками являются Х.Клинтон и ее целевая аудитория. Во-вторых, диалогическое общение возможно при совпадении опыта участников. В-третьих, диалог возможен при взаимной ориентированности говорящих друг на друга.

Все три признака диалога хорошо раскрываются через категории Субъекта и Другого. Об их взаимодействии говорили М.М. Бахтин [1], Э. Гуссерль [2], а также философы экзистенциализма [3; 4]. Обобщая мнение этих исследователей, можно сказать, что Субъект ориентирован на Другого. Существование Субъекта и Другого обусловлено друг другом. Смысл их существования заключается в ориентированности друг на друга. Субъект не существует без Другого и наоборот.

Таким образом, в нашей статье диалогическое взаимодействие можно определить через участие Субъекта и Другого, стремящихся выстраивать диалог с учетом имеющегося опыта и знаний друг у друга.

Возвращаясь к Х. Клинтон, отметим, что она как автор дискурса рассматривается в данном исследовании как Субъект. В условиях монологического выступления перед ней стоит несколько задач по организации диалога. Как Субъекту ей необходимо учитывать опыт и знания слушателей, и пробудить в Другом направленность на Субъекта, пробудить его желание понять и принять Субъекта.

Лингвистические способы формирования такого диалога являются целью изучения дискурса Хиллари Клинтон в данной статье.

Несомненно, выстраиванию диалога между коммуникантами помогает единение на основе общих ценностей, желаний, стремлений и опыта. Можно сказать, такое единение является залогом возможности вступить в диалог. В своих речах Х. Клинтон демонстрирует это единение, употребляя местоимение *we* и учитывая опыт и знания Другого.

Например, указывая на схожесть собственного опыта и опыта аудитории, полученного при президенте Билле Клинтоне и Бараке Обаме, кандидат в президенты употребляет местоимение *we*: *When President Clinton honored the bargain, we had the longest peacetime expansion in history, a balanced budget, and the first time in decades we all grew together, with the bottom 20 percent of workers increasing their incomes by the same percentage as the top 5 percent.*

When President Obama honored the bargain, we pulled back from the brink of Depression, saved the auto industry, provided health care to 16 million working people, and replaced the jobs we lost faster than after a financial crash [7].

Инклюзивное *we* также встречается при указании на совместное решение существующих проблем:

And here's what we should do instead to close the wage gap. First, we should pass the Paycheck Fairness Act, which gives women the legal tools we need to fight discrimination at work.

Second, we should promote pay transparency across our economy to ensure women have the information they need to negotiate fairly.

Third, we need to raise wages for the lowest paid jobs in America -- which are, they are disproportionately held by women, especially women of color—we need to make it easier for more women to enter higher paying fields like science and engineering and technology [6].

Здесь Субъект демонстрирует единение в наличии общего желания и стремления реализовать одни из главных ценностей американского народа. Более того, в контексте решения проблем инклюзивное *we* указывает на то, что Субъект относится к Другому как к равному, способному повлиять на ход событий и изменить жизнь американцев. Это в свою очередь позволяет Субъекту пробудить ответную ориентированность Другого, который, возможно, согласится на имплицитно предлагаемое объединение.

Как известно диалог начинается с обращения одного участника к другому. В исследуемом дискурсе Субъект обращается лично к Другому указывая на его существующие проблемы. Одной из таких наболевших проблем, как говорит Х.Клинтон, является финансовое неравенство высшего и среднего классов:

You see corporations making record profits, with CEOs making record pay, but your paychecks have barely budged.

While many of you are working multiple jobs to make ends meet, you see the top 25 hedge fund managers making more than all of America's kindergarten teachers combined. And, often paying a lower tax rate [7].

Маркером диалогической направленности дискурса является употребление личного местоимения *you* и его форм. Роль этого местоимения заключается в следующем. Во-первых, употребление личного местоимения заставляет обратить внимание на обращающегося и включиться во взаимодействие с ним. Во-вторых, вследствие вовлеченности в диалог Другому легче принять следующее за местоимением утверждение содержащее описание знакомого ему опыта и в результате согласиться с ним. А Субъект воспринимается как понимающий и знающий собеседник, к которому хочется прислушаться и верить.

Для того чтобы яснее выделить описанный эффект употребления личного местоимения *you* в монологе Х. Клинтон уместно сравнить ее высказывание о финансовом неравенстве с подобным в дискурсе Берни Сандерса: Today, shamefully, we have 45 million people living in poverty, many of whom are working at low-wage jobs. These are the people who struggle every day to find the money to feed their kids, to pay their electric bills and to put gas in the car to get to work [5].

В данном высказывании страдающие от финансовых проблем и неравенства обозначены политиком как *people*. Очевидно, что он не выстраивает диалог, а лишь указывает на проблему и демонстрирует собственные знания о ней. Тоже делает и Х. Клинтон. Однако отсутствие личного обращения в дискурсе Берни Сандерса, содержащегося в местоимении *you*, употребленном Х. Клинтон, лишает его высказывание диалогичности.

Слово *people* по сравнению с личным местоимением *you* звучит абстрактно и обобщенно. Несмотря на то, что слушающие испытывают описанные политиком страдания и в целом согласны с его высказыванием, указанная проблема считается ими как принадлежащая неким другим людям, не им

лично. Это в свою очередь не позволяет Другому (слушающим) войти в более тесный контакт с Субъектом. Последний воспринимается как человек знающий страдания других, но не тех, кто находится непосредственно перед ним.

Таким образом, по сравнению с дискурсом Берни Сандерса диалогичность дискурса Х.Клинтон делает его эмоционально наполненным и пробуждает эмоциональную ориентированность аудитории на Х. Клинтон. Несомненно, такой контакт становится более эффективным.

Кроме того, использование местоимения you можно рассматривать как подготовительный этап к конструированию диалога.

Говорить о конструировании позволяет то, что в диалоге нет личного участия аудитории. Ее реплика сконструирована Х.Клинтон. Например, аудитория задает вопрос устами политика:

So, you have to wonder: “When does my hard work pay off? When does my family get ahead?”

“When?” [7]

Установленный контакт с Другим при помощи предшествующих диалогических высказываний, содержащих местоимение you, позволяет Субъекту завершить единение через озвучивание мнения Другого от первого лица. Суть такого единения заключается в эмпатии. Субъект стремится показать степень проникновения в мысли, чувства и ситуацию Другого. Эта степень определяется тем, что Субъект может говорить как Другой. Субъект стал Другим. Они одно целое.

Проявленная Субъектом эмпатия вновь располагает Другого к доверию. Теперь Другой может поверить в то, что Субъект искренен и знает как решить проблему. Конечно в такой момент для Субъекта уместно дать ответ на вопрос Другого:

I say now.

Prosperity can't be just for CEOs and hedge fund managers.

Democracy can't be just for billionaires and corporations.

Prosperity and democracy are part of your basic bargain too.

You brought our country back.

Now it's time — your time to secure the gains and move ahead.

And, you know what?

America can't succeed unless you succeed [7].

Теперь в ответной реплике Х. Клинтон указывает на желания и представления слушающих о справедливости. Последняя представлена как наличие права избирателей обладать главными ценностями американского общества: демократией, равенством и наличием возможностей. И вновь политик использует местоимение *you*, теперь уже оправданно, потому что дискурс развивается по диалогической схеме вопрос-ответ. Ценностное содержание высказывания в сопровождении личного местоимения *you* позволяет Субъекту объединиться с аудиторией присутствующих и выделить их как самых значимых в ситуации выборов и решения проблем.

Таким образом, монологические речи кандидата в президенты Х. Клинтон в немалой степени являются диалогическими. Лингвистическими способами выстраивания диалога избираются инклюзивное *we* в контексте призыва совместного решения проблем, личное местоимение *you* при обозначении существующих проблем, а также конструкт диалога, содержащий ценностные реплики от первого лица.

Целью выстраивания диалога является поиск способов взаимодействия и установления необходимого контакта с аудиторией. В предвыборной гонке факты, аргументы, цифры, как драгоценные камни, как правило, обрамляются разнообразными огранками. Политику наряду с немалым количеством соперников становится недостаточно лишь информировать, доказывать, аргументировать. Он стремится влиять на избирателя, подбирая наиболее подходящую огранку, наиболее подходящий способ влияния. Для Хиллари Клинтон таким способом становится выстраивание диалога.

Кроме того, исследуемый материал позволяет отметить наличие у диалога свойства конструируемости. Диалог может возникать и развиваться без непосредственного участия одного из коммуникантов. При этом основные параметры диалога соблюдаются. Но возможность конструирования существует при участии Субъекта, то есть коммуниканта, способного принять на себя роль второго собеседника в силу имеющихся знаний о его опыте, ценностях и чувствах.

Библиографический список:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

2. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. – СПб. : Наука, 2001. – 315 с.
3. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – 3-е изд. – СПб. : Наука, 2006. – 451 с.
5. Candidate Speech Series: Bernie Sanders [Electronic resource] . – URL: http://www.huffingtonpost.com/chris-weigant/candidate-speech-series-b_b_7821820.html (10.04.16).
6. Hillary Clinton: When Families are Strong, America is Strong [Electronic resource]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/feed/hillary-when-families-are-strong-america-strong/> (23.03.16).
7. Transcript: Read the Full Text of Hillary Clinton’s Campaign Launch Speech [Electronic resource] . – URL: <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (20.03.16).

Л.В. Кирюхина (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В «马氏文通»

Аннотация. В статье анализируются основные положения первой китайской грамматики «马氏文通» Ма ши вэнь тун, рассматривается, какие из них являются продолжением ранее существующих в традиционной китайской филологии идей, а какие – наложение идей универсальных грамматик на китайский язык. Показано, что «马氏文通» Ма ши вэнь тун сочетает в себе достижения китайской лингвистической традиции и европейского языкознания.

Ключевые слова: китайский язык; грамматика; «马氏文通» Ма ши вэнь тун; китайское языкознание; универсальные грамматики.

UNIVERSALITY AND UNIQUENESS OF "MA SHI WEN TONG

***Abstract.** The article analyzes main provisions of the first Chinese grammar “Ma shi wen tong”. We investigate which of them were taken from traditional Chinese linguistics, and which of them – from European universal grammars.*

***Key words:** Chinese language; grammar; «马氏文通» Ma shi wen tong; Chinese linguistics; universal grammars.*

«马氏文通» – первая в истории китайского языкознания работа, посвящённая исследованию грамматической системы языка. Именно появление «马氏文通» (1898 г.) ознаменовало новый, современный этап развития китайской лингвистики и появление в Китае грамматики как науки.

Автор этой грамматики – Ма Цзяньчжун – учился в католической школе, затем уехал во Францию. Обучаясь в Европе, он, естественно, познакомился с достижениями европейской лингвистической науки, проникся идеями универсальных грамматик, господствовавших тогда во Франции. Вернувшись на родину, Ма Цзяньчжун написал свою грамматику «马氏文通» *Ma shi wén tōng*.

Целью данной статьи будет обозначить «универсальные европейские» идеи в «马氏文通» *Ma shi wén tōng* и «традиционные китайские», если таковые имеются.

Прежде всего рассмотрим теорию частей речи. Классификация частей речи Ма Цзяньчжуна представлена в следующей таблице [4]:

Классификация частей речи Ма Цзяньчжуна

字 词	
实词 实词	虚词 虚词

名字	существительны
代字	местоимения
静字	прилагательные
动字	глаголы
状字	наречия
介字	предлоги
连字	союзы
助字	вспомогательные
叹字	слова
междометия	

В «Грамматике Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло выделяются такие части речи: имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги, наречия, глаголы, союзы, междометия [1, с. 93]. Имена, в свою очередь, делятся на существительные и прилагательные [Там же, с. 94].

У Ма Цзяньчжуна столько же частей речи, сколько и в «Грамматике Пор-Рояля», однако содержательно набор частей речи отличается. В «Грамматике...» Арно и Лансло существительные и прилагательные объединены в одну группу – «имена». Дело в том, что имена – обозначение объектов мысли, которые являются либо вещами (субстанциями, существительными), либо способами существования вещей (акциденциями, прилагательными). Китайские же существительные и прилагательные не могут быть объединены в одну группу, поскольку они слишком различны функционально. Существительные называют вещи или явления [4, с. 14], а прилагательные описывают их [Там же, с. 15]. По своей функции прилагательные близки к глаголам. Существительные Ма Цзяньчжун, так же как и Арно и Лансло, делит на нарицательные (公名) и собственные (本名) [Там же, с. 28].

Местоимения в «Грамматике Пор-Рояля» делятся на личные, указательные, возвратное, притяжательные, относительные. Ма Цзяньчжун выделяет личные (指名代字), относительные (接读代字), вопросительные (询问代字) и указательные (指示代字) местоимения [Там же, с. 38].

Отдельно нужно сказать о вспомогательных словах (助字) Ма Цзяньчжуна. К ним относятся слова, разграничивающие предложения и фразы. Раньше в китайских текстах не расставляли знаки препинания. Для того, чтобы понять смысл текста, нужно было уметь делить его на разделы (章), предложения (句) и фразы (读). Вспомогательные слова показывают границы предложений и фраз, они необходимы для правильного толкования текста. Вспомогательные слова бывают двух видов: утвердительные (传信助字) и вопросительные

(传疑助字) [Там же, с. 329]. Термин 助字 уже употреблялся Лю Цзунюанем 柳宗元 (773 – 819), деление на утвердительные и вопросительные также позаимствовано у него.

Деление слов на знаменательные и служебные известно со времён династии Хань (II в. до н. э. – III в. н. э.), однако терминология долгое время не могла устояться. К служебным относили слова, которые не несут конкретного значения, а служат лишь для того, чтобы обозначать связи между знаменательными словами. Выделение среди служебных слов союзов, предлогов, модальных частиц и междометий мы находим в работе «Толкование канонических текстов» (经传释词) Ван Инчжи 王引之 (1766 – 1834).

Что касается синтаксического аспекта «马氏文通» Ма ши взнь тун, Ма Цзяньчжун выделял паузу (顿), фразу (读) и предложение (句). Фраза и предложение – понятия, взятые из традиционной китайской филологии. Предложение обладает законченным смыслом, а фраза – нет. 读 фразы могут функционировать по-разному:

– в составе 句 предложения они могут выступать как 起词 подлежащее или 止词 прямое дополнение (идентичны по функциям 名字 существительным и 代字 местоимениям),

– в сочетании с 起词 подлежащим или 止词 прямым дополнением могут характеризовать их (тут рассматривается как аналог 静字 прилагательного),

– это может быть сочетание 动字 глагола с 状字 наречием (идентичны 状字 наречию) [4, с. 23].

Рассмотрим один из примеров Ма Цзяньчжуна:

三代之得天下也以仁，其失天下也以不仁。 [Там же]

[Правители] трёх [первых] династий получили Поднебесную благодаря человечности, а потеряли вследствие бесчеловечности.

三代 три династии – это 起词 подлежащее, 得天下 получить Поднебесную – это 语词 сказуемое. Они составляют одну 读 фразу: 三代之得天下 [Правители] трёх [первых] династий получили Поднебесную. В то же время эта 读 фраза является 起词 подлежащим по отношению к 以仁 благодаря человечности. 以 использовать – это 动字 глагол, 仁 человечность – 止词 прямое дополнение. Сочетаясь, они функционируют как 语词 сказуемое.

Фраза и сказуемое составляют *句 предложение*: 三代之得天下也以仁 [Правители] трёх [первых] династий получили Поднебесную благодаря человечности. Сама по себе фраза 三代之得天下 [Правители] трёх [первых] династий получили Поднебесную является по смыслу незаконченной, в сочетании же с 以仁 благодаря человечности смысл появляется. 三代之得天下 [Правители] трёх [первых] династий получили Поднебесную – фраза-подлежащее по отношению к 以仁 благодаря человечности. Аналогично и со второй частью примера 其失天下也以不仁 потеряли вследствие бесчеловечности.

Анализируя *句 предложение*, Ма Цзяньчжун вводит такие понятия, как *词 член предложения* и *次 падеж*.

Членов предложения всего семь: *起词 подлежащее*, *语词 глагольное сказуемое*, *止词 прямое дополнение*, *表词 качественное сказуемое*, *加词 приложение*, *转词 предложное дополнение*, *司词 управляемое* (подробнее о членах предложения Ма Цзяньчжуна см. [3, с. 118]). В европейском языкознании существовали устоявшиеся термины для обозначения членов предложения, в китайской филологии ничего подобного не было, поэтому мы считаем, что они были заимствованы Ма Цзяньчжуном из европейской лингвистики и переработаны.

次 падеж – категория существительных и местоимений. Падеж определяется в зависимости от места, которые существительное или местоимение занимает в предложении по отношению друг к другу (*偏次 атрибутивный падеж* и *正次 падеж определяемого*, *同次 сочинительный падеж* и *前次 предшествующий падеж*) или по отношению к глаголу (*主次 субъектный падеж* и *宾次 объектный падеж*) (подробнее о падежах Ма Цзяньчжуна см. [2]).

«马氏文通» *Ма ши вэнь тун* – фундаментальный труд, автор которого Ма Цзяньчжун смог объединить достижения европейского и китайского языкознания. Он обобщил разрозненные понятия, касающиеся классификации лексики китайского языка, и создал систему частей речи; уточнил термины *句 предложение* и *读 фраза*. Следуя китайской филологической традиции, в своём труде Ма Цзяньчжун описывает значения и особенности употребления

некоторых служебных слов (например, предлогов 之, 于, 以, 与, 为 и других). Для анализа предложения он вводит систему 词 членов предложения и систему 次 падежей, взятых из европейского языкознания.

Ма Цзяньчжун писал свою работу, подражая французским универсальным грамматикам. Однако для того, чтобы более точно описать китайский язык, ему пришлось обратиться к традиционной китайской филологии.

Библиографический список:

1. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. [Текст] / Арно А., Лансло Кл. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
2. Кирюхина, Л. В. Категория падежа в трактовке китайского грамматиста Ма Цзяньчжуна [Электронный ресурс] / Л. В. Кирюхина // Вестник МГЛУ. Языкознание и литературоведение. – 2015. – Вып. 10 (721). – С. 63 – 71. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-721z.pdf>
3. Кирюхина, Л. В. Синтаксические исследования китайского грамматиста Ма Цзяньчжуна [Текст] / Л. В. Кирюхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6 (60) : в 3-х ч. Ч. 1. – С. 117-120.
4. 马建忠.马氏文通–北京:商务印书馆,2010. – 476页.

О.Г. Кобжицкая (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛОВ ГЛАГОЛЬНО- ОБЪЕКТНОГО ТИПА СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие *переходности*, выявляются характерные для переходных глаголов признаки. В связи с этим исследуется возможность наличия свойства *переходности* у сложных глаголов глагольно-объектного типа связи. Также затрагиваются вопросы, связанные с разделением глагольно-объектных образований на слова и словосочетания.

Ключевые слова: глагольно-объектное словосочетание; глагольно-именная группа; переходный глагол; слово; морфема; прямое дополнение.

O. Kobzhitskaya (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSU

ON TRANSITIVE VERBS OF THE VERB-OBJECT TYPE CONNECTION IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE

Annotation. This article discusses the concept of transition, reveals characteristic signs of transitive verbs. In this regard, we investigate the possibility of having the properties of transition in complex verbs of the verb-object type connection. The article also deals with issues relating to the division of verb-object structures on the words and phrases.

Key words: verb-object phrases; verb-noun phrase; transitive verb; word; morpheme; direct object.

Интерес к изучению проблемы переходности у глаголов глагольно-объектного типа связи вызван тем, что по своей структуре такие сложные глаголы соответствуют глагольно-объектным словосочетаниям. Поэтому неизбежно встает вопрос разграничения сложного слова и словосочетания и рассмотрения в связи с этим грамматических и семантических критериев.

Переходным называется такой глагол, который принимает после себя дополнение со значением объекта действия. Как известно, в китайском языке глагол может иметь после себя существительное, но не всякое существительное может считаться дополнением этого глагола. Так, В.А. Курдюмов вслед за китайскими лингвистами считает, что «переходным глагол делают только «настоящие дополнения» 真宾语 в отличие от «полудополнений» 准宾语» [3, с. 278]. Например, в роли «полудополнений» выступают «зависимые подлежащие» в предложениях появления и исчезновения: 昨天我们学院来了一个外国代表团. По мнению лингвиста, постпозиция дополнения к глаголу и возможность сочетаться с ним без предлога является формальным показателем переходности глагола. Один и тот же глагол в зависимости от конкретной ситуации может выступать и как переходный, и как непереходный (трансформация: непереходный →

переходный глагол) [Там же]. Например, 住在宿舍 → 住宿舍. Как мы видим, лингвист довольно широко понимает свойство переходности.

Иной точки зрения придерживается С.Е. Яхонтов. По его мнению, переходные глаголы характеризуются тем, что требуют прямого дополнения как после себя, так и с вынесением дополнения с предлогом 把 перед собой. Одним из свойств прямого дополнения является то, что в предложении обычной (активной) конструкции ему соответствует подлежащее в предложении страдательной конструкции 被字句: 我把茶喝了 (активный залог); 茶被我喝了 (пассивный залог). Таким образом, глагол, который может входить в состав следующих конструкций, можно считать переходным:

- Подлежащее (субъект) – Глагол – Прямое дополнение (объект)
- Подлежащее (субъект) – Предлог 把 – Прямое дополнение (объект) –

Глагол

- Подлежащее (объект) – Предлог 被 – Косвенное дополнение (субъект) –

Глагол [8, с. 37].

А теперь обратимся к глаголам глагольно-объектного типа связи. Это один из пяти способов образования сложных глаголов. Данная модель состоит из двух частей: первая морфема – это предикат, вторая – объект (ИЧГ – именная часть глагола). Первая глагольная основа вступает со второй именной в глагольно-объектные отношения. А так как первая морфема может быть не только глагольной, но и качественной, то некоторые китайские лингвисты называют эту модель предикативно-объектной. В отечественной же лингвистике за данной моделью закрепился термин – глагольно-объектная модель. По глагольно-объектной модели могут образовываться слова, принадлежащие к различным частям речи, но большая часть слов – это глаголы:

动员 – мобилизовать (двигать + чиновник, офицер);

道歉 – извиниться, попросить извинения (говорить + сожаление, извинение);

改观 – преобразиться (изменять, исправлять + вид)

Как отмечает А.А. Хаматова, большинство глаголов, образованных по этой модели, может конверсироваться в существительные, прилагательные и даже наречия:

进口 – импортировать, импорт (ввозить + еда, пища);

建议 – предложить, предложение (советовать + предложение, мнение);

开心 – веселиться, потешаться; весёлый (открывать + сердце);

При рассмотрении глагольно-объектных образований часто возникает вопрос разграничения слова и словосочетания. Когда речь идет о существительных, образованных по данной модели, то проблемы отнесения этого образования к слову или словосочетанию не встает: это определенно слово. Но если речь заходит о глаголах, то наблюдается очень интересная ситуация. Возьмем для примера два лексических образования: 1. 担水 нести воду; 2 . 担心 беспокоиться. Оба образования состоят из глагола и объекта, но в первом образовании связь между компонентами не настолько крепкая, как во втором случае. Например, в первом случае можно вынести прямое дополнение с помощью предлога 把: 把水担来了 → воду принесли. Но во втором случае нельзя. Какие же критерии можно выделить для разделения глагольно-объектных образований на слова и словосочетания?

Данная проблема рассматривалась как в работах отечественных лингвистов, так и китайских. Как отмечает В.М. Солнцев, проблема разграничения сложного слова и словосочетания возникает в тех языках, где словосложение является основным способом словообразования и «где наблюдается неразличимость или сближенность по свойствам простых слов и морфем» [4, с. 73]. Морфема – это минимальная значимая часть слова. В звуковом плане морфема ничем не отличается от самостоятельного слова. Главное их различие проявляется в наличии или отсутствии свойства синтаксической самостоятельности [Там же]. Так, употребляемая самостоятельно лексическая единица 美 «красивый», в составе сложного слова 美丽 является морфемой. Соединяясь с синтаксически несамостоятельной единицей 丽, она переходит на положение морфемы и утрачивает свойство синтаксической самостоятельности. По выходу же из сложного слова вновь его восстанавливает и становится простым словом [Там же].

Посмотрим, как данную проблему решают китайские лингвисты. Они подразделяют глагольно-объектные образования на три группы: 1) 词 – слова; 2) 离合词 «лихэцы» – слова, способные к расчленению (букв.: разъединяющиеся и соединяющиеся слова); 3) 词组 – словосочетания.

Так, Чжан Шоукан выделяет следующие случаи, когда без труда можно отграничить слово, образованное по глагольно-объектной модели, от других глагольно-объектных образований:

1. Если по данной модели образуется имя существительное, то это определено слово:

失眠 – бессонница (потерять + сон)

2. При образовании переходного глагола:

起草 – составлять проект → 起草讲演稿 – составлять набросок доклада

3. Если в составе сложного слова есть вэньянйзм, который утратил способность к самостоятельному функционированию в современном китайском языке:

洗尘 – дать банкет в честь приезжего (смыть + пыль)

4. Если вторая основа у образования неименная:

吃紧 – срочный, настоятельный

К «лихэцы» 离合词 относят такие образования, которые допускают вставку лексических элементов между глагольной и объектной частями:

吃苦 – страдать (хлебнуть + горе) → 吃了三年苦 три года терпеть лишения

Особенностью этих глаголов является то, что они могут употребляться как слитно: 他发言了. *Он выступил с речью.* А также могут употребляться и с разделением частей: 他发了一次言. *Он один раз выступил с речью.* Чжан Шоукан приходит к выводу, что если части такого образования используются слитно, то это глаголы, а если раздельно, то это словосочетания [7, с. 44].

Таким образом, такие лексические образования занимают промежуточное положение между словом и словосочетанием.

К словосочетаниям относят такие образования как:

吃鱼 – есть рыбу;

得奖 – получить награду

Такие образования характеризуются следующими свойствами:

- Не могут принимать после себя объекты;
- Состоят из слов, способных использоваться дистанционно;
- Каждый компонент образований обладает качествами той части речи, к которой он относится.

Таким образом, Чжан Шоукан считает, что среди глагольно-объектных образований можно выделить и слова, и слова, способные к расчленению, и словосочетания [6, с. 145].

Из Словаря современного китайского языка 现代汉语词典 нами было отобрано двести глаголов глагольно-объектного типа связи для изучения их свойства переходности. Нами были выделены следующие критерии:

1. Способность принимать в постпозиции дополнение;
2. Способность постановки именной части в препозицию к глаголу с предлогом 把;
3. Способность функционирования по модели: Объект + Предлог 给 (被) + Глагол + дополнительный элемент

Как показали результаты, большинство глаголов глагольно-объектного типа являются непереходными, лишь 4 % способны принимать прямое дополнение. Это можно объяснить тем, что позиция объекта, на которое направлено действие, уже занята именной частью данного глагола. Как пишет Тань Аошуан, «это обстоятельство позволяет приписать им свойство интранзитивности» [5, с. 170].

В своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка» А.А. Драгунов так поясняет способность некоторых глаголов все же принимать после себя прямые дополнения. «...Дополнение в китайском языке играет не только (а часто и не столько) лексическую роль, но и формальную...» [2, с. 119]. Это значит, что есть такие дополнения при китайских глаголах, которые собственно выполняют грамматическую функцию. Они превращают глагольную морфему из простого наименования действия в семантически и грамматически законченное целое. Об этом также пишет В.И. Горелов: «В отдельных случаях происходит так называемое «полное отглаголивание», превращение глагольно-объектного словосочетания в двусложное слово – глагол, способный принимать дополнение (прямой объект)» [1, с. 34].

Например, глагол 进口 *импортировать* → 进口食品 *импортировать продукты*; глагол 动员 *мобилизовать* → 动员广大群众 *мобилизовать широкие массы*. По мнению Тань Аошуан, «эти редкие исключения, очевидно, объясняются тем, что в данных глагольно-именных сочетаниях не реализована собственно объектная валентность: 出土 буквально означает «извлекать из

земли», а 出口 – «вывозить за заставу»». Поэтому они способны образовать другое глагольно-объектное сочетание, в котором именная часть имеет видовое значение: 出口家电产品 *экспортировать бытовую технику*» [5, с. 170].

В ходе исследования было также проанализировано свойство глаголов глагольно-объектного типа к расчленению. Такие глаголы составили 68 %. Например, 他去上课了. *Он ушел на занятия.* (слитное употребление)

你今天上了几节课? *Сколько у него сегодня было уроков?* (раздельное употребление)

Как пишет В.И. Горелов, в силу двойственной синтаксической природы такие лексические образования квалифицируются и как слова, и как словосочетания [1, с. 35].

Некоторые глаголы действительно показывают удивительную способность к переходности. Именная часть таких глаголов может помещаться в препозицию к глаголу с предлогом 把 (21%), а также функционировать в качестве подлежащего в предложениях пассивного строя (15%). Например,

Глагол 吃饭 → 我等他把这顿饭吃完. *Я ждал, пока он это доест.*

Глагол 唱歌 → 这首歌被我唱了一遍. *Эта песня была спета мною один раз.*

Как отмечает С. Е. Яхонтов, для переходных глаголов китайского языка при их активном воздействии на объект необходимо наличие дополнения. И даже если нет возможности назвать объект действия, глагол все равно должен иметь дополнение. Как в вышеприведенных глаголах 吃饭 «есть» и 唱歌 «петь», где в качестве дополнения употребляется название наиболее характерного для данного действия объекта – 饭 «вареный рис» и 歌 «песня» [8, с. 39]. Наличие в составе глаголов таких пустых дополнений, вероятно, и делает возможным их употребление с предлогом и в качестве подлежащего.

Таким образом, несмотря на то, что в глаголах глагольно-объектного типа связи уже реализована модель «глагол + объект действия», некоторые из них все же могут быть переходными.

Библиографический список:

1. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка [Текст] / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.

2. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А.А. Драгунов. – М., 1952. – 232 с.
3. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика [Текст] / В.А. Курдюмов. – М.: Цитадель-трейд: Вече, 2006. – 576 с.
4. Солнцева, Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка [Текст] / Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. – М., 1979. – 152 с.
5. Тань, Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) [Текст] / Аошуан, Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
6. Хаматова, А.А. Словообразование современного китайского языка [Текст] / А.А. Хаматова. – М.: Муравей, 2003. – 224 с.
7. Чжан, Шоукан. Гоуцыфа хэ гоусинфа [Словообразование и формообразование] [Текст] / Шоукан, Чжан. – Хубэй, 1981. – 96 с.
8. Яхонтов, С.Е. Категория глагола в китайском языке [Текст] / С.Е. Яхонтов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957. – 181 с.
9. 现代汉语词典. – 北京: 商务印书馆, 2014. – 1958页.

科瓦尔·叶卡捷琳娜 (哈尔滨市)

黑龙江大学国际文化教育学院, 文学院

浅谈汉俄同义词色彩义对比

摘要: 俄语同义词问题是中国语言学研究以及俄语教学中需要解决的问题。汉语中有大量的同义词存在, 俄语中也有大量的同义词存在。讨论同义词这一问题是在实现上具有重要的意义。同义词是每个语言丰富的表现。同义词反映了某种概念的语义细微含义和情感色彩。俄语是世界上使用最广泛的语言之一, 其词汇量庞大, 其中同义词占有很大比例, 是语言学习的难点。本文章将要详细的阐述俄汉两种语言间的色彩义同义词。

关键词: 同义词; 语体色彩; 感性色彩

A BRIEF COMPARISON OF CHINESE LANGUAGE AND RUSSIAN LANGUAGE COLOUR MEANING OF SYNONYMS

***Abstract.** The problem of Russian language synonyms is a big question in Chinese linguistics that needs to be solved. There are a lot of synonyms in Chinese language and it's plenty of them in Russian language. The discussion of synonyms has an important meaning. Synonym is a rich representation of words in every language. Synonyms reflected the slight implication of semantic meaning conception and emotional colouring. Russian language is a widespread language all over the world with an extensive vocabulary. There is a huge quantity of synonyms in Russian language which is a difficult point of studying the language. In this article we will give a detailed exposition of Russian language and Chinese language synonyms with the colouring meaning.*

***Key words:** synonyms; stylistic colouring; emotional colouring.*

一、俄汉同义词概述

语言使用者为了表达同一个意思的时候，会使用不同的语言形式或者修辞手段；语言中使用的词汇存在同义关系和同义现象。这些同义关系和同义现象的词就是同义词(синоним)。

关于什么是同义词，早在二十世纪五十年代中期，对其进行过热烈讨论。然而，学术界至今说法不一样。传统观点认为“同义词是两个或者两个以上表达同一概念，词义相同的词语，也是同一种语言中意义相同或者相近的词”。使用同义词的人能使言语更加准确、更富表现力。

汉俄两种语言中有很丰富的同义词。比如俄语中有同义词 кавалерия — конница, смелый — храбрый — отважный — бесстрашный — безбоязненный — неустрашимый — удалой — лихой, идти — шагать, родина — отечество — отчизна；汉语中 西红柿—番茄，爸爸—父亲，办法—方法—方式，爱护—保护—维护 等等。汉俄词汇学家、语义学家历来都重视两种语言中同义词的研

究；这些学家以现代语义学理论为指导。因为他们用新的方法，所以同义词的研究有了新的发展。俄语是同义词丰富的语言，与汉语同义词差异很大；外国留学生虽然掌握的词语有很多，但是经常搞不清同义词的使用限制和隐现情况，导致用错误或采取回避的策略。

汉语同义词在语体风格上的差异主要表现在书面语（或者称文章体）和口头语体（或者称日常生活语体）。感情色彩同义词也有不同的。感情评价色彩也就是主观评价色彩。俄语的同义词跟汉语的同义词有相同的意义，也有差异。下面我们来比较汉俄同义词色彩。

二、语体色彩与感情色彩同义词

“色彩决定功能，功能决定语体”这个说法有科学依据，同义词的色彩不同，有的功能也不一样，运用在各种各样的交际领域，产生适应交际领域的不一样的语体变体，即语体。

同义词的色彩意义很丰富，包括“语体色彩”、“感情色彩”、“联想色彩”、“形象色彩”、“时代色彩”等等、本文章我们研究两种色彩义的同义词：“感情色彩”和“语体色彩”。

感情色彩同义词有褒义、贬义之分。比如：勇敢(смелый и решительный, неустрашимый, храбрый) – 大胆(смелый, отважный) – 狂妄(оголделый, безумный, безрассудный, дерзкий)。勇敢表示赞扬；这个词语带有褒义的色彩。大胆表现为中性色彩。第三个同义词狂妄就带上了贬义的色彩。俄语中“勇敢”的同义词有很多。比如：героический, бравый, отважный, дерзостный, отчаянный, не знающий страха, фривольный, храбрый, неробкого десятка, неустрашимый, мужественный等等。其中героический, храбрый, бравый, отважный, мужественный, неустрашимый带有褒义的色彩；не знающий страха, отчаянный, 带上了中性色彩；неробкого десятка, дерзостный, фривольный有贬义的色彩。

前途(планы на будущее, перспективы) – 前程(перспективы на будущее, лежащий впереди путь)。前途是中性词，而前程带有赞许意味，是褒义词，充满一充斥。

父亲 – 爸爸(папа, отец) 的区别。这两个同义词的色彩不一样。父亲较为严肃，爸爸较为亲切。当面叫爸爸的，事实上更多。父亲还有抽象的意义。

父亲有“开创者”的意义。如：诺科夫斯基是俄罗斯航空的父亲。这句中的父亲一词不能用爸爸来替换。

鼓励（стимулировать, вдохновлять, ободрять – 怂恿（подстрекать, провоцировать, подбивать））。鼓励有褒义色彩，怂恿有贬义的色彩。鼓励的对象可他指也可自指；怂恿的对象是人。

夸大（преувеличивать, утрировать）– 夸张（преувеличивать, раздувать, сгущать краски）这两个同义词都有表性质偏离的意思。夸大的指跟事物的本来性质相差很远，它强调不真实。夸大是贬义词。夸张则是中性词。

友谊（дружеский）与友情（дружественный, дружественные чувства）是一组同义词。这两个词语之间显然有共性，基本意义上是同指友好关系，但是个词还是有其个性。这两个同义词的色彩有细微差别。友情则具有亲切色调，而友谊带庄严隆重色彩。

顽固（упрямый, твердолобый, упорный）– 顽强（упрямый, неподатливый, настойчивый, стойкий）。顽强的褒义色彩比较浓，它形容一个人白折不挠，不怕困难，做事情有坚持到底的精神。顽强也指一个人的品质很坚毅，不向挫折。；顽固则是贬义词，它形容一个人思想陈旧，不听别人的意见，不知变通。

光临（посетить, удостоить посещением）– 来到（прибыть, приходить）光临有尊敬隆重色彩跟来到实际上有区别。

光临–莅临（лично прибыть, удостоивать посещением）– 来到。这三个同义词在语体色彩中也有不同的用法。光临和来到是口语中用的，而莅临多用于书面语（一般用于贵宾）莅临尤指上级到来，就是很恭维的表达方式。光临是敬辞，称呼宾客来到。如：

敬请莅临指导。

敬请光临，欢迎光临指导[1, 48-49页]。

语体色彩的同义词是指与特定语体相适应的同义词的色彩。语体色彩指词义中所反映的词的语体倾向、特征、烙印。它是由词经常出现的语体久而久之赋予的。语体色彩是指某个领域里使用的语言的特点。

从词汇分类来分，语体一般情况下分为书面语体和口语语体两大类。书面语体可以进一步再分为文艺语体、科技语体、政论语体、公文语体。同样的，

词的语体色彩也可以做出相应的区分。比如：“哥们”、“溜达”具有口语语体色彩；“造诣”“苍穹”具有书面语体色彩；“旖旎”“摇曳”带有文艺语体色彩；“法人”“井喷”带有科技语体色彩；“体制”“改革”具有政论语体色彩；“此致”“为荷”等含有公文语体色彩。

既用于书面语也用于口语的词，就通用词，词汇中大部分都属于通用词。不同语体色彩的词一般情况下被应用于相应的语体中，否则，语体色彩也不会形成，但是这并不是绝对的，有时为了某种特殊的表达需要偶尔也会跨语体用词。有些词语它们的意义相同，但适用的场合不同，所起的作用不同，这种语言风格上的差异，叫做词的语体色彩。

词的语体色彩总的可以分做“口头语体”和“书面语体”两种。口头语体用词通俗易懂，生动活泼，平易朴素；书面语体用词庄重典雅，讲究分寸。有些专用词语只适用于某一类文体。如果不注意词语的语体色彩，用得不合适，就会使人感到很不协调 [2]。

拉倒 (повалить, ну и ладно, ну и пусть, покончить, порвать, бросить) – 得了 (быть законченным, хватит, довольно) – 作罢 (бросать, оставлять, прекращать что-л.)。拉倒和得了经常用在口语 (разговорный язык) 中，带有口语色彩，可以说比较随意，而作罢一般用在书面语 (книжный язык) 当中。比如：

不干就拉倒吧！

得了，我不说了，说了也是白说。

鲁迅《书信集 致内山完造》：决定还是作罢为好。

死亡-去世-过世-

死了这些同义词翻译成俄语就是一个意思“умереть”。汉语中去世、死亡、过世比较书面，死了是口语经常用的词语。如：把病人从死亡边缘抢救过来。

超过世界先进水平。听说你父亲上个月去世了，我很难过。

这次车祸死了无人 [3, 24页]。

俄语中表示死亡的一组同义词：скончаться, умереть, помереть, свернуться, загнуться, скапуститься, издохнуть, сдохнуть, отбросить коньки。有书面色彩的同义词是 скончаться, умереть, помереть, 其他的同义词 свернуться, загнуться, скапуститься, издохнуть, сдохнуть, отбросить коньки 都是口语中用的，就是口语色彩的词语。

脸蛋(щечки, круглолицый, бутуз) – 面庞(лицо, физиономия, выражение лица)。脸蛋带有口语色彩, 而面庞用在书面语中。

如: 小姑娘的脸蛋儿红得像苹果。

头发黑黑的, 面庞十分俊秀;

街坊(сосед) – 邻居(сосед)。和古人称“同乡人”为“乡里”, 代表语言里称街坊。邻居也有同样的道理都是词义的转移不过街坊是口语, 而邻居是书面语中用的词语。如:

我们是老街坊, 彼此都知根知底的。

那帮小青年吵得邻居们不得安生。

钱数(денежная сумма) – 金额(денежная сумма)。钱数用在口语中, 金额是书面语。如: 大写金额。

你的钱数是想问什么呢? 不是很理解, 10块, 20块?

完蛋(кончиться крахом, погибнуть, сгинуть, полететь псу под хвост, капут) – 垮台(разваливаться, распадаться, терпеть крах) – 毁灭(уничтожить, стереть с лица земли, опустошить, погубить)。完蛋是不太好的, 一般书面语中不用, 毁灭指的是可以摧毁的东西, 垮台是失败的意思, 有时候也引申为失去功能, 一般说, 某种政权垮台了。

如: 要是银行不借钱, 我们就完蛋了。

与人民为敌的人总是要垮台的。

旧唐山在1976年的一场地震中毁灭。;

老朋友——旧雨(两个词语的意思是一样的“старый друг”), 但是老朋友是口语中的词语, 旧雨是书面语。如:

旧雨重逢。

他们好像是多年的老朋友了;

“美丽”和“漂亮”。“美丽”, 指美观、好看, 也指美好、高尚, 它既可以用于人, 也可以用于景或者物。当用于人的时候, 既可以表示人的外表好看, 也可以言及人的心灵美好、品质高尚。这个词语带有庄严的语体色彩, 多用于书面。“漂亮”, 也指的是好看, 经常只用于人, 仅表示人的外表很好看。除此之外, “漂亮”还有别的意思: “精彩”、“出色”、“好听”。“漂亮”带有通俗的色彩

，多用在口语中。如：可以说“美丽的姑娘”，但是不能说“美丽的小伙子”；而“漂亮”这个词呢，既可说“漂亮的姑娘”又可以说“漂亮的小伙儿” [4, 43-44页]。

三、结论

综上所述，我们可以得出这样的结论：俄语和汉语同义词指的是词汇意义相同的词。这两种语言的同义词有感情色彩和语体色彩的。汉语中有些同义词可以用在俄语口语中，有些不可以。汉语同义词跟俄语同义词也是这样——口语口语中可以随使用但是书面语不能使用。

参考文献：

1. 张弓.现代汉语同义词的几个问题[文] — 中国：China Academic Journal Electronic Publishing House, 1994-2013.

2.词语的语体色彩[电子资源]. 联通方式 — URL: www.thn21.com/base/yu/55151.html. (参考日期10.05.2016).

3. 归定康.俄语修辞同义词的功能[文] — 中国俄语教学（季刊），1994.

4.郑秋秀.俄汉同义词的系统比较与研究[文] — 首都师范大学学报（社会科学版），2006.

Ю. С. Курако (Владивосток)

Дальневосточный федеральный университет

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «САНЬ-БАЙ-ЦЯНЬ»

Аннотация. В данной статье проводится анализ лексики текстов сборника «Сань-бай-цянь». Рассмотрение лексики осуществляется с точки зрения морфологии, семантики и экспрессивности, особое место занимает анализ тропов. Путем анализа выявляется роль лексики в достижении общих целей произведений сборника.

Ключевые слова: «Сань-бай-цянь»; знаменательные и служебные слова *вэньяня*; лексико-семантические категории; синонимы; антонимы; фразеологизмы; тропы.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF CLASSICAL CHINESE EDUCATIONAL LITERATURE "SAN-BAI-QIAN"

Abstract. This paper based on analysis of the "San-bai-qian " collection vocabulary. Vocabulary review is carried out in terms of morphology, semantics and expressivity, and a great place in this work takes the analysis of tropes. The results of analysis reveal the role of vocabulary in achieving main goals of the texts of the collection.

Key words: "San-bai-qian"; significant words and auxiliaries of wenyuan; lexical-semantic groups; synonyms; antonyms; idioms; tropes.

Во все времена образованию в Китае придавалось особое значение, ведь именно от образованности зависело положение человека в обществе, его социальный статус. В связи с этим «письменность в старом Китае всегда была объектом искреннего почитания и даже едва ли не религиозного преклонения <...> Приучать ребенка к письму старались чуть ли не с младенчества» [4, с. 388]. Поэтому в области начального образования насчитывается более двух тысяч материалов для чтения, среди которых примечательным является «наличие специальных иероглифических прописей как целого свода знаний о мире, целью которых было не только обучение навыкам письма, но и объяснение различных явлений природы, места человека в системе всего мироздания» [1, с. 39].

Наиболее известными в этой области являются тексты «Сань-цзы-цзин» (三字经) – «Канон трех иероглифов», «Бай-цзя-син» (百家姓) – «Фамилии ста семей» и «Цянь-цзы-вэнь» (千字文) – «Тысячесловие», объединенные в сборник «Сань-бай-цянь» («三百千») по первым иероглифам названий входящих в него книг.

Тексты сборника «Сань-бай-цянь» были написаны в период Южных и Северных династий (420 – 589 гг.) и династии Южная Сун (1127-1279 гг.) и относятся к китайской классической литературе. Сборник использовался как канонический учебник начального образования в период династии Сун, Мин,

Цин и продолжает использоваться в настоящее время. Однако особенности его языка до сегодняшнего дня в отечественной литературе описаны не были. Это способствует решению актуальной проблемы, поставленной в данной статье, – проблемы анализа лексики текстов сборника и ее стилистических возможностей, а также выявления роли лексики в достижении общих целей произведений.

Тексты сборника «Сань-бай-цянь» написаны на классическом письменном языке вэньянь, существовавшем в Древнем Китае, главной особенностью которого является лаконизм. Лаконичность древнекитайского языка проявляется в односложности большей части его лексических единиц, которые на письме «выражаются одним иероглифом, а каждый иероглиф является самостоятельной единицей» [2, с. 39]. Сравним: односложное 从 cóng «почтение» в сборнике и двусложное 服从 fú cóng в современном китайском языке (СКЯ). Такая односложная организация текста способствует более легкому запоминанию изучаемого материала. Иногда все же встречаются и двусложные слова, которые неделимы и рассматриваются как единое целое: 天下 tiān xià «Китайская империя».

С точки зрения грамматики все лексические единицы сборника подразделяются на знаменательные и служебные. Знаменательные слова, представленные именами и предикативами, не имеют внешних признаков, указывающих на их принадлежность к частям речи вне контекста [3, с.7-8]. Так, слово 教 jiào может выступать в роли имени и предикатива и лишь из контекста 苟不教, 性乃迁。教之道, 贵以专。 gǒu bù jiào, xìng nǎi qiān. jiào zhī dào, guì yǐ zhuān «Если не учить, натура изменится. Путь учения требует концентрации» видно, что в первом случае это – предикатив, во втором – имя.

В разграничении частей речи важная роль принадлежит служебным словам. Показателями имени являются *последлоги* 后 hòu «после», некоторые *предлоги* 与 yǔ, 及 jí, служебные слова 之 zhī и 者 zhě. Маркерами *предикатива* служат *показатели времени* 既 jì «потом», 已 yǐ «уже», *залога* 被 bèi, 自 zì, 相 xiāng; *отрицательные частицы* 不 bù, 微 wēi, 勿 wù, сл. слово 而. Одновременно *на предикатив и на имя* указывают слова, которые стоят между ними и выделяют дополнение, 乎 hū, 以 yǐ, 所 suǒ [6, с. 40-91]. Кроме того, важную роль

в разграничении частей речи играет позиция слов: препозиция – имя, постпозиция – предикат.

Разграничение лексических единиц по частям речи позволяет выявить их лексико-семантические группы (ЛСГ). Среди предикативов в процессе анализа языка текстов «Сань-бай-цянь» выявляются следующие ЛСГ. Преобладают *глаголы мышления* 学xué учиться, 知zhī знать, 思sī задумываться; *глаголы речи* 问wèn спрашивать, 咏yǒng декламировать; *глаголы движения* 来lái приходить, 往wǎng уходить, 迁qiān переносить и *модальные глаголы* 能néng мочь, 敢gǎn сметь, 当dāng быть обязанным. Для текстов «Сань-бай-цянь» также характерно использование *глаголов наличия* 有yǒu есть/ иметь, 无wú нет/ не иметь; *глаголов давания* 推tuī уступать, 让ràng передавать, 遗yí оставлять в наследство; *глаголов физического воздействия* 伐fá наказывать, 诛zhū карать; *возникновения и прекращения существования* 生shēng рождать, 出chū порождать, 灭miè уничтожать; *глаголов восприятия* 见jiàn видеть, 闻wén слышать; *изменения состояния* 温wēn нагревать, 改gǎi менять, 断duàn перерезать; *положения тела в пространстве* 坐zuò сидеть. Так как задачей текстов «Сань-бай-цянь» является предоставление знаний о разнообразных явлениях окружающего мира, то ЛСГ существительных представлены крайне разнообразно. Среди них выделяются ЛСГ со значением: *человек* 帝dì император, 师shī учитель, *родственники по мужской линии* 高gāo/高祖父gāozǔfù прапрадед, 曾zēng/曾祖父zēngzǔfù прадед, 祖zǔ/祖父zǔfù дед, 父fù/父亲fùqīn отец, 子zǐ/儿子érzi сын, 孙sūn/孙子sūnzi внук, 曾zēng/曾孙zēngsūn правнук, 玄xuán/玄孙xuánsūn праправнук и *антропонимы* 赵zhào Чжао, 钱qián Цянь, 李lǐ Ли; *географические названия* 燕山yànshān гора Янь, 周zhōu Чжоу (царство), 昆冈kūngāng хребет Кунь (горы Куньлунь); *названия животных* 犬quǎn собака, 鸡jī петух, 驹jū лошадь; *времена года* 春chūn весна, 夏xià лето, 秋qiū осень, 冬dōng зима; *растения* 草cǎo трава, 兰lán орхидея, 松sōng сосна; *стороны света* 南nán юг, 北běi север, 西xī запад, 东dōng восток и многие другие.

Другие части речи в текстах «Сань-бай-цянь» представлены слабо. К ЛСГ прилагательных относятся *характеристика человека* 严yán строгий, 善shàn

добрый, 恶 è злой; *протяженность во времени* 长久 chángjiǔ долгий; *материальное состояние* 贫 pín, 穷 qióng бедный; *возраст* 老lǎo старый, 小xiǎo молодой; *вкус* 咸 xián соленый, 淡 dàn пресный. Среди числительных выявляются количественные 四sì четыре, 五wǔ пять, 百bǎi сто.

В текстах сборника «Сань-бай-цянь» присутствует немало лексических средств, создающих экспрессивность и способствующих более легкому пониманию содержания текстов на основе сопоставления, противопоставления, создания образов.

Во-первых, весьма распространен феномен синонимии. В зависимости от различий в значении или употреблении лексических единиц в произведениях представлены следующие виды синонимов:

1. «Стопроцентные», которые являются полностью взаимозаменяемыми. В этих случаях тождественен не только называемый объект, но и понятия [5, с. 72]. В них отсутствуют оценочные или стилистические признаки, например, 友 yǒu – 朋 péng друг;

2. Идеографические синонимы, т.е. синонимы, лишь близкие, а не тождественные по значению. Их называют также понятийными синонимами. Они различаются семантическими оттенками и употреблением, выполняют функции замещения и уточнения, например, 说 shuō говорить – 讲 jiǎng рассказывать; 珍 zhēn ценить – 重 zhòng считать важным;

3. Синонимы, различные по стилистической характеристике, например, 号 hào называть – 称 chēng именовать;

4. Контекстуальные или окказиональные синонимы. Они не являются языковыми синонимами, но в определенном контексте выполняют данную функцию, чтобы придать тексту дополнительную стилистическую окраску, например, 推位 tuī wèi уступить место – 让国 ràng guó передать государство, 著 zhù написать – 存 cún сохранить.

Во-вторых, важным стилистическим приемом в языке текстов является антонимия. Антонимы служат как средство создания контрастной речи и образных выражений для передачи определенных противоположных мыслей и значений, для красочного эмоционального описания событий и явлений.

Встретившиеся в текстах пары антонимов обозначают:

1. Качественные характеристики: 咸 xián соленый – 淡 dàn пресный; 善 shàn добрый – 恶 è злой;
2. Возраст: 老 lǎo старый – 小 xiǎo молодой; 幼 yòu детство – 壮 zhuàng зрелость;
3. Принадлежность к полу: 女子 nǚzi женщина – 男子 nánzi мужчина;
4. Социальное положение: 君 jūn государь – 民 mín народ;
5. Пространственные и временные координаты: 上 shàng наверху – 下 xià снизу; 前 qián впереди – 后 hòu позади;
6. Разнонаправленность действий: 来 lái прибыть – 往 wǎng уйти.

Помимо языковых антонимов в текстах встретились также и контекстуальные антонимы, например, 无书 wúshū не обладать книгами – 知勉 zhī miǎn знать усердие.

В текстах сборника «Сань-бай-цян» присутствует немало слов, которые в СКЯ употребляются в ином значении, нежели в исследуемом сборнике, или же употребляются довольно редко и относятся к пассивной лексике носителей китайского языка, что придает текстам определенную стилистическую окраску, элементы высокого стиля. С точки зрения современного анализа в настоящее время эти лексические единицы относят к архаизмам. Например: 师 shī учиться у..., командовать войсками; 祀 sì год.

При рассмотрении лексической стилистики сборника «Сань-бай-цян» особое внимание обращает на себя фразеология. Особенностью текстов сборника является то, что, будучи учебным пособием на протяжении нескольких тысяч лет, они сами стали источниками множества фразеологизмов. Четырехсложность строки «Цян-цзы-вэнь» и богатое содержание текстов памятника послужили причиной появления немалого количества фразеологических единиц чэньюй (成语), имеющих переносное значение и экспрессивный характер. Например, строки 寒来暑往, 秋收冬藏。hán lái shǔ wǎng, qiū shōu dōng cáng «Приходят морозы, спадает жара. Осенью собирать, зимой сохранять» в тексте «Цян-цзы-вэнь» употреблены в прямом значении для описания смены времен года и различий в сельскохозяйственных сезонах Древнего Китая. В СКЯ существуют два самостоятельных фразеологических оборота (чэньюй). 寒来暑往 hán lái shǔ wǎng приобрел переносное значение

«непрерывное течение времени», а 秋收冬藏 qiū shōu dōng cáng используется для образного упоминания о сельскохозяйственном календаре. Оба сочетания имеют в толковом словаре китайского языка помету «成语». Четырехслог 川流不息 chuān liú bù xī «Поток реки непрерывен» использован для описания природы. В СКЯ он приобрел значение «непрерывный» и также снабжен в словаре пометой «成语». К фразеологическим единицам «成语» относится также и 空谷传声 kōng gǔ chuán shēng, который первоначально использовался в значении «закричать в горной долине и сразу же услышать эхо», а теперь – в значении «быстрый отклик» и т.д.

В текстах сборника «Сань-бай-цянь» встречается немало изобразительно – выразительных средств (тропов), также способствующих созданию в голове читателя ярких образов, позволяющих более четко представить описываемые картины.

Наиболее распространенным тропом, как показал анализ, является *метафора* – употребление слова в переносном значении, словосочетание, характеризующее явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений), которое таким образом его замещает. Например, 王纲坠 wáng gāng zhuì «императорский трон пал» используется в значении *потерять власть*.

Довольно часто в текстах встречаются *эпитеты* – определяющие слова, прибавляющие к значению определяемого слова новые качества, помогающие более ярко представить образ. Яркий пример эпитетов представлен в выражении 川流不息, 渊澄取映。chuān liú bù xī, yuān chéng qǔ yìng «Поток непрерывный и быстрый, омут чистый и зеркальный». Здесь к определяемому слову 川流 chuān liú «поток» эпитетом служит сочетание 不息 bù xī «непрерывный», чтобы показать стремительность течения; к слову 渊 yuān «омут, глубокий водоем» эпитетом является 澄 chéng «чистый, прозрачный» и 取映 qǔ yìng «способный давать отражение, зеркальный», которые указывают на чистоту и прозрачность воды.

В текстах «Сань-бай-цянь» третьим по частотности употребления тропом является *синекдоха* – название части вместо целого. Например, 鳞潜羽翔 lín qián yǔ xiáng «чешуйки прячутся на дне, а крылья в воздухе парят», где под «чешуйками» и «крыльями» подразумеваются рыбы и птицы.

В текстах «Сань-бай-цянь» характерно употребление *сравнения* – раскрытия значения слова путем сопоставления его с другим по общему признаку. Например, 似兰斯馨, 如松之盛 shì lán sī xīn, rú sōng zhī shèng [Сыновняя почтительность и верность государству] «как аромат орхидеи, как пышность сосны». Довольно примечательно, что сравнение маркируется служебными словами 似 shì и 如 rú как показателями явного сравнения, что говорит о том, что данные служебные слова, характерные для СКЯ, используются уже в древнекитайском.

Присутствует в текстах «Сань-бай-цянь» и такой троп как *перифраза* – замена одного слова описательным выражением, передающим смысл. Например, сочетание 逞干戈 Chěng gān gē «дать волю щиту и мечу» используется в значении *воевать*.

Встретились в тексте также примеры *метонимии* – замены одного слова или выражения другим на основе близости значений. Например, 融四岁, 能让梨 róng sì suì, néng ràng lí досл.: «В четыре года Жун мог грушу уступать» в значении *Жун в 4 года знал, что нужно уметь делиться*.

В текстах «Сань-бай-цянь» присутствует и такой прием как *гипербола* – преувеличение, доведенное до «невозможности». Например, 遐迩一体, 率宾归王。xiá ěr yī tǐ shuài bīn guī wáng «Дальние и ближние земли, как единое целое. Все четыре моря подчиняются императору».

Встретилось несколько примеров *градации* 自修齐, 至平治 zì xiū qí, zhì píng zhì «От самосовершенствования и поддержания порядка в семье до грамотного управления страной и создания мира во всем мире».

Таким образом, несмотря на преимущественно односложный характер лексики вэньянь, значительно меньшее количество разрядов полнозначных слов (местоимения и наречия относятся к служебным словам [3, с.7]) по сравнению с СКЯ, отсутствие четкой принадлежности к частям речи, классический текст информационно довольно насыщен. Это проявляется в огромном количестве ЛСГ имен и предикативов. Количество тропов, в роли которых выступают эти лексические единицы, свидетельствует о его стилистической яркости и окрашенности. Все это в целом играет особую роль в выполнении одной из основных задач текстов «Сань-бай-цянь» – предоставлении знаний об окружающем мире, различных явлениях природы и о месте человека в мироздании. Лексические и стилистические особенности

языка направлены на облегчение восприятия и усвоения материала на основе образности, контрастов и экспрессивности. Кроме того, этот сборник можно рассматривать как учебник истории китайского языка, в котором отражены особенности функционирования полнозначных и служебных слов классического языка, а также как источник происхождения некоторых ФЕ.

Библиографический список:

1. Войтишек, Е.Э. «Канон трех иероглифов», «Канон ста фамилий» и «Канон тысячи иероглифов» как выдающиеся памятники просветительской литературы старого Китая [Текст] / Е.Э. Войтишек // Вестник НГУ: Том 1 Выпуск 2. – Новосибирск, 2002. – с. 39-43.
2. Карапетьянц, А.М. Учебник классического китайского языка вэньянь [Текст] / А.М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – М. Муравей, 2001. – с. 39.
3. Крюков, М.В. Древнекитайский язык [Текст] / М.В. Крюков, Хуан Шу-ин. – М., 1978. – с. 7-8.
4. Малявин, В.В. Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М.: Издательство Апрель, 2000. – с. 388.
5. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский. – М.:Аспект Пресс, 1996. – с. 72.
6. Яхонтов, С.Е. Древнекитайский язык [Текст] / С.Е. Яхонтов. – М.: Наука, 1965. – с. 40-91.
7. 彩图全解三字经百家姓千字文 [本文] / 思履主编. – 北京: 中国华侨出版社, 2013年版.- 429页.

А.Н. Сбоев (Владивосток)

Дальневосточный федеральный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение фразеологических неологизмов в китайском Интернете как пласта лексики китайского Интернет-языка. В работе изучены фразеологические единицы с точки зрения путей их образования. Указаны неофраземы, созданные на базе

существующего фразеологизма благодаря замене одного или нескольких компонентов, фразеологизмы, которые приобрели новое значение в Интернете, а также неофраземы, образованные исключительно в Интернете. В статье представлена классификация фразеологических единиц, функционирующих в китайской Интернете.

Ключевые слова: фразеологический неологизм; неофразама; Интернет-язык.

A. Sboev (Vladivostok)

Far Eastern Federal University

PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS IN THE CHINESE INTERNET LANGUAGE

Abstract. *The purpose of this article is to consider phraseological neologisms in the Chinese Internet as a lexical layer of the Chinese Internet language. In the paper phraseological units are studied in terms of their formation. The article presents neophrasemes, which are formed on the basis of existing phraseological units by replacing one or more components; idioms, which have acquired a new meaning on the Internet, as well as neophrasemes formed exclusively on the Internet. The paper presents classification of phraseological units used in the Chinese Internet language.*

Key words: *phraseological neologism; neophraseme; Internet language.*

Интернет-язык активно развивается и непрерывно пополняется новыми лексическими единицами. В Интернет-языке появляются не только неолексемы, то есть лексические неологизмы, но и неофраземы – фразеологические неологизмы.

В Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило дается следующее определение данному термину: «фразеологические неологизмы – разновидность фразеологических единиц, относящихся к пассивному фонду фразеологии, поскольку они не вошли и, возможно, не войдут в общепотребительный фонд языка» [2, с. 439].

В. М. Мокиенко дает иное толкование термину «фразеологические неологизмы», указывая способы образования данных фразеологических единиц (ФЕ): «Фразеологические неологизмы — это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные

обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [4].

Китайский язык обладает богатым фразеологическим фондом. Многие фразеологические единицы современного китайского языка появились еще до нашей эры и, сохранив форму, дошли до нас [5, с. 128].

В. И. Горелов указывал, что «стабильность грамматической структуры, известная закрепленность лексического состава являются существенными свойствами фразеологизмов», однако дальше В. И. Горелов отмечал, что данные признаки «не имеют абсолютного значения» [1, с. 174]. И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко, говоря о чэньюях как о наиболее многочисленной единице фразеологизмов китайского языка, отмечали, что «лексическая и структурная устойчивость чэньюя не абсолютна: компоненты его могут меняться местами, чэньюй может усекаться. Частично менять свой лексический состав» [3, с. 206]. Замену компонентов фразеологических единиц мы можем наблюдать в Интернет-языке, при этом, правда, создается не синонимичный фразеологизм, а неофразама.

П. Фойту отмечал, что в большинстве своем фразеологические неологизмы возникают «для обозначения явлений, которые уже фразеологически обозначаются» [6, с. 136], однако мы можем заметить, что в китайском Интернет-языке неофразама обозначают явления, которые ранее не имели фразеологического обозначения.

И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко выделяют несколько путей создания фразеологических неологизмов в китайском языке: 1. На базе существующего чэньюй путем замены одного компонента чэньюй антонимом, либо путем вторичной метафоризации чэньюй, то есть через приобретение им нового значения. 2. На базе существующей модели [3, с. 212]. Этими же путями создаются неофразама в Интернет-языке.

Фразеологические единицы китайского Интернет-языка можно разделить на несколько типов:

1. ФЕ, которые приобрели новое значение в Интернете, не изменив состав лексических компонентов. Например:

无中生有 *wú zhōng shēng yǒu* – дословно ‘сделать что-то из ничего’. Первоначальное значение ‘ни на чём не основанный, высосанный из пальца’. В Интернете обозначает медицинского работника, который помогает справиться с бесплодием.

知书达礼 *zhī shū dá lǐ* – дословно ‘знать канонические книги и быть сведущим в правилах этикета’ (образно в значении ‘образованный и воспитанный человек’), в Интернет-языке имеет значение ‘владеть только книжными знаниями недостаточно, нужно еще научиться преподносить подарки’. 礼 *lǐ* в первоначальном значении данной ФЕ понимается как часть от слова 礼仪 *lǐyí* ‘этикет’, в новом значении ФЕ – как часть от слова 礼物 *lǐwù* ‘подарок’

度日如年 *dù rì rú nián* – ‘прожить один день как целый год’ (образно в значении ‘жить тяжело, день тянется, словно год’). Значение в Интернете – ‘жизнь необычно счастливая, каждый день, словно празднование Нового года’.

杯水车薪 *bēi shuǐ chē xīn* – ‘чашкой воды не потушить загоревшегося воза дров’ (образно в значении ‘мизерная помощь, которая не поможет справиться с проблемой’). Значение в Интернете – ‘каждый день пить в офисе чай, а в конце месяца получить зарплату, на которую можно купить автомобиль’. В первоначальном значении ФЕ используется собственное значение слова 薪 *xīn* ‘хворост, дрова’, в новом значении ФЕ морфема 薪 *xīn* понимается как часть от слова 月薪 *yuèxīn* ‘зарплата за месяц’.

夫唱妇随 *fū chàng fù suí* – дословно ‘муж запекает — жена подпевает’ (образно в значении ‘семья, живущая в согласии и мире’). Значение в Интернете – ‘муж вошел в караоке, жена последовала за ним’.

离群索居 *lí qún suǒ jū* – первоначальное значение ‘отрываться от коллектива, жить уединенно’. Значение в Интернете – ‘не состоять ни в каком сообществе-беседе, не имея тем самым возможности для общения, скучно проводить время’ [9].

火眼金睛 *huǒ yǎn jīn qíng* – дословно ‘огненный глаз, золотое око’, употребляется в отношении человека, обладающего острым зрением и способного отличить правду от лжи. В Интернете употребляется в отношении ученика, у которого отличное зрение, что помогает ему на экзамене пользоваться шпаргалками или списывать у одноклассников.

后起之秀 *hòuqǐ zhī xiù* – ‘молодой талант’ (后起 *hòuqǐ* имеет значение «молодой поколение, молодежь, молодой»), новое значение – ученик, который последний встал с кровати (о любящем поспать человеке), в данном случае слово 后起 *hòuqǐ* разбивается на два: 后 *hòu* ‘последний’ и 起 *qǐ* ‘вставать, подниматься’ [8, 71-72页].

2. ФЕ с новым значением и изменением компонентов.

娇生惯养 *jiāo shēng guàn yǎng* – ‘избалованный, изнеженный’. В Интернет-языке имеет видоизмененную форму – 娇身冠养 *jiāo shēn guàn yǎng* ‘Цзяо содержит Гуань’, где под 娇 *jiāo* имеется ввиду 阿娇 *Ā jiāo* ‘А Цзяо’ (эстрадное имя китайской певицы), а под 冠 *guàn* имя китайского певца 陈冠希 *Chén guānxī* ‘Чэнь Гуаньси’. Эта неофраза появилась после фото скандала, когда в Интернет попали личные совместные фотографии А Цзяо и Чэнь Гуаньси [7, 62页].

В Интернет-языке существуют несколько примеров неофразем с заменой компонентов существующего фразеологизма, которые имеют значение, противоположное первоначальному фразеологизму. Например, 如花似玉 *rú huā sì yù* ‘подобный цветку и яшме’ (о красавице) превращается в 如花撕玉 *rú huā sī yù* ‘о чем-то уродливом, безобразном’ (букв.: подобный цветку, разрывающему яшму) [7, 160页].

奋发图强 *fèn fā tú qiáng* ‘воодушевленно и старательно трудиться, чтобы сделать (страну) сильной и процветающей’ благодаря омонимии становится 粉发涂强 *fěn fā tú qiáng* ‘о девушках, любящих краситься’ (粉 *fěn* ‘пудра, румяна’, 涂 *tú* ‘покрывать, мазать’).

一键钟情 *yī jiàn zhōngqíng* ‘полюбить с одного клика’ произошел из чэньюй 一见钟情 *yī jiàn zhōngqíng* ‘полюбить с первого взгляда’. 一键钟情 *yī jiàn zhōngqíng* используется в отношении людей, имеющих Интернет-зависимость.

美丽动人 *měilì dòng rén* ‘прекрасная и очаровательная’ используется в отношении красивых девушек, а вот фразеологический неологизм 美丽冻人 *měilì dòng rén* (досл. «прекрасная и замерзшая») используется в отношении девушек, которые одеваются без учета погодных условий для того, чтобы хорошо выглядеть.

不见不散 *bù jiàn bú sǎn* ‘не расходиться пока не увидеться’ в Интернет-языке путем замены компонентов становится 一见就散 *yī jiàn jiù sǎn* ‘как только увидел, сразу же ушел’ [11, 94页].

3. ФЕ, образованные непосредственно в Интернете.

十动然拒 *shí dòng rán jù* – ‘было трогательно, но отказала’. Этот фразеологизм появился после истории одного парня, который потратил 212 дней на написание письма с признанием в любви, в котором насчитывалось сто шестьдесят тысяч слов. Получив письмо, девушка была очень тронута, но все равно отказала ему.

不明觉厉 *bù míng jué lì* – ‘ничего не понял, но круто’. Фразеологизм образовался от фразы из фильма «食神» *Shíshén* (дословно ‘бог еды’), которая звучит так: 虽然我不知道你在说什么, 但感觉好厉害 *suīrán wǒ bù zhīdào nǐ zài shuō shénme, dàn gǎnjué hǎo lìhài* ‘хоть я не знаю, что ты сейчас говоришь, но кажется очень круто’.

累觉不爱 *lèi jué bù ài* – ‘слишком устал, чтобы любить’. Данная неофраза образовалась как сокращение записи поста молодого человека в Интернете. Он написал: 很累,感觉自己不会再爱了 *hěn lèi, gǎnjué zìjǐ bù huì zài ài le* ‘очень устал, такое чувство, что больше никогда не буду любить’, эта фраза стала очень популярной, после чего и образовался новый фразеологизм.

喜大普奔 *xǐ dà pǔ bēn* – аббревиатура от четырех чэньюй 喜闻乐见 *xǐwén lèjiàn* ‘радостное событие’, 大快人心 *dà kuài rén xīn* ‘вызвать всеобщее чувство радости’, 普天同庆 *pǔtiān tóngqìng* ‘всеобщее ликование’, 奔走相告 *bēnzǒu xiānggào* ‘спешить поделиться новостями’ – обозначает событие, которое обрадовало всех, все хотят им поделиться и разделить радость.

人艰不拆 *rén jiān bù chāi* – ‘жизнь и так тяжела, не рань меня правдой’. Данный фразеологизм является сокращенной записью строки из песни тайваньского певца Линь Юцзя «说谎» *shuōhuǎng* ‘лгать’: 别说我说谎, 人生已经如此艰难, 有些事情就不要拆穿 *bié shuō wǒ shuōhuǎng, rénshēng yǐjīng rúcǐ jiānnán, yǒuxiē shìqíng jiù bù yào chāichuān* ‘не говори, что я лгу, жизнь и так трудна, поэтому не стоит раскрывать правду некоторых вещей’ [10, 325页].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в китайском Интернет-языке появилось значительное количество фразеологических неологизмов. Неофраземы китайского Интернет-языка создаются путем приобретения нового значения у уже существующих фразеологических единиц общепотребительного китайского языка, а также путем замены некоторых лексических компонентов ФЕ, тем самым образуя фразеологизм с новым значением. Некоторые ФЕ китайского Интернет-языка создаются непосредственно в Интернете, беря за основу популярные посты, фразы из фильмов, песен и т.д.

Библиографический список:

1. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка [Текст] / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
2. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. [Текст] / Т.В. Жеребило. – Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. – 486 с.
3. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка [Текст] / И.Д. Кленин, В.Ф. Щичко. – М.: Восточная книга, 2013. – 272 с.
4. Мокиенко, В.М. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://oomnik.iling.spb.ru/neologia/konferencii/2007/konferencii/2006/faily/mokienko-v-m> (дата обращения: 26.04.2016)
5. Семенас, А.Л. Лексика китайского языка [Текст] / А.Л. Семенас. – 2 изд., стер. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 310 с.
6. Фойту, П. Тематическая и мотивационная характеристика фразеологических неологизмов (на материале русско-чешско-словацкого словаря фразеологических синонимов) [Текст] / П. Фойту // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции. – М., 20-21 ноября 2015. – С. 136-140.
7. 曹进. 网络语言传播导论. – 北京: 清华大学出版社, 2012. – 280页.
8. 徐朝晖. 当代流行语研究. – 广州: 暨南大学出版社, 2013. – 202页.
9. 杨园. 从网络语言中看成语异变现象. [Electronic resource]. URL: <http://wenku.baidu.com/link?url=EGJdHSxyvqY8l9wAd9ao--AHCoIFVzCK-5OcYxJvV->

kDXlg8ucCGVmrHuv8wyl0Lx0M3PzMtMRb0wpMqS286nvHrH_srg5ejE8xh4Cm2
6WO (дата обращения: 29.04.2016)

10. 张爽. 汉语新词语中的“网络成语”初探 // 才智, 2015年01期. – 第325页.

11. 张玉玲. 网络语言的语体学研究. – 北京: 中国社会科学出版社, 2014. – 195页.

В.И. Тарабрина, Чайкисова А.В. (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ОБРАЗОВ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В АМЕРИКАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается использование стереотипных образов афроамериканцев в рекламном дискурсе, а также изменения в этой сфере, связанные с историей США. В первой половине XX века в рекламе доминировали негативные стереотипные образы. Во второй половине XX века стали появляться положительные изображения афроамериканцев, однако, все еще основанные на стереотипных и ложных представлениях. В современном мире до сих пор встречаются примеры расисткой рекламы, которая подвергается бурной критике, что должно мотивировать рекламодателей более тщательно подходить к процессу создания рекламы.

Ключевые слова: расовые стереотипы; афроамериканцы; рекламный дискурс.

V. Tarabrina, A. Chaykissova (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

THE REPRESENTATION OF STEREOTYPICAL IMAGES OF AFRICAN AMERICANS IN AMERICAN ADVERTISING DISCOURSE

Abstract. The article discusses the usage of stereotypes and generalizations about African Americans in advertisements, and the changes that can be observed in connection with the history of the USA. We demonstrate that in the first half of the

20th century African Americans were portrayed as ignorant, poor individuals subservient to whites. The advertisements of the second half of the 20th century were mainly based on more positive portrayal of blacks, but still rather stereotypical. At present we can still see examples of numerous protests to advertisements based on racial stereotypes. Thus, modern advertisers should find ways to eliminate stereotyping in advertisements as they shape people's perceptions of themselves and the world around them.

Key words: *racial stereotypes; African Americans; advertising discourse.*

В современном мире реклама стала одним из ведущих элементов культуры, она манипулирует общественным сознанием, формирует отношение людей к окружающему миру, определяет их поведение, оказывает существенное влияние на восприятие себя и других. При этом достаточно часто в рекламе создаются и используются ложные или стереотипные образы, в частности, рекламодателей подвергают критике за стереотипное изображение представителей расовых и национальных меньшинств. В этой связи в данной работе предпринимается попытка анализа стереотипных представлений об афроамериканцах, представленных в рекламных кампаниях американских брендов разных лет.

Американскую рекламу начала XX века действительно можно считать расистской, поскольку в ней свойства рекламируемых товаров восхваляются за счет расовых различий. На картинке рекламы мыла (Fairy Soap) была изображена белокожая девочка, подходящая к темнокожему мальчику с вопросом:

Why doesn't your mamma wash you with Fairy Soap?.

На рекламном плакате отбеливателя (Clorinol Soda Bleaching) можно было видеть афроамериканских детей, причем кожа одного из них была светлее, чем у других. Плакат гласил:

We are going to use Chlorinol...and be like De White Nigger.

Среди ранних рекламных кампаний самым известным афроамериканским образом является «Тетушка Джемайма» («Aunt Jemima»), которая стала лицом бренда, специализирующегося на изготовлении продуктов для завтрака. Рассмотрим слоганы данной рекламной кампании:

I's in Town, Honey!

Every Bite Is Happifyin' Light.

Folks Sho' Cheer for Fluffy, Energizin' Aunt Jemima Pancakes.

Happifyin' Aunt Jemima Pancakes Sho' Sets Folks Singnin'.

Temptilatin' way to start yo' day!

Приведенные примеры иллюстрируют использование в рекламном дискурсе так называемого «зрительного диалекта» – написания, имитирующего диалектное или просторечное произношение [2]. В основном, данный прием используется для привлечения внимания, а также для придания тексту дополнительной коннотативной окраски, часто иронии. В данном случае употребление зрительного диалекта тесно связано со стереотипным представлением об афроамериканцах как о необразованных людях, говорящих на нестандартном английском, что еще больше подчеркивает неравенство между представителями двух рас.

Если анализировать концепцию бренда Aunt Jemima, можно отметить, что использование образа афроамериканской женщины в качестве лица бренда связано с так называемым архетипом «mammy» (чернокожей няни белых детей до отмены рабства в Южных штатах США). С точки зрения психологии, использование данного архетипа в рекламе бренда Aunt Jemima задействует психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного в опыте жителей Соединенных Штатов Америки XIX века [7]. В тот же период и со схожей мотивацией появляются такие бренды, как Uncle Remus, Cream of Wheat и Uncle Ben's для представления и продвижения которых используются образы афроамериканцев [3]. Считается, что это данное стереотипное представление имеет положительную оценку [1], так как афроамериканцы изображаются как преданные слуги, хорошие повара и работники. Поэтому бренды, использующие данный стереотип, представляют либо продукты быстрого приготовления, либо средства для уборки. С другой стороны, нельзя не отметить наличие превосходства со стороны белых по отношению к афроамериканцам, ведь в этой рекламе они изображаются как прислуга.

Кроме того, в ходе анализа статей, содержащих данные рекламные тексты, а также комментариев пользователей, мы выявили, что и на данный момент они воспринимаются как расистские и оскорбляют чувства афроамериканцев.

Эта же тенденция прослеживается и в рекламе посудомоечных машин бренда General Electrics 1949 года. На плакате изображалась женщина афроамериканского происхождения в одежде прислуги, которая стояла возле раковины на кухне и говорила:

I'se sure got a good job now!

С 70-х гг. XX века начинается новый период использования образов афроамериканцев в рекламном дискурсе, связанный с завершением движения за гражданские права афроамериканцев в США, в результате которого была прекращена расовая дискриминация в различных сферах [5].

С этого момента индустрия рекламного бизнеса отказалась от изображения афроамериканцев как людей более низкого социального положения и стала рассматривать их как потенциальных покупателей.

Первое использование образа афроамериканца как потенциального покупателя с целью расширения клиентской базы было замечено на постерах сети быстрого питания McDonald's:

Do your dinnertimin' in McDonald's. You can relax and get down with good food that won't keep you waitin'. Dinnertimin' or anytimin', going out is easy at McDonald's [6].

Несмотря на то, что в данной рекламе отражены особенности типичного речевого поведения афроамериканцев, на рекламном плакате изображены они по-другому: это уже не прислуга, а афроамериканская семья, которая хорошо проводит время в кафе.

Отметим, что в индустрии фастфуда того времени было довольно популярным использование единиц афроамериканского английского в их рекламных кампаниях. Дело в том, что развитие таких брендов как McDonald's и Burger King стремилось расширить круг потребителей, привлекая афроамериканцев. Именно поэтому в их рекламных текстах конца семидесятых годов встречаются такие фразы:

Carver Day Camp Gettin' Down.

Puttin' Hot Sauce on It.

Maurlee and his lady gettin' down with some cheeseburgers.

Can you dig where they're comin' from [6].

В это же время многие табачные компании также преследовали цель расширить свою клиентскую базу, привлекая афроамериканских потребителей.

Например, бренд «Newport» выпустил целую рекламную кампанию с изображениями афроамериканцев. На каждом рекламном плакате был следующий текст:

Cool ain't cold. Newport is [Ibid.].

В этот период создатели рекламы руководствовались следующим принципом: они считали, что потенциальные потребители будут склонны купить продукт, если увидят изображение себе подобных в рекламе данного продукта.

Считается, что активное продвижение сигарет с ментолом среди афроамериканского населения США способствовало тому, что на данный момент эти сигареты пользуются популярностью именно среди афроамериканцев.

Некоторые рекламодатели использовали стереотипное представление о том, что самым популярным времяпрепровождением среди афроамериканцев является игра в баскетбол, поэтому изображали в своей рекламе афроамериканцев с баскетбольным мячом (Newport).

Другим популярным способом привлечения афроамериканских клиентов стало использование их музыкальных предпочтений. Так, например, производители сигарет марки Koool изобразили на пачке афроамериканцев, исполняющих хип-хоп. Другие компании, например Форд, стали организовывать и спонсировать музыкальные фестивали для продвижения своего бренда. С появлением и распространением интернета, стали популярными специальные проекты для афроамериканских клиентов: My Black is Beautiful (Procter & Gamble), BlackTraveler (American Airlines).

Представляется интересным рассмотреть, как появился известный во всем мире рекламный слоган «I'm lovin' it» (McDonald's). Известно, что он был взят из одноименной песни Джастина Тимберлэйка. Несмотря на то, что данный исполнитель не является афроамериканцем по происхождению, в его песнях иногда присутствуют единицы афроамериканского диалекта, так как он находится в тесном сотрудничестве с афроамериканскими композиторами и авторами. Поэтому некоторые авторы утверждают, что McDonald's обязан своему коммерчески успешному слогану афроамериканскому диалекту [4].

Кроме того, проанализировав теле- и радио-рекламу данного бренда, мы обнаружили активное использование рэп-текстов, в которых также

используются единицы афроамериканского диалекта. Рассмотрим текст рекламного ролика 2008 года, в котором снимались афроамериканские актеры:

I woke up and found you creepin'

Tip toe tip

Oh girl, I know your secret

You dippin' on me?

Got that mcnuggets lovin'

You went to McDonalds?

It just ain't fair

Why can't you share your love with me?

Girl, you got 10 pieces, please don't be stingy.

В настоящее время в рекламных роликах часто используют отдельные фразы, характерные для афроамериканского диалекта, например, *You glow, girl!* (Pantene) работает как отсылка к известному афроамериканскому выражению *You go, girl!*, смысл которого заключается в воодушевлении и поддержке собеседника. Марка автомобилей класса «люкс» Cadillac использовала афроамериканскую лексическую единицу *bling bling* для рекламы новой модели, инкрустированной бриллиантами.

Итак, современные маркетологи и рекламодатели признают значимость афроамериканского сегмента рынка, особенно в последнее время, так как отмечается рост экономического влияния и покупательской способности афроамериканцев. Применяются различные стратегии привлечения данных покупателей, в рекламе используются положительные образы афроамериканцев. Так, афроамериканские модели все чаще стали появляться в рекламе средств по уходу за собой, косметики, а также престижных дорогих товаров. Нельзя не отметить, однако, что и в современных условиях встречаются случаи, когда производителям приходится отзываться рекламу из-за того, что она воспринимается как расистская. В 2013 году производитель безалкогольных напитков PepsiCo вынужден был принести официальные извинения и отозвать рекламный ролик газированного напитка Mountain Dew из-за обвинений в расизме и игнорировании проблемы насилия над женщинами. В ролике изображается сцена в полицейском участке. Представители правопорядка просят женщину на костылях и со следами побоев на лице опознать своего обидчика из шести персон: пятерых афроамериканцев

и козы по имени Фелиция, которая угрожает пострадавшей: *You betta not snitch on a playa?* В данном рекламном ролике воспроизводится стереотипный образ афроамериканца с такими приписываемыми чертами, как жестокость, агрессия, склонность к криминалу. Интересно, что ролик был создан афроамериканцем, и снимались в нем его друзья. Сами они не видели в этом сюжете ничего расистского, однако в обществе назвали эту рекламу «the most racist commercial in history» [8].

Таким образом, проведенный анализ показал, что репрезентация стереотипных образов афроамериканцев в рекламном дискурсе в целом изменилась в положительную сторону. Тем не менее, для того, чтобы реализовывать свои функции в полной мере, не причиняя вреда обществу, рекламодателям и маркетологам необходимо не использовать готовые стереотипные образы, а тщательно исследовать особенности и потребности разных групп потенциальных потребителей и создавать рекламу на основе глубокого понимания их чувств и ценностей. Особенно значимым это является на фоне того, расовая дискриминация – до сих пор острый вопрос в Соединенных Штатах, а реклама является не только средством продвижения товаров и услуг, но и конструирует имидж, формирует ценности и регулирует поведение людей в обществе.

Библиографический список:

1. Миньяр-Белоручева, А. П. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы [Текст] / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 52-65.
2. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
3. African-Americans: Representations in Advertising [Electronic resource]. – [http://adage.com/article/adage-encyclopedia/african-americans-representations-advertising/98304/\(17.02.2016\)](http://adage.com/article/adage-encyclopedia/african-americans-representations-advertising/98304/(17.02.2016)).
4. Blacks, J.D. McDonald's Ads... Are we Lovin' It? / J.D. Blacks.-[Electronic resource]. – <https://bamboozledinhollis.wordpress.com/2012/12/28/mcdonalds-ads-are-we-lovin-it> (18.01.2016).

5. Brasch, W. Black English and the Mass Media [Text] / W. Brasch. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1981. – 376 p.

6. Cruz, L. Dinnertimin' and No Tipping': How Advertisers Targeted Black Consumers in the 1970s [Electronic resource] / L. Cruz. – <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/06/casual-racism-and-greater-diversity-in-70s-advertising/394958/> (03.12.2015).

7. Pilgrim, D. The Mammy Caricature [Electronic resource] / D. Pilgrim. – <http://www.ferris.edu/jimcrow/mammies/> (28.04.2016).

8. Pow, H. 'Ya better not snitch on a playa': PepsiCo pulls Mountain Dew ad that depicts a goat as a black gang member after it is dubbed 'the most racist commercial in history' [Electronic resource] / H. Pow. – <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2317862/Mountain-Dew-online-ad-pulled-PepsiCo-dubbed-racist-commercial-history.html> (20.05.2016).

С.В. Чиронов (Москва)

Московский государственный

институт международных отношений

КАК «УЙТИ ОТ ОТВЕТА» ПО-ЯПОНСКИ

Аннотация. В статье на материале корпусных данных японского языка проводится анализ средств языковой концептуализации речевой тактики избежания ответа на вопрос или запрос согласия. Анализ лексического окружения иллокутивных глаголов с указанным значением позволяет уточнить параметры речевых ситуаций, место высказывания в цепочке речевых актов, а также выявить их перлокутивный эффект и аксиологический статус.

Ключевые слова: японский язык; иллокутивный глагол; речевой акт; речевая реакция; оценка.

HOW TO «DODGE A QUESTION » IN JAPANESE

***Abstract.** This paper uses Japanese corpus data to analyze the means to linguistically conceptualize speech tactics of avoiding answers and judgments. To this end we review the lexical environment of a range of illocutionary verbs so as to clarify the communicative situation parameters, assess the position of the utterance in a chain of speech act, and evaluate its perlocutionary effect and axiological status.*

***Key words:** Japanese language; illocutionary verb; speech act; speech reaction; evaluation mode.*

Данная статья представляет собой фрагмент программного исследования японских иллокутивных глаголов (ИГ). В ряде предшествующих работ [4; 6] мы убедились в существовании определённого типа речевых реакций на вопрос (запрос согласия), при которых говорящий (Г) не даёт однозначного ответа. Различные виды реакции и речевые тактики Г, используемые в этом случае, уже изучались на материале различных языков в отечественной лингвистике традиции [2; 7], где к ним применялось понятие «коммуникативного саботажа» [3; 1]. Нашей целью является взглянуть на данный тип речевых реакций с учётом различных интенций Г, используя для этого материал современного японского языка. Основываясь на постулате Д.Вандервекена о важности изучения арсенала ИГ конкретных языков как отражения лингвоспецифической концептуализации речевых и социальных действий [9, с. 167], мы наблюдаем за поведением ИГ указанной группы в контексте, базируясь на данных корпуса [11]. Конкретный объект анализа – демонстрирующая круг участников речевой ситуации актанта структура ИГ (поиск по падежным показателям левее ИГ), его модификация как показатель концептуализации данного речевого действия (предшествующий адвербиал), а также место высказывания в цепочке речевых актов (РА) и его перлокутивный эффект (по контекстам с соединительными и уступительными деепричастиями ИГ). Форма речевого выражения интенции Г отслеживается по содержанию цитаты при ИГ в ремарочной позиции.

Круг изучаемых глаголов определён по данным двуязычных и толковых словарей [10; 12]. В них указывается набор сем таких ИГ, включая интенции Г («избежание ущерба социальному лицу Г», «избежание неблагоприятных последствий предоставления информации», «коррекция неблагоприятной коммуникативной ситуации») и элементы речевых тактик для их реализации («искажение информации/ натяжка», «непредоставление существенной информации», «отвлечение внимания собеседника», «смена темы разговора»). Для целей настоящего исследования вместе с ИГ мы учитываем производные отглагольные имена и приравниваем к ИГ глагольные группы-фразеологизмы.

Не предполагающие вербализации Адресата (А) в актантной структуре составные (двуосновные, см. [5]) ИГ *iinogareru*, *toritsukurou*, и ИГ-фраземы *kiben-o furuu* и *o-cha-o nigosu* сосредоточены в своей семантике на речевой тактике (что говорится) и стратегии (чего планируется достичь) Г. Из них два первых фиксируют стратегию Г в своей внутренней форме. Так, ***iinogare*** = *уйти от ответа* ← *i(w)* = *говорить* + *nogare* = *избежать* указывает на использование различных тактик: а) Г объясняет, почему не может дать ответ, в том числе подчёркивая сложность проблемы, свои претензии к формулировке (よく読めなかったんだもの *да я не смог прочесть*, 複雑で厄介な問題 *трудная, противная проблема*, 赤系というのは、「たぶん赤だけど、赤と言いきることができない」という言い逃れのための言い方 «*оттенок красного*» – это способ ***уйти от ответа***, сказав: «*наверное, цвет красный, но я не могу сказать точно, что он красный*»); б) выдвигается неполный, частично или полностью ложный ответ (ピストルは川に捨てた *а я выбросил пистолет в реку*, 配当金が届かなかったのは、手続き上のミスで、問題はないと言いきりしていた *невыплату дивидендов выдали за случайную ошибку, убеждая, что всё в порядке*, ほとんどのODAはうまくいっている *почти вся ОПП идёт нормально*); в) отрицается достоверность слов собеседника (作り話 *выдумки*, используется маркер 云々).

Данная стратегия отграничена (встречается в перечислении) от лжи (欺瞞), отговорок, оправданий (言い訳) и сочетается с ними в динамическом развитии речевой линии Г: あらゆる手段を抗じて自己弁護 (いいわけ) と 忙しさを主張し、果ては「努力をしてる」と言いきりの体勢に入る *когда использованы все средства – и оправдания, и ссылки на занятость, то в конце*

концов пытаются *отделаться*, говоря «ну, я же что-то делаю». Нужный Г перлокутивный эффект – принятие А неполного, неверного ответа вместо ожидаемого – не может быть достигнут при осознании этого факта А и к его удовлетворению. Поэтому реализация целей Г требует ловкости (うまく, 3 вхождения), а РА вполне может быть частичным, выполненным «кое-как» (何とか, 4). Реальный перлокутивный эффект в случае провала стратегии Г – недоверие А: つぎはぎの解釈で言い逃れようとする態度は、諸外国の不信を買う попытки избежать ясной позиции через такую эклетическую трактовку вызовут недоверие за рубежом. Речевое поведение Г получает отрицательную оценку, но признаётся не запрещённым приёмом, оправданным в некоторых случаях, например, во избежание конфликта, и вербализуется в этом качестве коммуникантами: 言い逃れにすぎない. 殺してしまってから後で理由を考えたようなものだ *это лишь для отвода глаз – сначала убил, а потом придумал причину*, 対応の鈍さを批判されても仕方ない 言い逃れをするつもりはない *досадно, когда критикуют за медлительность, но мы не уходим от ответственности*, Перформативное использование этого ИГ (как, впрочем, и других в данной группе) было бы «иллокутивным самоубийством»: そういうときには、うまくお客をなだめて角が立たないように言い逃れをすればいいのに、あの娘にはそれができないんです *тут-то, чтобы не обострять отношения с клиентом, и придумать бы какое-нибудь объяснение, а она не умеет*.

«Модернизированный» вариант *inogareru*, распространённый в бытовом общении, – это глагол nigeru *убегать* в иллокутивном значении. В корпусе он встречается как ремарка при уклончивых ответах, объяснениях невозможности выполнить побуждение или дать ответ на вопрос (恥ずかしい *стыдно*, 急がない *спешки нет*, この事件は明智さんの領分だ *этим делом занимается Акэти*).

Значение глагола toritsukurou не исчерпывается речевыми действиями, а включает «спасти» (ситуацию, лицо), «изобразить» (видимость) – с такими прямыми дополнениями, как 場 *ситуация* (4), 体裁 *вид* (3), 笑顔 *улыбающееся лицо*, 表情 *выражение лица* (2), притом действие отрицательно оценивается. При ИГ имя в данной позиции не реализуется, а речевое действие в целом

получает положительную оценку как отвечающее максиме гармоничного общения. Адвербиальный модификатор в основном вербализует усилия Г по достижению этой цели: *慌てて* *поспешно* (5), *何とか* *худо-бедно*, *どうにか* *более-менее* (3), *がんばって* *с трудом*. Цель Г – «отыграть один ход» и развернуть неблагоприятную коммуникативную ситуацию, обнуляя презумпции А при вопросе (*何でもないのだ* *ничего-ничего*, *何もなかった* *ничего не было*) или просьбе (*仕送りできないんだ* *перевести деньги невозможно*), либо переключить внимание А на совместное действие (*さあ...よしよし行こうね* *ну ладно, хорошо, пойдём*), и избежать сценария игнорирования вопроса через предоставление минимальной, пусть неоднозначной, реакции, для чего используются речевые клише: *あ、そうか* *а-а, понятно*. Как допустимое средство мыслится и ложь (*嘘をつく*), концептуализуемая как низшая категория по сравнению с действием, означаемым данным ИГ. Критический подход к такому речевому поведению, вызывающему дискомфорт и у Г, и у А, проявляется в менее контролируемых источниках блогосферы: *ちょっと感じが悪かった*. *もっと正確に言えば、ちょっと「取り繕ってる」感じだった* *было неприятно, сказать точнее – чувствовалась какая-то натяжка*; *絶対整形だってばれてるのに、言い訳がましく取り繕うのが結構キツイです* *знаешь, как тяжело всеми средствами делать вид, что пластики не было, когда уже всем ясно, что ты после операции*; *背伸びしたり、取り繕ったりしないで知らないことは「分かりません」と言えばいい* *ведь можно не изображая, не натягивая ничего, просто сказать «не знаю»*.

Почти все примеры использования фраземы *kiben-o roo-suru* (*прибегать к софизмам*) – из стенограмм заседаний парламента. Данное выражение звучит в критических оценках самими участниками коммуникации и не используется в ремарках. В перечислении эта тактика объединяется с «выспренней риторикой», оцениваемой так же негативно. Примеры речений Г связаны с манипуляцией на логическом уровне (*どうしていちばん信用しなくちゃいけないオレに、疑惑の眼を向けるんだい* *почему вы обвиняете меня, которому должны верить больше всех*), общепризнанными представлениями (*皆もやっている* *все так делают*, *国民の意見を反映させるため* *это чтобы*

отразить волю народа), введением альтернативных оценочных шкал (計略全体をひとつの戦いに見なせば、必ずしも掟にそむいたとは言えない *если считать весь план борьбой, то нельзя сказать с уверенностью, что это нарушение*). Негативной оценочностью пропитана не только окружающая лексика (すり替え подмена), но даже грамматика (ルールを守れない人に限って как на беду, именно тот, кто не соблюдает правила).

Вербальное выражение – ***ronten-o zurasu*** – получает тактика «отвлечения внимания». Эксплицитное использование этого выражения в негативной просьбе свидетельствует о том, что это – запрещённый приём.

Фразеологизм ***o-cha-o nigosu*** (досл. *делать чай мутным*) метафорически описывает такую тактику ухода от ответа на вопрос или выражения согласия, когда после высказывания Г у А не складывается чёткого и полного понимания о положении дел. Цель Г – сохранить лицо (顔も立てる), когда предоставление полного и точного ответа ему невыгодно: 「どんな企業ですか？」と聞かれたら、1. イヤならお茶を濁す。2. 自信があるなら堂々と「先物やってます」と言う。Спрашивают про компанию? Если не хотите отвечать, наплетите что-нибудь. Хватит наглости – говорите: занимаемся фьючерсами. Неясность ответа Г возникает при использовании кванторных выражений (様々なこと разное), условных и ограничительных формул (人それぞれだから всё зависит от человека). Не удовлетворяют А оправдания, признания в незнании, рекомендации менее масштабных действий. Используются речевые клише (そうですね да как сказать – на запрос согласия, いや、ちょっと ой, да вообще-то... – на прямой вопрос). Вариантом ухода от ответа является подмена типа РА (обещание вместо ответа на вопрос). В корпусе множество примеров критики такой тактики: 「文学と私」みたいないい加減な話でお茶を濁した *плёл что-то неясное, типа «литература и я»*; 具体的なアドバイスが出来ず、漠然とした話でお茶を濁 *ничего конкретного не посоветовали, несли что-то абстрактное*; 会見も記事になるような話はなかなか出てこない。毎回、スケジュールの説明が終わると、世間話程度でお茶を濁している *после конференции не с чего писать статью, объяснят расписание – а потом треплются «за жисть»*; 重大な関頭にあるとき、他人事みたいな空念仏を唱えてお茶を濁す *なんてどんな魂胆ですか* *и как*

наглости хватает сотрясать воздух, как будто их ничего не касается, когда у нас реальные проблемы; 玉虫色 *эклектика, с миру по нитке;* ありきたり *банальности.* Сама по себе она называется «японской» (いかにも曖昧に 「お茶を濁して」 済まそうとする日本的な光景 *крайне расплывчатый ответ, каким японцы пытаются уйти от разговора*), см., однако, пример с коммуникантами-неяпонцами: Аへん戦争の失敗は、西洋に対して無知だったとお茶を濁せるが、しかし自分に頭を下げて弟子と自称する日本人に負けた *во время опшумных войн ещё можно было списать всё на незнание Запада, но потом китайцы проиграли своим же ученикам – японцам.* Критика вербализуется самими коммуникантами, в том числе с указанием на негативные перлокутивные эффекты: 今回の失敗はみんなの責任ということで、次回からはくれぐれも注意するように」などとお茶を濁すのは最低のやり方である *это недостойная увёртка – сейчас, мол, ответят все, а впредь будьте осторожнее;* 企業独自でいろいろな情報を収集しているのもまた事実で、ちよっとお茶を濁したくらいではすぐ底が割れ、調査能力を疑われます *предприятия сами имеют массу информации, и чуть смухлевать будет значить расписаться в некомпетентности.*

Ещё один ИГ тактического плана – rikutsu-o tsukeru, *резонёрствовать.* Причины, указываемые Г, оцениваются как 変な странные и 勝手な *своевольные, あれこれ всякие разные* (3). Дополнительно понижает оценку действий Г субъектом ремарки использование префиксоида *he-*.

Оставшиеся три ИГ допускают прямое дополнение, что, как показывает А.Вержбицка, говорит об осознании носителями языка социальной и интересубъектной направленности соответствующих РА [8]. В семантике ИГ это проявляется в фокусе на эффекте, производимом на А, а не на отдельных речевых тактиках Г. Таков ИГ hagurakasu, который можно рассматривать как каузативный дериват от *haguru* – *отойти, сбиться с дороги.* Речевое наполнение такого действия может быть различным: а) высказывание, не воспринимаемое как ответ в силу недостаточной когезии (*ほかのことを言って говорить о другом*), б) ссылки на невозможность сложность вопроса, трудность объяснения (*簡単に説明できないから так просто не объяснишь, 僕に聞かないでください не спрашивайте у меня*), в) расплывчатые

формулировки (覚えていたら書いてみるのもおもしろいかなって思ったりなんかして ну я типа подумал что, может, если б запомнить, было б, поди, интересно записать), г) обещание, увещевание, утешение (もうすぐだ уже скоро), е) смена темы. Иллокутивная интенция Г – избежать признания или иного сценария, когда А станут известны невыгодные Г факты (ばれないように、上手くはぐらかせる方法はありませんか нельзя ли как-нибудь ввести всех в заблуждение, чтобы ничего не вскрылось).

Фокусировка на эффекте речения на А влияет на модификацию ИГ. Если тактические «находки» Г расценивались хотя и как предосудительные, но всё же с некоторым снисхождением, юмором и даже сочувствием, то здесь на первый план выходит осуждение Г за обидное для А невнимание (適当に кое-как, いい加減に как попало). В таком действии упрекают, уличают. ИГ прямо используется коммуникантами для критики друг друга, единственный встречается в РА грубого запрета (3 случая), становится предметом спора. Притом смысловая насыщенность сочетается с субъективностью оценки – по пути ИГ описывает в большей степени сам перлокутивный эффект на стороне А, чем действие Г, откуда и относительно высокая частотность вхождений с 気がする казаться (4), 感じ ощущение (3): 現代文明批判の言葉を期待すると、いささかはぐらかされることになる если вы ждали слов критики в адрес современной цивилизации, то получается, будто вам что-то не договаривают.

Из глаголов лжи к ИГ ухода от ответа должен быть отнесён gomakasu, предполагающий высказывание, отличное от того, сделать которое вменяется Г в обязанность (в отличие, например, от инициативных РА лжи). Стимулом Г может быть не только вопрос или другое высказывание А, но и ситуативно определяемое требование реакции: 彼女から改めて電話があった時に聞いたら、客には「フロントから」と言ってごまかして自分の携帯に出たという когда она снова позвонила, соврал клиентам: это с ресепшна, – и взял трубку. Модифицируют ИГ адвербиалы うまく ловко (19), 適当に как попало (11), 上手に умело (3), 巧みに искусно (3). Речевое действие производится смеясь (笑って, 13), поспешно (慌てて, 3). Содержание речения – объяснение, альтернативное положение вещей, неточные речевые формулы типа

うん、ちょっとね *nu da*, いや *da net*. Г ожидает, что А выполнит действия (разрешит, согласится, даст, оплатит) на основе подложной информации, не заметив обмана. РА проваливается, если А узнаёт истинное положение вещей. Коммуниканты обвиняют друг друга в этом недопустимом речевом действии, в том числе с помощью вопросов-вызовов, высказывают призывы не прибегать к нему.

Как и *o-cha-o nigosu*, фразема ***kemu-ni taku*** (*нанусть дым*), метафорически обыгрывает эффект введения А в заблуждение (неведение). Так характеризуются иносказательные высказывания «обиняками» (遠廻しな言い方). Отличие от *o-cha-o nigosu*, с одной стороны, состоит в преимущественно публичном, а не бытовом характере РА (в 3 из 14 вхождений объект РА – 記者 *журналисты*). С другой стороны, само содержание высказывания более примитивно, предназначено скорее для того, чтобы сбить с толку, запутать, чем чтобы создать видимость правдоподобия: 実在するわけでもない人物の名前を捏造して引用したり *цитировать несуществующих людей*, そうではないとか意味の取り方が違うとか *«это не так, это можно воспринимать по-разному»*, 空飛ぶ機械や火薬の製法など思いがけないアイデアを出して *придумывать небылицы вроде летающих машин и рецептов пороха*, 難解なことを言って *говорить непонятно*, 不毛な議論をふっかけて *выдвигая безумные идеи*.

Рассмотренные ситуации употребления ИГ ухода от ответа позволяют представить данное лексико-семантическое поле как организованное вокруг существенных параметров коммуникативной цели (действие для собственной выгоды или ради гармонизации общения) и направленности на конкретного адресата (определяет описываемый ИГ отрезок речевой деятельности Г на континууме между тактическими и стратегическими целями). Прочие параметры включают контрфактивность, ясность и полноту высказывания, а также степень социальной приемлемости и малефактивности РА для адресата.

Как мы убедились, уход от ответа вызывает дискомфорт у обоих коммуникантов, а в случае неуспеха тактики Г реальным перлокутивным эффектом становится напряжённость и конфликт между ними. В ряде случаев он признаётся вынужденной необходимостью, но преобладающий негативный (несмотря на различные стадии социальной рефлексии) тон речевых оценок

убедительно опровергает расхожее представление о том, что японцы не только часто прибегают к этой тактике, но и якобы находят в ней добродетель.

Библиографический список:

1. Андреева, В.Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. Режим доступа URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12218> (дата обращения: 15.05.2016)

2. Андреева, В.Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа. [Текст] / Андреева В.Ю. Автореф. дисс... к. филол. н. Курск, 2009. – 23 с.

3. Николаева, Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия [Текст] // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

4. Чиронов, С.В. Иллокутивные глаголы (не)согласия в японском языке [Текст] / С.В.Чиронов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII международной конференции, Челябинск, 20-22 апреля 2016 года. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 305-311.

5. Чиронов, С.В. Исследования сложных глаголов в японском языке [Текст] / С.В.Чиронов // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки : Материалы X международной конференции. – М., 2012. – С. 296-308.

6. Чиронов, С.В. Согласие и несогласие как локуция и иллокуция: некоторые данные японского языка [Текст] / С.В.Чиронов // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2016. – № 4-3 (76). – С. 130-135

7. Яренчук, Е.Э. Речевые стратегии и тактики коммуникативного саботажа в ток-шоу [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/015-011.pdf> (дата обращения: 16.05.2016).

8. Wierzbicka, A. English speech act verbs: a semantic dictionary. [Текст] Sydney, Academic Press, 1987. – 397 p.

9. ダニエル・ヴァンダーヴェーケン著、久保進監訳「意味と発話行為」[Текст] ひつじ書房、東京1997、333 頁 (Vanderveken D. Meaning and Speech Acts, V 1. Principles of Language Use. Cambridge, CUP 1990).

10. 東郷正延「露和辞典」[Текст] 東京、研究社1988. 2674頁

11. 現代日本語書き言葉平均コーパスKOTONOHA [Электронный ресурс] Режим доступа URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 22.05.2016).

12. Weblio 類語辞典 [Электронный ресурс] Режим доступа URL = <http://thesaurus.weblio.jp/content> (дата обращения 20.05.2016)

Цзяо Юнцинъ (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологий

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАТЕГИЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ И ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЭТИХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация. В ходе исследования были проанализированы переводы 22 студентов, изучающих английский язык, полученные в результате прохождения устного теста ТЕМ8 при помощи метода «мыслей вслух». Также были проанализированы причины выбора тех или иных переводческих стратегий. Исследование показало, что студенты-переводчики при интерпретации в основном используют такие стратегии, как видоизменение и опущение, редко используются такие стратегии, как умозаключение и предположение. Выбор стратегий связан с языковой некомпетентностью обучающихся, нехваткой эрудиции и недостаточной тренированностью памяти. Данная работа поможет обучающимся понять причины выбора стратегий, а также заниматься самосовершенствованием, разобравшись с причинами проблем при переводе. Кроме того, в статье содержатся советы для обучения интерпретации текстов.

Ключевые слова: ТАР (метод «мыслей вслух»); переводческие стратегии; англо-китайский перевод.

Jiao Yongqin (Yantai)

Shandong Institute of Business and Technology, Yantai

**CHARACTERISTICS AND REASONS OF ENGLISH-CHINESE
CONSECUTIVE INTERPRETING STRATEGIES
--- A TAPS-BASED EMPIRICAL STUDY ON STUDENT
INTERPRETERS**

***Abstract.** Based on 220 segments of audio files of TEM8 oral test and think-aloud protocols, the empirical study analyses common interpreting strategies of 22 junior English-majors, and discusses the underlying reasons for their options of interpreting strategies. The study finds that student interpreters tend to use largely self-revision and omission and deletion. The strategies of inference and association and prediction are rarely used. The option of different interpreting strategies also lies in their linguistic incompetence and lack in abundant knowledge, few opportunities of field interpretation and lack in intensified practice in note-taking and good memory. The study helps student to understand reasons for interpreting choices, thus stimulate them to improve themselves in terms of different aspects. Meanwhile, the study provides useful suggestions for interpreting teaching and learning.*

***Key words:** TAPs; interpreting strategies; English-Chinese consecutive interpreting.*

1.0 Introduction

Consecutive interpretation means the interpreter takes notes when listening to the speaker, and interprets full information with accurate and natural target language when he finishes speaking or pauses to wait for the interpretation. The interpreter should understand and remember the information, and transform for the audience with target language promptly. One of the targets of consecutive interpretation course is to guide students to choose appropriate strategies. During interpreting, why do they choose certain strategy? What kind of thinking process is it?

Think-aloud protocols, also called TAPs, are commonly used in studying the thinking process of the interpreter. The method has been used in both written translation and oral interpretation [6]. Li Dechao [6] studies three aspects of the process, strategies and qualities of interpreting with TAPs. Wang Weiwei [7] studies

comparison between professional and student interpreter in choosing different strategies during consecutive interpreting.

Based on TAPs, the study focuses on student interpreters' thinking process. What kind of strategies do they incline to choose and the reasons underlying them? The study is to help student interpreters in deciding which strategies to choose, and thus improve their interpreting tactics gradually and specifically.

2.0 Literature review of interpreting strategies

The study on interpreting strategies covers definition of interpreting, classification and functions during the course of interpreting [2]. He studies three kinds of interpreting strategies covering understanding strategies, precaution strategies and reconstructing strategies. Kalina [4] classifies the interpreting strategies into "source language understanding strategies and target language output strategies". Wang Xiaolu [8] studies and justifies the high correlations between listening-differentiation training and improvement of the quality of consecutive interpreting and attempt to construct a format to enhance listening-differentiation. The fulfillment of interpreting lies in whether or not the interpreter can know the speaker's information and intention [9].

Gile [2] points out five kinds of interpreting strategies based on five parts during the process of consecutive interpreting. Lv Shisheng [5] studies general use of interpreting strategies concerning about technological interpretation, stressing the adoption of target-oriented language strategies. Based on TAPs, Bartłomiejczyk [1] finds 21 kinds of interpreting strategies adopted by student interpreters during their field interpretation. Li [6] discusses the correlation between acquisition of interpreting strategies and interpreting teaching.

The paper, based on think-aloud protocols, studies and discusses the different interpreting strategies that students tend to adopt during the course of interpretation and the underlying reasons.

3.0 Research design

3.1 Subjects

The subjects of the study are 22 junior English-majors, We call them student interpreters. Their native language is Chinese, with English as their secondary language. All of them have learned English for more than 11 years. They have learned some introductory courses for more than two years and known some certain

skills about interpreting. Subjects chosen are fully accordance with the requirement of highly correlated principle of subjects and study focus in the empirical study.

3.3 Study material

The material adopted in the study is English-Chinese of the oral test, TEM 8. It is a speech of an international CEO at the provincial level forum in china. The speech includes 358 English words with moderate tone, five segments among which are required to interpret with only 170 words. It is moderately difficult with credibility.

3.2 Study methodology

22 student interpreters participated in the oral test. After finishing the test, they were required to reckon on their thinking process in Chinese during their interpretation. The method of think-aloud-protocols is used during the reflection. The interviewing format was used during the process as well. For instance, the interviewer will ask them why you compliment words. What do you omit information here? This format, say, “joint translating” will be more authentic to get the data of think-aloud-protocols than monologue [3].

The researcher transcripts all the audio files and collects all the data afterward. There are 220 segments of audio files and think-aloud protocols in all.

4.0 Results and analysis

The study analyzed the data collected and found that student interpreters usually adopted at least 6 interpreting strategies. They are self-revision (38%), omission and deletion (26%), constant repetition (18%), sentence reconstruction (9%), information restatement (7%) and inference and association (2%). In addition, other insignificant strategies occur, such as, delay interpreting, silence instead of interpreting.

4.1 Interpreting strategies adopted by student interpreters

1) Self-revision

Student interpreters will consciously revise and modify their interpreting version during their interpreting process.

2) Omission and deletion

Student interpreters would like to omit or delete some information because of inadequacy of vocabulary. When they couldn't hear the source language clearly, they would also give up so that they could catch up with next segment.

3) Constant repetition

Student interpreters consciously add some additional information or just repetition. It seems like repetition helps them keep interpreting all the time. On the other hand, they can thus relax their tension.

4) Sentence reconstruction

Student interpreters usually reconstruct their sentence or change the logic procedure once they think it is not appropriate or native one.

5) Information restatement

Student interpreters are apt to express some certain information with longer phrases or sentences, especially when they could hardly find appropriate words.

6) Inference and association

Sometimes, student interpreters will infer, imagine or reconstruct some additional information based on their guessing about the source information.

The commonly used strategies by student interpreters during their interpreting are 1) self-revision; and 2) omission and deletion. Marta (2012) argues that strategy of omission and deletion is commonly used among primary student interpreters when they encounter some difficult problems.

4.2 The underlying reasons for choosing the strategies

1) Self-revision

Student interpreters commonly adopted the strategy of self-revision. It is largely because they want to find more appropriate words or phrases when interpreting some source language information. Most student interpreters self-revised their interpretation owing to options of appropriate words or phrases. For instance, “rmb 3.5 billion”, some student interpreters self-revise many times, ranging from “ 3500 万, 350亿, 35亿, 35百万 to 35千万 ” and so on. When they interpret “In this second half of the year”, some students self-revised their interpretation ranging from “今年的第二个季度, 今年的第二个半年, 后半年” to “ 今年的下半年, 下半年” and so on.

2) Omission and deletion

Most student interpreters omit or delete some information solely because they could not interpret precisely or fail to switch language codes.

For instance, when they interpret the sentence “ to help local suppliers to be more aware of food safety issues to complete the innovation of products and technology”. They will interpret them into “提高当地居民的安全意识, 给当地居民提供更安全的产品 ”. When interpreting

“complete the innovation of products and technology”, some omit them directly so as to continue the next part.

3) Constant repetition

Student interpreters use constant repetition to avoid pausing and embarrassment, relaxing themselves, or solely make the sentence much more logical and accuracy during the course of interpretation. Say, when interpreting “layout of product”, some student interpreters repeated the same phrase “产品摆放, 产品部署, 产品展示, 产品结构, 产品布局等”, so that they would not keep silence. Especially, they prefer to use the strategy when the source information is too difficult.

4) Sentence reconstruction

Some said they would reconstruct the sentence once they were confused with the logical source information. Others tended to divide the complex sentence into several parts so that the interpretation will be much more native and accurate.

For instance, when interpreting “offered them free consultation, including the customers’ needs, layout of products, flow of funds and market feedback”, some students interpreted like the following “提供帮助.....这些帮助是免费的”. Some reconstructed the sentence solely because they forgot the source structure.

5) Information restatement

Student interpreters adopt this strategy mainly because they find the source information difficult to understand, or can’t remember what they have heard just now.

Student interpreters seldom have experience of field interpreting. They are too nervous to figure out proper phrases to make up for good interpretation, or to make them more easily understood. For instance, when interpreting the part “complete the innovation of product and technology”, some student interpreters said it mainly means produce many more better product, so they interpret this part into “改进产品, 生产更好产品” instead of the accurate interpretation “完成产品和技术的改革”.

6) Inference and association

In this study, student interpreters rarely adopted the strategy of “Inference and association”. Sometimes, it is just because they haven’t too much relative knowledge.

For instance, when interpreting “offered them free consultation ... market feedback”, some student interpreters interpret “free consultation” into

“提供三方面的服务” since the rest of the sentence mentions several parts. It is also because some of them couldn't distinguish the two pronunciations of “free and three”.

Another student interpreter said he interpreted “provide guarantee for suppliers who want to obtain loans or financing” into “我们将为供应商们提供贷款或者资本”. Some interpreted it with common sense that suppliers need loan or capital.

4.4 Implications

The study indicates that student interpreters pay more attention to the options of words, understanding meanings of source information and saving time to interpret the following information. Although they make good efforts to make the interpretation more fluent and accurate, compared with professional interpreters, they are more likely to focus on the micro or trifle aspects instead of the whole passage. From the study, we get the following implications.

1) Improving students' of linguistic competence as well as abundant knowledge.

For student interpreters, the main barrier is their linguistic competence. While taking notes, they should understand, remember and figure out appropriate target language to interpret it. Some didn't know how to interpret it correctly, thus occurs such strategies as repetition, restatement, inference and self-revision. The linguistic incompetence and lack in abundance knowledge significantly affect student interpreters' interpreting performance [7]. One key is to enhance their ability of distinguishing different pronunciations [7].

2) Providing more opportunities for students to simulate field interpretation.

Student interpreters tend to be extremely anxiety and stress owing to intensified and prompt features during the course of interpretation. Some students said that I usually forgot next part of source information since I focused a lot on the interpreting numbers. The possible resolution is to offer them more opportunities to practice.

3) Practice taking -notes and promote ability of recitation.

Student interpreters should balance different skills, such as, taking-notes promptly, abundant and various information, and so on. And accurate and instant memory partly lies in your notes you take when listening [2], thus it is absolutely significant to increase taking-notes speed. Besides, they should also learn to predict the concerning information and enhance their audience consciousness.

All in all, a good interpreter needs various abilities covering solid basic bilingual skills, profound knowledge, strong cross-cultural consciousness, good memory, prompt thinking ability, swift response and flexible strain capacity.

5.0 Conclusion

The study finds that student interpreters often use 6 interpreting strategies, among which self-revision and omission and deletion are commonly used, while inference and association are rarely used. The underlying reasons for student interpreters to choose certain interpreting strategies are relative with their linguistic incompetence, lack in abundant knowledge and more opportunities to practice and intensified training on taking-notes and ability of recitation.

List of References:

1. Bartłomiejczyk, M. *Strategies of simultaneous interpreting and directionality*. Interpreting, 2006.8.
2. Gile, D. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995.
3. House, J. Talking to oneself or thinking with others? *On using different thinking aloud methods in translation*. Fremdsprachen Lehren und Lernen, 1988 (17).
4. Kalina, S. *Strategische Prozesse Beim Dolmetschen, Theoretische Grundlagen, Empirische Fallstudien, Didaktische Konsequenzen*. Tübingen: Gunter Narr, 1998.
5. Lv Shisheng. *Strategic options and practical problems on science and technology interpretation*. Chinese Science & Technology Translators Journal, 2007 (20).
6. Li Deshao, Wang Weiwei. *Study on interpretation based on think- aloud – protocols*. Foreign Language Teaching and Research, 2011.6.
7. Wang Weiwei. *Characteristics of strategies adopted in Chinese-English consecutive interpretation*. Chinese Translators Journal, 2015.6
8. Wang Xiaolu, Ji Rongqin. *The correlation between training in listening and interpreting quality*. Foreign Languages, 2014.5.
9. Zhong Weihe. *An Elementary Course on English interpretation*. Beijing: Higher Education Press, 2007.

4. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ СТРАН АТР

Т.В. Амосова (Иркутск)

Иркутский государственный аграрный университет
имени А. А. Ежевского

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ АГРАРНОГО ВУЗА

Аннотация. Статья посвящена вопросам профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Особое внимание уделяется междисциплинарной интеграции дисциплины «иностранный язык» с профилирующими дисциплинами, способствующей формированию не только общекультурных, но и профессиональных компетенций будущих специалистов в области сельского хозяйства, а также формированию интереса к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение; интеграция дисциплины «иностранный язык»; профильные дисциплины.

T. Amosova (Irkutsk)

Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky

TEACHING OF PROFESSIONALLY ORIENTED LEXICS OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES OF THE AGRARIAN UNIVERSITY

Abstract. The article is devoted to the problems of professionally oriented foreign language teaching in a non-linguistic higher school. Particular attention is paid to interdisciplinary integration of a foreign language discipline and profile disciplines. It promotes the formation of cultural and professional competences of the

future specialists in the field of agriculture and the formation of students' interest to studying a foreign language.

Key words: *professionally oriented foreign language teaching; integration of foreign language discipline; profile disciplines.*

Для современного этапа развития образования характерно новое понимание целей и задач всей системы иноязычного профессионального образования. Приоритетным направлением в настоящее время считается профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку в неязыковом вузе, предусматривающий формирование у студентов способности к иноязычному общению в сфере их будущей профессиональной деятельности.

Профессия (от лат. *professio*) – это исторически возникшие формы трудовой деятельности, для выполнения которых человек должен обладать определенными знаниями и навыками, иметь специальные способности и развитые профессиональные качества [2, с. 11]. Профессиональное образование – это научно обоснованный процесс и результат освоения определенного вида профессиональной деятельности, сопровождающийся овладением знаниями, умениями и навыками, а также формированием компетентностей, компетенций и метапрофессиональных качеств [Там же, с. 14].

Актуальным становится вопрос формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции у будущих выпускников неязыкового вуза. С развитием науки и техники изменились требования, предъявляемые рынком труда к выпускникам аграрного вуза, возросла значимость межкультурных контактов с коллегами-представителями иных профессиональных лингвокультур.

Необходимый уровень иноязычной коммуникативной компетенции выпускника аграрного вуза должен позволить владеть умениями общего и делового общения на иностранном языке, владеть иностранным языком в объеме, необходимом для получения информации профессионального содержания из зарубежных источников, работать с информацией профессионального содержания в глобальных компьютерных сетях, быть способным к межкультурной коммуникации в сфере профессиональных интересов. Формирование иноязычной (профессиональной) коммуникативной

компетенции есть основная цель обучения иностранному языку в аграрном вузе.

На первом курсе неязыкового вуза у студентов формируются традиционные компетенции. Как известно, цель общего курса иностранного языка – научить студентов использовать иностранный язык в различных ситуациях социального общения. На втором курсе формирование компетенций имеет профессиональную направленность. Основная цель развития иноязычной коммуникативной компетенции специалистов направления подготовки 06.03.01 – Биология, профиль «Охотоведение», «Биоэкология», «Экологический туризм» в способности и готовности студентов осуществлять иноязычное общение на английском языке в сфере своей профессиональной деятельности^[1].

Студенчество как особая социальная категория характеризуется профессиональной направленностью интересов и сформированностью (для большинства обучающихся) устойчивого отношения к будущей профессии [5, с. 259 – 260]. Существенной является интеграция дисциплины «Иностранный язык» со специальными дисциплинами, в нашем случае, такими, как «Биология», «Ботаника», «Байкаловедение» и т.д. для получения студентами дополнительных профессиональных знаний, необходимых для успешной профессиональной деятельности и карьерного роста будущего специалиста. Соответственно, содержание обучения языку специальности должно соответствовать профессиональным интересам студентов, а также отражать последние научные достижения в сфере будущей профессиональной деятельности, учитывать как требования, предъявляемые к выпускнику рынком труда, так и возможности образовательного процесса в аграрном вузе.

Профессиональную направленность курса иностранного языка желательно осуществлять возможно раньше, что стимулирует интерес к изучению языка [5, с. 171 – 172]. Студентам необходимо давать новый материал на иностранном языке только после того, как они прослушают курс лекций данной тематики по профилирующей дисциплине. Безусловно, преподаватель иностранного языка должен изучить основы специальности и базовую профессиональную лексику, ориентироваться в терминологии, например, по основным аспектам теоретической и прикладной экологии, проблеме сохранения природной среды, рыболовству и охоте.

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку (О. Ю. Иванова, А. К. Крупченко, П. И. Образцов, О. Г. Поляков, Н. С. Сахарова, В. Ф. Тенищева, С. Г. Тер-Минасова, Н. П. Хомякова и др.) является достаточно новым направлением развития теории и практики обучения иностранному языку для специальных целей, в основе подхода которого – потребность обучаемых, диктуемая особенностями будущей профессии или специальности, которые в свою очередь, требуют его изучения. Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях [3, с. 3].

Вопросы, связанные с обучением иноязычной лексики рассматриваются в работах таких ученых как Л. Е. Алексеева, В. А. Бухбиндер, Н. И. Гез, П. Б. Гурвич, И. А. Зимняя, М. В. Ляховицкий, Е. И. Пассов, С. Г. Тер-Минасова, С. К. Фоломкина, С. В. Шатилов, А. Н. Шапов и др.

М. В. Ляховицкий обосновал принцип профессиональной направленности обучения иностранному языку в неязыковых вузах, подчеркивая, что изучение иностранного языка должно быть не самоцелью, а средством достижения цели повышения уровня образованности, эрудиции в рамках своей узкой специальности, учитывая специфику профилирующих специальностей: работа над специальными текстами; изучение специальных тем для развития устной речи; изучение словаря-минимума по соответствующей специальности; создание преподавателями пособий для активизации грамматического и лексического материала обучающихся.

Отбор содержания языкового материала – одна из самых важных и сложных проблем, от решения которой во многом зависит успешность обучения.

Вопросам отбора содержания профессионально-ориентированной подготовки студентов неязыковых вузов посвящены работы таких ученых, как И. Л. Бим, И. А. Зимняя, Р. П. Мильруд, О. В. Поляков, В. В. Сафонова и др.

Проведенный анализ литературы показывает, что при составлении методических и учебных пособий не всегда учитываются потребности профилирующих выпускающих кафедр и самих выпускников, в частности, отбор и объем лексического содержания обучения.

Мы считаем, что для оптимизации усвоения студентами профессионально-ориентированной лексики в процессе обучения необходимо определить не только содержание учебного материала, но и объем лексического материала, создать и использовать в учебном процессе учебный словарь узкоспециальных терминов, позволяющий повысить степень усвоения студентами профессионально-ориентированной иноязычной лексики.

Существует множество различных подходов к отбору языкового материала, например, эмпирический подход базируется на личном опыте преподавателя; лингвистический подход включает в себя семантические, грамматические и стилистические критерии (критерий сочетаемости слова, критерий многозначности, критерий семантической ценности, критерий стилистической нейтральности, критерий словообразовательной ценности, критерий строевой способности); прагматический подход (критерий частотности, тематический критерий, критерий употребительности, критерий описания понятий, критерий исключения синонимов, критерий прозрачности) и т.д. [3, с. 37 – 39].

При отборе лексического материала необходимо определить терминологический минимум, который обеспечит понимание в процессе чтения оригинальной научно-технической литературы и ведения беседы по специальности. Лексические единицы, входящие в словарь-минимум (учебный словарь узкоспециальных терминов), должны составлять ядро терминологической системы и создавать большой потенциальный лексический запас, основанный на способности самостоятельной семантизации незнакомых терминов на базе известных основ и словообразовательных моделей [1, с. 81 – 98].

Мы согласны с мнением ученых В.М. Соколова и Е.А. Алешугиной, что для отбора необходимой лексики нужно изучить учебные пособия, учебные и рабочие программы по специальным дисциплинам учебного плана вуза, встретиться с ведущими преподавателями специальных и профильных дисциплин по направлению подготовки для беседы по данному вопросу [4].

Объективно и качественно отобранный учебный материал не только повышает мотивацию студента к изучению иностранного языка, но и поддерживает его веру в возможность овладения иностранным языком, в целесообразность изучения иностранного языка и приобщает к использованию

языка в реальных жизненных ситуациях и ситуациях, связанных с его профессиональной сферой деятельности.

Библиографический список:

1. Вишнякова, Н. Г. Определение состава и объема терминологического словаря-минимума для неязыкового вуза / Н. Г. Вишнякова // сб.: Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах педвузов. – М., 1989. – С. 81-98.
2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. – М.: Academia, 2009. – 240 с.
3. Образцов, П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.
4. Соколов, В. М. Способы отбора лексического содержания профессионально-ориентированной иноязычной подготовки студентов в неязыковом вузе: монография / В. М. Соколов, Е. А. Алешугина. – Нижний Новгород, 2011. – 154 с.
5. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Учебное пособие для преподавателей и студентов. Теория и практика: 2-е изд., испр. и доп. – М. : Филоматис, 2006. – 480 с.

---

^[1] URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/060301_Biologia.pdf

О.Ю. Вербицкая (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

**К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» В
РЕГИОНОВЕДЕНИИ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты понятия «культурная среда». Автор определяет термин «культурная среда» через понятие «культура» и рассматривает необходимые элементы процесса взаимопроникновения культур в процессе обучения будущих регионоведов.

Ключевые слова: культура; культурная среда; иноязычное языковое пространство; культурные ценности; регионоведение.

O. Verbitskaya (Irkutsk)

EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

TOWARDS THE QUESTION OF IMPORTANCE OF THE NOTION «CULTURAL ENVIRONMENT» IN AREA STUDIES

***Abstract.** This article is concerned with some aspects of the notion «cultural environment». The author defines what «cultural environment» is through the notion «culture» and gives an insight into some elements, necessary for the mutual penetration of cultures within the process of future Area Studies specialists' educating.*

***Key words:** culture; cultural environment; foreign language environment; cultural values; Area Studies.*

Понятие «культурная среда» является, на наш взгляд, одним из основополагающих понятий регионоведения в связи с тем, что результатом процесса формирования определённых навыков и умений у регионоведов-аналитиков является формирование личности, способной успешно существовать не только в своей, но и в «иной» культурной среде за счёт интегративных личных качеств, сформированных посредством ознакомления с другой культурой.

Для определения понятия «культурная среда» необходимо рассмотреть понятие «культура». Одним из первых определений культуры было сформулировано Э. Тайлором, который подразумевал под культурой «комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества» [4; 18]. В дальнейшем А. Л. Кroeбер и К. Клухольн провели аналогию между культурой общества и культурой индивидуума данного общества. Они писали, что «культура для общества – то же, что и память для отдельного человека» [7; 34]. Впоследствии М. Херсковиц определил культуру как «часть окружающей среды, которая создана самим человеком» [5; 14].

На данный момент существует значительное количество определений понятия «культура общества», которые отражают тот или иной параметр понимания данного термина. Однако при анализе данных понятий можно сделать вывод, что понятие «культура» носит абстрактный характер, в связи с отражением разнообразных аспектов жизни: от материальных (пища, одежда) до нематериальных (общественный строй, структура социума, особенности индивидуального поведения и мировоззрения). Интересным является точка зрения американского психолога Д. Мацумото, так пишет о культуре: «Мы вводим понятие культуры для описания аналогий между индивидами, принадлежащими к какой-то группе, и различий между группами. Мы используем понятие культуры в качестве пояснительного конструкта, помогающего понять и распределить по категориям эти внутригрупповые аналогии и межгрупповые различия. Это теоретическая или концептуальная данность, которая облегчает нам понимание того, почему мы делаем то, что делаем, и объясняет различия в поведении групп людей. В качестве абстрактного понятия культура – это ярлык» [3; 3].

Термины «культура» и «культурная среда» тесно взаимосвязаны. Ф. Котлер, рассматривая основные параметры маркетинга, определил понятие «культурная среда» как «стойкую приверженность основным традиционным культурным ценностям» [1; 1]. Безусловно, культура влияет на ценностные установки индивидуума и на его поведение, передается из поколения в поколение и может изменяться с течением времени. При лингвистическом образовании, в частности регионоведческом, происходит процесс взаимопроникновения (гибридизации) культур. Так, базовые ценности современного американского общества (индивидуализм, умение работать для достижения некоторой цели, дух соперничества, толерантность и ряд других), являющиеся составляющей данной культурной среды, инкорпорируются с ценностями обучающегося.

Для процесса взаимопроникновения (гибридизации) культур или наложения исходной культурной среды на иноязычную культурную среду необходимо наличие следующих элементов:

- 1) знание (необходимая информация для эффективного взаимодействия);
- 2) мотивация (позитивный настрой относительно другой культуры);

3) умения (необходимые навыки поведения для эффективного взаимодействия);

4) эмпатия на уровне «иной» культуры, которая, в рамках данной статьи, определяется как комплексное образование, включающее в себя на когнитивном уровне понимание эмоций людей другой культуры, на аффективном уровне сопереживание и сочувствие к людям другой культуры, на поведенческом уровне способность успешно существовать в социуме другой культуры.

В итоге обучающийся становится способным воспринимать систему ценностей, норм поведения, менталитет людей страны изучаемого языка, а также чувствовать уважение к культуре, образу жизни, религии людей страны изучаемого языка. Безусловно, проникновение исходной культурной среды в иноязычную и последующий процесс гибридизации происходит через понимание своей собственной культуры.

Формирование ценностей «иной» культурной среды обеспечивает способность и готовность обучающегося к успешной коммуникации с представителями другой культуры, что является необходимым фактором при построении межкультурной коммуникации в условиях современного многообразия культур и обострения социальных процессов.

Библиографический список:

1. Котлер, Ф. Основы маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://finlit.online/page/marketingosn/ist/ist-6--idz-ax250--nf-64.html>. (дата обращения: 01.06.2016).

2. Коул, М. Культурно-историческая психология: Наука будущего [Текст] / М. Коул. – М.: «Когито-центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.

3. Мацумото, Д. Психология и культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/02.php. (дата обращения: 28.05.2016).

4. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Tail/ (дата обращения: 28.05.2016).

5. Greenberg, J.C. Melville Jean Herskovits: A Bibliographical Memoir [Electronic resource]. – Режим доступа URL: <http://www.nasonline.org/publications/biographical-memoirs/memoir-pdfs/herskovits-melville.pdf>. (дата обращения: 01.06.2016).

6. Hofstede, G. Cultures and organizations: Software of the Mind [Text] / G. Hofstede, Gert Jan Hofstede. – New York: McGraw-Hill, 2005. – 278 p.

7. Kroeber, A.L. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions [Electronic resource] / A.L. Kroeber, C. Kluckhohn. – Режим доступа URL: <https://ru.scribd.com/doc/230913406/Kroeber-y-Kluckhohn-1952-Culture-a-critical-review-of-concepts-and-definitions>. (дата обращения: 01.06.2016).

**N. Vladimirtseva, A. Kripak (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSU**

MOTIVATIONAL STRATEGIES IN TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

***Abstract.** This article makes an overview about motivation in foreign language; specify the motivational strategies as well, the main types of motivational strategies in TESL (teaching English as a second language) are defined. Based on Wlodkowski's learner's motivation circle, which separate the learning sequence into beginning phase, during phase and ending phase, in each phase, we design different strategies to motivate students to learn English and specify the learning activities and teachers' behaviors as well.*

***Key words:** motivational strategies; motivation; TESL.*

Why are some students successful at language learning while others are not? If we knew the answer to that question the job of teaching and learning a language would be easy. We don't, of course, but we can point to a number of factors that seem to have a strong effect on a student's success or failure.

It's impossible to specify problems related to motivation, however, the examples are frequent in our daily life. As English teachers in Russia, we recognize that there is a common phenomenon among ESL learners: few students enjoy learning English. Firstly, most of them learn English just for preparing for the varieties of examinations

(such as National Exam or international exams like TOFEL or ILSTS). Secondly, many students have lacked of the spirit of learning English. Because after passing the National Exam, they often feel satisfactory and don't want to get progress in universities.

Harmer [1] considered that people involved in language teaching say that students who really want to learn will succeed whatever the circumstance in which they study. All teachers can think of situation in which certain "motivated" students do significantly better than their peers; students frequently succeed in what appears to be unfavorable conditions. In the face of such phenomena it seems reasonable to suggest that the motivation that students bring to class is the biggest single factor affecting their success.

There are some common characteristics in the "demotivated" or "disaffected" students in foreign language learning. Chambers [2] defined them as following points:

- Non-completion of assignment;
- Lack of persistence and expectation of failure when attempting new tasks;
- High level of dependency on sympathetic teachers (needing constant attention, direction, supervision and reassurance);
- Non-attendance and poor attendance;
- Frequent expression of view that school is boring and irrelevant
- Apathetic non-participation in the classroom

Facing such phenomenon we have to say a motivation plan is quite necessary. As learning increase, we would like to see motivation increase along with it. Without a motivation plan, it is difficult to build or strengthen their motivation. Probably one of the most helpful aspects of any plan is that it reminds us of what to do and when to do it. Without a plan, motivation too often becomes a trial-and-error lacking cohesion and continuity during instruction [3].

Let's consider the definitions of "motivate" and "motivation":

- Motivate: cause a person to act in a particular way: stimulate the interest of a person in an activity.
- Motivation: The impetus to create and sustain intentions and goal-seeking acts [4].

Furthermore, most psychologists concerned with learning and education use the word motivation to describe those processes that can (a) instigate behavior, (b) give

direction or purpose to behavior, (c) continue to allow behavior to persist, and (d) lead to choosing or preferring a particular behavior [3].

Far and away the most important work done in this area (motivation and foreign language learning) has been done by Robert Gardner and Wallace Lambert at the University of Western Ontario [5, 6]. Gardner and Lambert suggested that those people who identify positively in this way would like to resemble the foreign peoples concerned, to understand their culture, and to be able to participate in it. This pattern of motivation they label an integrative orientation. It is a particularly important source of motivation because it is firmly based in over an extended period and to sustain learning effort over the time that is necessary to attain language learning success. These scholars also described an instrumental orientation to language learning. This type of motivation is based on the advantages that can accrue if a language is known, e.g. professional advancement; capacity to do one's job well; ability to read useful material in the target language; potential to exploit members of the foreign culture, etc.

In recent years, Dornyei Z [7] has great contribution to this field. His construction of motivation in foreign language stated that instrumental and integrative motives significantly contribute to motivation in foreign language learning. Furthermore, he indicated that need for achievement and attributions about past failures also are the components of the motivational construct.

Motivational strategies can be classified into main types:

According to Dornyei's work [8], the motivational strategies used in teaching English as foreign language are incorporated into the following main types:

1. Generating initial motivation

Creating the basic motivational conditions

- Adopting appropriate teacher behavior and establishing rapport with the students
- Creating a pleasant and safe classroom atmosphere
- Creating a cohesive learner group

Enhancing the learners language-related values and attitudes

- Focus on 'integrativeness'
- Focus on the anticipated intrinsic pleasure of learning
- Focus on instrumental incentives

Making the curriculum relevant for the learners

Increasing the learners' expectancy of success

2. Maintaining and protecting motivation

Helping learners to set appropriate (proximal and specific) sub goals for themselves

Increasing the quality of the learning experience

Increasing the learners' self-confidence

- Providing regular experiences of success
- Reducing classroom anxiety
- Promoting favorable self-conceptions of foreign language learning competence

Creating learner autonomy

Adopting an active socializing role (by the teacher)

Raising the learners' awareness of motivation maintenance strategies

- Emotion control
- Motivation control
- Environmental control

3. Rounding off the learning experience:

Encouraging positive self-evaluation

Promoting attributions to effort rather than to ability

Increasing learner satisfaction

These strategies can then be translated by the instructor into learning activities or instructor behaviors that are integrated into the learning sequence and motivation plan.

Let's say a few words about motivation plan in general.

Lesson plan and instructional design have existed, but not with continuous attention to and detail for motivated learning throughout the instructional sequence [3]. One can plan an effective learning sequence, but that does not mean the learners will be motivated while learning.

Every learning sequence, whether it lasts twenty minutes or twenty hours, can be divided according to a time continuum. There is always a beginning, middle, and an end. There are effective things that can be done during each of these phases to enhance learner motivation. Each phase also relates to the other in forming a dynamic whole that, when proper motivational strategies are applied according to their particular phase, enhances the overall learning experience and catalyzes the learner's positive return to the learning situation. The various learning activities that make up

the sequence can be analyzed in terms of when they occur and which motivational strategies they can incorporate in order to maximize their motivational influence throughout the sequence.

Motivational plan can be divided into the beginning phase, middle phase and ending phase. It is integrated with the instructional plan. The strategies in Generating initial motivation should be put into the beginning phase, the strategies in Maintaining and protecting motivation should be put into the middle and into the ending phase. Certainly sometimes they will be mingled to use. And furthermore, this motivation plan will focus on listening, speaking, reading and writhing in teaching English as foreign language.

Beginning learning process: Generating initial motivation, helping students develop positive attitudes toward learning; recognizing and responding to needs of students.

Strategy 1: Make the first experience with the subject as positive as possible

This strategy is based on the idea that “ first impressions are important.” The students’ first impression, once formed, will strongly influence how they accept and receive future experiences with the subject. Anything we can do as teachers to make that first lesson or initial contact as safe, successful, and interesting as possible will increase students` motivation for future involvement with foreign language learning.

- On the first day of class we might have each person fluently learn some of the most essential expressions for visiting and travelling in the related culture.
- We can indicate our cooperative intentions to help students learn.
- Let them introduce themselves in English and we should give the introduction firstly.

Strategy 2: Use needs assessment techniques to discover and emphasize the felt needs of learners in the learning process (Wlodkowski).

Why do people want to learn foreign languages? Why do people want to study English? Is it for pleasure? Is it because they want to understand Shakespeare? Maybe they want to get a better job. Different people have different needs. The students’ motivation to learn will be enhanced when they find an instructor who respect these needs and creates a learning process by which these needs can be met [3].

The simplest and direct method is to ask the students, through interviews, group discussion, or questionnaires, some semblance of the question “What do you most want to get out of this learning experience?”

Other strategies in the beginning phase:

- Creating realistic learner beliefs
- Presenting tasks in a motivationally conducive manner

During learning process: Maintaining and protecting motivation, integrating Emotions with learning.

Strategy 3: Helping learners to set appropriate goals for themselves

Definitely everyone has their own needs, and everyone should have their own proximal and specific goals to achieve needs. For example, a teacher who is reading this article may have the long goal to be a good teacher, and his/her sub goal in this period, is to learn strategies. Without goals, we cannot motivate ourselves to do something. “Motivation requires setting goals either by yourself or with others” [9].

Strategy 4: Increasing the quality of the learning experience

- Increasing the attractiveness of the course content
- Arousing and sustaining the students’ curiosity and attention
- Increasing the students’ interest and involvement in the tasks

We cannot directly motivate learners. We can make things stimulating and attractive, provide opportunity and incentives. We can offer and organize learning activities which focus on listening, speaking reading and writing. Such as games, role-playing, English evening, English corner and so forth.

Since the “during phase” of learning is the longest and contains the highest number of instructional activities, our approach to stimulation is aided by motivational strategies that flexible, creative, and constantly applied. There are also some other strategies in this phase.

Strategy 5: Increasing the learners’ self-confidence

- Allowing students real choices
- Sharing responsibility with the students for organizing their learning process and giving them positions of authority
- Encouraging student contributions, peer teaching and project work

Strategy 6: Adopting an active socializing role (by the teacher)

- Projecting enthusiasm and demonstrating motivated behavior
- Modelling student interest in foreign language learning

Ending learning process: Rounding off the learning experience:

Encouraging positive self-evaluation Building learners competence and maximizing reinforcement

Strategy 7: Increasing learner satisfaction

- Creating finished products
- Taking regular stock of progress
- Celebrating success
- Using motivationally appropriate feedback, praise and rewards

Learners want to be competent and often seek learning as a means to this end. But competence is not just the resulting benefit of a learning achievement [3]. It is, quite importantly for motivation, the personal feeling and beliefs that the process of learning can enhance in the learners themselves while they are learning.

List of references:

1. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. – New York: Longman Publishing, 1991, 176 p.
2. Chambers, Gary Motivation and the Learners of Modern Languages / Gary Chambers. – Great Britain: Cromwell Press Ltd, 2000, 148p.
3. Wlodkowski R., J. Enhancing Adult Motivation to Learn / R.J. Wlodkowski. – London: Jossey-bass Limited, 1986, 207 p.
4. Merriam-Webster [электронный ресурс] // – режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 21.05.2016).
5. Garder R., C. Social Psychology and Second Language Learning / R.C. Garder. London: Edward Arnold, 1988, 96 p.
6. Garder R. C. & Lambert W. E Attitudes and Motivation in Second Language Learning / R.C. Garder, W.E. Lambert. – Rowley and Mass: Newbury house, 1972, 215 p.
7. Dornyer Z. Motivation in Action: a Process Model of L2 Motivation, working papers in applied linguistics / Z. Dornyer. – Thames Valley University, London, 1998, 69 p.
8. Dornyer Z. Motivational Strategies in the Foreign Language Learning / Z. Dornyer. – London: CILT, 1999, 121 p.
9. Smith I. Building Strong Motivation / I. Smith. – Glasgow: William Anderson and Sons Limited, 2003, p.102

Л.А. Воробьева, И.В. Шалина (Иркутск)
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ГОРОАВАСЭ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение процесса использования языковой игры гороавасэ для выработки у студентов алгоритма работы с аутентичным материалом. Обоснована необходимость иметь определенные историко-культурные фоновые знания для корректного использования гороавасэ в речи, а также умение декодировать предложенный текст. Приведены примеры возможного включения игры гороавасэ в процесс преподавания японского языка, а также истории и культуры.

Ключевые слова: гороавасэ; языковая игра; контроль сформированности коммуникативной компетенции.

L. Vorobieva, I. Shalina (Irkutsk)
EurAsian Linguistic Institute, affiliate of MSLU

USING A LANGUAGE GAME GOROAVASÈ AS A MEANS OF EXERCISING CONTROL OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The purpose of this article is to examine the process of using a language game goroavasè to develop students' algorithm work with authentic material. It is necessary to have some historical and cultural background knowledge for properly using goroavasè in speech, as well as the ability to decode a proposed text. There are some examples of possible inclusion of a game goroavasè in teaching the Japanese language as well as culture and history.

Key words: goroavasè; language game; control of communicative competence.

Основными проблемами, с которыми мы сталкиваемся в процессе обучения иностранному языку на любом этапе, являются отбор содержания

обучения и контроль сформированности иноязычной коммуникативной компетенции. К примеру, на начальном этапе обучения нам приходится работать с непосредственно созданным для обучения материалом – текстами учебных пособий, в большинстве случаев не являющихся аутентичными, другими словами, с адаптированным материалам. Однако в УМК дисциплин по иностранному языку обозначено, что учебный материал должен представлять собой аутентичный (неадаптированный) материал. Как показывает практика, понимание содержания аутентичных текстов представляет собой достаточно сложный процесс, таким образом, перед нами (преподавателями) стоит задача сформировать у студентов алгоритм работы с аутентичным материалом.

Подбирая материал, необходимо обращать внимание на его содержание, на то, представляется ли он интересным для обучающихся. Необходимо повышать мотивацию к обучению, а также подбирать информативный и соответствующий уровню владения языковым материалом студента текст.

В качестве аутентичного материала, информативного и способного привлечь внимание студента с целью повышения мотивации к обучению, мы предлагаем такое языковое явление, как 語呂合わせ *гороавасэ* – «японская игра чисел». В Японии она применяется в разных сферах деятельности – рекламе, художественной литературе, а также очень продуктивно используется в образовательном процессе для запоминания исторических дат, химических элементов, номеров телефонов, математических значений и т.д.

Японский язык интересен тем, что с его помощью можно «читать» не только обычные знаки, но и «зашифрованные». Речь здесь идет о включении явления так называемой энигматики в процесс запоминания определенных языковых единиц.

«Эни́гма» (от др.-греч. – загадка) – переносная шифровальная машина, использовавшаяся для шифрования и дешифрования секретных сообщений, применявшаяся с 20-х годов XX века. «Энигма» использовалась в коммерческих целях, а также в военных и государственных службах во многих странах мира, но наибольшее распространение получила в нацистской Германии во время Второй мировой войны [3].

Процесс кодирования языковых единиц с целью облегчения процесса запоминания достаточно распространен во всем мире.

В Америке для запоминания телефонов используют слова из букв, соответствующих клавишам с номерами. Например, номер 364-3223 превращается DOG-FACE. В Японии также существует система использования определенных слогов для обозначения цифр [4]:

- 1: いち *ити*、い *и*、ひとつ *хитоцу*、ひと *хито*
- 2: に *ни*、ふたつ *футацу*、ふた *фута*、ふ *фу*、つ *цу* (от *англ.*)、じ *дзи*
- 3: さん *сан*、さ *са*、みっつ *мицу*、みつ *мицу*、み *ми*
- 4: よん *ён*、よ *ё*、よっつ *ёцу*、し *си*、ふお *фо* (от *англ.*)、ほ *хо*
- 5: ご *го*、こ *ко*、い *и*、いつつ *ицуцу*、いつ *ицу*
- 6: ろく *року*、ろ *ро*、むっつ *мицуцу*、むつ *мицу*、む *му*
- 7: しち *сити*、ななつ *нанацу*、なな *нана*、な *на*
- 8: はち *хати*、は *ха*、ぱあ *па:*、やっつ *яцу*、やつ *яцу*、や *я*、やあ *я:*
- 9: きゅう *кю:*、きゅ *кю*、く *ку*、このつ *коконоцу*、この *коконо*、こ

ко

10: とお *то:*、じゅう *дзю:*、じ *дзи*、て *тэ*

0: れい *рэй*、れ *рэ*、ゼロ *дзэро*、ない *най*、わ *ва*、まる *мару*、おー *о:* (от буквы О)

Принимая во внимание данную таблицу, можно привести пример кодирования телефонных номеров некоторых компаний:

1. Компания, имеющая отношение к питанию

882-0141 — хахани-оиси (母に美味しい) — пусть маме будет вкусно.

2. Стоматологическая клиника

6480 — мусиба наси (虫歯なし) — без больных зубов.

3. Ресторан суши

0348 — осуси-я (お寿司屋).

С помощью гораовасэ можно записать дату или даже слово:

4649 — ёросику (宜しく) — прошу любить и жаловать;

893 — якудза (やくざ) — мафия;

0840 — охаё: (おはよう) — доброе утро;

724106 — наниситэру (何してる) — что делаешь? чем занимаешься?

Безусловно, имея дело с гороавасэ, мы можем столкнуться с целым рядом трудностей, связанных с различием, однако с другой стороны, перед нами открываются безграничные возможности передачи информации в виде кода.

Японцы очень серьезно относятся к миру чисел. С приближением конца года любители кандзи – японской иероглифики – ждут оглашения «иероглифа года», которое проходит в декабре на деревянной веранде храма Киёмидзу-дэра в Киото. Это ежегодное мероприятие, спонсируемое Фондом тестирования знаний иероглифов, обычно проходит 12 декабря. Эта дата в гороавасэ передаётся как 12.12 *ий дзи ити дзи* (いいじいちじ) – один хороший письменный знак [2].

Существуют в японском языке и так называемые «несчастливые» числа. Например, чтение числа «4» *си*, напоминает об иероглифе 死 *си* «смерть», который имеет то же самое чтение. Еще одним несчастливым числом у японцев является девять. Цифра «9» *ку* считается у японцев несчастливой по причине созвучия с иероглифом 苦 *ку* «мучение», «боль».

Приведем несколько примеров важнейших исторических событий и рассмотрим, каким образом закодированы данные даты, используя гороавасэ.

· 1492 год – Колумб прибыл к побережью Америки. Состоялась долгожданная встреча с новой землёй, которую путешественник принял за Восточную Азию.

意欲に (燃えて) *иёку ни* (моэтэ) одержим желанием

· 1868 год известен в истории как реставрация или революция Мэйдзи – 明治維新 *мэйдзи исин*. В это время в Японии произошли революционные события, включавшие в себя смену политической власти, коренные преобразования всех сфер жизни, а также страна впервые почувствовала сильнейшее европейское влияние.

一つやろうや *хитоцуя ро:я* первые труды

いやーろっぱ *ияроппа* сочетание похожее на слово Европа

· 1869 год – Дмитрий Менделеев создал периодическую систему химических элементов. Существует мнение, что ученый увидел таблицу во сне.

一夜向く *итиё муку* понял в течение одного вечера

· 1889 год – 11 февраля состоялось торжественное принятие первой конституции Японии как результата «движения за свободу и народные права».

一足早く *хитоаси хаяку* скорое вступление в новую жизнь

一発約束 *хитохацу якусоку* обещание скорого прогресса

· 1904 год – начало русско-японской войны. Длилась с 1904 по 1905 год. Япония атаковала российскую военно-морскую базу в Китае Порт-Артур. Ход войны сложился для Японии успешно. 5 сентября 1905 года был подписан Портсмутский мирный договор между Россией и Японией [1].

人くれよ *хито курэё* люди взяли на себя что-либо

一苦勞した *хито куро: сита* страдающие люди

行くわよ! *икуваё* вперёд!

· 1917 год – революция в России. Император Николай II (1868-1918) под давлением революционных масс 2(15) марта 1917 г. отрекся от престола. Характерной особенностью Февральской революции было образование двоевластия. 1917 год навсегда вошел в историю датой начала новой эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму.

行く人涙 *ику хито на(мида)* слезы идущих на революцию людей

Мы сталкиваемся с необходимостью иметь определенные историко-культурные фоновые знания для корректного использования гораовасэ в речи. И в то же время мы можем использовать гораовасэ для кодирования и облегчения запоминания исторических дат в процессе обучения, а также определения умения декодирования текста. Стоит отметить, что подобный материал может быть использован на любом уровне обучения.

Библиографический список:

1. Дацышен, В.Г. Новая история Японии [Текст] / В.Г. Дацышен. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – С. 164.

2. Современный взгляд на Японию [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.nippon.com/ru/nipponblog/m00103/>. (дата обращения: 25.05.16).

3. Справочник технического переводчика [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://technical_translator_dictionary.academic.ru/. (дата обращения: 25.05.16).

4. Японские частицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 24.05.16).

М.В. Гаврилова, О.А. Горонинова (Братск)

МБОУ «Лицей №3»

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Аннотация. В данной статье рассмотрено понятие системно-деятельностного подхода, рассмотрены структурные компоненты деятельностной системы социально-педагогического взаимодействия школы и семьи, взаимодействия педагога, родителей и самого ребенка, как субъектов образовательного пространства.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход; субъекты образовательного пространства; социально-педагогическое взаимодействие школы и семьи.

M. Gavrilova, O. Goroninova (Bratsk)

Lyceum №3

THE TECHNOLOGY OF A SOCIAL AND PEDAGOGICAL INTERACTION BETWEEN A FAMILY AND A SCHOOL ON THE BASIS OF THE SYSTEM AND ACTIVITY APPROACH

Abstract. This article is devoted to the notion of a system and activity approach. The author considers the structural components of the activity system of a socio-pedagogical interaction of a school and a family, the interaction between a teacher, parents and a child, as the subjects of the educational space.

Key words: system – activity approach; subjects of the educational space; socio-pedagogical interaction of a school and a family.

Современная школа стремительно модернизируется, пытаясь попасть в ногу со временем. Общество в котором мы живём постоянно меняется, ускоряя темпы развития. Введение новых стандартов в современной школе влияет на ситуацию в образовании, обуславливает принятие за методологическую основу

системно-деятельностного подхода, направленного на формирование базовых компетентностей современного человека: самообразования, самоорганизации, информатизации, коммуникации.

Основной приоритетной задачей школы становится обеспечение ребёнка не столько большим багажом знаний, сколько реализация развивающего потенциала. Педагогу необходимо обеспечить его общекультурное, личностное и познавательное развитие, вооружить таким важным умением, как умение учиться. Развитие личности учащегося предполагает умение им самим самостоятельно ставить учебные цели, проектировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои достижения.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что культурно-исторический системно-деятельностный подход основывается на теоретических положениях концепции Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина, П.Я.Гальперина, раскрывающих основные психологические закономерности процесса обучения и воспитания, структуру образовательной деятельности учащихся с учетом общих закономерностей онтогенетического возрастного развития детей и подростков. Ни для кого не секрет, что психологические способности человека это результат преобразования внешней предметной деятельности во внутреннюю психическую деятельность путем последовательных преобразований. При системно-деятельностном подходе деятельность рассматривается как своего рода система.

Развитие учащихся как личностное так и познавательное определяется характером организации их деятельности, в первую очередь учебной. Для того, чтобы знания учащихся были результатом их собственных поисков, необходимо организовать эти поиски, управлять учащимися, развивать их познавательную деятельность, опираясь на психолого-возрастные и индивидуальные особенности развития личности ребенка.

Значимыми становятся главные принципы системно-деятельностного подхода: принцип деятельности (выполняя самостоятельно, я получаю опыт и знания); принцип непрерывности (должна быть преемственность между темами, разделами, курсами...); принцип целостного представления о мире (обобщенное представление о мире, о себе, о роли и месте каждой науки в системе наук); принцип психологической комфортности (доброжелательная

атмосфера); принцип творчества (ситуация успеха, настрой на творческое дело).

Актуальность использования системно-деятельностного подхода для взаимодействия педагога, родителей и самого ребенка, как субъектов образовательного пространства, сегодня уже не у кого не вызывает сомнений. А разработанная Правительством РФ Концепция модернизации российского образования заявляет о необходимости тесного взаимодействия школы с семьей. Из этого следует, что качество предоставляемых в России образовательных услуг должно сделать систему школьного образования открытой для родителей и общества, привлечь родителей к работе по воспитанию и социализации подрастающего поколения. Проблема педагогической поддержки как в семье, так и в школе, с утратой прежних социальных ценностей, идеологических убеждений и ориентиров явно обострилась. Очень часто в педагогическом сообществе можно услышать фразы о том, что родители уже не те, не такие как были раньше, однако роль взаимодействия родителей и педагогов в решении проблемы педагогической поддержки школьников трудно переоценить.

Социально-педагогическое взаимодействие школы и семьи представляет собой совокупность и взаимосвязь всех элементов образовательного процесса (цель, субъекты, содержание педагогической деятельности, анализ результата). На сегодняшний день в научной литературе данное понятие представлено фрагментарно, отсутствует чёткое представление о том, как идеи системно-деятельностного подхода могут быть применены к процессу социально-педагогического взаимодействия школы и семьи, как можно организовать подобное взаимодействие, какие факторы влияют на качественную её реализацию в условиях современного воспитательного процесса. Следует отметить, что в современном воспитательном процессе наблюдается противоречие между разработанной теорией социально-педагогического взаимодействия и недостаточной разработанностью технологий и методик социально-педагогического взаимодействия семьи и школы.

Анализ сложившейся ситуации в системе образования, показывает, что индивидуальная и групповая работа с родителями по повышению их родительской культуры и компетентности в вопросах педагогической поддержки детей в условиях школы ведется слабо, бессистемно, зачастую

эпизодически. Как правило чаще всего предметом общения педагогов и родителей в ходе беседы или родительского собрания становится вопросы о неуспеваемости и недисциплинированности детей. В ходе подобного одностороннего и однообразного общения у родителей пропадает желание общаться с учителем, дабы оградить себя от отрицательных эмоций возникающих при взаимодействии с ним. Приоритетным направлением в работе школы становится следующие: регулярное и, главное, неформальное общение с семьями учащихся, формирование у родителей положительного настроения на решение проблем обучения, воспитания и развития ребенка, своевременное выявление причин и источников неблагополучия в семье, и самое важное наиболее адекватные пути их решения.

Процесс социально педагогического взаимодействия можно отнести к категории социальных деятельностных систем. Преднамеренный контакт школы и родителей даёт качественный результат процесса взаимодействия – психические новообразования в субъектной сфере участников процесса, формирование собственной нравственной позиции, их успешную реализацию в социуме. Взаимодействие в свою очередь обеспечивает социальный контекст так как оно осуществляется в обществе и имеет целью повышение качества воспитательного процесса, повышение сознательности родителей по отношению к воспитанию детей, осознание значимости продуктивного диалога со школой, общественностью, муниципальными организациями, учреждениями дополнительного образования.

С помощью вышеуказанных компонентов формируется система социально-педагогического взаимодействия с позиции её теоретического обоснования. Применительно к практике данная система может быть преобразована в педагогическую технологию и спроектирована в условиях современного социума. Применение системно–деятельностного характера взаимодействия семьи и школы возможно при чёткой организации структуры сотрудничества педагогов и родителей, а также содержания и способов деятельности субъектов.

Выделяют следующие структурные компоненты деятельностной системы социально-педагогического взаимодействия школы и семьи: все педагоги, родители учащихся, а также муниципальные образовательные учреждения, то есть субъекты взаимодействия; одним из важных компонентов являются

свойства, качества субъектов взаимодействия, в том числе профессионально значимые личностные качества педагогов, повышающие уровень их профессиональной компетентности в организации работы с семьей; немаловажная роль отводится родителям, как участникам эффективного сотрудничества с педагогическим коллективом школы; успешная организация социально-педагогического взаимодействия играет главную роль для социума. И безусловно необходимо наличия системы управления качеством социально-педагогического взаимодействия семьи и школы, что, в свою очередь, предполагает наличие управляющих органов.

Целеполагание социально-педагогического взаимодействия с семьей является самым важным компонентом деятельностной системы. Цель определяет социум, осознающий необходимость такого взаимодействия для успешной жизнедеятельности будущих граждан. Семья учащегося должна осознавать необходимость осуществления конструктивного диалога с учителем, выстроенного на партнёрской основе. Системно-деятельностный подход во взаимодействии школы и семьи предполагает совместную деятельность педагогического коллектива и родителей учащихся по достижению определенных воспитательных целей. На выходе, в дальнейшей жизни ребёнок должен будет продуктивно осуществлять выбранную деятельность на профессиональном уровне, а также у него должна быть сформирована устойчивая потребность в непрерывном развитии своих личностных качеств на протяжении всей жизни. Подобное взаимодействие школы и семьи на основе системно-деятельностного подхода способствует формированию человека как субъекта деятельности через вовлечение отдельной семьи в различные виды игровой, творческой, интеллектуальной деятельности, в ходе которой познавательные мотивы учащихся и конкретное содержание деятельности применительно к педагогическому процессу соотносят его с основным предназначением образования как специфического вида деятельности, как условия и фактора непрерывного развития личности.

Существуют разные способы взаимодействия школы и семьи на основе системно-деятельностного подхода. Одним из них является совместный с ребенком и его родителями поиск образцов нравственной и духовной культуры. К сожалению разрушение и кризис семьи, крайне низкий уровень духовно-нравственной культуры большинства современных родителей,

некомпетентность семьи в вопросах духовного становления и воспитания ребенка, утрата семейной функции передачи детям значимых культурных и жизненных ценностей, всё это вызывает необходимость массового просвещения родителей и педагогического сопровождения семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей. Важнейшим источником жизненного опыта школьников являются внутрисемейные отношения, отражающие нравственные установки, духовные ценности родителей. Очень важно приобщение подрастающего поколения к искусству, живописи, музыке, театру, а также к различным видам творческой деятельности, знакомство с жизнью, деятельностью, нравственными позициями выдающихся людей. Членам семьи и ребёнку просто необходимо выработать собственные ценностные позиции.

Нормы и ценности социальной жизни, то есть установленные в обществе правила поведения, регулирующие отношения между людьми должны определяться коллегиально школой и семьёй.

Таким образом, содержание процесса взаимодействия школы и семьи на основе системно-деятельностного подхода является базовой категорией технологии взаимодействия, проектируемой педагогом и напрямую определяемой потребностями общества в образовательной сфере, а также государственной политикой в области образования. Проектирование и реализация ситуаций позволяют педагогу регулировать жизнедеятельность ребенка и создавать условия для его становления как субъекта собственной жизнедеятельности через воздействие на эмоционально-личностную сферу его родителей. Подобная технология позволяет школьнику грамотно решать поставленные задачи, отстаивать свою жизненную позицию, и творчески подходить к решению всех поставленных перед ним задач. Социально-педагогическое взаимодействие на основе системно-деятельностного подхода позволяет сформировать у ребёнка устойчивую ценностную базу, высокую позитивную мотивацию к обучению, познанию, саморазвитию не только в учебной, но и в общественной деятельности, продуцирует социальную активность и конструктивное сотрудничество, способность к диалогу, готовность к профессионально-личностному определению.

Педагогу, проектирующему в своей работе систему социально-педагогического взаимодействия с семьёй учащегося, необходимо ориентироваться на деятельностный характер данной системы. Педагогическое

взаимодействие необходимо определять как социальную деятельностную систему, структурными компонентами которой являются минимум два субъекта деятельности, осознающие цель взаимодействия и задачи, стоящие перед ними в ходе процесса. Коллегиальность и партнёрство как ведущие принципы взаимного поиска оптимальных форм и методов работы задают субъект-субъектный характер социально-педагогического взаимодействия.

Библиографический список:

1. Асмолов А.Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. – М., 1985.
2. Асмолов, А.Г. Психология личности. М., 1990.
3. З.Васильева, З.И. Сотрудничество педагогов и учащихся как педагогическое явление. – Л.: ЛГУ, 1988. 101 с.
4. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: полный курс. – М., 2011.
5. Недвецкая М.Н. Теория и технология повышения качества педагогического взаимодействия школы и семьи. – М., 2006.

Ю.Б. Дюндик, Е.Е. Калиш (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ АНГИЙСКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИНЦИПОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МНЕМОТЕХНИКИ

Аннотация. На примере сказок авторы демонстрируют, что базовые принципы мнемоники (использование ассоциаций, кодирование информации образами и формирование эмоционального отношения) применимы в педагогической мнемотехнике и могут быть использованы в обучении грамматике иностранного языка для большей эффективности усвоения информации.

Ключевые слова: мнемотехника; мнемоника; педагогическая мнемотехника; мнемотехнические приемы; ассоциации; кодирование информации образами; формирование эмоционального отношения; сказка.

TEACHING ENGLISH GRAMMAR USING SOME PRINCIPLES OF PEDAGOGICAL MNEMOTECHNICS

***Abstract.** The authors show that some basic principles of mnemonics can be found in pedagogical mnemotechnics which uses fairy tales as an effective tool of teaching a foreign language grammar.*

***Key words:** mnemotechnics; mnemonics; mnemotechnical tools; associations; visual encoding of information; creating emotional attitude; fairy tales.*

Мнемотехника – одна из древнейших прикладных дисциплин, которой пользовались еще в древнем Египте, а первые работы по мнемотехнике, которые сохранились, датируются 86 годом до рождения Христа. Как известно, она возникла как часть ораторского искусства в качестве вспомогательного средства для запоминания последовательности изложения длинных речей. Так, классическая мнемоника рекомендовала запоминать информацию, предварительно преобразовав ее в зрительные образы. Сами же образы делились на две большие группы: вспомогательные образы для фиксации последовательности, и образы, в которых кодировалась сама запоминаемая информация. Например, хорошо известен метод Цицерона или метод локаций, когда предметы, которые необходимо запомнить, располагают в воображаемом пространстве (в комнате, салоне автомобиля и т.д.). Репетируя речь, Цицерон обходил виллу и мысленно ассоциировал каждый зал с определенной темой, что позволяло запомнить ход рассуждений.

На современном этапе развития мнемотехники соответствующие принципы и приемы данной дисциплины используются при обучении иностранным языкам, как детей, так и взрослых (Лосева, 1993; Седов, 2001; Левчук, 2004; Пылаева, 2014 и т. д.). В рамках настоящей статьи будет рассматриваться именно этот прикладной аспект мнемоники, который, на наш взгляд, правомерно отнести к педагогической мнемотехнике, поскольку цель в данном случае – обучение языку.

В целом, анализ литературы показывает, что в основе любой мнемотехники, и педагогической в том числе, лежат три базовых принципа когнитивных операций. Так, Д. С. Букин в книге «Развитие памяти по методикам спецслужб» выделяет принцип «использования ассоциаций», «кодирования информации образами» и «формирования эмоционального отношения» [3, с. 94-97].

Рассмотрим, как эти принципы работают на примере учебного пособия по изучению грамматики английского языка М. А. Буйновой «Сказочный английский» [1]^[1]. Как видно из названия пособия, основные правила изложены в виде мини-сказок с одной сюжетной линией. В предельно сжатом изложении базовые правила грамматики представлены следующим образом:

В одном царстве-государстве под названием Английский язык жили-были главные части речи, Существительное и Глагол. Осознавая свою важность, они взяли на себя смелость установить в государстве порядок и собрали всех остальных потерянных жителей в доме под названием грамматика. Существительное занимало левое крыло в доме, Глагол – правое, более просторное с пристройкой-мастерской, где он разместил инструменты для выражения действий. Обе части дома были оборудованы гардеробными с украшениями – прилагательными для Существительного и наречиями для Глагола. Когда Существительному грустно, он звонит крестной фее S, и оказывается окруженным такими же Существительными. Добрая фея также иногда дает Существительному свою волшебную палочку в виде запятой, взмахнув которой, он становится владельцем всего, чего пожелает. Еще у Существительного есть кладовая, где в сундуках хранятся полезные предметы, такие как артикли-липучки или местоимения-заместители, которые выручают хозяина, когда он занят.

У Глагола, в свою очередь, есть Модные родственники, каждый со своим неповторимым характером. Они помогают Глаголу, так что ему нет необходимости меняться. На досуге Глаголу нравится играть в повелителя, так он может приказывать с помощью стражников Let и Let's, а стражник Don't передает строгий запрет Глагола. Когда Глагол решает серьезно поработать, он использует четыре инструмента (simple, perfect simple, progressive, perfect progressive), три полочки времени и прибегает к помощи подмастерьев be и have. ....

Читатели, знакомые с английским языком, без труда узнают во фрагменте этой сказки основные правила грамматики: прямой порядок слов в предложении (расположение частей Сущестительного и Глагола в доме слева направо), формирование множественного числа и притяжательного падежа у существительного (фея S и ее волшебная палочка), употребление модальных глаголов (модные родственники), использование вспомогательных глаголов (подмастерья be и have) при образовании соответствующих видо-временных форм глагола.

Вспомнить эти и другие правила будет проще, если преобразовать и представить их в виде уже знакомой информации. Подобная форма изложения информации облегчает категоризацию и упорядочивание достаточно абстрактных данных. Важно также то, что это упрощает последующее извлечение информации по принципу ассоциативного ряда. Однако в большей степени этому, конечно, способствует кодирование информации образами. Благодаря автору и художникам А. Н. Шептуну и С. Н. Шинкаревой, сказочные герои предстают в ярких запоминающихся образах. Например, на следующем рисунке Существительное взмахивает волшебной палочкой в виде запятой и появляется крестная фея S, чтобы подарить главной части речи все, что пожелает ее обладатель [1, 7]:

Рисунок 1. Иллюстрация к правилу образования притяжательного падежа существительных

А так выглядит любимое украшение Глагола, которое одолжило ему Существительное – это подвеска в форме ЛИили (графическое написание автора пособия – М.Б.). Ее можно «сразу надеть и отправляться в предложение» [2, 36]:

Рисунок 2. Иллюстрация образования наречий (путем присоединения к прилагательным суффикса -ly)

Словесное описание характеристик героев подкрепляется рисунками. Визуализация образов – это практически их материализация, перевод абстрактной или емкой информации в конкретную и лаконичную форму. О важной роли (наглядно-)образного мышления писали еще советские психологи Л.С. Выготский, Л.С. Сахаров, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, П.И. Зинченко и др.

Также давно было установлено, что эмоции помогают активизировать память. Формирование эмоционального отношения к персонажам и событиям, которые происходят с ними в истории, способствует выделению этой информации из общего ряда правил, механически усвоенных ранее.

Часто, чтобы объяснить какое-то правило, например использование модальности в английском языке, автор описывает ситуацию, представив которую, читатель начинает эмоционально ее переживать, мысленно в ней присутствовать и соотносить описываемые ощущения с тем, что чувствовал бы он на месте героев:

*Приятный теплый вечер. Глагол расположился на крыльчке в своем уютном кресле-качалке. В его руках чашечка ароматного кофе, который он пьет с явным удовольствием. Настроение у него превосходное. На лице мечтательное выражение. И неудивительно: рядом сидит его друг-мечтатель *Would.* Они часто собираются, чтобы помечтать о том, о сём.*

- Я бы ... - *начинает would.*

- позагорал, - *продолжает Глагол.*

- Ты бы ... - *вновь начинает Would.*

- пообедал, - *продолжает Глагол...* [2, 11] (выделено авторами).

Рисунок 3. Иллюстрация

к правилу построения предложения в сослагательном наклонении

Лексемы *приятный, уютный, превосходный, удовольствие, мечтательный*, безусловно, вызывают у читателя положительные эмоции. Вы уже чувствуете тепло летнего вечера, расслабляетесь в уютном кресле и вдыхаете аромат кофе, вы мечтаете, возможно, улыбаетесь при этом. Все органы чувств помогают вам погрузиться в предложенную ситуацию. Выбор лексико-синтаксических средств этому способствует: существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*крылечко, чашечка*), просторечная форма местоимений (*о том, о сём*), назывные предложения, представляющие ситуацию статичной и размеренной (*Приятный теплый вечер. Настроение у него превосходное. На лице мечтательное выражение*), параллелизм в диалоге передает монотонность и умиротворенность речи.

Возможность и способность создавать ассоциации, например, вкуса с тактильным восприятием, звука с цветом повышают способности человека к запоминанию в значительной степени. Таким образом, наблюдается процесс синестезии, восприятия, основанного на одновременной активизации всех чувств: зрения, осязания, обоняния, частично вкуса и слуха. Врожденная синестезическая чувствительность присуща очень небольшому количеству людей. В знаменитой работе А. Р. Лурия «Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста» [7], ставшей результатом почти сорокалетнего наблюдения за феноменальными способностями памяти репортера С. Шерешевского, описан один из именно таких случаев.

Тем, кто изучает иностранный язык на более продвинутом уровне и умеет грамотно и более осознанно применять полученные ранее знания на практике, когда знания переходят в навыки и умения, интересно предложить написать сказку и/или стихи с использованием определенных грамматических структур самостоятельно. Рассмотрим следующий пример студенческого стихотворения^[2]:

Unreal Condition Poem

We study English Grammar
And this is real dilemma,
Now we got a serious mission,
To make a poem with unreal condition.
You know I've been thinking a lot,
How to make an appropriate plot,
Well, **if I had some basic skills**
I would do it all during my meals.
But now I'm sitting and thinking,
That **if I were a ship,**
I would feel like I'm really sinking.
Making verses would be little bit easy,
If I were not so deeply busy.
Now let's imagine some stupid things,
And try to see the thing it brings.
If I were a nose, I would smell only rose,
If I were a car, I would go only far,
If I were a doll, I would be that tall,
If I were a magician, I would do that serious mission.
And if I were a wall, I would only stand and that's all.

Подобного рода задания помогают преобразовать абстрактную информацию о построении грамматической модели условного наклонения в конкретную за счет непосредственного употребления соответствующей конструкции в контексте, где присутствует ритм и рифма (так называемый *закон контекста*). Модель условного наклонения будет легче вспомнить в собственных рифмованных предложениях. Эмоциональное отношение автора к теме, о чем упоминалось ранее, также способствует более эффективному запоминанию.

Таким образом, применение трех базовых принципов мнемотехники (использование ассоциаций, кодирование информации образами и формирование эмоционального отношения) широко применимы в педагогической мнемонике, и могут быть успешно использованы в обучении грамматике иностранного языка.

Библиографический список:

1. Буйнова, М. А. Сказочный английский. Grammar Book 1 [Текст] / М. А. Буйнова. – Иркутск: 2007. – 48 с.
2. Буйнова, М. А. Сказочный английский. Grammar Book 2 [Текст] / М. А. Буйнова. – Иркутск: 2007. – 45 с.
3. Букин, Д. С. Развитие памяти по методикам спецслужб [Текст] / Д. С. Букин. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 456 с.
4. Козаренко, В. А. Учебник мнемотехники. Система запоминания Джордано [Текст] / В. А. Козаренко. – М.: 2007. – 115 с.
5. Левчук, Е. А. Грамматика в сказках и историях. Цикл домашних занятий по развитию речи у детей дошкольного возраста [Текст] / Е. А. Левчук. – СПб.: 2004. – 32 с.
6. Лосева, С. В. Английский в рифмах [Текст] / С.В. Лосева. – М.: 1993. – 88 с., ил.
7. Лурия, А. Р., Маленькая книжка о большой памяти. Ум мнемониста [Текст] / А. Р. Лурия. – М.: 1968. – 88 с.
8. Пылаева, Н. М. Школа внимания. Методика развития и коррекции внимания у дошкольников : учеб. Пособие [Текст] / Н. М. Пылаева, Т. В. Ахутина. – СПб.: 2014. – 48 с., ил.
9. Седов, А. Рифмуй, запоминай, испанский изучай [Текст] / А. Седов. – М.: 2001. – 120 с.

---

^[1] Апробация пособия проводилась Калиш Е. Е. в 2008-2009 гг. на занятиях по английскому языку для взрослых, начинающих и продолжающих изучать иностранный язык (базовый уровень) в центре дополнительного образования ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», г. Иркутск.

^[2] Стихотворение было написано Е. Матюшковым, студентом Сибирско-американского факультета менеджмента ФГБОУ ВО «ИГУ» и любезно предоставлено авторам статьи Т. В. Фаустовой.

MONO-LINGUAL EDUCATION VS MULTI-LINGUAL EDUCATION

***Abstract.** Mono-lingual education can be used to teach students a new language when they immigrate to another country and need to learn the language of that country, but multi-lingual education can be much more beneficial to the students in their lifetimes.*

***Key words:** education; mono-lingual; multi-lingual.*

Language immersion – the plan to put students who don't speak the required language into classrooms or homes with little assistance in their home language. Some people who want to learn a language quickly may *immerse* themselves by living with families who speak the language they wish to learn.

ESL – English as a Second Language, often replaced by TESOL, teaching English as a Second Language

Silent period – a time when a student is hesitant to speak in the language he or she is trying to learn. This can last a few weeks to a few months, but rarely lasts more than four to six months.

Multi-Lingual education – teaching more than one language during the same time period.

Becoming a teacher was a goal of mine as a young child. It took me a while, but at the age of 40 I finally realized my dream. I started my teaching career in a low-income elementary school in Colorado, USA.

The school district that I taught in, Jefferson County Public Schools, Golden, CO, had a policy of *language immersion* for students coming into the classrooms who did not know English. There was some support for them, but I must say that it was very difficult for these students. Our English as a Second Language (*ESL*) teachers did what they could for the students, but not knowing the students' home language was difficult. The school where I taught had students that spoke Vietnamese, Cambodian, Russian, Ukrainian, Thai, Hmong, and Spanish to name a few. It was common to have students from eight to twelve different countries in our small school making it impossible for the ESL teachers to be able to communicate

effectively with all of them. With that obstacle in mind, immersion was a logical choice.

With this immersion of English, the goal was for the students to be proficient in English in about three years. Some students actually came close to this ideal, but during that time a great deal of the basics in education were lost. It was impossible for them to learn everything the English-speaking students learned when they did not understand what was being said. It was also so stressful for them that they actually got ill from the rigors of the school day. Those of us who had the ESL endorsement and worked with these students, had to be constantly aware of the students' ability to remain in the classrooms or to see when it was necessary to give them a break somewhere to relax for a while.

When the students came into the classrooms they had a *silent period* when they did not want to speak at all. If there was another student who spoke their language, they would of course communicate with each other. But the teachers had to understand that during this silent period the students would hardly say a word. Although it seemed difficult at the time, the students were actually listening intently and grasping the language simply by listening and interacting with the other students. When they felt more comfortable and confident they would start communicating. This silent period was of course different for each student, but rarely did it last more than four to six months.

The low-income schools in the US are typically challenged by a high mobility rate. The parents of the students often did not do well in school thus preventing them from getting a good education and higher paying jobs. They often worked several low paying jobs. The immigrants were also challenged to find work when they did not speak English. The high mobility comes from trying to change jobs or locations in order to better support their families. Moving to different schools frequently can result in important holes in a child's education.

One thing that is most challenging for the teachers of these students is the lack of support from home. Without a doubt the parents want their children to succeed in school and to do better than they did, but they aren't able to help them in the way parents who finished school can. Finding quiet places for homework are often difficult. Parents who work nights are not available to help with homework, or they are unable to help because of their lack of education. Add to that the parents who did not have a good command of the English language and the problems are

compounded. These parents are also less likely to read to their children, one of the most important things a parent can do for a child.

Unfortunately, the non-English speaking parents often do not understand how beneficial it is for their children to speak another language other than English. This is something that they could reinforce at home. Sadly, many if not most schools in the US do not teach languages until high school grades. It has been proven that younger children can pick up languages more easily, but many school systems do not find the time for *multi-lingual instruction*.

After teaching in this school for 20 years, I retired and decided to continue teaching overseas. I was able to get a job in a private international school in Tanzania, Africa. By contrast, these students were considered wealthy, at least by Tanzanian standards. Many of the students had one parent from Europe and were able to speak the language of that parent. I remember my first surprise to hear two brothers speaking Swedish to each other when they were not in the classroom. They also spoke English and Swahili, the official language of Tanzania. Weekly Swahili instruction at this school started at age 6. At age 11 weekly French instruction was added. All instruction in this school was in English, so they also received instruction in English on a daily basis. It was not unusual for these students to be fluent in four or five languages.

These students have many benefits over the mono-lingual students. Learning languages is good for brain development and memory, and it actually increases the understanding of their first language. Learning languages can increase cultural understanding and bring the world closer to the student. Job opportunities will be increased and international travel is easier.

The benefits of having highly educated and successful parents are vast. These parents can help at home, and they are able to travel with their children that will increase their education. They are more involved in their child's school work and can reinforce the benefits of a higher education. But even the low-income parents could help their children by talking to them in their home language. Schools could also do students a great service if they would see the benefits of multi-lingual instruction at an early age.

Н.С. Иванова (Благовещенск)
Дальневосточное Высшее Общевоинское
Командное Училище

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАОССКОЙ АУДИТОРИИ

***Аннотация.** Статья рассматривает трудности при изучении русского языка в аудитории иностранных военнослужащих из Лаоса. Отдельно рассматриваются некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности лаосского и русского языков. Цель работы – выявить трудности, с которыми сталкиваются иностранные военнослужащие в процессе изучения русского языка*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный; методика преподавания; трудности при изучении русского языка; интерференция.*

N. Ivanova (Blagoveschensk)
Far East Higher Combined-Arms Command School

EXPERIENCE OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN A LAO LANGUAGE CLASSROOM

***Abstract.** The paper examines the difficulties occurring when studying the Russian language by Lao-speaking learners. A separate issue is the phonetic, grammatical and lexical peculiarities of the Russian language when compared to Lao, as well as the phenomenon of interference of the native (Lao) language when learning Russian. The purpose of work – to identify and classify the difficulties faced by the Lao-speaking military men in the process of learning Russian as a second language.*

***Key-words:** Russian as a foreign language; methodology; difficulties when learning Russian; phenomenon of interference of the native language.*

В настоящее время большое количество иностранных военнослужащих проходит обучение в различных российских вузах. Особенно тяжело проходит

процесс обучения русскому языку младшего офицерского состава из Лаоса, которые обычно прибывают с нулевой языковой подготовкой и, которые не владеют ни одним из языков – посредников, в отличие, например, от военнослужащих из различных африканских стран, где для объяснения материала возможно использование французского или английского языков. Овладение русским языком представителями данной страны вызывает значительные трудности, что побудило нас рассмотреть особенности лаосского языка и использовать их при обучении лаосских военнослужащих.

Целью обучения иностранных военнослужащих русскому языку на подготовительном курсе является формирование коммуникативной компетенции «как комплекса знаний, навыков, умений, определяющих способность и готовность личности осуществлять речевую/текстовую деятельность, речевое общение на русском языке, а также формирование вторичной культурно-языковой личности; создание базы для обучения в вузе» [2, с. 8].

Методика преподавания русского языка в иноязычной аудитории представляет собой самостоятельную педагогическую дисциплину, направленную на исследование особенностей преподавания русского языка для учащихся, не владеющих им в качестве родного. При этом решающую роль играют социолингвистические и лингвокультурные особенности как русского, так родного языка учащихся.

Методика преподавания русского языка как иностранного в значительной степени опирается на методику преподавания иностранных языков вообще – с одной стороны, и на русское языкознание – с другой. С этих позиций цель работы – на основе некоторого анализа сравнительно-типологических данных русского и лаосского языков выявить и систематизировать трудности, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе преподавания русского языка лаосским военнослужащим.

Как известно, существует два вида влияния родного языка (отрицательное и положительное) на изучение иностранного: перенос (транспозиция) и интерференция. При переносе (транспозиции) хорошо знакомые учащемуся явления родного языка помогают освоить аналогичные явления изучаемого, тогда как при интерференции эти явления мешают. В виду того, что русский и лаосский языки относятся не только к разным языковым группам, но и семьям

(индоевропейской и тай-кадайской) явление интерференции доминирует при изучении русского языка военнослужащими из Лаоса.

Далее, сопоставляя два языка, можно отметить следующее:

Лаосский язык – язык лао, официальный язык Лаоса. Принадлежит к числу, как упоминалось выше, тай-кадайских языков. Число говорящих на этом языке в Лаосе 3,5 млн. Лаосцы, населяющие северо-восточные провинции Таиланда на правом берегу реки Меконг (около 20 млн человек), также говорят на диалектах лаосского языка.

Лаосский язык изолирующий. Грамматические категории выражаются преимущественно аналитическим способом. Русский язык, в свою очередь, является преимущественно флективным, синтетическим. В связи с этим, первой трудностью, с которой сталкиваются иностранные военнослужащие, является система флексий русского языка.

По типологии порядка слов русский язык относится к языкам с базовым порядком SVO (субъект – глагол – объект). Лаосский язык имеет фиксированный, прогрессивный порядок слов: зависимый член следует за главным. Доминирующий порядок слов в предложении «подлежащее – сказуемое – дополнение». Ядром предложения является сказуемое, в качестве которого, в сочетании с видо-временным показателем и/или модальным глаголом, обычно выступает глагол или прилагательное (последнее без дополнительных грамматических средств типа связки). Грамматические отношения выражаются с помощью порядка слов или служебных слов. Критериями для выделения частей речи служат общие синтаксические свойства слов, сочетаемость слов, а также особенности морфологической структуры (для многоморфемных слов). Отличительной чертой лаосского языка, как и других языков Юго-Восточной Азии, является наличие классификаторов (или счетных слов), указывающих на единичность, штучность, конкретность предмета, обозначенного существительным. Сочетаемость классификатора с существительным определяется общностью денотативных характеристик, а также языковой традицией.

Различия в фонологической системе огромны. Лаосский язык является тоновым языком. Во Вьентьянском диалекте имеется шесть тонов. В других диалектах количество тонов варьируется (от 5 до 7). Вьентьянский диалект является наиболее понимаемым, потому что это диалект столицы. Диалекты

различаются между собой в основном фонетически, имеются также лексические различия. Наибольшие расхождения имеются между диалектами северных и южных провинций Лаоса. Так, группа военнослужащих из Лаоса состояла из носителей различных диалектов лаосского языка. В связи с этим также возникали трудности в произношении некоторых согласных звуков русского языка. Например, представители вьентьянского диалекта с легкостью воспроизводили звуки [р] и [д], в то время как представители южных провинций вообще не могли произнести их, так как такие звуки отсутствуют в данном диалекте, и в связи с этим происходило их замещение на звук [л].

Совершенно различны графические системы двух языков – основанная на греческом алфавите кириллица, с одной стороны, и тайская письменность, которая происходит от старокхмерского письма, с другой.

Неродственность языков обуславливает и несопоставимость их лексического состава. Исключение составляют так называемые «международные слова» (например, интернет).

Таким образом, русский и лаосский языки являются различными по фонологической и морфологической структуре и имеют минимальное количество родственной лексики. Это затрудняет процесс изучения русского языка лаосскими военнослужащими и указывает на то, что доминирующим процессом влияния иностранного языка на родной в данном случае будет интерференция.

Выделим типичные ошибки и трудности лаосских военнослужащих, изучающих русский язык. Эти трудности можно классифицировать следующим образом:

1. Фонетические трудности.

В системе согласных русского языка присутствуют фонемы, не имеющие аналогов в лаосском – например, звуки [р], [д], [ч], [ж], [ш], [ц], [х], [щ]. Также сложность для лаосцев представляют гласные русского языка в безударной позиции, которые они часто произносят так же, как и в ударной. Например, в словах *корова*, *молоко*, *понятно* безударные о они произносят так же, как ударные – пОгОда, мОлОкО. Данная распространенная ошибка обусловлена межъязыковой интерференцией. Кроме того, лаосцы нередко добавляют звуки в конце слов «брат – братс». В отличие от русского языка, в лаосском редки сочетания двух и более согласных подряд, тогда как в русском сочетания из

трех или четырех согласных встречаются часто: *встреча, компромисс, поздравление, встряска*. В результате в их речи в силу этих особенностей между этими согласными часто появляется полугласный. Для устранения этих ошибок и сложностей рекомендуется обучение русской графике с первых дней занятий, а также формирование у них четких звуко-буквенных соответствий.

2. Грамматические трудности.

Наибольшую трудность для лаосских военнослужащих представляет падежная система русского языка в связи с ее полным отсутствием в лаосском. Поэтому эти навыки приходится формировать заново.

3. Лексические трудности.

Трудности, связанные с употреблением лексики, можно классифицировать следующим образом:

- а) трудности запоминания слов и выражений;
- б) трудности, связанные с частичными и полными словарными лакунами – лексическими единицами одного языка, не имеющими эквивалента в другом;
- в) трудности, связанные с употреблением лексических единиц.

Однако следует отметить, что процесс словообразования в лаосском языке осуществляется преимущественно путем словосложения, а также при помощи аффиксации и редупликации (повтора). Таким образом, опираясь на родной язык, иностранные военнослужащие из Лаоса без особых затруднений поймут особенности словообразования путём сложения слов, с помощью которого образуется много специальных лексических единиц (*радиолокация, радиотехника, зенитно-ракетный, самоходный, противовоздушный, мотострелковый, сухопутный* и т.д.).

В целом можно говорить об относительной незначительности лексических трудностей в сравнении с фонетическими и грамматическими.

Таким образом, уделяя повышенное внимание вышеуказанным структурным, фонетическим, грамматическим и лексическим различиям русского и лаосского языков, можно избежать значительного количества ошибок при преподавании русского языка в лаосской аудитории.

В заключении необходимо отметить, что, как и другие педагогические дисциплины, методика преподавания русского языка как иностранного имеет свои методы, среди которых теоретические и практические. Широко

используются элементы прямого метода, предметная наглядность, аудио – и видео средства. Зачастую преподаватель стремится научить своих студентов пониманию новой лексики в ситуациях, стараясь развить в них языковую догадку. Однако, как показывает практика, иностранные военнослужащие из Лаоса с трудом откликаются на такую методику. Это приводит нас к заключению, что в такой аудитории предпочтителен аудиолингвальный метод, суть которого заключается в многократном прослушивании и проговаривании речевых образцов. Основные принципы следующие: 1) В основе овладения языком лежит овладение навыками устной речи (устная речь первична, а письмо вторично). 2) Формирование навыков устной речи должно происходить как научение речевым реакциям на предъявляемые стимулы. 3) Навыки должны быть автоматизированы в такой степени, чтобы речевые действия осуществлялись без участия сознания. 4) Автоматизация навыков происходит в процессе тренировки путем многократного повторения речевых образцов [1, с. 46].

Библиографический список:

1. Капитонова, Т. И., Московкин, Л. В., Щукин А. Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / под. ред. А. Н. Щукина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2009 – 312 с.

2. Красноперова, Л. С., Токарева, Т.Е. Лингводидактическая стратегия обучения русскому языку как иностранному на этапе довузовской подготовки – М.:ВУ, 2011 – 36 с.

А.Е. Маланханова (Москва)

Московский педагогический государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Аннотация. В статье рассматриваются различные классификации дискурса: деление по модусам и жанрам, персональный и институциональный дискурсы. На примере текста на китайском языке показаны четыре группы признаков институционального экономического дискурса (конститутивность,

институциональность, специфичность, нейтральность), предварительный анализ которых позволяет облегчить понимание текста оригинала и более быстро, и качественно выполнить перевод экономического дискурса с китайского языка на русский язык.

Ключевые слова: *китайский язык; дискурс; институциональные признаки экономического дискурса.*

**A. Malanhanova (Moscow)
Moscow Pedagogical State University**

INSTITUTIONAL FEATURES OF AN ECONOMIC DISCOURSE OF THE CHINESE LANGUAGE IN TEACHING TRANSLATION

Abstract. *The article considers the classification of a discourse: division on modus and genres, personal and institutional discourses. Four groups of institutional characteristics of an economic discourse (constitutivity, institutionality, specificity, neutrality) are shown on the example of the Chinese text, the analysis of which makes it easier to understand the original text and translate from Chinese to Russian more quickly and accurately.*

Key words: *the Chinese language; discourse; institutional characteristics of an economic discourse.*

Дискурсивный анализ является лингвистической дисциплиной и одним из ведущих междисциплинарных направлений, который изучает дискурс. Дискурс, как одно из основных понятий в современных социальных науках и коммуникативной лингвистике, имеет множество определений и часто по-разному используется в гуманитарных науках, связанных с изучением языка: социологии, философии, лингвистике и др. Особенное влияние на лингвистический анализ дискурса оказали психология и социология. Дискурс, понимаемый как речь, «погружённая в жизнь», представляет собой часть деятельности участников взаимодействия, имеющий определенную цель и социальное действие [1].

Согласно классификации А.А. Кибрика дискурс можно разделить по двум основным принципам: по модусам и жанрам. Разграничение дискурса по

модусам началось в 70-е годы 20 века и подразумевает собой деление на устный и письменный дискурсы с использованием акустического канала при устном дискурсе и визуального канала при письменном. Классификации жанров дискурса может быть разнообразной, при этом ученый считает, что не существует достаточно полного деления согласно данному виду. К нему могут относиться: деловая беседа, выступление, письмо и др. [4]. Существует также деление дискурса согласно структуре: макроструктура (членение на абзацы или эпизоды речи) и микроструктура (деление на предикции, как минимальные составляющие).

В силу того, что взаимодействие индивидов происходит в определенной коммуникационной среде выделяют институциональный дискурс и персональный дискурс. Исследованием институционального дискурса занимались разные ученые (Р. Водак, Н. Фейерклау), в России это понятие глубоко изучал В.И. Карасик. Согласно его определению институциональный дискурс – это «образцы вербального поведения, сложившиеся в обществе, применительно к закрепленным сферам общения» [2, с. 190-191], который необходимо выделять по основным признакам: цели и участники коммуникации. Например, целью экономического дискурса может быть обсуждение условий оплаты по контракту. Участники дискурса делятся на «агентов», людей, представляющих определенное коммуникативное общество и «клиентов», которые к ним обращаются. В настоящее время в рамках современного общества существуют различные виды дискурса: экономический, дипломатический, юридический, политический и др.

Экономика является частью повседневной жизни людей, деятельностью общества, а также совокупностью отношений в системе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. В современном мире экономика присутствует в жизни каждого отдельного человека и социума в целом. Каждая личность включена в жизнь мирового сообщества с наличием экономического знания, в котором возрастает доля экономических понятий. В силу того, что экономика тесно связана с историей, политикой, наукой и другими сферами, различные области знания пересекаются на фоне экономической науки. Экономическая деятельность включает финансовые, банковские, производственные и другие аспекты. Экономический дискурс, таким образом, имеет широкое понятие и представляет собой взаимодействие в

различных сферах: коммуникацию между представителями бизнеса, делового сектора, дискуссии в рамках экономических форумов и конференций, межправительственное взаимодействие по экономическим вопросам и др.

Участниками экономического дискурса являются специалисты в сфере экономики, ученые, занимающиеся исследованием экономической науки, бизнесмены, студенты экономических специальностей, руководители компаний, журналисты и обыватели, интересующиеся новостями в сфере экономики. Этим объясняется особый характер экономического дискурса, т.к. в отдельных случаях невозможно провести четкую грань между такими дискурсами, как дипломатический, политический и экономический. Е.Ю. Махницкая определяет экономический дискурс, как совокупность речевых актов, использованных при описании и характеристике экономических реалий: устные и письменные тексты, отражающие экономическую практику [5]. **Экономический дискурс** является дискурсом с особым статусом, где присутствуют и сообщаются знания об экономических явлениях, феноменах, свойствах и качествах экономического плана. Вслед за К.В. Шамраевой мы также считаем, что в рамках институционального экономического дискурса можно выделить частные, конкретные и субдискурсы [7]. Например, экономический дискурс является общим, инвестиционный дискурс – частным, финансовый дискурс – конкретным, дискурс сотрудников департамента по оценке и реализации инвестиционных проектов компании – субдискурсом. Дискурс также можно разделить на письменный и устный модусы. Устный экономический дискурс включает коммуникацию во время деловых встреч и переговоров, доклады и обсуждения на профессиональную экономическую тематику на форумах и конференциях. К письменному экономическому дискурсу относятся деловая документация, переписка, положения контракта.

На основе выделения четырех групп признаков институционального экономического дискурса (**конститутивность, институциональность, специфичность, нейтральность**) рассмотрим отрывок из выступления Премьера Государственного совета КНР Ли Кэцзяна в штаб-квартире Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в июле 2015 года, в котором особенное внимание уделяется экономическим вопросам:

...女士们，先生们！

各位朋友非常关注中国经济走势。我想告诉大家的是，今年以来，中国经济运行总体平稳，稳中向好。一季度GDP增长7%，从5、6月份的情况看，工业、投资、消费、出口等主要经济指标企稳回升，市场信心增强。结构调整步伐加快，服务业比重超过一半，新产品、新业态、新商业模式大量涌现。比如，前5个月网络零售增长38.5%，5月当月新能源汽车、工业机器人产量同比分别增长2.8倍和1.3倍。这些亮点反映出，中国的产业在升级，增长动能在转换。

当然，中国经济仍面临下行的压力，一些深层次矛盾凸显。但这是“成长中的烦恼”。我们将把握好稳增长与调结构的平衡，继续实施积极的财政政策和稳健的货币政策，在区间调控的基础上加强定向调控，通过深化改革开放顶住下行压力，做到调速不减势，量增质更优。中国市场广阔，可供选择的调控工具多。我们有条件有信心实现今年经济发展预期目标，努力保持经济中高速增长，迈向中高端水平。...

...谢谢大家！[8]

К признакам конститутивности, которая включает, участников, условия, организацию, материалы и способы общения, в данном отрывке, в первую очередь, относятся участники коммуникации: генеральный секретарь, государственный лидер, министры, представители международных организаций. Сфера общения также представляет собой ярко выраженную коммуникацию: на наш взгляд, целью данного отрывка речи является ознакомить слушателей с экономической ситуацией в Китае, сообщив, что китайское правительство обладает возможностями и решительно действует для осуществления задач по экономическому развитию страны с сохранением темпов экономического роста.

Институциональные признаки включают «агентов» и «клиентов», и их характеристики: «агентом» здесь является Премьер Госсовета КНР, «клиентами» коммуникации выступают все участники встречи в штаб-квартире ОЭСР, т.е. представители, род деятельности которых связан с экономической сферой и которые хорошо владеют экономической тематикой. Речь «агента» коммуникации Ли Кэцзяна содержит сформированную позицию по вопросу развития китайской экономики:

当然，中国经济仍面临下行的压力，一些深层次矛盾凸显。但这是“成长中的烦恼”。我们将把握好稳增长与调结构的平衡，继续实施积极的财政政策和稳健的货币政策，在区间调控的基础上加强定向调控，通过深化改革开放顶住下行压力，做到调速不减势，量增质更优。中国市场广阔，可供选择的调控工具多。我们有条件有信心实现今年经济发展预期目标，努力保持经济中高速增长，迈向中高端水平。

«Безусловно, китайская экономика по-прежнему находится под давлением с проявлением некоторых укоренившихся противоречий. Однако это «болезнь роста». Мы будем поддерживать баланс устойчивого роста и регулирования структуры, продолжим осуществлять активную финансовую и разумную денежно-кредитную политику, на основе интервального регулирования укреплять направленное регулирование, путем углубления политики реформ и открытости выдержим понижающее давление без снижения скоростного потенциала, с увеличением объёма и улучшения качества. Китайский рынок огромен с наличием множества альтернативных инструментов регулирования. У нас есть все условия и уверенность в достижении цели по экономическому развитию в этом году, а также будем стремиться поддерживать экономический рост по направлению к среднему и высокому уровням».

Специфичность институционального дискурса представлена его видом – определённым общественным институтом с заданными функциями участников, их нормами поведения, культурой, образованием, фоновыми знаниями, выраженными в воспроизводимых текстах. Признаки специфичности вышеприведенного институционального дискурса выражены его разновидностью, это экономический дискурс с его лексическими особенностями, содержащими специальные термины: **经济** «экономика», **投资** «инвестиции», **消费** «потребление», **出口** «экспорт», **零售** «розничная продажа», **货币政策** «денежно-кредитная политика».

Нейтральность выражается общими характеристиками, присущими для любой другой коммуникации, необязательно институциональной с наличием признаков других дискурсов. В данном отрывке нейтральная группа признаков определена наличием речевых клише, речь начинается с **女士们、先生们** «Дамы и господа» – типичное выражение, свойственное для употребления в

любом вежливом сообщении в Китае, а заканчивается стандартизированной фразой 谢谢大家 «Спасибо за внимание».

Экономический дискурс, как комплексное явление, отличается от других дискурсов и представляет разные виды, это могут быть тексты деловой сферы экономики, газетно-журнальные статьи, переговоры, разговор обывателей на экономическую тему и т.д. Каждое высказывание создаётся в зависимости от конечной цели и ситуации общения, которое может быть информативным, аргументативным, сравнительно-оценивающим.

Таким образом, институциональный дискурс, как отражение социокультурной и профессиональной практики продуцируется в текстах, анализ которых позволяет выявить цель сообщения, статус говорящего и адресатов, особенности лексического использования слов. Обращение внимания обучающихся на предварительный анализ экономического текста способствует более глубокому пониманию содержания текста и выполнению более качественного перевода с китайского языка на русский с учетом вышеприведённых институциональных признаков. Такой анализ текста также позволит сократить время, необходимое для выполнения перевода.

Библиографический список:

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 – С. 136-137.
2. Карасик, В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. научн. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград : Перемена, 1998 – с. 185-197.
3. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград : Перемена, 2000 – с. 5-20.
4. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра фил. наук. Москва, 2003. – 90 С.
5. Махницкая, Е.Ю. О современном экономическом дискурсе // Речевая деятельность. Текст : межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог : ТГПИ, 2002 – с. 158-161.
6. Тихонова, Е.В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и

видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис. канд. пед. наук/ Е.В. Тихонова – Томск, 2014. – 152 с.

7. Шамраева, К.В., Сложноконструированный институциональный экономический дискурс как лингвистический феномен // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. – Вып. 4 – М. : МГОУ, 2011. – с. 209-215.

8. 李克强在经济合作与发展组织总部的演讲（全文） - 新华网，2015， - http://news.xinhuanet.com/politics/2015-07/02/c_1115800661.htm

Vallan Melicent Kantner (Tokyo)
Berkeley House Language Center / Mushashino Univerity

HELPING NATIVE ENGLISH SPEAKING INSTRUCTORS ADAPT TO ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE PROGRAMS IN RUSSIA

***Abstract.** With the vast amount of native English language teachers working in language intuitions abroad, it is vital to assure that they have the abilities and knowledge necessary to smoothly transition into their roles as language teachers and utilize the short period of time that they have at their host institutions. Although most language teachers are aware of cross-cultural differences within the classroom and are able to adapt accordingly, sometimes both the host institutions and visiting instructors forget the vast differences in the overall structure of the university and department. This paper attempts to briefly address the importance of understanding the structural and administrative differences of educational institutions in native English speaking countries, specifically the USA, and Russian higher education institutions, and stress that this knowledge and the skills of adapting to the larger setting are just as important as the ability to do so in the classroom. Both the instructors and host institutions must be aware of these differences and try to adjust their behaviors to best assure a quick and smooth transition.*

***Key words:** Native English language instructors; EFL/ESL; cross-cultural differences; communicative language teaching; group work.*

Due to the nature of the field of language teaching, most instructors have developed the ability to be cross-culturally aware in the classroom. This skill is vital in order to promote a safe and explorative learning environment. Being able to adapt

to not only the patterned strengths and weaknesses, but also the various opinions and mindsets presented in the classroom is necessary for those in the field of foreign language teaching. Without the capability of having a cross-cultural mindset, noticing and adjusting behavior to best assist the student learning process is not possible. Interestingly enough, although most educators in the field are prepared to handle cultural differences within the classroom, they sometimes lack the ability to quickly do so in the larger educational setting due to both cultural and structural differences that may present themselves outside of the classroom. Both the hosting departments and the teachers themselves must be prepared for administrative, structural and expectation variations in order to best prepare for the experience and quickly adjust. This awareness will utilize the short time period visiting instructors have at the hosting institution and will assure all involved benefit from the experience.

Although foreign language students are able to reach advanced levels of target language competence in their home countries, without authentic target language exposure, especially by near native or native speakers, development of their interlanguage pragmatic abilities might be hindered. A direct correlation between grammar competence and interlanguage pragmatic development has not been proven, suggesting other factors such as immersion into the target culture and exposure to native speakers may play a vital role in interlanguage pragmatic development [1, p. 787]. For those students who have not, or may not ever, have the chance to study or live abroad in the target culture, native speaking visiting professors can help promote this development by providing the authentic language exposure that was previously lacking. As of 2014, there were over 1.4 billion English language learners taking some form of class in their home country and around 250,000 native English speakers working as English teachers in these various classrooms [2]. These teachers can and should be used to practice the development of language use. Language schools and universities who have English as a Foreign Language programs recognize this and actively seek opportunities that will allow native or near-native English language speakers to visit their institutions and provide authentic language exposure to their students.

In the specific cause of native English teachers in Russia, Millrood expressed three important factors that can promote teachers successfully developing their students' language skills: language, techniques and culture. He believed, that for the

most part, a “lack of knowledge about the Russian teaching culture” contributed to unsuccessful adjustment into the learning environment and therefore a lack of success in the classroom [3]. Although this is an important factor, it is also vital to go beyond Russian teaching culture’s influence in the classroom and extend this exploration to the structure of the overall Russian educational system (including the administrative side) which can be at odds with the native speakers’ background and experiences from their home countries. This factor is often times overlooked by both the host institutions and visiting professors which is harmful to the overall experience. If the visiting instructor is unable to adjust to the system and expectations of the department, classroom instruction will wane and the student learning experience will dwindle.

Most visiting instructors from native English speaking countries expect explicit instructions regarding curriculum, semester schedule, grading rubric, and expected administrative duties even if this is not a habit for their host institution. If this information is not readily provided during initial discussions, it is hard for these instructors to understand the goals and expectations for their courses and how to plan their lessons for the term which can create a sense of confusion and frustration. Although those within the host country system find this information to be common sense or implicitly known, universities in the United States and other English speaking countries do not all follow the same plan of action so teachers need to know the system into which they have fallen. For example, in the United States, at times instructors must strictly follow an already written syllabus and use only provide curriculum with no supplementation. Assignments, quizzes, tests and projects have been previously thought out and worked into the class schedule. On the opposite end of this spectrum, other institutions expect the teacher to create from scratch a syllabus and plan of action for the semester, simply providing overall learning goals. Experienced visiting professionals should and must be able to adapt to the setting in which they find themselves, but explicitly stating what will and will not be provided in terms of curriculum and semester layout could assist visiting instructors smoothly transition into their roles.

Visiting instructors also may not be aware of the overall structure of the program into which they have entered leaving them unable to match the best teaching methods and activities to the situation. Understanding the larger structure of the educational system and program is information that should dictate classroom

instruction. Most visiting professors are best utilized when they focus on improving the communicative competence of their pupils and most native English instructors do so based on Communicative Teaching Methods which regularly utilize certain classroom activities. Unfortunately, some of these activities may or may not work as well in certain institutions based on the structure of the program and therefore interaction of students. Pair and group work are activities that are heavily relied upon in language classrooms in the United States and other native English speaking countries, but these activities may not be optimal in educational settings such as Russian universities where students have taken most classes together since the start of their programs and have grown a familiarity with each other. Visiting professors to Russia may be shocked to find out their group of students have attended a majority of their classes together throughout the course of the week for the duration of their programs. This is atypical in the United States where a program of study consists of students and pupils who will rarely have the exact same group of students in multiple classes, especially at a bachelor's level. The closeness that Russian students in the same program develop is unmatched in the United States which has benefits such as creating a safe and comfortable learning environment. Yet, it also presents difficulties when attempting to pair students up or put them in groups and discuss a topic using only the target language. This is just one example on how understanding the background structure of the host environment is necessary due to the impact this systematic organizational information can have on teaching methods and activities.

Further cross examination is needed to precisely pin-point the structural and administrative differences between host countries and their visiting instructors' backgrounds and experiences and ways to explicitly give this information to native speaking visiting professionals. Most educators are prepared to deal with the cultural difference within the classroom, but some lack the initial knowledge necessary to work efficiently and smoothly in the foreign office environments. Exploring in depth the differences in attitude, interactions, expectations and communication styles mainly in the US and Russia as well as some common issues that arise when communicating with colleagues, can help form a smoother transition for visiting instructors into their host institutions and help them successfully benefit their students within the classroom.

List of References:

1. Chang, Yuh-Fang. "Interlanguage pragmatic development: the relation between pragmalinguistic competence and sociopragmatic competence." *Language Sciences*. Vol. 33, Issue 5. (Sept 2011) pgs. 786-798.
2. International TEFL Academy Articles "1.5 Billion English Learners Worldwide." 2014
<http://www.internationalteflacademy.com/blog/bid/205659/Report-from-TESOL-2014-1-5-Billion-English-Learners-Worldwide>
3. Millrood, Radislav, "How Native English Speakers Can Be Better English Teachers in Russia." *Internet TESL Journal*. Vol. 1, No. 1 (Jan 1999).
4. <http://iteslj.org/Articles/Millrood-TeachersInRussia.html>

Н.А. Маркина, И.В. Шурупова (Москва)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ К ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (РЯДО) НА ПРОДВИНУТОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье речь идёт о специфике подготовки китайских студентов к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку делового общения продвинутого уровня (РЯДО). Определяются коммуникативные задачи для данного уровня и круг кандидатов, могущих принять участие в курсе по подготовке к такому экзамену. Обращается внимание на требования к учебным материалам, указывается объём экзаменационных материалов, отмечаются трудности, возникающие у китайских студентов в процессе подготовки. В статье также представлены система подачи тренировочных материалов и виды аудиторной и самостоятельной работы.

Ключевые слова: подготовка; сертификационный экзамен; субтест; задания; русский язык делового общения (РЯДО).

PECULIARITIES OF PREPARATION OF CHINESE STUDENTS FOR THE EXAM OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR BUSINESS COMMUNICATIONS (RLfBC) AT AN ADVANCED LEVEL

Annotation. The report focuses on the specifics of intensive training of chinese students for passing a certification exam of the Russian language for business communications at an advanced level (RLfBC). Both communicative tasks for a given level and the number of candidates that can participate in the course for the preparation for this exam are defined. The author pays attention to requirements to tutorial materials, specifies the amount of examination materials, notes the difficulties encountered by chinese students in the process of preparing. The article also presents the system flow of the training materials and the types of classroom and independent work.

Key words: *preparation; certification exam; subtest; tasks; Russian for business communication (RLfBC).*

Китайским студентам, приезжающим на стажировку в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и желающим сдать сертификационный экзамен по русскому языку делового общения (РЯДО) продвинутого уровня, необходимо иметь стартовый уровень общего владения русским языком B2+/C1. К таким учащимся относятся студенты государственного контингента, среди которых много будущих переводчиков и которые планируют в дальнейшем связать свою жизнь со сферой бизнеса.

В требованиях к уровню знаний по русскому языку делового общения, лингводидактических описаниях целей и содержания базового, среднего и продвинутого уровней определены коммуникативные потребности иностранных бизнесменов. Для продвинутого уровня выделены следующие коммуникативные задачи:

- свободно общаться с деловыми партнёрами при непосредственном контакте и по телефону;
- участвовать в деловых беседах, рабочих совещаниях, переговорах;

- выступать с различными сообщениями и докладами на пресс-конференциях, представлять свою компанию на выставках, ярмарках;
- понимать содержание документов, деловых писем, договоров, рекламных объявлений, газетных и журнальных статей по вопросам бизнеса;
- понимать звучащие по радио и телевидению объявления, рекламу, бизнес-хронику, выступления и дискуссии бизнесменов;
- оформлять деловые документы.

В процессе обучения деловому общению китайские стажёры учатся решать данные коммуникативные задачи, составлять диалоги и монологи по предложенным темам, отстаивать свою точку зрения при обсуждении каких-либо вопросов.

Курс по деловому общению, предлагаемый китайским студентам, включает в себя изучение бизнес-терминологии, необходимых интенций (например, мнение, констатация факта, аргументация, коррекция, убеждение и т.п.) и соответствующих высказыванию речевых выражений. В курсе также представлено жанровое разнообразие текстов (коммерческие письма, аналитические справки, бизнес-хроника, рекламные объявления, бизнес-планы, международные контракты, лизинговые соглашения, агентские, комиссионные, франчайзинговые договоры и т.д.).

Существуют определённые требования к материалам для подготовки к РЯДО на продвинутом уровне. Они должны:

- быть аутентичными;
- отражать реальную коммуникацию делового общения;
- не носить узкоспециализированный характер;
- отражать наиболее типичные внешнеэкономические темы и ситуации.

Благодаря предложенным аутентичным материалам, набору тем, типичных ситуаций, жанров письменной и устной речи, обслуживающих в реальной жизни речевое поведение бизнесмена, сложилось ясное представление о содержании предметной компетенции на продвинутом уровне, что позволяет четко и последовательно готовить студентов, в том числе и из Китая, к сдаче сертификационного экзамена.

Основным пособием при подготовке к экзамену на продвинутом уровне является «Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый сертификационный

уровень», написанный авторским коллективом Центра сертификационного тестирования Института русского языка им. А.С. Пушкина. Кроме того, для подготовки к данному экзамену может быть использовано пособие «Русский язык делового общения. Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. С1» (С.В.Романова, Н.А.Маркина).

Во время подготовки студентов знакомят не только с объёмом экзаменационных материалов, но и их структурой, с инструкциями к заданиям и шкалой оценок. На экзамене кандидатам предлагается выполнить пять субтестов: «Чтение», «Письмо», «Лексика. Грамматика», «Аудирование» и «Говорение». Результаты оцениваются по 100-балльной системе, проходной балл каждого теста – 65. Все экзаменационные части можно распределить по степени трудности. Как показывает практика, самым лёгким тестом для китайских студентов является «Чтение», поэтому к нему они обычно готовятся самостоятельно. Самой трудной частью оказывается «Письмо», т.к. у студентов, как правило, отсутствуют навыки написания коммерческих писем. К тому же в этой части оценивается не только знание материала, но и умение использовать те или иные грамматические конструкции, знание правил орфографии и пунктуации русского языка, а также умение правильно составлять различные деловые документы (проект договора, отчёт агента, отчёт о проведении коммерческих переговоров и т.п.). Учитывая хорошую грамматическую базу китайских стажёров и их большую работоспособность, тренировочные тесты по лексике и грамматике им предлагается выполнять в виде домашних заданий, а на занятиях разбираются только самые трудные случаи употребления лексического и грамматического материала: некоторые термины и их определения, причастные и деепричастные обороты, трансформация сложноподчинённых предложений в простые. Тесты по аудированию, как правило, даются на последнем занятии, как завершающий этап.

Непосредственно на занятиях в китайской аудитории особое внимание уделяется подготовке к сдаче экзаменационных частей «Письмо» и «Говорение», т.к. устный экзамен наряду с тестом по письму тоже вызывает немало трудностей у студентов. Кроме того, обе эти части связаны между собой тематически. Подготовка к тесту «Говорение» осуществляется поэтапно, темы располагаются в логической последовательности: «Выход компании на один из

региональных рынков России» --- «Выбор компании-посредника на рынке» --- «Подготовка к переговорам с компанией-посредником» --- «Проведение переговоров с компанией-посредником и заключение договора» --- «Выбор логистической компании». Подготовка к тесту «Письмо» происходит параллельно. Так, например, при изучении темы «Выход компании на один из региональных рынков России студенты должны написать аналитическую справку о состоянии рынка, а при изучении темы «Выбор компании-посредника на рынке» учащиеся составляют текст досье на эту компанию и т.д. Кроме того, трудности у китайских стажёров вызывают также русский деловой этикет и невербальные средства общения, используемые российскими бизнесменами при ведении переговоров. Например, при знакомстве с партнёром студенты стараются представиться по имени и отчеству без фамилии, а при обращении к партнёру – по имени и фамилии. Они не понимают, почему во время переговорного процесса русские много жестикулируют, смотрят партнёру в глаза и не всегда улыбаются.

Во время подготовки к экзамену китайские студенты выполняют большое количество письменных работ, относящихся не только к тесту «Письмо», но и к тесту «Говорение». Такие задания способствуют улучшению навыков письма и помогают качественнее подготовиться к письменной части. Так, устный экзамен состоит из трёх частей: диалог, полилог и монолог, связанных между собой одной темой. Диалог и полилог студенты составляют на занятиях устно, а монолог готовят в письменной форме дома и сдают преподавателю, как и другие тренировочные задания по письму.

Таким образом, успешная подготовка китайских студентов к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку делового общения (РЯДО) на продвинутом уровне зависит от правильного распределения подачи учебного материала на занятиях и предлагаемых им видов самостоятельной работы.

Библиографический список:

1. Журавлёва, Л.С и др. Лингводидактическое описание целей и содержания обучения русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый сертификационный уровень. М., 2007.

2. Журавлёва, Л.С. и др. Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый сертификационный уровень. М., 2008.

3. Типовой тест. Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый сертификационный уровень // Журавлева Л.С. и др. М., 2005.

Ни Айся, Ян Иньлин (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай

МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В НОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** Обучение искусству перевода, являющееся одной из важнейших составляющих переводческих исследований, всегда привлекало к себе внимание ученых. В данной статье анализируются материалы, связанные с обучением переводу, описывается историческое развитие моделей обучения переводу в Китае, подчёркивается, что в рамках традиционных моделей обучения сложно справиться с вызовами новой эпохи, приводятся некоторые предложения по улучшению обучения переводу. Традиционные модели, которые ориентированы на получение опыта, работу с учебниками и имеют академическую, университетскую направленность, предполагается необходимым сочетать с теоретическими моделями, информационными технологиями, территориальными и многоуровневыми образовательными моделями.*

***Ключевые слова:** модель обучения переводу; теоретическая модель; территориальная; многоуровневая модель обучения.*

INTERPRETATION TEACHING MODELS IN THE NEW ERA: CHALLENGES AND RESPONSES

***Abstract.** Interpretation teaching, as one of the most important sectors in interpretation research, has always been attracting scholar's eyesight. The paper, through analyzing the interpretation teaching-related documents and summarizing the historical development of interpretation teaching models in China, points out that it is hard for traditional interpretation teaching models to cope with the challenges in the new era and tries to provide a few suggestions for interpretation teaching as the response. The experience-centered, text-book-centered, academic school-dominated and campus-centered traditional interpretation teaching models are advised to be introduced with theoretical models, IT techniques, localized and multiple teaching models.*

***Key words:** Interpretation teaching model; theoretical-model; localized; multiple teaching model.*

I. Introduction

Interpreting was set as the required course for English majors studying for their bachelor's degree in China in 2000 and in 2008, 15 colleges and universities were granted the right to enroll students as Masters of Translation and Interpretation (MTI). By 2016, the number of colleges and universities with the right has roared to 159 and accordingly, the professional evaluation for MTI was launched in 2015. With interpreting courses for bachelors and masters, interpretation teaching research gradually gains its role in interpretation research.

Although interpreting activities could be traced back to Qin dynasty (around the year 221BC-207BC) in China and interpreting training schools appeared as early as Yuan dynasty (1271-1368) [5, p. 422-423], it is generally regarded that professional interpreting training in the modern sense did not exist until 1979 when the first UN interpreter training was held in Beijing, and research on interpretation teaching started in 1980s. After interpreting became an independent discipline, the research approach and teaching method mainly followed "the traditions and experiences in

Europe and America” [12, p. X]. The 21st century challenges traditional interpretation teaching with the globalized social-cultural context and the fast-developed science and technology. Against the background, the paper sorted out the documents on interpretation teaching in the past 20 years (1995-2016) in China and applied the research methods of literature research and observation description to describe the historical development of interpretation teaching in China, summarize the character of traditional interpretation teaching, reflect upon the problems and promote a new interpretation teaching model to counter the challenges posed by the new age. The research does not cover the interpretation teaching in Hong Kong, Maocao and Taiwan owing to the limitation in documents.

II. Overview of the research on interpretation teaching in China

The paper analyzed the documentation around 20 years mainly from 1996 to March 2016 in China National Knowledge Infrastructure (CNKI) to get acknowledge to the number and time distribution of the documentation. The result is presented with every 5 year as a time node. 1996 was chosen as a starting time because before 1996, only 20 papers on interpretation teaching were found. The limited number of papers and its low representativeness requires no attention. The statistics from 1996 could fully reflect the distribution trend and character of all the documents. The result is shown in the following chart. (See Chart 1.)

Chart 1:

Over the past 20 years, interpretation teaching-related documentation accounted for over 2500, in which few were published before 2000, which indicates the period between 1996 and 2000 to be an exploring time. After interpretation became a compulsory course for English majors in 2000, the number of documents on interpretation teaching from 2000 to 2005 roared to 4 times of the number of documentation 5 years before because of the tremendous need from interpretation teaching practice and the increasing reflection on interpretation teaching. The climax of interpretation teaching research occurred during 2006 and 2010 when interpretation course became popular in undergraduate and graduate schools and MTI was spreading in China. The number of documentation reached to more than 1000, while the following 5 years witnessed a comparatively steady trend of the number and quality of the documentation.

The topics covered in the documentation range widely. Viewing from the teaching process, documentation on interpretation teaching model takes the lead with

the number of 724, accounting for nearly 1/3 of the total number. And the distribution chart of other topics is as follows. (See Chart 2.)

Chart 2:

Note : The statistics in the chart above could be overlapped with documentation on interpretation teaching model.

The characteristics of traditional interpretation teaching and the new teaching model mentioned in the following text are based on the documentation above.

III. The characteristics of traditional interpretation teaching

As mentioned above, the paper is based on the documentation in the past 20 years and set 5 year as a time node. As can be seen from the statistics of the first 5 years, only 43 documentation were published and the topic and content are comparatively simple and focused, therefore, the characteristics of traditional interpretation teaching could be fully displayed in the documentation during this period.

3.1 Teaching experience-leading teaching model.

Interpreting teachers at that time rarely received systematic interpretation training or had professional research on interpretation teaching theories or teaching models and therefore, the teaching content, teaching approach or teaching aim was not clear for them. [1, p. 27-31] At that time, interpretation teaching was newly-emerged. [7, p. 40-43] Many of the documentation were titled “My Point of View on ....” or “Reflections on ....” or “On ....”.

3.2 Textbook-focused teaching model.

The editing and compiling of interpretation textbooks has always been scholars' focus. According to Liu Heping, an expert on interpretation research in China, by the end of the year 2003, about 190 books and textbooks had been published, most of which were compiled after 1990s. [6, p. 128] Although many textbooks were available, the hysteresis of the textbooks is unavoidable and the linguistic- style of the books resembles more of the translation textbooks than for interpretation teaching. Traditional interpretation teaching focused on the textbooks and could hardly cope with the requirements for the interpretation skills of students after they graduate.

3.3 Academic-style teaching model.

Although traditional interpretation teaching follows the rule of linguistic teaching, the practicability and skill-based characteristic of interpreting is neglected,

with the academic teaching model of “teaching translation orally”, teaching interpretation with printed materials or “transferring interpretation into topic-focused oral English lecture” [2, p. 37-39]. The single and dull teaching approach could hardly arouse students’ enthusiasm and initiative.

3.4 Campus-focused teaching model.

Traditional interpretation teaching is restrained on campus, classroom and textbooks, leaving students few opportunities to do practice their interpretation skills in the real world. Teaching staff and students know little of the market need and the requirement of professionalism and thus, it is hard for graduates to cope with the changed society.

IV. Challenges from the new era and the responses

The social-cultural context in the 21st century quickens the spread of information all over the world and changes the spreading mode and at the same time, the rapid development of information technology provides interpretation teaching with more and fresh technological support. All these are observed by scholars and interpretation teaching-related documentation titled “information era”, “big data era” and “globalization ” amounts to over 60. With the analysis of the documentation after 2000, the paper proposes the responses for the new era in interpretation teaching and forms a new teaching model.

4.1 Theoretical-supported teaching model.

When five paradigms on interpretation, namely, IT paradigm----interpretive theory, CP paradigm----cognitive processing theory, NL paradigm----neurolinguistic theory, TT paradigm----target-text-oriented translation-theory and DI paradigm----discourse-based interaction theory, occurred in 1960s in the western world [9, p. 84-110], domestic scholars have applied these theories with the local interpretation teaching, forming a new teaching model backed up with theories. Thus, interpretation teaching is not only structured on experiences but also on interdisciplinary theories, enabling the further study of interpretation teaching and helping the systematization of interpretation teaching research.

The most frequently discussed theory is interpretive theory. Starting from 2003, there are has been 151 documentation in CNKI. The number of the documentation on other theories is presented in the following chart (Chart 3) and it is normal to apply related theories in the interpretation teaching process.

Chart 3:

4.2 The practical and society-related teaching materials.

Fresh interpretation materials emerge in a large number with the rapid development and wild application of IT, therefore, all these video or radio materials, like the official websites of UN, White House, teachers' interpreting video etc. could be applied in the teaching practice to add or replace the textbooks.

The documentation regarding interpretation teaching materials is over 100 and the discussion on the difficulty levels of the materials [4, p. 58-62], the construction of corpus for interpreting [13, p. 25-30] etc. has become the hot topic and main focus in the research. The teaching materials are on the way to systematization.

4.3 The diversity of teaching approaches.

The application of new teaching theories and IT techniques diversifies teaching approaches, ranging from experimental teaching, skill training-focused teaching, assignment teaching to multimodality teaching with the combination of flipped class and cloud technology, Moodle platform and corpus as the focus for today. [3, p. 31-36; 10, p. 39-45; 11, p. 93-96]

New techniques like Podcast, CAT, Cloud technology, QQ, BBS etc. combines teaching time and self-learning time, diversifying the teaching models.

4.4 Combining teaching with the social requirements.

Being sensitive to the marketing need, professionalism and localization is arousing the attention of colleges and universities, who are introducing interpretation qualification certification system such as China Aptitude Test for Translators and Interpreters (CATTI) in classroom teaching, which clarifies the teaching aims. The national interpretation contests also provides more opportunities for students to show their interpretation skills.

Localization must cope with the social requirements and combine with the policies of introducing information outside campus. [12, p. X] Localization asks interpretation teaching to combine local characteristics. For example, colleges and university could teach more tourism interpretation if they are in a city with many tourist attractions.

V. Conclusion

The 20-year interpretation teaching related documentation reflects that scholars have successfully coped with the development of the society and proposed effective responses. Colleges and universities could form their own teaching model based on the local conditions and through referring to the present successful interpretation

teaching models, such as the “Xiamen University Model”, “Guangdong University of Foreign Studies Model ”. [14, p. 30-33] However, since the new teaching model could be easily affected by the quality of teaching staff and soft and hardware facilities, students’ level etc., it takes further effort to put the theory of the new teaching model into practice.

List of References:

1. Bao Chuanyun. The Orientation and Teaching of Interpretation in Colleges and Universities [J]. Chinese Translators Journal, 2004, (5): 27-31.
2. Bian Jianhua. Coping with the Challenges in the New Era for Interpretation Teaching [J]. Chinese Translators Journal, 2004, (5): 37-39.
3. Chen Shengbai. Innovative Study on the Corpus – based Model of the Flipped Classroom Interpretation Teaching [J]. Technology Enhanced Foreign Language Education, 2015, 06: 31-36.
4. Huang Xiaojia, Bao Chuanyun. An Analysis on the Difficulty Levels of Consecutive Interpretation Teaching Materials [J]. Chinese Translators Journal, 2016, 01: 58-62.
5. Li Nanqiu. The History of Interpretation in China [M]. Qingdao: Qingdao Press, 2002: 422-423.
6. Liu Heping. Interpretation Theories and Teaching [M]. Beijing: China Translation Corporation, 2005: 128.
7. Mu Lei. Interpretation Teaching----A Newly- emerged Enterprise [J]. Chinese Science and Technology Translators Journal, 1999, 02: 40-43.
8. Mu Lei, Wang Binhua. The Development and Trend of Interpretation Research in China [C]. Interpreting in China: New Trends and Challenges, Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2010, 10: 175-185.
9. Pochhacker. Introducing Interpreting Studies [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2009: 84-110.
10. Xu Wensheng, Lv Peiming. Teaching Interpreting from the Perspective of Cloud-based Flipped Classroom [J]. Foreign Language Education in China, 2015, 04: 39-45.
11. Wang Honglin. Research on Flipped Interpreting Class with the Aid of Moodle [J]. Journal of Zhejiang Wanli University, 2015, 02: 93-96.

12. Yang Chengshu. Interpretation Teaching Research: Theory and Practice [M]. Beijing: China Translation Corporation, 2005.5: x.
13. Zhang Ailing. Building a Multi-language Speech Repository (MSR) for Professional Interpreter Training Involving Multi-language Combinations [J]. Technology Enhanced Foreign Language Education, 2015, 03: 25-30.
14. Zhong Weihe. Interpretation Training: Model, Content and Method [J]. Chinese Translators Journal, 2001 (2): 30-33.

Сун Минь (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

ИНТЕГРИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

***Аннотация.** Язык – составляющая часть культуры. В свою очередь, язык отражает культуру. В языке содержатся не только культурно-исторические традиции данного народа, но и его взгляды на стиль жизни, образ мышления. Многие преподаватели считают необходимым включить культурную компетенцию в учебный план обучающийся иностранному языку. В статье в общих чертах рассматривается взаимосвязь языка и культуры, также автор останавливается на проблемах преподавания и изучения языка.*

***Ключевые слова:** китайская культура; западная культура; различия; преподавание языка.*

Song Min (Yantai)

Shandong Technology and Business University

ON THE INTEGRATION OF CULTURE INTO EFL TEACHING

***Abstract.** Language is a component of culture, and in its turn it reflects culture. Language contains not only the historical and cultural background of a given nation but also its viewpoints on the life, the living style and the way of thinking. Cultural competence has been viewed by many teachers as their goal to incorporate the teaching of culture into the foreign language curriculum. This paper gives a brief*

introduction into the relationship between language and culture, then dwells on language teaching and learning.

Key words: *Chinese culture; Western culture; differences; language teaching.*

1.0 Introduction

Language is among the culture, and in turn it reflects the culture. They are in so complete harmony that the differences of language using unavoidably symbolize the cultural differences, and vice versa. Foreign language learning is comprised of several components, including grammatical competence, communicative competence, language proficiency, as well as a change in attitudes towards one's own or another culture [6]. Of them, cultural competence has been viewed by many teachers as their goal to incorporate the teaching of culture into the foreign language curriculum. English speaking and writing two tough problems as to those Chinese students in their English learning. Among other things, the different ways of Chinese thinking and expression are the two basic reasons. So, a foreign language teacher should be first a culture teacher, having the ability to experience and analyze both the home and target cultures. Undoubtedly, the lack of English knowledge accounts for one of the phenomena. On the other hand. The overlook of culture instruction makes it unavoidable. It is well—known that culture, language and thought are an organic part, in which the interaction occurs among the three factors. As a result, cultural differences not only in the form, sentences and vocabularies but also in the way of thinking and expression habit, Can be seen obviously from a speech or writing product by a Chinese.

2. 0 Culture differences

Culture exists everywhere in human society. Even when a baby is born, his thought and behavior are influenced by culture subconsciously. Due to such a nature, it is hard to reach an agreement on a single definition of culture. There is really very little agreement on what people mean by the idea of culture since culture has different shades of meanings in different scientific disciplines and context. The English anthropologist E.B. Tylor first set his definition in his *Primitive culture* in 1871: “Culture is that complex whole which includes knowledge, beliefs, arts, morals, law, customs, and other capabilities and habits acquired by man as a member of society”[WANG Fu—xiang&WU Han—ying, 1994, P.79]. Daniel Bates and Fred Plog advance another definition with detailed descriptions: Culture is a

system of shared beliefs, values, customs, behaviors, and artifacts that the members of a society, to cope with their world and with one another, and that is transmitted from generation to generation through learning. This definition includes not only patterns of behavior but also patterns of thought (shared meanings that the members of a society attach to various phenomena, natural and intellectual, including religion and ideologies), artifacts (tools, pottery, houses, machines, works of art), and the culturally transmitted skills and techniques used to make the artifacts [8, p. 47].

2.1 A brief survey on Chinese culture and western culture

The traditional Chinese world view is “oneness between man and nature”, which refers to obedience of man to the natural law and the worship of nature. Under the guidance and influence of this idea, we Chinese tend to achieve wholeness, generality, synthesis and believe in intuition. Thus there is little mobility, either socially or geographically. Under the traditional education of Confucianism, Taoism and Buddhism, Chinese respect the old and care the young; they are kind to neighbors; they behave themselves and are modest and prudent. China’s education advocates discipline and obeying the law, industry and thrift in managing a house and obedience to one’s superiors. China has been an agricultural country for five thousand years. This agrarian nature distributes to the traits and values that characterize the society both in the past and today. Chinese families are cohesive units in which all members work together and live together. Thus forms the collective nature of Chinese values.

Western culture is relatively young. People there respect religious freedom and have a great faith that everyone is born to be equal. Most of the countries were once greatly immigrant; different values, norms and customs were melted together. Everyone is equal to seek for wealth and liberty. People depend on themselves rather than others. They develop habits of survival based on individualism, and also such thought patterns, beliefs, values and attitudes. Chinese culture belongs to the oriental culture while the western culture is the occidental. As a result, there is a large difference between these two cultures. Some aspects of the respective culture seem incredible to people belonging to the other culture. Many westerners even regard Chinese culture as the mysterious oriental culture.

2.2 The differences between Chinese and western culture

The differences between Chinese and western culture are numerous and complicated. To sum up, there are mainly the following aspects. First of all, cultural

difference in convention. Cultural difference in convention is the difference in daily life and social intercourse result from the difference of custom and habit, such as the rules of using words to address, greet, express one's thanks, apologize, and phone, etc. Secondly, cultural difference in thought. Cultural difference in thought results from the way of thinking. As an instance, Chinese have the characteristic of thinking from top to bottom while the westerners the reverse. Thirdly, cultural difference in psychology. Cultural difference in psychology results from the mentality of a nation and consciousness of a society. Expression of the concept of value, ethics; implicit and roundabout ways to express one's feelings; Fourthly, cultural difference due to the difference of cultural development in history and accumulation of cultural legacy. Fifthly, cultural difference in posture. Culture can be represented through language. And without language, other signs of culture (such as gesture, fingering, facial expressions and clothing) can also represent it.

3.0 Why should culture be included in English teaching?

With the notion of over-emphasized adaptation to the need of the market, many English majors go to excess of learning some skills only and neglect the culture aptitude for language competence. In communication, they cannot find the right topic or proper expression; in reading, they feel it difficult to understand; in writing, they write English compositions in Chinese way's of thinking and many of their choices of words are Chinglish. Those lacking culture knowledge are usually those who are poor in English competence. So, we realize that it is necessary to enhance the teaching of culture in college English teaching.

3.1 Interrelationship between language and culture

Language is a social institution, both shaping and shaped by society at large or in particular the "cultural niches" [Eleanor Armour-Thomas & Sharon—ann Gopaul—McNicol, 1998]. Thus, language should be understood as cultural practice, it cannot exist alone. Certainly, everyday language is tinged with cultural bits and pieces. By the very act of talking, people assume social and cultural roles, which are deeply entrenched in our thoughts, more often unnoticed and ignored though. In other words, the language people are speaking is culturally conditioned. Culture not only dictates who talks to whom, about what, and how the communication proceeds, it also helps to determine how people encode messages, the meanings they have for messages. So to speak, culture is the foundation of language.

Similarly, language is culture. When a person decides to learn English, for example, he or she is not merely absorbing the knowledge of the language, but everything to do with English and Britain and America. What he or she is taking in includes all the preconceptions about the English language, that it is beautiful, that it is world language, that it is spoken along the Shakespeare, and so on. Languages come with some cultural associations attached. By speaking the language, therefore, one automatically (to a greater or lesser extent) aligns oneself with the culture of the language. To speak a language well, one has to be able to think in that language, and thought is extremely powerful. A person's mind is in a sense the centre of his identity, so if a person thinks in English way in order to speak English, one might say that he has, in a way, almost taken on an English identity[see for example Brown, 1994 and Littlewood, 1984]. That is the power and the essence of a language. Language is culture.

Language is the soul of the country and people who speak it.

3.2 Implications for teaching materials and contents

The present study shows that the choice of Language and culture by Deng Yan--chang and Liu Run--qing as the textbook is proved to be all right, but it is not necessary for the teacher to be confined to its contents and arrangement. The teacher should read more books concerning culture in language teaching and try to get something useful to enrich the teaching content.

The results of the present study also strongly supports that the choice of the teaching materials and all the topics the author had taught must be included in the teaching plan. In teaching, what the teacher should spend more time are the following topics: idioms, proverbs and sayings; knowledge about culture; euphemisms and taboos; the similarity and difference in conversation; comparison between Chinese characters and English vocabulary because these are what the students are interested in most or what they think it is necessary to be explained more, or what they consider as the most difficult contents. Though ethnocentrism and body language are regarded as something unimportant to be explained less in class, they do goodness to cultivate the students' cultural awareness and enlarge their cultural knowledge and so it is necessary to mention them in class. Apart from these, the teacher should provide more sources for the students to widen their knowledge, such as *Speaking Culturally* by Johnson, Fern L, *Idioms and*

Idiomacity by Chitra Fernando, *Comparison of Chinese and English Customs* by DU Xue—zheng, etc.

4.0 Conculsion

All in all, Chinese culture, inclusive of the way of thinking and habitual expression, has a great influence upon students' English writing. As second language learners advance into certain language production stages, various influences brought about by the way of thinking in ones native language might increase correspondingly [3]. A culture-related teaching and learning, involving the whole living style of a society and a language must be applied to the process of language learning and using. A language contains not only the historical and cultural background of that nation but also its viewpoints on the life, the living style and the way of thinking. In a society the language interacts with the culture. The ultimate aim of language teaching is to teach the students how to use a language. English writing is an integration of a student's English language competence and performance. It is true that under the good mastery of the English words and the styles, the culture has a great effect on the students' English writing. Therefore, in the teaching process of English writing it is necessary to help students to be conscious of the differences of Chinese and English culture. Only in this way, are Chinese students capable of reaching an understanding consensus of culture and language, and can they view things in English, thereby avoiding or overcoming the negative effects of native language to the full extent and producing pure English works.

List of References:

1. Ajvg Suchun. (2007). Culture fusion and English language teaching. *Sino-US English Teaching*, Oct. Volume 4, No. 10 (Serial No. 46).
2. Bates. Daniel G, Fred Plog. (1990). *Cultural anthropology*. New York: Mc Graw—Hill.
3. Belmont, Calif: Wadsworth Pub. Co. Wang, Danbin. (2002). Negative transfer of the Chinese way of thinking in English compositions. *Journal of ShanghaiTeachers University*, (3), 118-12
4. Dai, Xiaobing & Cao Hng'. (2008). Influences of Chinese culture and mode of thinking on English writing. *Sino-US English Teaching*, Feb., Volume 5, No. 2 (Serial No. 50).

5. Deng, Yanchang & Liu Runqing. (1989). *Language and culture*. Foreign Language Teaching and Research Press. (in Chinese).
6. Kramsch, Claire. (1999). *Context and culture in language teaching*. Shanghai Foreign Language Education Press.
7. Li, Guangmei. (2008). On the teaching content of Language and Culture. *Sino-US English Teaching*, May, Volume 5, No. 5(serial no.53).
8. Samovar, Larry A & Richard E. Porter. (1985). *Intercultural communication*.

Сунь Ци (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

О ПРИМЕНЕНИИ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАНЦЕВ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. По всему миру ядром образовательных реформ сейчас является преподавательский состав, поскольку профессиональные навыки учителей-исследователей – основной метод повышения качества образования. Таким образом, внедрение и распространение рефлексивного подхода окажет положительное воздействие на процесс обучения. Следует пересмотреть систему преподавания китайского языка, согласно которой учителя не должны быть активными участниками рефлексивного обучения. Нужно показывать достоинства рефлексивного обучения и обсуждать наилучшие методики и идеи внедрения рефлексивного подхода к обучению.

Ключевые слова: рефлексивное обучение; реформа образования; ценностная идентичность.

Sun Ci (Yantai)

Shandong Technology and Business University

ON THE USE OF THE REFLECTIVE TEACHING IN THE INTERNATIONAL CHINESE TEACHING

Abstract: From the basic trend of international education, countries around the

world have started to shift the focus of their educational reform to the construction of teaching staff, advocating research-oriented teachers and regarding teachers' professionalization as the main method to improve their quality and upgrade education quality. Thus, the promotion and advocacy of reflective teaching have positive significance in this aspect. We should change international Chinese teaching circles' values and expectations, which don't support the inclination that teachers should be the practitioners of reflective teaching. Instead we should approve the advantages of reflective teaching and discuss the favorable methods and concepts of promoting reflective teaching.

Key words: *Reflective teaching; educational reform; value identity.*

1.0 The Concepts of Reflective Teaching

In the new era, teachers should not only possess knowledge but also build up a concept of combining teaching and research work so as to equip themselves with the ability to study the teaching method and reflect on the teaching method. Under this environment, “reflective teaching”, the new teaching concept, emerges.

Reflective teaching refers that “teachers rely on their own teaching experience to discover problems and find out the methods and strategies to settle the problems through deep reflection and observation in order to improve and better themselves.”

Reflective teaching is a continuously circular process. Firstly, it chooses the question to reflect, which mainly comes from the unsettled problems that teachers meet frequently yet haven't been addressed satisfyingly with their applied theories and practical experience. After selecting the problem, teachers must collect the materials related to the question, and then analyze and screen them, and design the best solution to deal with them before applying them to the later teaching practice. There exist comparatively greater differences between the new practical activities and former teaching behaviors, because the new ones are realized according to the careful planning after designers' deep and rational reflection on the problems that appeared in their former teaching behaviors. Thus, the new practical activities are highly scientific and more suitable to teaching practice. Yet it's never perfect and needs to be further analyzed and evaluated in order to improve teachers' abilities. “Reflective teaching” is dynamic and full-course oriented, which emphasizes the interaction between teachers and students. Teachers conduct their teaching practice mainly relying on reflection and guide students to study reflectively.

2.0 The Significance of Reflective Teaching Method in International Chinese Teaching

2.1 The Problems Existing in Current International Chinese Education:

International Chinese teaching refers to the education using Chinese as the second language. In current international Chinese teaching, some phenomena are worth noticing. The first is equating the ability to teach Chinese with that of speaking Chinese. The second one is that a large number of international teacher conducting Chinese education are students or new graduates who often adopt or copy others' teaching methods in their practice, which makes the courses to be stylized and lack of the consciousness of exploration and reflection. The third one is that when international teachers with professional background have accumulated certain amount of teaching experience, they probably tend to repeat their experience which makes their teaching stereotyped. Their experience usually becomes their habitual thinking mode for those who have taught for years. The fourth one is that compared with teachers in other majors, international Chinese teachers always work in the state of overload, few of them has their development orientation for their personal major and the number of teaching researchers and scholar teachers are comparatively small. In order to improve the internationalization of Chinese and develop international Chinese education, the central task is to improve the education quality and the transformation from experience type to scientific type of international Chinese education is an inevitable trend.

2.2 The Significance of Reflective Teaching Method in Teaching Practice

2.2.1 Reflective Teaching is Helpful in Forming Advanced Teaching Philosophy

When teachers prepare for their teaching, the advantage of reflection relies on its function to increase the study in teaching and it reinforces the connection between learning and teaching experience as well as later reflection, that is, teachers must reflect on their own practice and the applied theories.

2.2.2 Teachers' Reflection on the Whole Teaching Process Increases the Dialogue between Teachers and Students, Establishing the "Student-centered" Teaching Philosophy.

This asks us to use reflective teaching and discard the old teaching ideas, setup the human-oriented concept, converse with students on the equal position and finish teaching tasks together. The so-called "spoon-feeding" teaching method could hardly receive any sound effect in international Chinese education. Since lots of foreign

students, especially foreign middle and elementary students, lack initiative to study, we have to think in the shoes of students and exercise our imagination to set up situation teaching, using games to help them enjoy learning Chinese.

2.2.3 Reflection Can Better Apply the Theoretical Knowledge Teachers Learn from Textbooks into Teaching Practice

Reflection could help teachers establish an active and intriguing teaching atmosphere and develop their teaching quality. If teachers consistently use reflective activities to make decisions, students will experience a pretty charming class learning, which will in turn grow their interest in learning. If teachers set the model to use thinking skill and skills that address issues during their reflective teaching process, students will begin to think and use these skills to settle their own problems.

2.3 The Significance of Reflective Teaching for Teachers

Reflective teaching method treats addressing teaching problems as the basic point and has strong creativity. It mainly reflects in two aspects: the first is that as a practical activity, the reflection in reflective teaching is not the simple recalling or summarization after the teaching practice of experienced teachers; instead it's a reflection with the research significance of repeatable experience. The second is that it aims at settling the problems of teaching subjects, objects, tools and other aspects in terms with decision making, techniques, ethics and other dimension in teaching process. So it pursues the rationalization of teaching practical process.

Posner, an American psychologist, puts forward an equation: teachers' development = experience + reflection. To some sense, this equation suggests that reflection should be the conscious behaviors in teachers' development. Because only through reflection could teacher's effective experience ascend to theoretical attitude. Judging from the basic trend of international education, countries around the world have started to shift the focus of their educational reform to the construction of teaching staff, advocating research-oriented teachers and regarding teachers' professionalization as the main method to improve their quality and upgrade education. In teacher's training, the traditional mode that uses existing knowledge and stereotyped content to teach in-career teachers as passive receivers is replaced by the on-the-job training characterized by reflection, which focuses on teachers' profession development. Tough as the teaching tasks in international Chinese education are, we should not reduce to teaching machines. Because international

Chinese education field calls for more scholar-type teachers, reflection could provide a platform for teachers to transform from experience type to scholar type. In order to make students absorb knowledge more efficiently, teachers should study their teaching methods and modes including checking their own teaching behaviors, analyzing various teaching phenomena and adjusting, updating and regulating the received teaching feedbacks so as to gradually optimize the whole teaching activities and behaviors. This kind of teachers' behavior, that is, reflective behavior, is the research activity on teaching in the whole education process. Therefore, teachers reconstruct their own theories during the reflection process, which is helpful to increase their theoretical level. The front-line teachers can easily access to the first-hand materials. They can use reflective teaching method to upgrade our theoretical knowledge while combining teaching with research so as to promote the transformation to scholar-type teachers.

3.0 Promoting Reflective Teaching and Increasing Chinese Education Quality

3.1 Construction of Management Mechanism and Evaluation System of Reflective Teaching

The advanced idea of current reflective teaching imbues us with new management content and infuses our management work with vitality, which also calls for the change of our management approaches and methods. We should adopt approving attitude to the advantages of reflective teaching and start to explore the management thinking and methods in favor of the promotion of reflective teaching and set cultivating reflective teacher as our education management objective.

We must build diversified rating system and development evaluation. Diversified rating system mainly means that the rating activities of teaching practice should come from multiple comprehensive evaluations from multiple dimensions and different angles instead of one single dimension, and they should include various feedbacks from student and performance assessment monitoring function from the management level and the mutual evaluation between colleague teams. Development assessment is a constructive interactive process and is based on certain development objective to set up the duties with the acceptance from both schools and individuals who share the development aims. The processevaluation faced to future stresses teachers' individual value, ethical value and professional value. And the evaluation content not only covers the finishing of teachers' teaching tasks, but also emphasizes the future planning and development for teachers. On the one hand, the evaluation

results are feedbacks for teachers in a scientific and constructive way, which reinforce the purposefulness of teachers' work and regulate work objects and process. On the other hand, the results of development assessment are also feedbacks for directors, enlightening them what conditions should they create for teachers' development and finally realize the objects of mutual development for both individual teachers and schools.

3.2 Several Methods to Promote Reflective Teaching

Different from other specific teaching methods, reflective teaching method is inclined to be a teaching thought. The following methods promote reflective teaching and upgrade Chinese teaching quality.

3.2.1 Writing Teaching Diaries and Watching the Video Record of One's Teaching Process

After every class, the teacher writes down his own feeling, understanding and the feedback information from students' class performance, then makes analytical judgment and gets inspiration from this practice, puts forward better resolutions to deal with the problems and specific methods to upgrade his teaching. The whole process of teaching diary writing is teachers' recognition and reposition process, which records their teaching and clears their thinking, is helpful in their solving the problems in teaching process and narrow their targets in future teaching. That's greatly beneficial for the development of teachers' teaching quality. Besides, in case of some teachers record their teaching process, watching their own teaching video helps them reflect on their teaching including if the time distribution is proper, how about their intonation, if the punch line works on students, if students' oral ability improves and etc.

3.2.2 It is a comparatively tough task to observe others' Chinese class teaching, which requires teachers to constantly upgrade their professional skills that can only come from both theoretical learning and the accumulation of abundant practical experiences.

To visit other teachers' classes could provides new experience and methods, and teachers could also compare them with their own class to reflect on their deficiencies. The class visiting activity advocated by reflective teaching is: "Teachers mutually observe each other's class teaching and retell their observation and exchange information before analyze and comment on each other's information without personal judgement." The after observation discussion is also an indispensable link in

reflective teaching, which has teachers learn from each other and make progress together. The class teaching observation activity in reflective teaching must be based on two parties' willingness both in the class visiting and later discussion process, thus both the observing and observed teachers could receive some beneficial information which could hardly be get from other teaching activities, which will in turn lay the foundation for teacher's reflective experience.

3.2.3 Carry out teaching colloquiums related to international Chinese teaching. Voluntary teachers of international Chinese should periodically conduct teaching colloquiums, exchanging teaching opinions and discussion.

3.2.4 Using questionnaires to survey could collect a large capacity of comprehensive information relating to teaching, like students' views and suggestions on teachers, schools and classes, their learning attitude, objectives, initiatives, learning strategies and other situations, teachers' teaching methods, class environment and other issues. These methods are easy to conduct and have comparatively strong practical value in Chinese teaching. Encourage the publishing of the thesis on international Chinese education to promote teachers' development.

3.2.5 Select merit teaching plans and publish outstanding papers.

3.2.6 Cultivation of Students' Habit of Self-reflection

Reflective teaching is an active and lively learning mode for students. To cultivate students to adopt reflective methods in learning is to teach them the habit of reflecting on their own learning behaviors.

4.0 Conclusion

This thesis has some discussion from the dimension of value identity required by the promotion of international Chinese teaching as well as educational reform, and puts forward that establishing diversified rating system and development evaluation system is the objective of education management. At the same time, it discusses several methods to develop reflective teaching including writing teaching dairies, recording class teaching, holding teaching colloquiums and etc.

List of References:

1. Wang Binhua. Development Evaluation of the Teachers [M]. *Shanghai: East China Normal University Press*, 1998
2. Xiong Chuanwu, Reflective Teaching [M]. *Shanghai: East China Normal University Press*, 1999

Фан Бао (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
НА ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
РОССИЙСКИМ СТУДЕНТАМ**

Аннотация. Дружественное сотрудничество и торговый обмен между Россией и Китаем приводят к тому, что всё больше молодых россиян изучают китайский язык. Преподавание китайского языка как иностранного российским студентам полным ходом развивается в Китае. Тем не менее, культурные различия в мышлении, языковом окружении, ценностях и обычаях создают определённые трудности и проблемы в обучении. Географически и психологически китайцы близки россиянам, поэтому многие учителя китайского языка склонны игнорировать эти культурные различия, которые зачастую оказывают негативное влияние на обучение. В связи с этим, учителя должны формировать межкультурную компетенцию в процессе обучения, принимая эффективные меры во избежание пагубного воздействия межкультурных различий.

Ключевые слова: культурные различия; обучение российских студентов китайскому языку; межкультурные связи; эффективные меры.

Bao Fang, (Yantai)

Shandong Institute of Business and Technology

**AN ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL DIFFERENCE
ON TEACHING CHINESE TO RUSSIAN STUDENTS**

Abstract. A friendly cooperation and trade exchange between Russia and China has spread the Chinese-learning craze to a growing number of Russians young people. Teaching Chinese as a foreign language to Russian students is developing in full swing in China. However, the cultural difference between Russian and Chinese in mode of thinking, language background, values and custom has led to some difficulties and problems in teaching. Being geographically and emotionally close to Russian people, many Chinese teachers tend to ignore these cultural differences and

conflicts, which easily bring about negative influence on teaching. Therefore, teachers should build up cross-cultural awareness in teaching, taking effective measures to avoid the adverse influence of cultural difference.

Key words: *Cultural difference; Teaching Chinese to Russian students; Cross-cultural awareness; Effective measures.*

1.0 Introduction

As the Russian-Sino ties strengthen in recent years, an increasing number of Russian young people find it important to learn Chinese, the oriental language. To meet this need, Sinology institutes running Chinese courses are spread all over Russia and many Chinese universities have launched Chinese teaching programs to Russians. Setting about learning Chinese, many Russians are soon attracted by the rich Chinese culture and motivated by the usefulness of the Chinese language. Some Chinese teachers, owing to fact that Chinese and Russians are geographically and emotionally close, take it for granted that Russian students have the necessary background knowledge about Chinese culture and can naturally accept the cultural elements when learning Chinese. However, due to the connection between culture and language, the different cultural background will unavoidably lead to some obstacles and difficulties in teaching Chinese to Russians, which claims attention from the teachers. It is important to build up cross-cultural awareness in teaching Chinese to Russian students and take effective measures to overcome the cultural conflicts and barriers.

2.0 The Principal Difference between Russian and Chinese Culture and Its Influence on Chinese-Teaching

“Culture” has long been considered as a complex term, defined by anthropologists and researchers in various ways. Franz Boas, the German-American anthropologist, defines that “culture” embraces all the manifestations of social habits of a community, the reactions of the individual as affected by the habits of the group in which he lives, and the product of human activities as determined by these habits. [1] According to Geert Hofstede, a Dutch social psychologist, former IBM employee, culture is the collective programming of the mind distinguishing the members of one group or category of people from another. [2] The above explanations to culture show that culture is not individual characteristics. Instead, the social habits and collective programming of the mind are shared by members of a community or one group who

have the similar education background and life experience. People in different groups, regions and nations have differed habits and programming of mind, and therefore generate diverse modes of thinking, language background, values and customs.

Though geographically close to China, Russia has part of its roots in European culture. Its modes of thinking, language background, values and customs are quite different from those in Chinese culture.

2.1 Mode of Thinking

People think through language. The thinking mode of a nation is related to its language structure. Russians favor analytic and logic thinking modes, however, Chinese are more of the intuition and empirical thinking pattern. Russians base their description to the world on abstract and rational thinking. They are simply logical. Chinese tend to see the world by intuition, perception and feeling. The difference can be manifested by lack of lexical equivalents in the two languages. One example is kinship terms. In Russian, all the names for male elder of parent generation fall into the same category, referred to as “дядя”. In Chinese, there are different characters referring to these relatives respectively, such as 伯父(father’s elder brother), 叔父(father’s elder brother), 舅舅(mother’s elder brother), 姑父(husband of father’s sister), 姨父(husband of father’s sister), but there is not such a character or term as to cover all these relatives. Similarly, the Russian word “тетя” refers to all the female elder of parent generation while in Chinese they are referred to by different characters. A Chinese chooses different terms for uncles and aunts depending on which side of the family they’re on, father or mother and how old they are, older or younger than his father or mother. Russian students find it difficult to identify so many different names and wonder why the Chinese ancestors did not invent a general word covering this complex Chinese kinship.

2.2 Language Background

Russian is a Slavonic branch of the Indo-European language family and Chinese is Sino-Tibetan Language. There is significant difference between Russian and Chinese. For example, Russian is inflectional Language, and Chinese is isolated language. Russian changes the composition of words by inflections or the adding prefixes and suffixes to convey meaning. Chinese characters have only one grammatical form and no inflection. Meaning is conveyed through word order, adverbials or shared understanding of the context. As beginners, Russian students are

easily confused by the use of “BA constructions”, “non subject sentence” or “LE as an indicator of finished action” in Chinese. Russian is written using the Cyrillic alphabet. Chinese, without an alphabet, uses a logographic system for its written language. Chinese characters are not made up of letters as in alphabetic systems, but strokes. Many Russian students find it is very difficult to get started when they set about learning to write Chinese characters, which seem like a type of drawing to them. For another example, unlike Russian, Chinese is a tone language and the word meaning should be distinguished with the help of four pitched tones and a “toneless” tone. In Russian, changes in pitch are used to stress a syllable or to emphasize, not to give a different word meaning to the sound.

Because of the fundamental difference, Russian learners may have great difficulty reading Chinese texts and writing Chinese characters correctly.

2.3 Values

People chose to indulge in activities that they consider good. It is from “value” that people tell good from bad. Values represent the duties or activities that one “ought to do” or “should do” to be in sync with the pattern of life. It is important to be aware of the value difference in cross-cultural communication. Both Chinese and Russian cultures are characterized by collectivism. Different from individualist cultures, such as those of Western Europe, which emphasizes personal achievement, resulting in a strong sense of competition, collectivist cultures give priority to family and work group goals over individual needs or desires.

However, it seems in every life, Russian students take a different stance compared to students from the sinosphere. For example, Russian’s collectivism does not mean they do not value privacy. People in sinosphere tend to be happy to enjoy others’ joys and sorrows and in turn, the others are willing to be honest. However, Russians concentrate on privacy very much. Seldom will they mention their own business. It is acceptable to talk about politics, art works, and new movies with Russian students. However, even though they are also interested in household affairs, they dislike being asked directly about private affairs. Some Chinese teachers have experienced culture shock when practicing dialogue by asking “What does your father do?” or “Do you have family?” For another example, Russian students may interrupt their teacher’s explanation and express what they think when they have questions or different ideas. They appreciate casual, direct, and an often seemingly blunt way of speaking in class. When answering a question aiming at the whole class,

students from sinosphere, such as Korea, may wait patiently till most students seem to have got an idea. They would like to answer the questions together with other students, instead of being the first one. However, Russian students generally prefer to express their understanding directly and immediately if they have got an idea. They are always ready to have a try. If they fail, they will have another try.

2.4 Customs

Values are deeply held beliefs--usually built up on cultural traditions, long-held family and religious teachings. [4] Unlike superficial desires, such as hobbies or interests, people's values can seldom be modified. Different cultures produce diverse customs. There are obvious differences between Russian and Chinese customs. Take "terms of address", one of the important components of a language, as an example. As is known, names of Russians are specially formed compared to that in other languages. A standard Russian name consists of a given name, a patronymic, and a family name. The given name is known as the first name and patronymic the second name. While in daily life, Russians seldom use a full name to address each other. Instead, they use the combination of given name and patronymic to show the respect to the others, and use given name or even pet name only to communicate with the peers, acquaintance, partners and friends. Names in Russian may be derived to several nicknames, pet names or aliases. However, in Chinese, people have given name as the second name and sir name as the first one. They sometimes address each other with the given name if they are close friends. Chinese may also have another name, which is known as infant name, mostly the reduplication of last character of one's given name and sometimes a completely different name used in one's childhood. When reading Chinese articles, Russian students have difficulties in identifying a Chinese name from the context or fail to make it clear which is the given name or sir name. For another example, Russians are impressed with size and number. Influenced by this custom, some Russian students write big Chinese characters and "pinyin", which look out of proportion. For the same reason, the moderate sized characters written by Chinese teachers on the blackboard seem "not beautiful" to Russian students.

Cultural differences lead to misunderstanding and cultural shocks in cross-cultural communication. Cultural differences between Russian and Chinese in modes of thinking, language background, values and customs result in cultural barriers in teaching Chinese to Russians. Due to these differences, Russian students have a

difficult time in adopting them to the Chinese teaching methods and class atmosphere. Some have contrary opinions with their Chinese teachers as to how the lecture should be delivered in class. Some even fail to understand the basic requirements for the lesson. Ignorance of these barriers has a bad effect on the teaching quality, which Chinese teachers should be aware of and take measures to avoid.

3.0 Measures to Avoid the Negative Effect of Cultural Difference

Chinese teachers should take effective measures to avoid the negative effect of cultural difference in teaching Chinese to foreigners.

Awareness of cultural difference is important in cross-cultural communication and Chinese-teaching to foreigners. Influenced by the idea of viewing language as a mere tool in communication and the tendency of ontology of language, some Chinese teachers simply focus on teaching Chinese language, neglecting the cultural elements contained in language, which turn out that the students have a command of words or grammars but still fail in everyday communication with native speakers due to the lack of adequate cultural background knowledge. In teaching Chinese to Russians, the teacher should pay special attention to the cultural implication contained in language, especially cultural difference between Russians and Chinese. For example, in Russian, “преподаватель” can not be used as a term of address, however, its equivalent in Chinese “老师” (laoshi), is not only a word referring to people in teaching positions but also used as a term to address the teachers. When teaching the characters to Russian students, the Chinese teacher should explain the meaning as well as its different usage in Chinese culture.

It is important for Chinese teachers to tolerate and respect different mode of thinking, values and mode of behavior. Cultural difference between Chinese and Russian may lead to cultural misunderstanding and even conflict in Class. For instance, as mentioned above, Russian students appreciate casual, direct way of speaking in class. They seldom wait to express their ideas. Some Chinese teachers, preferring to have students abide by the classroom discipline, take this as a kind of disrespect. The reverse was also true. Some Russian students feel kind of irritated if their participation in class is frequently stopped and corrected. To overcome this kind of cultural conflict, the teachers should explain the cultural difference to Russian students and at the same time try to respect their values.

The introduction of Chinese culture to Russian students should be made gradually, from the easily accepted to the most alien, from the superficial to the essential. It can not be achieved overnight. Chinese teachers should always bear it in mind that Russian students are not from sinosphere. On the basis of understanding what are the commonly held standards of what is acceptable or unacceptable, right or wrong, workable or unworkable, important or unimportant, etc., for Russian students, the Chinese teachers then try to expose them gradually to Chinese culture. Only in this way, can Russian students come to know more about the alien culture in learning Chinese language and consciously adopt themselves to the new culture, which help to avoid the adverse effect of the cultural difference on teaching.

List of References:

1. Franz Boas, "Anthropology," in Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 2, ed. E.R.A. Seligman. New York: Macmillan, 1930, 79.
2. Hofstede, G. Cultures and organizations: Software of the mind. London: McGraw-Hill. 1991, 5.
3. <http://www.buzzle.com/articles/what-is-culture.html>
4. Yunjie Sima, On cultural values: A study of value consciousness based on value. Jinan: Shandong People Publishing House, 1990, 77.

Н.Ю. Хлызова, И.В. Ямушева (Иркутск)

**Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал ФГБОУ ВО МГЛУ**

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

***Аннотация.** В статье изучаются вопросы теории и практики медиаобразования в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Представлен анализ общих тенденций его развития, ведущих моделей медиаобразования, используемых в данном регионе, а также трудностей и проблем, связанных с медиаобразованием населения в конкретных странах.*

***Ключевые слова:** медиаобразование; медиакомпетентность; медиа; СМИ; критическое мышление.*

MEDIA EDUCATION IN ASIAN PACIFIC OCEAN REGION

***Abstract.** The article deals with the issues of media education in some countries of Asian Pacific Ocean region. It analyzes general tendency of its development, popular media educational models, which are used in this region, and also the difficulties and challenges connected with media education of the population of these countries.*

Key words: *media education; media competence; media; mass media; critical thinking.*

Современные реалии, глобализация и медиатизация общества вносят свои коррективы в жизнедеятельность человека. Информационный поток поступает из различных источников медиасферы и воздействует на все рецепторы человека. Возникает необходимость умения ориентироваться в информационном пространстве, критически осмысливать получаемую информацию, противостоять манипулятивному влиянию средств массовой информации (СМИ), а также использовать возможности медиа в профессиональной и повседневной деятельности. «И как человек в детстве обучается умению говорить, читать и писать, так он вынужден обучаться языку медиа для проявления своей личности через медиаактивность» [2, с. 110].

Для решения возникших потребностей появляется новая отрасль педагогики «медиаобразование», направленная на формирование важных и необходимых качеств современной личности и помогающая использовать потенциал СМИ в профессиональной и повседневной деятельности человека. В документах ЮНЕСКО в 1973г. Медиаобразование определяется как: «обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких, как например, математика, физика или география» [13, с. 93].

В разных странах интерес и внимание к данной дисциплине возрастает с каждым годом. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона не являются исключением. «Современные Азиатские школьники и студенты, как и во всем мире, увлечены медиакультурой, причем, предпочтения старшеклассников и 58 студентов почти не отличаются от запросов взрослой аудитории. Последствия такой увлечённости неоднозначны. С одной стороны, средства массовой информации расширяют общую информированность учащихся, углубляя их знания, способствуют духовному росту, приобщают к культуре, искусству, формируют определённые нравственные оценки, передают социальный опыт. С другой стороны, медиа обладают возможностями манипулировать сознанием, создавать пространство для пустого времяпровождения, навязывая те или иные ущербные стереотипы мышления и поведения [4, с. 368].

В Азии медиаобразование относительно новое, но быстро развивающееся явление, приоритетной целью которого является защита от негативного влияния СМИ. «Ведущие медиаобразовательные модели Азии в целом знакомы с западными и, в частности, с англоязычными странами, что связано с теоретической опорой на ведущие модели зарубежных медиапедагогов» [10, с. 59].

Китайскими учеными активно изучаются вопросы истории, теории и практики, методики медиаобразования. Проводятся мировые саммиты, форумы и конференции, посвященные проблемам медиа. Но до сих пор в китайской науке нет четкого определения понятия медиаобразования. «В большинстве китайских школ учителя не знакомы с термином медиаобразование и не понимают принципов обучения на материале анализа медиатекстов [10, с. 67]. По словам китайского медиапедагога Вей Бу «китайская культура не поощряет развитие критического мышления человека, особенно в школьном образовании. Но в информационном обществе критическое мышление — очень существенная способность личности. Впрочем, медиаобразование фактически не имеет обязательного статуса в Китае» [8, с. 270].

Несмотря на то, что медиаобразование не включено в школьную программу, в китайских школах создаются курсы и проекты, направленные на медиаобразования школьников. Так, В 2007 году одно из самых авторитетных издательств Китая, направленных на детскую и молодежную аудиторию, начало новый проект по медиаобразованию школьников: ознакомление детей с

основными понятиями медиаграмотности, объяснение основных категорий «что такое грамотность в СМИ», а также обучение выражению своих мыслей с помощью медиа [10, с. 67].

В Китае используются медиаобразовательные модели зарубежных медиапедагогов из Великобритании, Франции, Канады и США. В Шанхайском университете Shanghai Jiao Tong, педагогическом университете Nánjīng работают медиаобразовательные факультативы, целью которых является формирование медиакомпетентности личности студентов. На базе университетов созданы исследовательские центры, занимающиеся вопросами медиаобразования [14].

Японское общество так же находится под влиянием информационного бума и влияния медиа. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии (МОКСНТ) Японии в настоящее время содействует распространению медиаграмотности школьников, студентов, родителей и педагогов для развития «мастерства эффективного пользования информацией» (Jyuhou, Katsuyou, Nouryoku); Однако усилия, направленные на обучение школьников и студентов критическому отношению к средствам масс-медиа и введению в учебный план медиаобразования, не реализованы в полном объеме [10, с. 63]. Система образования Японии отвечает на современные вызовы общества, в соответствии с которыми меняются педагогические подходы, методы, приемы, принципы, формы обучения. С 2002 года в учебные программы некоторых классов младшей и средней школы медиаобразование вводится как самостоятельная дисциплина.

В Японии существует четыре основных направления по формированию у подрастающего поколения медиакомпетентности: традиционные модели зарубежных медиапедагогов, разработанные в Канаде и некоторых европейских (как правило, англоязычных) странах; компьютерные медиacentры; традиционные средства массовой информации; центр по связям со средствами массовой информации (MIS), телевидение и интернет [15].

Средства массовой информации и коммуникации являются популярными и востребованными в Южной Корее. По информации Национального Интернет Агентства по вопросам развития Кореи количество пользователей Интернета среди населения Южной Кореи старше 6 лет составляет 73,5%, среди молодежи в возрасте до 19 – 98,1%. Указанный контингент использует Интернет для

получения информации в учебных целях, онлайн коммуникации, электронной почты, развлечения, осуществления покупок, общественной деятельности, посещения социальных сетей, ведения блога. (Национальное Интернет Агентство по вопросам развития Кореи).

Такой высокий интерес подрастающего поколения к медиа, большое количество времени, проводимое в Интернете, объясняет необходимость медиаобразования в корейском обществе.

Медиаобразование в Южной Корее началось с середины 1980-х годов и изначально развивалось как форма критики по отношению к СМИ, но не выступало частью учебных планов образовательных учреждений. Главной целью был контроль в СМИ, аналитическое восприятие политической субъективности, отбор лучших учебных программ для детей и молодежи. Для решения поставленных задач, были созданы специализированные организации: YMCA, YWCA, которые занимались самостоятельной критикой в СМИ и их оценкой [12]. В 1990-х годов наблюдается наивысший уровень практической реализации медиаобразования. Хотя сами педагоги в большинстве случаев были немедиакомпетентными, процесс медиаобразования был непоследовательным, не было единства в целеполагании, но именно в этот период стала очевидна необходимость защиты населения от негативного влияния медиа, уметь работать с получаемой информацией, отбирать, критически ее оценивать и осмысливать, противостоять манипулятивному влиянию, назрела острая необходимость в формировании медиакомпетентности личности. «В образовательных программах учебных заведений появилась новая дисциплина, направленная на формирование критического отношения к средствам массовой информации. Кроме учебного мониторинга, публикации ежемесячных отчетов их аналитического разбора, в 1992 были предложены программы медиаобразования детей и молодежи. В 1996 году, многие из этих учебных заведений расширили медиаобразовательные программы с выходом не только на школьную и студенческую аудиторию, но и на подготовку родителей и квалифицированных педагогов. Такие медиаобразовательные программы включали «телевизионный дневник» для детей и родителей, «Videomaking», специальные лагеря для детей, молодежи, а также учителей, где они занимались созданием новостей, тиражированием, проводили обучающие семинары, создавали собственные медиатексты [10, с. 64]. Целью всех подобных

мероприятий является формирование современной характеристики личности – медиакомпетентности. Таким образом, медиаобразование зародилось и стало популярным в Южной Корее.

США считается мировым лидером в области медиаобразования, родиной многих известных теорий и методик. Американские медиапедагоги известны во всем мире. Американские СМИ доминируют в мировом информационном пространстве и имеет колоссальное влияние на формирование сознания человека. В то же время исследователями отмечен хаотичный и непоследовательный характер развития медиаобразования в США. Так, О.В. Печинкина отмечает, что в США «Медиаобразование возникло как стихийный и разнородный опыт, основанный на самых разнообразных философских теориях, а нередко и без таковых [6, с. 10]. Это результат поликультурного общества с разным социальным уровнем, с разной религиозной идеологией. Поэтому «как на ранних этапах развития медиаобразования, так и в настоящее время, не существовало и не существует единой теоретической концепции медиаобразования, которая смогла бы интегрировать накопленный педагогический опыт разных направлений, разных культур и цивилизаций. Как следствие, цели медиаобразования меняются в зависимости от теоретической базы медиаобразования, возраста аудитории, конкретной тематики и задач» [7]. Американские медиапедагоги используют большое терминологическое поле, в котором часто один и тот же феномен называют по-разному.

Говоря о развитии американского медиаобразования, А.А. Новикова выделяет четыре этапа: «этап начального развития медиаобразования: 60–70-е годы XX века; – этап формирования основных базовых моделей медиаобразования: 80-е годы XX века; – современный этап мультимедийного медиаобразования: 90-е годы XX века – начало XXI века». [5, с. 14]. На сегодняшний день в США активно действует несколько крупных ассоциаций и движений медиаобразования: Center for Media Education, Center for Media Literacy, Citizens for Media Literacy, Media Education Center, Educational Video Center и др. В университетах и колледжах организованы курсы по медиаобразованию [8, с. 130-131].

По результатам проведенных нами исследований [9; 1] установлено, что медиаобразование в России берет свое начало в первой половине XX в. Термин медиаобразование был заимствован из зарубежной педагогики в 1986 г. и

представляет собой дословный перевод «Media Education». Ведущими медиапедагогами российского медиаобразования являются О.А. Баранов, С.Н. Пензин, А.В. Шариков, А.В. Федоров, Е.В. Бондаренко, И.В. Жилавская, Л.А. Иванова и многие другие.

Как и в других странах Азиатского-Тихоокеанского региона, категориальный аппарат российской науки демонстрирует отсутствие общепринятого понятия «медиаобразование». Медиапедагоги делают разные акценты, ставят разные приоритетные цели, и как следствие, по-разному трактуют изучаемое явление. За последние годы медиакомпетентность самих педагогов значительно выросла. Объясняется это доступностью средств массовой информации и коммуникации, насущной профессиональной и повседневной необходимостью, организацией многочисленных курсов повышающие общую медиакомпетентность педагогов. В то же время, во многих учебных заведениях остаются учителя, которые не видят разницу между медиаобразованием и использованием медиа на занятии, выполняющих однонаправленную дидактическую функцию и направленных на повышение эффективности самого занятия, которые не используют весь потенциал медиа для развития личности. Со временем процент таких педагогов будет сокращаться, что в свою очередь приведет к большему распространению медиаобразования и увеличению медиакомпетентности личности учащихся. Для этого создана ассоциация кинообразования и медиаобразования, регулярно проводятся конференции, посвященные вопросам медиаобразования. В Таганрогском государственном педагогическом институте им А.П. Чехова с 2002 г. открыта специализация «Медиаобразование». В форме курсов и факультативов медиаобразование внедрено в учебные заведения на всей территории Российской Федерации. С 2005 года издается журнал «Медиаобразование». Разработана Электронная энциклопедия «Медиаобразование и медиакультура», электронная библиотека. В школах осуществляются различные проекты, направленные на формирование медиакомпетентности личности учащихся.

Итак, СМИ играют важную роль в современном обществе, оказывают большое влияние на формирование и развитие личности граждан стран Азиатского-Тихоокеанского региона, рассмотренных в нашей статье. В современных условиях невозможно оградиться от воздействия медиа, поэтому

необходимо учить и учиться воспринимать, отбирать, оценивать получаемую информацию, противостоять манипулятивному воздействию, а также использовать огромный потенциал медиа в формировании и развитии личности, быть медиакомпетентным. Понимание этой необходимости реализуется через внедрение медиаобразования населения в Китае, Японии, Южной Корее, США, России на различных уровнях, используя имеющийся мировой опыт.

Библиографический список:

1. Григорьева, И.В. От медиаобразовательного пространства вуза – к медиакомпетентности будущего педагога [Текст] / И.В. Григорьева // Вестник Иркутского Государственного Университета. – Иркутск. 2012. – №5 (64) – С. 280-287.
2. Жилавская, И.В. Медиаобразование молодежной аудитории [Текст] / И.В. Жилавская. – Томск: ТИИТ, 2009. – 322 с.
3. Иванова, Л.А. Проблема систематизации научной терминологии педагогики (на примере медиаобразовательного пространства) [Текст] / Л.А. Иванова, И.В. Григорьева // Мир науки, культуры и образования: междунар. науч. журнал. Горно-Алтайск. 2009. № 2 [14]. С. 158-164.
4. Короченский, А.П. Журналистика и медиаобразование в XXI веке [Текст] / А.П. Короченский // сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 368 с.
5. Новикова, А.А. Теория и история развития медиаобразования в США, 1960–2000 [Текст] / А.А. Новикова: автореф. дис. ... канд. пед. Наук / А. А. Новикова. Таганрог, 2000. 20 с.
6. Печинкина, О.В. Медиаобразование в школах Северных стран: монография [Текст] / О.В. Печинкина. – Архангельск: Изд-во «КИРА», 2012. 120 с.
7. Печинкина, О.В. Медиаобразование в контексте межкультурной коммуникации (на материале средств массовой информации США) [Электронный ресурс] // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. №1. Режим доступа: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/130000/130001-media/mass-media-education>

8. Федоров, А.В. Медиаобразование в ведущих странах Запада [Текст] / А.В. Федоров, А.А. Новикова. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2005. – 270 с.
9. Хлызова, Н.Ю. Медиаобразование и медиакомпетентность в эпоху информационного общества [Текст] / Н.Ю. Хлызова // Вестник Томского Государственного университета. 2011. – №342. – С. 188-191.
10. Чумаколенко, Н.А. Синтез медиакритики и медиаобразования в процессе обучения школьников и студентов в странах Азии [Текст] / Н.А. Чумаколенко // Инновации в образовании. 2015. – № 5. – С.56-72.
11. Kim, K-T. (2003). Evaluating Media Education in Korea, in The Current Situations of Korean Media Education: The 2nd Symposium on Media Education, The Korean Society of Journalism and Communication Studies.
12. Lee, E-M. and Jeong, Y-C. (2006). 2005 TV Viewers' Trends, Seoul: Korean Broadcasting Commission
13. Media education. – Paris: UNESCO. – 1984. – 93 p.
14. Shao, R. (2006). Chinese Media Education. Beijing: Communication University of China Press
15. Suzuki, K. (2007). Media Literacy Education in Japan. Newsletter on Children, Youth & Media in the world, no.1 2007. <http://www.nordicom.gu.se/cl/publ/letter.php?id=79>.

Цуй Хунхай (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

ФОРМАТ МООК В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ. ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ

Аннотация. МООК становится всё более популярен в ведущих университетах мира, в обучении иностранным языкам формат МООК также привлекает всё больше внимания. При обучении языкам необходимо использовать информационные технологии для воссоздания реальных языковых ситуаций, и МООК как раз является хорошей платформой для обучения иностранным языкам. Обучение в формате МООК основывается на совместной деятельности. Такой формат предполагает взаимодействие различных видов образовательной деятельности, что не характерно для

традиционного формата обучения. С появлением новой модели образования серьёзные сложности ожидают студентов и преподавателей, работающих по традиционным моделям обучения.

Ключевые слова: MOOC; преподавание языков; проблемы.

Cui Honghai (Yantai)

Shandong Technology and Business University

CHALLENGE AND STRATEGY: MOOC MODE IN LANGUAGE TEACHING

Abstract: *With the popularity of MOOC in the top universities around the world, MOOC mode in language teaching has aroused high attention. Language teaching should take information technology as a means to restore the real language communication situation, and MOOC just provides such a good platform to language teaching. MOOC mode in language teaching as a collaborative curriculum emphasizes collaborative activities on the social basis. It supports the social interaction of language teaching activities, while traditional teaching modes do not have this feature. Under this new mode of teaching, traditional language educators, language learners and resources platform construction will face great challenges.*

Key words: *MOOC; Language teaching; Challenge.*

1.0 Introduction

Language essentially has sound, and in language teaching specific technology to record and reproduce the sound is needed. With the rise of Internet and the rapid development of the multimedia technology, digital language learning has gradually become the mainstream of language teaching. It combines information resources with language teaching, emphasizing the integration of learning and technology and learner-oriented technology. MOOC mode opens its learning resources, but it focuses more on the learning process. Language teaching is a kind of participatory interaction and it requires the full openness of educational resources and learning processes. MOOC mode can provide learners the authentic language communication scenes, so that they have access to a large number of authentic materials in order to achieve the purpose of language teaching. Spanish MOOC, created by Ryan and Scott Rapp, is a

series of open online courses to study Spanish and the first foreign language teaching MOOC. Spanish MOOC creates a brand-new online video platform for learning Spanish, which indicates the birth of language teaching MOOC. Driven by the new educational model and teaching practice, MOOC mode is bound to bring a strong impact to the traditional language teaching modes.

2.0 Language Teaching MOOC (LTMOOC)

Language teaching MOOC (LTMOOC) is collaborative. It helps teachers to explore new trends of blended teaching, including the methodology, practice and the practical application of mixed online classroom. This course advocates the joint efforts of all participants, who share information on the basis of social interaction and realize the collaborative activities between people [2].

Compared with other MOOCs, LTMOOC is unique. Communication is the method but also the important goal of the course. Its essence is the language application. In English MOOC, learners use oral language to state opinions on certain topics in daily life, such as dining or interview. These topics are associated with corresponding specific activities. The learner's answer was recorded, and transmitted to the other three learners who have the ability to assess the oral communicative competence. This kind of peer feedback in oral English teaching aims to increase participation, to help the students create a community network and to enable students to produce a collective sense of belonging to MOOC [1].

LTMOOC online platforms are quite limited compared with other disciplines such as computer science and health care. So far, English language educators have considered MOOC as a very important language teaching field. Spanish MOOC sets a good example. It benefits from the learning interaction of tens of thousands of participants including language beginners, professors of Ivy League and multilingual learners. Spanish MOOC is developed by Instreamia. It teaches Spanish through video, listening, reading, and memorizing words. Its electronic dictionary is more humanized, and supports mutual check of both English and Spanish. If one searches an English word, one can find the corresponding Spanish word and sentences. Words are highlighted and classified in color, green representing verbs, red representing nouns, and blue representing adjectives. The same categorical words are sorted according to use frequency, and pronunciation is heard through clicking on the word. In the user profiles, one can find one's collected video and vocabulary, and a detailed study plan. Recently, Todd Bryant from Dickinson College (Pennsylvania) has

developed two platforms for second language learning: English MOOC for Spanish learners and Spanish MOOC, both on the same platform called The Mixxer. These language MOOC modes adopt a self-adaptive learning mode. There is no limit to the start time, and learners can select courses according to their own foreign language levels.

3.0 Challenge of LTMOOC to Language Learners

The challenge of LTMOOC to language learners is primarily a challenge to learners' learning style, that is, to help learners to get into the habit of autonomous learning.

Language communication process involves language comprehension and expression. One of the essential characteristics of authentic language communication is human interaction. Therefore, the purpose of language teaching is not only to teach learners to master a certain amount of words, but to train learners to express accurately and decently. Professor David Finegold from Rutgers University states that MOOC is a kind of new textbook [4], which teaches you how to communicate skillfully. This requires learners to possess certain Internet-based language learning skills and to use software to conduct online learning. On this basis, learners should actively participate in the course interaction and integrate written and oral expressions so as to enhance all-round language communication.

LTMOOC modes are no longer subject to space and time. Learners can access the network learning space anytime and anywhere, not constrained by traditional classrooms. MOOC video course is usually set within 5 to 15 minutes, or even shorter "micro- course". Learning through the network video could help learners improve learning efficiency, conduct psychological meta-cognitive monitoring in the process of learning, and keep their attention at a relatively modest arousal level. Full-featured, free and rich online resources platforms supply open and effective learning environments for language teaching. They help to stimulate learners' interest in learning, and to form autonomous learning and lifelong learning concepts. MOOC is a kind of informal learning, which requires learners to have strong self-learning and knowledge management capabilities on the basis of voluntary participation. Discussion platform is an essential part of MOOC mode, and also an important method of writing training. In English MOOC, open discussion topics are presented weekly. The topics concern the learners' familiar fields so they can have the

opportunity to express themselves orally first and then written down to practice their writing.

Synchronization of oral communication comes in many forms in LTMOOC mode. Google Hangout or Skype are common free social video tools, and Spanish MOOC just uses Google Hangout for conversation practice. Learners can choose the discussion panel according to the time zone. Google Hangout pairing system could help for the automated connection, but of course this system remains to be improved. Bryant's English and Spanish MOOC modes are based on the educational resources provided by both the British council and the Voice of America, with the aid of Skype and other free social video tools to implement the video companion voice and video transmission.

In English MOOC mode, peer review is used in asynchronous oral communication. The learner can repeatedly listen to or watch carefully companion's oral communication video, and conduct the peer evaluation in accordance with the evaluation criteria. However, peer review in MOOC is the most controversial, and it becomes one of the main reasons that learners exit.

Although there is evidence that learners benefit from peer coaching, it still presents a challenge to the teacher and learners. To solve this problem, applicable assessment indicators, assessment criteria and guidelines are indispensable. Future research on this issue should also be committed to improving the automatic allocation of companion choices, depending more on age, academic level and course participation.

4.0 Challenge of LTMOOC to Language Teachers

First of all, it is a challenge to the traditional language teaching concept. Traditional language teaching does not pay attention to listening and speaking, and lack of authentic language learning environment. It doesn't give full consideration to the learner's cognitive development levels and their physical and mental characteristics, so it will stifle learners' interest in learning. It focuses too much on one-sided language knowledge teaching, leading to single and boring teaching methods. Traditional language teaching is knowledge-based, and it ignores the learner, and not attach importance to the cultivation of learners' comprehensive language competence. Traditional online language course is static, lack of interaction and evaluation. Dominated is writing skills training and vocabulary learning. Language activities are often confined to dull reading comprehension, stiff writing

exercises and stereotypes of conventional hearing tests. Due to the complexity of the nature of language teaching, computer-assisted language learning (CALL) is needed to improve the level of a second foreign language. Therefore, open courses in the traditional writing and speaking are seldom involved. MOOC brings an impact on the traditional language teaching. MOOC requires a return to the learner-oriented and learner-centered orbit. It needs a profound understanding of the characteristics of language learning, and attention to the cultivation of learners' language communicative competence.

Secondly, it is a challenge to the teaching methods. Informatization and networking change "teacher-oriented" teaching to "learner-based" autonomous learning. Teaching should be learner-individualized, and maximize learner's personality development. To achieve effective integration of information technology and language teaching resources, teachers should explore new methods to combine information technology, resources and language teaching together, such as the Flipped Classroom Teaching or Blended Teaching. Traditional classroom learning and online learning should be combined, using synchronicity and efficiency of the network to facilitate language teaching and making full use of quality learning resources to enhance instructional design and to provide relevant teaching services. In the teaching process, heuristic and interactive teaching methods can be interchangeable, which promote active verbal communication atmosphere and realize the interaction between teachers and students and students themselves.

5.0 Challenge of LTMOOC to Educational Resources Platforms

We live in an era of ever-changing technology, when the social interaction platform MOOC comes into being. However, contrary to it, traditional educational resources platforms are quite out-of-date. Language teaching under traditional education resources platform is still accustomed to the static "cramming education" type. Although multimedia has become the popular medium of instruction in the university classroom, its application still lags behind the actual teaching needs. The limitations of traditional resources platform is: multimedia teaching skills to handle text, images, and video are insufficient; the integration of information technology and curriculum resources is lacking; the collaborative teaching mode based on social media is not applied; the interaction and evaluation processes are not complete. Modern education technology is the height and breakthrough of the educational reform and development. To enforce the education innovation, modern means of

science and technology should be fully utilized. Educators should actively use modern information and communication technologies, foster educational informatization and promote the modernization of education.

For learners, language teaching should be adept at the interactive platforms MOOC mode, for example, blog and forums, and other free social video tools, including Google Hangout or Skype and so on.

For teachers, LTMOOC is different from the traditional online language courses. Teachers should learn to develop MOOC resources. Firstly, teachers should know how to make micro instructional videos. Learners of MOOC come from various levels of society, quite particular compared with the traditional classroom teaching, which enables teachers to spare spend more efforts to prepare lesson plan, teaching materials and classroom instruction. A successful micro course not only lies in how to upload it to the Internet, but in how to guide learners to participate in discussions with the aid of the platforms. Therefore, MOOC design has to consider learners' study interest and should not indulge too much in the "teacher-monologue" lectures. Secondly, teachers, who are beginners of the production of MOOC, need the support of a corresponding team. Team members should be made up of curriculum development specialists, computer programmers, video producers or tech-savvy assistants, and etc. Thirdly, while teaching, teachers must attach importance to their teaching style, so much as to be in a natural way of teaching. MOOC online teaching has its own features, and it does not favor high voice and exaggerated body language, which is something that traditional classroom teaching involves. Another typical feature of MOOC is its relaxed and cheerful teaching environment, in which the best teaching points are presented to attract learners. Finally, while designing the curriculum, teachers should consider the potential learners. MOOC online teaching is one-time recording. Teachers should center on the application of knowledge, and avoid anecdotes or tongue twisters in teaching. In a word, teachers should understand how to integrate the information technology and the language teaching.

LTMOOC is a new Internet teaching mode, which is costly and many aspects are still uncertain. The opening and sharing of language teaching resources need strong financial and technical supports. Therefore, it is necessary to explore the establishment of MOOC platforms that are government-assisted, university-led and enterprise-participated. Only in this way, can an open and steadily-developed teaching MOOC platform be guaranteed.

List of References:

1. Elena Martín-Monje, Elena Bárcena, Patricia Ventura. Peer-to-peer interaction in Professional English MOOCs: A proposal for effective feedback, paper presented at UNED 2013 The European Conference on Language Learning, Madrid, Spain.
2. Language Teaching MOOC [EB/OL]. <http://Itmooc.com/>, 2014-05-04.
3. Sarah Kellogg. Online Learning: How to make a MOOC [J/OL]. <http://www.nature.com/naturejobs/science/articles/10.1038/nj7458-369a>, Nature, 2013, (499): 369-371, 2014-05-04.
4. Steve Kolowich. American Council Education Recommends 5 MOOCs for Credit [N]. the Chronicle Of Higher Education, 2013-02-07 (6) .

Чжан Сяоли (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОЛЛЕДЖЕ В СООТВЕТСТВИИ С ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ КИТАЯ

Аннотация. Одной из важных национальных стратегий Китая является создание культурной силы и распространение своей традиционной культуры по всему миру. Усиление внешней политики увеличит мягкую силу китайской культуры и будет способствовать национальной стратегической цели. Внешняя политика Китая соответствует международной ситуации и идёт в ногу со временем. Её успех связан со своевременностью стратегических корректировок и многоканальностью информации. Глобализация и информационная модернизация благоприятствуют внешней политике Китая, поскольку расширяется не только пространство, но и каналы. Оказавшись в новой ситуации, фронт китайской политики распространился и на обычных граждан, в особенности на активных студентов колледжей, получив тем самым преимущество межличностной коммуникации. Это предъявляет более высокие требования к преподаванию английского языка в колледжах. Реформирование системы преподавания английского языка должно сосредоточиться на учебных материалах, образовательных моделях и

преподавательском составе. Предполагается, что преподавание английского языка в Китае внесёт вклад в формирование международного имиджа Китая.

Ключевые слова: внешняя пропаганда; мягкая сила культуры; реформы преподавания английского языка в колледжах.

Zhang Xiaoli (Yantai)

Shandong Technology and Institute University

THE FORMATION OF THE COLLEGE ENGLISH TEACHING IN ACCORD WITH THE CHINESE FOREIGN POLICY

Abstract. *It is one of China's important national strategies to build a cultural power and to introduce its traditional culture to the world. The strength of the foreign policy will enhance China's cultural soft power and greatly contribute to the national strategic objective. China's foreign policy has to be fully aware of the international environment and keep up with the times. Its success can only be assured with timely strategic adjustments and multichannel for communication. The globalization and information modernization open up a favorable new situation for China's foreign policy, not only expanding the front but also enriching the channels. Faced with the new situation, China's publicity has to grab the opportunity and absorb the ordinary citizens, especially the energetic college students into its propaganda front and take good advantage of the interpersonal communication to spread the good voice of China. This puts forward higher requirements for college English Teaching. China's College English Teaching has to deepen its reform centering around teaching materials, teaching mode and teaching staff under the guidance of the propaganda's three principles. China's English teaching is expected to contribute to the establishment of China's international image.*

Key words: *foreign policy; cultural soft power; college English reform.*

It is one of China's important national strategies to build a cultural power and to introduce its traditional culture to the world. To strengthen the external propaganda will enhance China's cultural soft power and greatly contribute to the national strategic objective. Xi Jinping, the President of the state has already pointed out that

the success of China's external propaganda comes with innovations and a series of elaborate plans under the new situation. President Xi's speech does not only affirm the national strategic position of China's external propaganda but also puts forward new requirements for it. China's external propaganda, as the primary means of shaping and disseminating the national image, has to be fully aware of the international environment and keep up with the times. Its success can only be assured with timely strategic adjustments and multichannel for communication.

1. The new situation for China's external propaganda

China has All along been considering the foreign elites and governments as the main target of its external propaganda and the nation's official media has been being its main way of communicating with the foreign world. Such a single mode of publicity, however, fails to achieve the desired results. China has long been misunderstood in some aspects by the international community [3]. The lack of cooperation between the government and the public has long been a hindering factor [4]. Fortunately, globalization and information modernization open up a favorable new situation for China's external propaganda. For one thing, the trend of globalization makes every Chinese citizen the possible disseminator of the traditional culture and expands the front of China's publicity. Annual statistics released by the World Tourism Organization show that in 2015 the number of Chinese traveling abroad reached a million, ranking the world's first. Meanwhile, there are a growing number of foreigners crowding into China. International Organization for Migration keeps a precise count of foreigners living in China. According to their report released in Geneva in 2013, the number has increased by 35% within 10 years. The integration of peoples places the sacred duty in the hands of every Chinese citizen to outreach the country's culture. For another, the development of the Information and networks technology has exceedingly enriched the channels of the publicity and calls for more people to be part of the national propaganda system. The era of personal media has pushes every Chinese citizen to be the window to the world. The diversity of disseminators and communication channels are bound to create favorable conditions for China's external propaganda.

Bernard Vayer Bernard, the French News scientist, claims that interpersonal communication is the most favorable form of human communications. Compared with the government's single and cold one-way dissemination, two-way communication is more acceptable and convincing. In addition, daily exchanges

between people, to some extent, will allow more foreigners to have close contact with Chinese culture so as to expand the scope of China's cultural propaganda. Where there are foreigners there should be external propaganda [1]. Therefore, China should grab the opportunity and motivate every possible disseminator to introduce its national culture. The interpersonal communication with the participation of every Chinese citizen will greatly enhance the effects of China's external propaganda and display a real China to the world.

2. College English teaching should play an active role in China's external propaganda.

New situation calls for timely strategic adjustments and innovation. To unite ordinary citizens, China has to attach great importance to its college English teaching. This is because the status of English as an international language is difficult to change in a short time. As the primary medium of communication in the world community, English occupies a very important position in the outreach of Chinese culture, even being the most direct factor in determining the effect of propaganda. After all, languages carry cultures, and a correct language conveys a correct culture. What's more, the objects of college English teaching are the groups that are most active and energetic and they account for a large proportion of Chinese population. According to the Chinese Bureau of Statistics, in 2015 the number of Chinese college students has reached up to 37 million. With the world's largest number of college students, China holds a tremendous power in hand. Therefore, it is advisable for China to make good use of the power and guide them to serve as the main force of its external propaganda. Viewed from this perspective, college English teaching is given a much tougher task. In the face of new era, college English teaching should conform to the trend and endeavor to deepen its reform so as to better accomplish the glorious mission entrusted by the state.

3. Adhering to the three principles of China's external propaganda and deepening the reform of college English teaching

Huang Youyi, the Secretary-General of China Translation Association proposes three principles to which China's external propaganda has to adhere. According to him, China's publicity in the world community has to be close to the reality of China's development, satisfy the foreigners' curiosity in China and go in line with foreigners' thinking habits [2]. As an important link of the propaganda system, China's college English teaching should also follow the guidance of the three

principles and deepen its reform, improving its teaching materials, mode, and teaching ability.

3.1 Revising English text book and increasing native culture

As possible disseminators of the national culture, college students are supposed to work harder. This is because they should not only have a good understanding of the national history and spirit, but also should be good at English. To convey the Chinese culture by means of English language put forward higher requirements for college students, and meanwhile, pushes college English teaching to make timely adjustments. China's college English teaching has to embrace both the education of traditional culture and that of English language skills. Only the students who are armed with strong language skills and higher humanity can successfully and accurately spread the voice of China.

Textbooks, as one important part of teaching activities, are the center of the class which determines teaching content and the depth and breadth of the knowledge. A good text book is the key to the success of the college English teaching reform. English textbooks have to match the new target to cultivate students with the ability of international communication. The current college English textbooks, however, all miss the part of native culture. English classes have been totally occupied with western culture, history and art. The education of Chinese culture is almost completely lost in the process of English language teaching, which seriously affecting students' understanding of the native culture and hence resulting in a serious "Chinese Culture Aphasia". The examination form of translation in College English Test, Band4, has already changed from sentence translation to paragraph translation. The content covers Chinese history, culture, society and economy. This is really a good attempt, however, the reform of English teaching materials is relatively backward. The blank of proper authoritative teaching materials adds a further completion of teaching activities and reduces the teaching effects. What's worse, without the official definition for terms of Chinese Characteristics, the accuracy of teaching content fails to be guaranteed. These factors will seriously affect students' ability to spread the national culture.

Therefore, to revise English teaching textbooks should become a top priority of China's English teaching reform. The editors of China should face the challenge and reform. It is essential to add native Chinese content into English textbooks. English textbooks should be made a forum for the exchanges of Eastern and Western cultures,

through which students do not only see the world but also learn how to introduce China to the world. In addition, the perfection of teaching material system is also a necessity. The construction of teaching material system should be multidimensional, ranging from listening, speaking, reading, writing and translating. The scientific teaching materials and systems can strengthen comprehensive infiltration of the native culture into English teaching and build a solid foundation for China's external propaganda.

3.2 Reforming the teaching mode and improving the education mechanism

A teaching mode is the reflection of educational theories and concepts. The concepts of education determine teaching modes and teaching modes set the directions for teaching behaviors. Another core element that determines the design of teaching modes is the instructional objective. Every teaching mode is all aimed at an established teaching objective. China's College English teaching are now facing a new situation that China seeks to enhance its national cultural soft power. Under such a background, both the concept and objective of China's college English Teaching should make timely adjustments. As mentioned above, China's college English teaching is supposed to have the three principles of external propaganda as its new teaching guidance and have the training of qualified personnel of publicity as its new instructional objective. Therefore, it is urgent to establish a new teaching mode to match with it. The reform of College English teaching mode should proceed from the following aspects.

Firstly, it needs to strengthen students' patriotism education and establish their sense of ownership over the nation. A series of elaborate activities will be greatly helpful to improve students' national consciousness and their patriotic enthusiasm, such as monthly activities with the theme of patriotism, contests of patriotic knowledge, book fairs of national culture and lectures of national history, and the forth. Such activities will not only enhance students' national pride, but also lead them to obtain the cultural identity, with which the voice of China will be better spread. Secondly, it still needs to enrich English teaching methods and expand English teaching and learning channels. To face the challenge, China's traditional single college English teaching mode has to be reformed. An information channel, including both paper and electronic reading materials, should be constructed. Teachers should guide their students to make good use of the networks and pay close attention to the news home and abroad. Apart from language skills, a possible

disseminator should also have the ability of dialectical thinking. A mind with calm and wisdom will convey the objective and truthful information. Thirdly, the evaluation mechanism should be further perfected and added the comprehensive assessment based on the test of cultural translation. The relative daily evaluation and examination can be used as a means to motive students to adjust their learning strategy and contents. And then, profound cultural knowledge and solid translation skills will be assured.

3.3 Improving the professional level of teaching staff

A team of English teachers with high cultural quality and teaching ability is a key link of teaching reform and much concern the effects of China's external propaganda. When China's culture is conveyed, it should be carried by the languages that foreigners can understand. Therefore, English teachers must be qualified to lead their students to figure out the subtle differences and characteristics of Chinese and western culture.

The new situation requires English teachers to be equipped with both strong language skills and cross-cultural communication mind. Therefore, on one hand, teachers should firstly feel a great deal of responsibility and accept the mission to improve the quality of the whole nation. They should also adjust their teaching goal from single language teaching to the training of international propaganda skills. All these obligations and responsibilities push China's English teachers to study further. On the other hand, the leaders have to set up the concept of international training of English teachers and further develop the training system. More teachers, especially the young, should be accepted by the training system. The training should be regular and consistent and take good advantage of all possible resources. The training institution can not only invite famous teachers home and abroad to give lectures, but also can encourage teachers to study abroad. The leaders should strengthen international cooperation and exchanges and endeavor to open up more channels for teachers' improvement. Qualified teachers are the prerequisite of qualified disseminators.

In conclusion, the globalization and information modernization offers China a great opportunity to introduce its culture and spirit to the world. China's external propaganda has great significance for the establishment of China's good international image. College English teaching should be great enough to take the glorious mission

with active exploration and further reform. It is expected that China's college English teaching will cultivate a team of qualified external propaganda talents.

Fund Project

The thesis is part of two projects supported by Shandong Province Foundation for Social Science Planning and the project number is 11CWZJ38 and 14CWXJ50 respectively.

List of References:

1. Eppste, Lin Maosun, Shen Suru. *Calling Attention to Foreign Language in External Propoganda* [J]. *Chinese Translators Journal*, 2000, (6):2.
2. Huang Youyi. *Adhering to three Principles of China's External Propaganda and Handling the Difficulties Well* [J]. *Chinese Translators Journal*, 2004(6).
3. Shen Yamei. *Reflections on Western Hot Debate on China's Image* [J]. *International Studies*, 2011(4):11-12.
4. Wu Youfu. *China's National Image Propaganda from the Perspective of National Strategy* [J]. *International Review*, 2012(4).

Чжан Яцзюнь (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

Се Юйминь (Яньтай)

Яньтайский промышленный и коммерческий институт

РОЛЬ И РАЗВИТИЕ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ЭПОХУ ПОСТ-МЕТОДА

Аннотация. Традиционные теории преподавания английского языка основываются на определённых методах. На смену многочисленным методам пришла эпоха пост-метода, не предполагающего какого-либо конкретного метода. Преподавание английского языка для профессиональных целей (ESP) обнаруживает необходимость повсеместного обучения английскому языку, а также специфические черты ESP. Выделяются такие его особенности, как специфичность аудитории, практическая направленность обучения и сама возможность реализации такого обучения. Опираясь на теорию пост-метода

профессора Б. Кумаравадивелу, в статье анализируются особенности преподавания ESP, современное состояние преподавания ESP в Китае, а также роль и развитие учителей ESP.

Ключевые слова: эпоха пост-метода; учителя английского языка для профессиональных целей; роль и развитие.

Zhang Yajun (Yantai)

Shandong Technology and Business University

Xie Yumin (Yantai)

Yantai Industry and Trade Technician College

THE ROLE AND DEVELOPMENT OF ESP TEACHERS DURING THE POST-METHOD ERA

Abstract: *Traditional English teaching theories are method-centered. Having experienced many years of method change, the Post-Method Era has come, which means a non-fixed method. As a branch of language teaching, ESP teaching shows a feature of ubiquity of public English teaching and specificity of English for specific purposes. Therefore, ESP has the features of particularity, practicality and possibility. Guided by the Post-Method Era theory of Professor B. Kumaravadivelu, this paper analyzes the characteristics of ESP teaching theory, current situation of ESP teachers in China as well as the role and development of ESP teachers.*

Key words: *Post-Method Era; ESP teachers; role and development.*

1.0 Introduction

Post-Method era is a Western teaching theory put forward by Western scholars (Brown; Kumaravadivelu; Richards & Rodgers; Bell;) after reflection on centuries of foreign language teaching. [2] This theory thinks that research on foreign language teaching has entered the Post-Method Era of non-fixed methods. Post-Method theory is based on the teacher autonomy, including three parameters, namely particularity, practicality and possibility. [4, p. 537-560]

Teaching of English for special purposes (ESP) is a diverse teaching philosophy, a specific goal-oriented English teaching and learning (Hutchinson and Waters) [3]. It is not a product, nor a specific language or a major. There is none of special or fixed

teaching modes for it. ESP teaching is divided into English for Academic Purpose (EAP) and English for Occupation (EOP). EAP focuses on the academic needs such as attending English lectures, reading professional literature, writing academic papers; while EOP focuses on training the personnel of a specific industry to carry out the work in English communication. Therefore, ESP is language learning to satisfy the students' study and work requirements. ESP teachers' role is the dominant factor in the teaching content and process. The characteristics of ESP teaching coincides with the principle of Post-Method theory.

2.0 Post-Method Era

From the translation method of the end of the 18th century and the early 19th century, foreign language teaching has experienced the natural method, the audio-lingual method, the situational method, the cognitive method, the communicative approach and task-based teaching method, all of which have caused attention in foreign language teaching. In the history of foreign language teaching, each method has experienced the cycle of “birth – popularity – disappearance – rebirth”. However, some linguists doubt this phenomenon of "expert manufacturing, teacher consumption". British linguist Richards said: "The ups and downs of a method depends on a number of factors other than the method itself. It often reflects the fashion and trends, the impact of fame and the driving force of knowledge market." [6, p. 7-23] Under this ideological influence, Beyond-Method Era has appeared as a transition between Method Era and Post-Method Era. During this period, Samani-Nodoushan said: "Effective teaching is the result of cooperation of theorists and teachers, but reflective teaching is the teachers' responsibility, not linguists." [5] The idea is the theoretical basis of Teachers' role and development of the Post-Method Era.

At the end of the 20th century, after the replacement and fusion of various methods, the Post-Methods Era, also known as Post-Pedagogy, is first put forward by Professor B. Kumaravadivelu from San Jose University of California State. Many scholars respond positively, making it a widely accepted concept. B. Kumaravadivelu claims that "Post-Method Mode is to find an alternative to replace the method, rather than an alternative method itself" [5].

On the basis of Particularity, Practicality and Possibility, Professor B. Kumaravadivelu presents ten macro-policies [4, p. 537-560]. He points out that its essence is not a specific teaching method, nor the pursuit of a priority teaching

method, but it stresses how each participant takes part in the teaching activities in their efforts to achieve the different teaching goals. It excels the traditional teaching in the redefinition of roles of teachers, learners, teacher-educators. It encourages teachers to create the theory in practice and apply theory to practice. This concept applies to foreign language teaching, and it also has a guiding significance for ESP teaching.

3.0 ESP Teaching and ESP Teachers in China

It has been more than 20 years since ESP teaching was formally proposed, during which time there have arisen intense discussion on the status of English for General Purpose (EGP) and ESP in College English Teaching. There is no doubt about the importance of ESP teaching for cultivating applied and inter-disciplinary talents. Universities should provide appropriate ESP teaching based on students' English proficiency. Students with poor English should learn basic English before ESP courses learning, to enhance the ability to adapt to society; students with good English can be considered to enter ESP courses earlier.

Currently, ESP teachers at colleges and universities are mainly from two sources. The main part is College English teachers. They graduated from English majors, with solid language foundation and knowledge, and rich teaching experience. They are quite qualified in teaching English as a foreign language. However, they lack sufficient expertise or skills. Although some teachers devote their energies to make up for the vacancy of expertise, it is still difficult to combine specialty and language teachings. In classroom, vocabulary and grammar-based traditional language teaching methods are more often used. When it comes to ESP teaching, they often feel powerless. It is difficult for them to help students from a professional point of view to implement the functions of language use. ESP teaching falls into simple English translation courses. The other part is specialized course teachers with a high level of English. These teachers usually have higher degrees, good English language proficiency. But they lack of teaching experience, and their classes are often dominated by professional knowledge of teaching and the students' language practice competence need to be improved.

Take Computer School of Shandong Technology and Business University as an example. The Network Department sets up a specialty course English. Currently several Network teachers with good English shoulder the responsibility of teaching. Each teacher is assigned one unit, and the teaching mode is through a series of

lectures. In the absence of a consistent teaching concept and methods between each unit, plus the students' poor understanding of the teaching procedure, the effect of teaching is greatly reduced. Meanwhile, due to the lack of language teaching experience and language skills, teachers cautiously advance, and ESP teaching relies much on translation. Several other departments have also set up similar ESP courses, but considering the limitations of students' foundation and teachers' professional quality, they have currently canceled these courses.

4.0 ESP Teachers' Role in Post-Method Era

The three parameters of particularity, practicality and possibility constitute a framework for the teaching theory of Post-Method Era. Particularity emphasizes the speciality of foreign language teaching in social environment, teaching conditions, and learners; practicality encourages teachers to constantly reflect on teaching practice and teaching needs, to form their own teaching theory and implement it into teaching; possibility refers to the feasibility formed between macro-social factors and language teachers, i.e. the features of society and era in language teaching. On this basis, B. Kumaravadivelu has proposed 10 macro-strategies [1]. These policies promote language teachers to get rid of the shackles of pedagogy, to research on the teaching context, to refine the teaching theory in teaching, and then to apply it to the teaching practice. The decision factor of foreign language teaching is teachers instead of a teaching method. ESP teachers need to have a very important quality, namely flexibility. Jarvis summarizes the ability of ESP teachers in 10 aspects: analysis of teaching language and context; assessment of and writing textbooks and other teaching resources; design and interpretation of the syllabus; planning of teaching strategies; arrangement of teaching activities; organization of teaching; evaluation of teaching effect, etc.

Thus, ESP teaching in Post-Method Era does not simply involve the classroom activities. It rather refers to the fusion of classroom teaching and teachers' individual reflection. The usage of methods, the choice of materials and the implementation of strategies all reflect the teacher's comprehensive qualities in classroom decision, individual thinking, academic interest, experience accumulation and so on. The role of ESP teachers are summed up as the following aspects.

4.1 Builder of ESP Teaching Theories

Under the guidance of macro policies of Post-Method Era, ESP teachers no longer limit to the study and practice of so-called teaching methods experts have

proposed. They should design curriculum and learning methods, define course content, research on teaching strategies and establish the appropriate mode of teaching according to the learner's target needs and learning needs, so that learners' language proficiency could be increased significantly.

4.2 Practitioner of ESP Teaching Theories

In addition to constructing the teaching theory, ESP teachers should also be the organizers and guiders of ESP teaching activities. In learner-centered and task-oriented ESP classrooms, the most effective way of learning is autonomous learning, rather than teacher-led learning. Qualified teachers should guide and inspire learners to understand, think and practice so as to achieve the desired effect of improving skills. Having determined the teaching content and methods, teachers, in the process of organizing teaching activities, should be the observer, supervisor and guider. At the same time, teachers should dynamically adjust the teaching content and methods according to the effect.

4.3 Researcher of Teaching Theory

A researcher and a builder of the teaching theory differ in their different focuses at different stages. Research refers to the reflection following the process of teaching, based on the construction of teaching theory. It is insufficient for university teachers to teach knowledge, they should research and explore, create knowledge and be a scholar. After the testing of practice teaching, teachers once again check the implemented teaching content to assess whether the purpose of teaching is realized or not in order to form a more mature theory to guide practice.

In summary, macro strategies of Post-Method Era can be used to guide ESP teachers to improve their abilities in practice, and to play a better role of teacher. In the following table, the teacher's role, macro strategies and ESP teacher's ability are compared.

ESP teachers' role	macro strategies of Post-Method	ESP teachers' ability
Builder of ESP Teaching Theories	Promote Learner Autonomy; Ensure social relevance; Enhance cultural	Analyze language and context for specific purpose; Evaluate textbooks and other teaching resources

	awareness;	
Practitioner of ESP Teaching Theories	Maximize learning opportunities; Promote consultative interaction; Grasp minimum mismatch; Activate intuition teaching; Contextualize language input; Teach integrated language skills	Specify activity goal for learners; Design and interpret curriculum and learning plans; Create strategies; Write textbooks; organize teaching; Design individualized but interrelated teaching procedures
Researcher of Teaching Theory	Improve language awareness	Assess students' progress; Assess whether the purpose teaching is realized

5.0 Professional development of ESP teachers in Post-Method Era

Excellent ESP teachers should have a solid professional knowledge and practical ability, with good knowledge of English language teaching a deep understanding of pedagogy and extensive teaching experience.

5.1 Clarify Teaching Goal and Strengthen Teacher Training

ESP is different from the bilingual teaching. ESP is not a specialty course but a language teaching on the basis of specific needs. ESP teaching content should focus on language aspect, with the design of relatively common ESP curriculum as the key to ESP courses.

ESP teaching needs teachers with both higher English teaching level and knowledge of core courses. Before taking ESP teaching tasks, teachers need to be trained in teaching strategies and techniques. Theory studies can help maximize teachers' potential through the deep understanding of nature of teaching and macro strategies. With the development of ESP teaching, public English teachers should prepare well in advance the transformation from pure language teachers to ESP teachers. English teachers should be encouraged to pursue a higher degree in other majors to adapt to the new teaching tasks. Teachers are also encouraged to select one

or two core courses according to their interest and expertise to make a systematic study, in order to reserve professional knowledge skills for ESP teaching.

5.2 Establish Cooperation Mechanisms

Here three aspects of cooperation are involved: ① Cooperation between English teachers and specialized course teachers. An effective way is to form a joint research team made up of both language teachers and specialized course teachers, with the advantage of complementary advantages and common development. Specialized course teachers determine the teaching content according to students' needs and current professional features, while English teachers make full use of their language advantage to design teaching plan and teaching tasks. Then, the two parties communicate and discuss together, and identify the appropriate teaching mode. ② Cooperation between teachers and students. According to students' learning needs, divide them into small groups. Group learning is completed through situation imitation and tasks, a workshop for language practice. During the whole teaching process, the teacher is an organizer, an instructor and a supervisor, and their function is to help students complete the tasks. ③ Cooperation between English teachers and teaching administration departments. Successful ESP can't depart from the support of teaching management departments. Strengthening communication with them, eliminating resistance is necessary guarantee for the smooth conduct of educational activities.

5.3 Build Rich Corpus

Development and use of corpora has become one of the most influential means of ESP teaching. It plays a decisive role in improving ESP classroom teaching, compiling ESP textbooks and ESP assessment test.

At present, some domestic publishers have launched various professional ESP textbooks. They select several professional articles as reading material with comprehension, vocabulary and translation exercises or as a unit. Such materials are similar to extensive reading materials. Real ESP teaching materials are far from being so simple. They aim to train the future professional abilities of English proficiency and core course competence. So the compiling of textbooks can only be fulfilled through corpuses of various fields.

6.0 Conclusion

ESP teaching is developing into maturity. For ESP teachers of this Post-Method Era, under the guidance of the macro strategy, they should actively develop their full

autonomy, and build a more concrete and feasible micro strategy of their own. Teaching is a systematic project, and an art. Only through researches and practise, could its effectiveness be realized.

List of References:

1. Bao Mingjie. Study on ESP Teaching Mode [J]. Learning and Practice, 2014 (12): 137-139.
2. Chen Li. Post-Method Era in Foreign Language Teaching [J]. Basic English Education, 2009 (6): 3-8.
3. Hutchinson, Tom. Alan Waters. English for specific purposes: a learning-centered approach [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. Kumaravadivelu B. Toward a postmethod pedagogy [J]. TESOL Quarterly, 2001 (4): 537-560.
5. Masouleh, Nima Shakouri. From method to post method: A panacea! [J]. English Language Teaching, 2012 (4): 65-72.
6. Richards, J C. TESOL Quarterly [J]. 1984 (1): 7-23.

Чжу Сяоцин (Яньтай)

Колледж иностранных языков

Шаньдунский институт технологии и бизнеса, Китай

ВЫРАБОТКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

***Аннотация.** Глобализация приводит к повышению значимости межкультурной компетенции. В данной статье обозначены три компонента межкультурной компетенции: знания, навыки и отношение обучающихся. Преподавателям следует поощрять сравнение культур разных стран и народов. В процессе обучения преподаватели сталкиваются с такими проблемами, как стереотипы обучающихся и оценивание межкультурной компетенции. Преподавателям следует разрабатывать механизмы, позволяющие определять изменения поведения и отношения обучающихся.*

***Ключевые слова:** межкультурная компетенция; преподавание языков; проблемы; оценивание.*

Zhu Xiaojing (Yantai)
College of Foreign Studies
Shandong Technology and Business University

CULTIVATING INTERCULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

***Abstract.** Intercultural competence has been gaining more and more importance with the globalization of the world. Three components of intercultural competence are identified in this paper, namely, knowledge, skills and learners' attitudes. In the process of language teaching, teachers are faced with some challenges, such as learners' stereotyping and the assessment of intercultural competence. Thus, teachers should encourage students' comparisons between different cultures. This paper also suggests that teachers should design a framework that can judge learners' changes in attitudes and behaviors.*

***Key words:** intercultural competence; language teaching; challenges; assessment.*

1. Introduction

With the globalization of the world, having a good knowledge of a language does not merely mean learning some new words or grammatical structures but also having some knowledge of the culture in which the language is used and understanding how to communicate with people from different countries and cultures in an appropriate way. This is why intercultural communicative competence is gaining more and more weight. It requires that language learners not only acquire some linguistic competence but also some knowledge of what is "appropriate language". Consequently, it is suggested that students develop some efficient intercultural communication skills in language classrooms.

Cross cultural communication is a new discipline which aims to study and solve problems and conflicts in the process of intercultural communication. It involves various disciplines like anthropology, psychology, communication, philosophy, sociology, ethnology, linguistics, folklore, culture, and foreign language teaching theories. The intercultural communication competence is put forward in the view of cultural conflicts. It is a kind of ability to deal with the practical problems in

intercultural communication, which is based on understanding and mastering the knowledge of foreign culture and communication skills.

2. Components of intercultural competence

Culture is an indispensable part of one's knowledge, but it's hard or even impossible to acquire complete intercultural communicative competence. Firstly, it is never possible to acquire all the knowledge one might need in contacting with people from different cultures. Secondly, cultures are always changing, and what's more, there is usually more than one culture within one country, which makes learning more difficult. Thirdly and most importantly, everyone is a separate social individual who belongs to a specific social group. Their social identities have an inevitable effect on what they say, how they say it, what reply they anticipate from others and how they understand the reply. People's social identities and values develop with the enrichment of their social experience, values and beliefs. They always experience culture shock when they meet with new values, beliefs and behaviors. So everyone needs to get used to new situations and accept new things. It is an ongoing process.

Byram and Zarate [3] designed a very important model, talking about specific objectives and measurements, which has influenced a number of people. According to them, the elements of intercultural competence include knowledge, skills, attitudes, and people's values that are part of one's social identities. Of all the elements, the most fundamental one is the attitudes of the speaker.

Intercultural attitudes refer to speakers' curiosity, openness, and willingness to impose suspect on other cultures and on their own culture. This means that you cannot believe your own values or beliefs to be the only possible and always correct ones. It's better to suspend disbelief about your own values, beliefs and behaviors and find out how they look in the eyes of another person who is from a different culture and who has totally different experience, values and beliefs from you.

Another important factor is knowledge, which means speakers must have an understanding of the social groups and their behaviors in his own and in his interlocutor's culture, and of the processes of the intercultural interaction. There are two main elements of knowledge: knowledge of processes, knowledge of how other people interpret you, and knowledge about people from other cultures. Consequently, it will be much easier to interact with other people if you have some knowledge of the interlocutor's culture. Learners should have a knowledge of global issues,

including environmental problems, interaction between countries in economy and politics, and some organizations.

Actually no teacher has the chance of experiencing all the cultures that their students want to learn. However, it doesn't count. Teachers are not the only source of information. As a result, they should draw students' attention not only to knowledge but also to attitudes and skills.

Teachers must acquaint learners with skills of comparing, interpreting and relating, i.e. the ability to understand a person from a different culture, and at the same time relate and compare with his own culture by using his knowledge. In other words, speakers need to learn how to compare ideas and values from two or more cultures and find out how misunderstandings between different cultures come into being. Thus, learners need to develop critical thinking and solve problems in this way. Skills should be developed in four aspects: speaking, listening, reading and writing. Then learners can extend their knowledge with the help of the skills.

As is discussed above, it's impossible to experience and learn all the cultural knowledge needed, so learners need to grasp the skills of acquiring new knowledge and infusing it with what has already been acquired. They need especially learn how to ask people from different cultures about their values and beliefs. In others words, learners need some skills of social interaction and discovering, i.e. the ability to discover new knowledge of a different culture and at the same time integrate it with their own.

Based on the above discussion, the language teacher should not only impart some cultural knowledge but also develop some skills, attitudes and learners' awareness of values. What more, the framework for the elements of the intercultural competence is open. More components may be added to the list.

3. Ways of developing intercultural competence

It seems to be a must for a language teacher or learner to be immersed in the culture that he/she wants to know. However, few teachers have the chance of living in a foreign country where they can experience the target culture. It is necessary to point out that the main purpose of teaching culture is not the transmission of information of the culture.

The teaching of culture mainly concerns the following aspects:

(1) assisting learners to have a better understanding of how intercultural interaction happens;

- (2) why and how social identities are part of the intercultural interaction;
- (3) how their interpretations of a different culture and others' interpretations of their culture affect the success of interaction; and
- (4) how learners can learn more about interlocutors whom they are contacting.

In this case, a teacher doesn't necessarily know all about the culture that learners want to learn. It is even impossible to do so because a lot of different cultures are usually connected with one single language. For example, in China people from different areas may have different beliefs and values, namely different cultures.

3.1 Extensive extracurricular activities

What a teacher can do is to scheme enough activities for students, in which they have discussions and draw useful conclusions based on what they have read and learned. Teachers can also supply some knowledge about the customs of the cultures and values held by people of the cultures, but it is often regarded as a priority to encourage learners to have a comparison with their own culture. For example, a learner may compare his own opinions of his culture with foreigners' opinions that may be expressed in a tourist guide. He will soon find out the difference. The teacher then may ask the students to ponder if their understanding of the foreign culture is the same as that of the foreigners. The teacher can do this in two ways: simulations and role-plays. Both methods can remind them of their former knowledge of the foreign cultures. Some students may act as the tourists and others as natives, and in this process students can experience the foreign culture and thus get a better understanding of it. As a result, this experiential learning helps learners gradually get rid of the stereotypes that they have of the different culture. Students are sure to be ready to communicate with people from a different culture and handle the difficulties.

3.2 Enhance students' awareness and sensitivity of cross cultural communication

The training of intercultural communication awareness and sensitivity is very important for people who are short of intercultural communication experience. This is because after years of conditioning, people in their own familiar cultural environment consciously and unconsciously follow the cultural practices and norms, without knowing the restriction of the culture on their words and deeds. Only when they are away from their own cultural environment, and have an intimate contact with unfamiliar cultural customs and norms, or experience the cultural collision, they may be aware of the role of culture and the existence of cultural differences. Therefore, it

is very important to cultivate intercultural communication awareness and sensitivity, which is an important aspect of intercultural communication competence.

In class, teachers should gradually expand the width and depth of the cultural knowledge of the target language, according to the students' cognitive ability and knowledge level, focusing on cross cultural comparison. What's more, they should focus on the implementation of cross cultural infiltration, training students to be sensitive to the cultural differences. Teachers should also try to enhance students' cross-cultural communicative awareness and sensitivity, thus improve their intercultural communicative competence.

3.3 Encourage students to read extensively after class

In addition to creating the cultural atmosphere of the target language in the classroom, teachers should encourage their students to read widely in their spare time. Students can read some foreign language periodicals, newspapers, some easy masterpieces of literature to understand the exotic customs. They can also read some myths, legends and other literary works. Ask the students to find out the cultural elements and the similarities and differences between the two cultures. This not only expands the students' vocabulary and reading, but also improves the students' ability to analyze and use the target language. At the same time, teachers can also make full use of multimedia, the Internet to help students have a better understanding of the new culture.

3.4 Strengthen the cultivation of mother tongue culture

In the process of teaching the target language culture, teachers should at the same time cultivate the students' mother tongue culture. Mother tongue culture is one of the important factors to improve the communicative competence. A person's native culture is the earliest way to get a cognitive acquisition of the world. In order to enable students to better understand the foreign culture, teachers must help the students find out the differences and similarities between the two cultures. A deep understanding of the native culture will become positive transfer in the learning process of foreign languages.

4. Challenges in developing intercultural competence

4.1 Learners' stereotypes and prejudices

In the process of developing intercultural competence, getting rid of students' prejudice always comes first to language teachers.

A stereotype refers to a thought about particular kinds of people, based on overgeneralizations or previous opinions of them. People who have a stereotype always believe that all people of that kind think and act in the same way. It's not reasonable to categorize people in this way. Prejudice of a certain person always occurs when his judgment is based on stereotyping. A stereotype can influence people's impressions towards others and their interpretation of other cultures.

Teachers should warn learners of the potential dangers of a stereotype. This can be done by demonstrating learners how stereotyping is formed in their own culture. By doing this, learners can develop logical thinking of one's own and other cultures.

Learners are always comparing their own culture with other cultures, which must be done in a sensible and careful way as it may result in a stereotype. As discussed earlier, it is very helpful to compare different cultures. Learners should always bear in mind that cultures are complex and may be practiced by people in different ways. The following suggestions are proposed for teachers to avoid stereotyping.

- (1) Be especially cautious when generalizing;
- (2) Do not overgeneralize.
- (3) Do not use such words as "every", "everything", "all", "none", etc.
- (4) Use words like "some", "a few", etc.
- (5) Tell learners how to recognize a stereotype.
- (6) Avoid focusing only on cultural differences; pay enough attention to similarities.
- (7) Teach learners not to get a partial but a complete understanding of the target culture.

4.2 Assessment of intercultural competence

The assessment of intercultural competence is a great challenge for teachers who practice intercultural teaching in language classrooms. Traditionally, teachers usually evaluate learners' knowledge about different cultures. However, no matter whether the purpose is to assess what learners have learned when the learning is over, or to assess how learners perform during the process of learning, the nature of intercultural competence makes the assessment more complicated because it assesses learners' moral development, which is hard to evaluate. The assessment is not only concerned with the learning of new knowledge but also in most cases with the changes in learners' behaviors and attitudes. In other words, it is concerned with the

development of learners' cultural awareness, appreciation and respect of the differences between cultures, and willingness to accept new beliefs and values. Unfortunately many teachers failed to assess learners' behavioral and attitude changes and at the same time appropriateness.

Nevertheless, the assessment is useful both to schools and learners as schools need an evaluation system and it can be regarded as a motivation for learners to develop their intercultural competence. One alternative of traditional assessment is self-evaluation, which can be a supplement to the evaluation by teachers. It does not depend only on test papers. If the learner aims to be an intercultural speaker, self-evaluation refers to a period when he can retrieve his learning, judge his performance and evaluate his communication in the process of learning.

It is better to design a framework which not only measures linguistic competence but also evaluates intercultural awareness. The assessment should involve measurement of cultural knowledge and take learners' attitudes into account. This can be done according to written homework, task-based behaviors, surveys, observations, etc. This method offers teachers a wide range of options which can be collected during the whole process of learning. There are usually three fundamental elements in assessing intercultural competence: validity, reliability, and feasibility. Hence, the assessment of intercultural competence is a complex task.

5. Conclusion

Teachers should encourage learners to have a comparison between their own culture and the target culture and learn from the cultural relativity. It is helpful to analyze learners' own culture in a critical way. What is more important, learners should try to find out some common values and beliefs. If the differences are paid too much attention to, stereotypes will be formed. An emphasis on similarities can assist learners to improve their understanding of the target culture. Kohler et al. [5] claimed that good teachers help students to have positive attitudes towards the target culture and language, and towards differences and similarities. Self-assessment is also a very useful way of acquiring intercultural competence.

In the process of acquiring intercultural competence, learner must be aware of the danger of stereotyping. Teachers' choices of words may lead to learners' overgeneralization of the target culture, thus a stereotype. Teachers should provide learners with some analytical skills and critical thinking to interpret the culture they are learning.

List of References:

1. Byram, M. and Fleming, M. 1998. Language Learning in Intercultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Byram, M., Nichols, A. and Stevens, D. 2001. Developing Intercultural Competence in Practice. Clevedon: Multilingual Matters.
3. Byram, M. and Zarate, G. 1995. Young People Facing Difference. Strasbourg: Council of Europe.
4. Hinkel, E. 1999. Culture in Second Language Teaching and Learning. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Kohler, M., Harbon, L., Fischmann, V., Mc Laughlin, and Liddicoat, A. 2006. Quality Teaching: Views from the Profession, BABEL 40 (3).
6. Kramsch, C. 1993. Context and Culture in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press.
7. Tomalin, B. and Stempleski, S. 1993. Cultural Awareness. Oxford: Oxford University Press.
8. Weedon, C. 1997. Feminist Practice and Poststructuralist Theory. Cambridge: Blackwell Pub. Co.

Ян Иньлин, Ни Айся (Яньтай)

Шаньдунский университет бизнеса и технологии

НЕДОСТАТКИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В КОЛЛЕДЖАХ И ИХ УСТРАНЕНИЕ

Аннотация. Среди преподавателей английского языка в колледжах, опробовавших мультимедийные технологии на своих уроках, широко распространено мнение, что они делают изучение английского языка увлекательным занятием. Однако преимуществам мультимедийного обучения (по сравнению с традиционным) сопутствуют и недостатки. Автор данной статьи анализирует эти недостатки и предлагает возможные варианты их устранения.

Ключевые слова: мультимедиа; преподавание английского языка в колледжах; недостатки; устранение.

MULTIMEDIA COLLEGE ENGLISH TEACHING DEFECTS AND COUNTERMEASURES

***Abstract:** It is a widely accepted belief among college English teachers who have tried Multimedia college teaching that college English teaching under the circumstance of Multimedia makes an English classroom a fascinating place. However, the defects of Multimedia college English teaching are born with its advantages over traditional college English teaching. The author intends to make an analysis of its defects and provide feasible countermeasures.*

***Key words:** multimedia; college English teaching; defects; countermeasures.*

1. Introduction

From the study on linguistics, psychology, physiology and technology, we may conclude that computer and Multimedia technology superbly adapt to college English teaching in that it can provide sound, color, graphics, animation, video, and net information---in addition to text---in a matter of second and can satisfy the variety of learning preference or styles, and can deploy different neuro-systems in learning. It is a widely accepted belief among college English teachers who have tried Multimedia college teaching that college English teaching under the circumstance of Multimedia makes the English classroom a fascinating place.

Though, will Multimedia solve all the problems in college English teaching? Will it be another wonder drug, as some people described AV instruction in language teaching in 1970s?

Media is media, and there is no wonder drug in language teaching. The defects of Multimedia college English teaching are born with its advantages over traditional college English teaching. “Only when media is subjected to careful consideration and application, can an ideal instructional effect be achieved” [8, p. 13].

For college English teachers, the comprehensive awareness of the defects of Multimedia as well as the countermeasures is of great importance in the application of the new technology to college English teaching.

2. Defects of Multimedia College English Teaching

2.1 Teachers' Factors

Either in traditional classrooms or in Multimedia classrooms, the teacher has a large and very important role to play in the teaching-learning process. The most important factor for class effectiveness is teacher's quality. What teachers need to be? Principals and personnel directors, for the most part, agree on the basis for effective teachers—qualities that benefit students, improve instruction; and help an organization run more smoothly. In addition, in the Multimedia classroom, the mass of language data available to students is overwhelming and needs to be filtered and systematized so that students actually will be able to make sense of it.

However, the defects of Multimedia somehow hamper the development of teachers' role in the Multimedia classroom and consequently teachers fail to make the most of the Multimedia classroom though they are facilitated with considerable teaching practice.

2.1.1 Routine Work in Instruction

Multimedia itself is not liable for the form and development of teachers' routine work in instruction in Multimedia teaching. The responsibility lies in college English teachers.

One of the significant characteristics of Multimedia is that by the instrumentality of floppy disk, hard disk, software, CD-ROM, video and the Internet etc., it can lessen the burden of teachers' meaningless and repetitive work and increase teachers' investment in class. If you are enthusiastic about teaching, show it! Make learning fun. Your eagerness for teaching will make a difference in the motivation of your students. Beyond the classroom, it helps build a sense of teamwork. Enthusiasm is contagious.

However, the advantage of Multimedia technology, unfortunately, leads to some teachers' dependence on it. In class they fail to show enthusiasm and creation. In some sense, they turn the Multimedia classroom into an expensive bore and what they act in class is nothing but a new generation of button-pusher. Undoubtedly, the lack of creation and enthusiasm makes no sense of the technology-enhanced classroom.

2.1.2 Poor Classroom Management

Effective teachers are actively involved in classroom management. They move around. They don't stand around but are busy. They are actively involved with students and other staff.

In Multimedia classrooms, classroom management is not easy to conduct because English teachers are busy with the operation of the machine and with the instruction of the language. What's more, in most cases, teachers are sitting in front of the computer and seldom have a chance to move around. In the classroom which has a poor and unscientific layout, the teacher sitting in the front of the classroom can hardly see students at the back rows. In this case, classroom management is hard to be realized.

2.1.3 Loss of Affection

Education is a people business and it is imperative to attract students through good human relation skills. If people don't like your behavior as a teacher, they will not want to be around you, much less perform for you. The affection built up between college English teachers and students plays an important role in class behavior and latter study.

In the Multimedia classroom, however, the affection between the teacher and students seem to be in danger. On the one hand, teachers are busy with machine operation---computer, VCD/DVD player, overhead projector, courseware, and the change of desktop windows etc---which might even get the proficient teachers busy, let alone those unskilled. On the other hand, sitting in front of the machine without moving about, gesture, eye contact, and body language which are all regarded as vital in class tends to make English class "cool" and the tie between the teacher and students becomes loose and it seems to students that the teacher is caring about the machine and students are focusing on the screen. Thus, the affection, which used to play an important role in class, seems to be dying.

2.1.4 Waste by Haste

The amount students learned is related to the opportunity they are given to learn. Students learn the most by doing, not by being fed, or standing in line or sitting motionless. The college English class in Multimedia classroom, however, is conducted in a rush and students seldom get a chance to have their say. What they can do is waiting for the information on the screen. Many reasons result in this phenomenon. One of the main reasons is that teachers get too many things to share with students and at the same time they have little time at their free disposal. Another reason is that the college English class is not well organized and designed. College English teachers may bear this proverb in their mind while preparing and delivering the lesson: Haste makes waste.

2.2 Learners' Factors

2.2.1 Test on Students' Learning Autonomy

Compared with traditional English classrooms, in Multimedia classrooms, more information and resources are available and presented to students. This is considered to be one of the advantages of Multimedia college English teaching. But more language resources do not mean more effective learning. In this sense, students' learning autonomy is being tried. For example, in class when video films are used, both visual and audio information are shown to students. On this occasion, it is up to students to study the detailed information and select those they think important. However, the present college students are the products of modern education system in which learning autonomy is somehow neglected. So in video classes, most of them are watching only for fun, or are only waiting for the target aspects of language instruction from the teacher. In a word, students' wait-to-be-fed habit interrupts the effect of Multimedia language teaching.

2.2.2 Physical Fatigue

Presently, there are two kinds of Multimedia classroom: one is the classroom in which everybody operates on a Multimedia PC; the other one is called one-computer Multimedia classroom. No matter which kind of classroom students are in, physical fatigue caused by Multimedia classroom is worth our attention. More than 42% of the interviewees in the open interview admit that the computer screen strains their eyes after watching for about 30 minutes. More than 53% of them feel unwell of their waist and neck after staring at the screen for about 30 minutes. Undoubtedly, the physical fatigue to some extent has a negative effect on students' study.

2.3 Technological Factors

2.3.1 Technology of Multimedia Classrooms

In most universities and colleges, Multimedia is still a new concept. For the AV instruction staff, defects in the design of room layout, installation of facilities, lighting and airing seem to be inevitable because of the lack of experience. For example, for the convenience of students' watching, lecture theatre is preferred by students. But unfortunately, many traditional classrooms are transformed into Multimedia ones by merely facilitating them with certain equipment. In this case, the teacher sitting in the front cannot see the students at the back rows and students at the back rows fail to see the screen clearly and completely.

2.3.2 Technology Required of College English Teachers

Currently, owing to the traditional education system, most college English teachers are not good at computer, and some of them are even not proficient in typing. This causes great trouble in the design of courseware and application of Multimedia devices. The unskilled operation on computer would inevitably affect the instruction flow, which in turn would de-motivate students if it happens frequently in class. On the other hand, the defects in the presently-used CD-ROM for college English teaching reinforce the operation difficulty for teachers.

2.3.3 Technology of Network

Thanks to the fantastic spurt of IT, network, both the Internet and the Local Area Net, is changing with each passing day. More and more practical resources of English teaching and learning can be easily located and are available for college English teaching. Nevertheless, the defects existing in network prevent it from steady and secure application. First, not everything is on the Internet. For example, only about 8% of all journals are on the web, and an even smaller fraction of books are there. Both are costly! Second, it's really a needle in the haystack. The needle is your search, the haystack is the web. Third, Quality control doesn't exist. Some insecure connection to X-rated sites or the information alike might be reluctance for teachers to use the Internet. Fourth, the Internet might be a mile wide but an inch (or less) deep. Not much on the Internet is more than fifteen years old. Vendors offering magazine access routinely add a new year while dropping an earlier one. Fifth, the too frequent breakdown of network would hinder the application of the Internet to English teaching and in some degree de-motivate students.

If these problems keep unsolved, it's somewhat hard to make the Internet an ideal tool for English teaching.

3. Countermeasures

Fortunately, the problems arising from the defects of Multimedia college English teaching do not seem to be incurable. If we conduct properly, many of the problems can be solved, or at least, some of the defects can be avoided or compensated to some extent.

First, responsibility is needed to breed into teachers' mind. Responsibility is the fundamental quality of teachers. If the teacher is of great sense of responsibility, he would know very well what to do to better the teaching-learning process and would know definitely why enthusiasm is needed in language class and would show it in

class willingly. In this way routine work in instruction might be avoided and it makes creative and enthusiastic class possible.

Second, continual study and research is an indispensable part of qualified teachers' life. Only in this way can teachers keep up with their fields of expertise. What's more, the research and study enable teachers to find solutions to the problems arising in class. For example, how to promote the classroom management in Multimedia class? Should teachers sit in the front of the classroom all the way? Effective teachers would apply some alternatives to the class – group discussion, free talk, pair work, and teachers would move around occasionally, accompanied with some gestures and body language. Remember: efficient management allows teachers to spend more learning time with students and to engage students. Another thing for college English teachers to learn is the operation of the Multimedia PC and the making of courseware etc.

Third, flexibility is required in the process of teaching. Teaching requires flexibility. Adjust when timely topics come up instead of staying with the lesson plan. Be sensitive enough to students' needs and offer necessary help. Multimedia teaching does not mean sitting there and operating machine. It also involves flexibility. Do not stick to original plan when a bit flexibility might make the difference between boring and interesting. It is communicative skills with people that we are learning, not with machine. Flexibility is the precondition of affection between the teacher and students.

Fourth, universities and colleges may adopt reasonable curriculum. As for the instruction pace in Multimedia classrooms, reasonable curriculum might help some. According to the curriculum of most colleges, students have four hours of English class each week – two for text and two for exercise. The arrangement makes intensive teaching like duck-feeding and both the teacher and students are on the run in the class. A little change might change the instruction pace from rush to walk.

Sixth, the school management personnel may better the physical condition of Multimedia classrooms. Coziness and cleanliness are typical of Multimedia classrooms. But, that's not enough for effective teaching and learning. Classrooms that are badly lit, poorly aired and overcrowded can be excessively de-motivating, but unfortunately many of them exist in colleges and universities. For the design of Multimedia classrooms, the installation of the screen, music box, the layout of the desks, and the light all should be taken into account. Generally speaking, lecture

theatre classrooms are preferred because they enable students at the back rows to have a good view of the screen.

Last, definitely not the least, the training of AV instruction staff is very necessary. Multimedia college English teaching cannot be done without the assistance of AV instruction staff because most of the college English teachers are not good at Multimedia technology and operation. A minor breakdown might lead to the failure of class presentation. In addition, the application of network is still new to college English teachers, even to AV instruction staff. As a result, qualified AV instruction staff members are needed to maintain the machine, ensure the flow of the teaching process and guarantee the stability of network.

4. Conclusion

If we college English teachers employ various techniques to make Multimedia classes motivating and interesting, if we labor along to explore appropriate pedagogy in Multimedia college English teaching, if we keep an eye on what's going on in our expertise, and if we take care to become dynamic stimulators rather than machine operators, we may be able to overcome the defects of Multimedia and fast-forward our students' learning. There is absolutely no doubt that Multimedia will play a more and more important role in college English teaching, with all the defects overcome and with proper pedagogy deployed.

List of References:

1. Cai Xian, Reflections on Multimedia Teaching [M]. Media in Foreign Language Instruction, 1998.
2. Ellis, R. Second Language Acquisition [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2000.
3. Gu Peiya, Internet and Foreign Language Teaching [M]. Media in Foreign Language Instruction, 1998.
4. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching [M]. London and New York: Longman, 1983.
5. Harmer, J. How to Teach English [M]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2000.
6. Howard, D.V. Cognitive Psychology [M]. New York: Macmillan Publishing Co. Inc. 1983.
7. Matlin, M.W. [Cognition. New York: Rinehart and Winston, Inc. 1989.]

8. Mei Jiaju, Two Stages in China's Modern Education Technology Development [M]. Media in Foreign Language Instruction, 1998.
9. Neill, S. & Casewell, C. Body Language for Competent Teachers [M]. London: Routledge, 1993.
10. Pen Shiyu, Modernization of Foreign Language Technology: Problems and Solutions [M]. Media in Foreign Language Instruction, 1999.

Сведения об авторах

1. **Адилханян Нина Леоновна**, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: ninel_ad@mail.ru
2. **Амосова Татьяна Викторовна**, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, e-mail: oriental2012@yandex.ru
3. **Ананьев Владимир Валерьевич**, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: v_ananiev@hotmail.com
4. **Афанасьева Марина Петровна**, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики, Педагогический институт ИГУ, e-mail: mar.kis@mail.ru
5. **Быкова Стелла Артемьевна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой японской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: st2901@yandex.ru
6. **Вейнберг Надежда Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: nadya609@gmail.com
7. **Вербицкая Ольга Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, email: overbitskaia@gmail.com
8. **Владимирцева Надежда Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: n.vladimirtseva@gmail.com
9. **Воробьева Лариса Александровна**, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ.
10. **Воронина Ольга Юрьевна**, магистрант, (научный руководитель: Шишмарева Т. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ), e-mail: olizhe-07@mail.ru
11. **Воронова Светлана Кимовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: bright@irkutsk.ru
12. **Гаврилова Мария Викторовна**, учитель английского языка, МБОУ «Лицей №3», г. Братск
13. **Гао Минью**, Китайский Северо-восточный сельскохозяйственный университет, Институт искусств, e-mail: 756710776@qq.com
14. **Горонинова Оксана Александровна**, учитель английского языка, МБОУ «Лицей №3», г. Братск, e-mail: mariyagav@yandex.ru
15. **Готлиб Олег Маркович**, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: gotlib@islu.ru
16. **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Сибирского Федерального Университета (Красноярский государственный педагогический университет), e-mail: dazishen@mail.ru
17. **Дюндик Юлия Борисовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: dyular@mail.ru
18. **Ефременко Яна Юрьевна**, магистр, докторант Хэйлунцзянского университета г. Харбин КНР, (Научный руководитель: профессор Цзоу Шао Хуа, доктор PHD Хэйлунцзянского университета г. Харбин, К Н Р), e-mail: yanaliuyuan@mail.ru
19. **Иванова Надежда Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Дальневосточное Высшее Общевоинское Командное Училище, г. Благовещенск, e-mail: inadya240276@gmail.com
20. **Калашников Эрнест Валерьевич**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: ernest_k@mail.ru
21. **Калинина Виталия Валерьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: vitaliya1@yandex.ru
22. **Калиш Елена Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: elenavvk@mail.ru

23. **Карачева Надежда Сергеевна**, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, магистрант 1 года обучения МГЛУ ЕАЛИ (научный руководитель: Кремнёв Е.В., заведующий кафедрой восточных языков, кандидат социологических наук, доцент), e-mail: ns_karacheva@mail.ru
24. **Керешун Александра Вячеславовна**, доцент кафедры зарубежного регионоведения, МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: alexandrakozlova@yandex.ru
25. **Кирюхина Любовь Владимировна**, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru
26. **Кобжицкая Ольга Германовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: mingyun@mail.ru
27. **Коваль Екатерина Константиновна**, магистр, докторант, (научный руководитель: Мабяо, профессор Хэйлунцзянского университета), e-mail: katerinakoval88@mail.ru
28. **Кремнёв Евгений Владимирович**, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: kremnyov2005@mail.ru
29. **Крипак Анна Валентиновна**, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: anna_kripak@mail.ru
30. **Кузнецова Ольга Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: kuznetsova1@mail.ru
31. **Курако Юлия Сергеевна**, (научный руководитель: Шевцова Н. И., кандидат филологических наук, профессор), Дальневосточный федеральный университет, e-mail: Kurako.92@mail.ru
32. **Лепнева Мария Леонидовна**, аспирант, научный руководитель: Ветлужская Л.Л., кандидат исторических наук, директор Института Конфуция ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», e-mail: marystoryteller@mail.ru
33. **Литвинцев Олег Сергеевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии и теории языка ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», e-mail: litol1982@mail.ru
34. **Маланханова Антонина Енжиевна**, аспирант Московского педагогического государственного университета, (научный руководитель: Сысоев П. В., профессор кафедры иностранных языков, доктор педагогических наук), e-mail: Duoniya@gmail.com
35. **Маркина Наталья Алексеевна**, кандидат филологических наук, доцент Подготовительного отделения факультета дополнительного образования, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, e-mail: Natalia_tutor@mail.ru
36. **Матвеева Яна Витальевна**, магистрант МГЛУ ЕАЛИ (научный руководитель: Кузнецова О.В., заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, кандидат филологических наук), e-mail: matveeva_yana@mail.ru
37. **Новопашина Елена Сергеевна**, магистрант МГЛУ ЕАЛИ (научный руководитель: Кузнецова О.В., заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, кандидат филологических наук), e-mail: lenairkutsk93@mail.ru
38. **Нуркеева Сатуалды**, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гармоничного развития человека ННПООЦ «Бэбек», e-mail: nurkeyeva.s@mail.ru
39. **Ни Айся**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
40. **Орсоева Аюна Александровна**, преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, магистрант МГЛУ ЕАЛИ (научный руководитель: Ли Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ), e-mail: orsoeva@inbox.ru
41. **Очирова Дари Баторовна**, магистрант Восточного института ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», (научный руководитель: Дашибалов Э. Б., кандидат исторических наук, старший преподаватель), e-mail: ochirova.db@yandex.ru

42. **Пахомов Виктор Николаевич**, магистрант МГЛУ ЕАЛИ (научный руководитель: Фальковская Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ), e-mail: pakhom15@mail.ru
43. **Размахнина Юлия Сергеевна**, (научный руководитель: Елохина Ю.В., кандидат исторических наук, доцент исторического факультета ИГУ, начальник Управления международных связей ИГУ), e-mail: juliarazm@gmail.com
44. **Сбоев Александр Николаевич**, аспирант Дальневосточного федерального университета (научный руководитель: Хаматова А. А., кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры китаеведения ДВФУ), e-mail: sboevalexander@mail.ru
45. **Се Юйминь**, Яньтайский промышленный и коммерческий институт, Яньтай.
46. **Себекин Сергей Александрович**, магистрант, Иркутский государственный университет, исторический факультет (научный руководитель: Шмидт С.Ф., кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений), e-mail: Sebserg37@gmail.com
47. **Семенова Виктория Ильинична**, кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии, Иркутский государственный университет, e-mail: semenova1963@mail.ru
48. **Солсоев Иван Николаевич**, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: isolsoev@mail.ru
49. **Сун Минь**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
50. **Сосорова Баирма Сергеевна**, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: bairma1978@mail.ru
51. **Сун Яньмэй**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
52. **Сунь Цы**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
53. **Тан Сяодун**, Китайский Северо-восточный сельскохозяйственный университет, Институт искусств
54. **Тарабрина Василиса Игоревна**, студент МГЛУ ЕАЛИ
55. **Тихомирова Елена Евгеньевна**, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет, докторант кафедры истории и теории культуры факультета истории искусств Российского государственного гуманитарного университета (Новосибирск), ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», e-mail: imktikhomirova@mail.ru
56. **Фан Бао**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
57. **Хлызова Наталья Юрьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: uspehvovsem5@gmail.com
58. **Хо Ольга Александровна**, магистр, докторант Хэйлуунцзянского университета г. Харбин КНР, (научный руководитель: профессор Ма Бяо, доктор PhD Хэйлуунцзянского университета г. Харбин КНР), e-mail: khoodga@gmail.com
59. **Цзяо Юнцин**, Шаньдунский университет бизнеса и технологий, Яньтай.
60. **Цуй Хунхай**, Шаньдунский университет бизнеса и технологий, Яньтай.
61. **Чайкисова Анна Валерьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: anncher@rambler.ru
62. **Чжан Сяоли**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай. NikiZhang2016@hotmail.com
63. **Чжан Яцзюнь**, Шаньдунский университет бизнеса и технологий, Яньтай
64. **Чжу Сяоцин**, Колледж иностранных языков, Шаньдунский институт технологии и бизнеса, Китай
65. **Чиронов Сергей Владимирович**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО, e-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru

66. **Шалина Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: i_v_s2000@mail.ru
67. **Шаравьёва Ирина Викторовна**, старший преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: nevergiveup81@mail.ru
68. **Шишмарева Татьяна Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: gotlib@islu.ru
69. **Шурупова Ирина Викторовна**, доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, e-mail: 225.irina@mail.ru
70. **Яковенко Сергей Викторович**, аспирант, (научный руководитель: Федоровская Н. А., доцент), Дальневосточный федеральный университет, e-mail: s.v.jaco@gmail.com
71. **Ямушева Ирина Валерьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и лингводидактики МГЛУ ЕАЛИ, e-mail: grigorjn@gmail.com
72. **Ян Иньлин**, Шаньдунский университет бизнеса и технологии, Яньтай.
73. **Ярошевич Наталья Николаевна**, преподаватель, Иркутский филиал Московского государственного технического университета Гражданской авиации, e-mail: historien-n@mail.ru
74. **Austin Patrick Reagan**, University of Southern California, B.A. International Relations, Professor Akishina SLL 260, e-mail: austinpatrickreagan@gmail.com
75. **Hakima Lakhdari**, Département des affaires internationales, PhD Chercheur post-doc, e-mail: Hakima.lakhdari@hec.ca
76. **Ivanova Nataliia**, Master Degree Student, Sichuan University, School of Business, Chengdu, China, e-mail: Natalia-ivanova91@yandex.ru
77. **Joan E. Childers**, Retired Educator Jefferson County Schools, Golden CO, USA, Iringa International School, Iringa, TZ Irkutsk Linguistic University, Irkutsk, Russia, e-mail: jojourneycake@gmail.com
78. **Malkova Alisa V**, research assistant, Georgia state university 2CI Chinese Cluster, e-mail: amalkova1@student.gsu.edu
79. **Shanelle Medequiso Sua**, University of Southern California, School of International Relations, (Undergraduate Supervisor: Dr. Tatiana Akishina, Professor of Russian), e-mail: ssua@usc.edu
80. **Sharidan Smith**, University of Southern California, SLL 260, (Undergraduate Supervisor: Dr. Tatiana Akishina, Professor of Russian).
81. **Turkina Ekaterina**, Professeur agrégé, e-mail: Ekaterina.turkina@hec.ca, HEC MONTREAL
82. **Vallan Melicent Kantner**, Berkeley House Language Center – Musashino University, e-mail: vmkant@mail.ru

Содержание

1. Основные проблемы регионоведческих исследований стран АТР

В.Г. Дацышен (Красноярск)	
А.Ф. НИКИТИН – ОСНОВАТЕЛЬ ЧИТИНСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ.....	4
V. Datsyshen (Krasnoyarsk)	
A. NIKITIN IS THE FOUNDER OF CHITA SINOLOGY.....	4

2. История, культура, философия, политология, социология, этнология стран АТР

Н.Л. Адилханян (Иркутск)	
ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В СОЗНАНИИ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ НА МАТЕРИАЛЕ «КАТАЛОГА ЗАМОРЬЯ» ТРАКТАТА «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН».....	19
N. Adilkhanian (Irkutsk)	
IMAGE "FOE" IN THE MINDS OF THE ANCIENT CHINESE BASED ON "THE CATALOG HAIWAIJING" OF THE TRACTATE "SHAN HAI JING".....	20
В.В. Ананьев (Иркутск)	
ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ КОЛЛЕКТИВИЗМА- ИНДИВИДУАЛИЗМА ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	26
V. Anan'ev (Irkutsk)	
TENDENCIES AND FACTORS OF THE COLLECTIVISM-INDIVIDUALISM DYNAMICS OF THE JAPANESE SOCIETY.....	26
娅娜·耶夫列民科 (哈尔滨市)	
浅谈汉俄词素的比较.....	34
Ia. Efremenko (Harbin)	
A BRIEF COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN MORPHEMES.....	35
N. Ivanova (Chengdu)	
THE PHENOMENON OF MYTHOLOGY IN THE PROCESS OF ASSIMILATION OF HAN PEOPLE IN SHU KINGDOM (BASED ON THE FUNERAL RITUALS).....	41
В.В. Калинина (Иркутск)	
ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СТРАНАХ АТР.....	46
V. Kalinina (Irkutsk)	
THE INFLUENCE OF INFORMAL FACTORS ON POLICY DECISION MAKING IN THE COUNTRIES ON THE PACIFIC RIM.....	46
霍·奥莉娅 (伊尔库茨克市)	
中俄文化中动物象征差异产生的原因.....	51
O. Kho (Irkutsk)	
CULTURAL REASONS FOR THE DIFFERENCE IN SINO-RUSSIAN ANIMAL SYMBOLS.....	52
О.В. Кузнецова (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О РОЛИ ПИЩИ В КОРЕЙСКИХ ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА....	65
O. Kuznetsova (Irkutsk)	
ON SOME ISSUES OF THE IMPORTANCE OF FOOD IN KOREAN LIFE CYCLE RITUALS.....	66
О.В. Кузнецова, Я.В. Матвеева (Иркутск)	
ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГАСТРОНОМИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛИНАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДРУГИХ НАЦИЙ.....	75
O. Kuznetsova, Y. Matveeva (Irkutsk)	
THE ORIGIN OF AMERICAN GASTRONOMY THROUGH THE INFLUENCE OF	

OTHER NATIONS' CULINARY TRADITIONS.....	76
О.В. Кузнецова, Е.С. Новопашина (Иркутск)	
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ В 20-21 ВЕКАХ.....	81
O. Kuznetsova, E. Novopashina (Irkutsk)	
TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF AMERICAN FAMILIES IN THE 20TH - 21ST CENTURIES.....	81
Н. Lakhdari, E. Turkina (Montreal)	
STRATEGIE ET MODELE D`INTERNATIONALISATION DU GROUPE HOLDING POULINA.....	90
Н. Lakhdari, E. Turkina (Montreal)	
STRATEGY AND INTERNATIONALIZATION MODEL OF POULINA GROUP HOLDING.....	91
М.Л. Лепнева (Улан-Удэ)	
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ А.С. ЛАППО- ДАНИЛЕВСКОГО В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (на примере исследования биографии седьмого патриарха школы Винаи Цяньхуа в Китае Фуцзюй Вэньхая).....	100
M. Lepneva (Ulan-Ude)	
APPLYING THE METHODOLOGY OF SOURCE STUDIES OF A.S. LAPPO- DANILEVSKY TO BIOGRAPHICAL RESEARCH(using as an example FujiWenhai, the 7th patriarch of Qianhua school of Vinaya in China).....	101
О.С. Литвинцев (Абакан)	
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА.....	107
O. Litvintsev (Abakan)	
MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE NATIONAL CONSCIOUSNESS.....	108
А. Malkova (Atlanta)	
WHAT HELPS AUTHORITARIAN RULERS STAY IN POWER FOR SO LONG?.....	118
高明宇 (哈尔滨市), 唐晓东 (哈尔滨市)	
画家高卉民先生写意花鸟画艺术的继承与创新性研究.....	129
Gao Mingyu (Harbin City), Tang Xiaodong (Harbin City)	
A STUDY ON THE INHERITANCE AND INNOVATION OF THE ART OF FREEHAND FLOWER AND BIRD PAINTING BY ARTIST GAOHUIMIN.....	130
С. Нуркеева (Алматы)	
ТРИЕДИНСТВО ЯЗЫКОВ - КАК ЯДРО СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА.....	137
S. Nurkeyeva (Almaty)	
TRINITY OF LANGUAGES – AS THE CORE OF MODERN LANGUAGE POLICY OF KAZAKHSTAN.....	138
А.А. Орсоева (Иркутск)	
ВЛИЯНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	147
A. Orsoeva (Irkutsk)	
EURASIAN INFLUENCE AND MANIFESTATIONS OF CULTURAL NATIONALISM IN SOUTH KOREAN SOCIETY.....	148
Д.Б. Очирова (Улан-Удэ)	
РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЗАЦИИ.....	157
D. Ochirova (Ulan-Ude)	
THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF	

KOREA DURING THE PERIOD OF DEMOCRATIZATION.....	158
V. Pakhomov (Irkutsk)	
OIL AND GAS COMPLEX OF THE PRC ON THE PRESENT STAGE OF NATIONAL ECONOMY.....	162
В. Пахомов (Иркутск)	
НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	162
Ю.С. Размахнина (Иркутск)	
РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ».....	167
Y. Razmakhnina (Irkutsk)	
THE DEVELOPMENT OF AMERICAN LINGUISTIC SOVIETOLOGY DURING THE COLD WAR.....	168
Austin Patrick Reagan (USA)	
SOFT POWER IN ACTION: AMERICAN POPULAR CULTURE IN RUSSIA.....	173
С.А. Себекин (Иркутск)	
КИБЕРМОГУЩЕСТВО КИТАЯ: СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА.....	179
S. Sebekin (Irkutsk)	
CYBER POWER OF CHINA: SPECIFITY USE OF CYBERSPACE.....	179
В.И. Семенова (Иркутск)	
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЯТСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН.....	189
V. Semenova (Irkutsk)	
EXTRALINGUISTIC BASIS OF BURYAT PERSONAL NAMES.....	190
Sheriden Smith (USA)	
BUT ISN'T IT COLD IN SIBERIA?.....	196
И.Н. Солсоев, Ю.Б. Дюндик (Иркутск)	
ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ В АМЕРИКАНСКИХ СМИ.....	201
I. Solsoev, Yu. Dyundik (Irkutsk)	
SHAPING THE IMAGE OF AMERICAN MASS MEDIA:AGENDA SETTING	202
Б.С. Сосорова (Иркутск)	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В США.....	206
В. Sosorova (Irkutsk)	
THE PECULARITIES OF WOMEN'S MOVEMENT ESTABLISHMENT IN THE USA ...	207
Shanelle Sua (Los Angeles)	
ONCE UPON A TIME: AN EXAMINATION OF RUSSIAN CULTURE AND SOCIETY THROUGH FAIRY TALES.....	211
Шанель США (Лос Анджелес)	
ОДНАЖДЫ: ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМ СКАЗОК.....	211
Сун Яньмэй (Яньтай)	
СРАВНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ	218
Song Yanmei (Yantai)	
A COMPARISON OF THE TRADITIONAL CHINESE AND RUSSIAN FESTIVALS.....	218
Е. Е. Тихомирова (Новосибирск)	
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ УНИВЕРСАЛИИ «СРЕДИННЫЙ ПУТЬ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ.....	223
Е. Tikhomirova (Novosibirsk)	
UNIVERSALIYA "THE MEDIAN WAY" IN RUSSIAN AND CHINESE CULTURE	224
И.В. Шаравьёва (Иркутск)	
ПОНЯТИЕ «ВЭНЬ» В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ.....	233

I. Sharaveva (Irkutsk)	
“WEN” IN THE CHINESE CULTURE.....	234
С.В. Яковенко (Владивосток)	
К ИСТОРИИ ФЕНОМЕНА ЁКАЙ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА.....	237
S. Yakovenko (Vladivostok)	
TO THE YŌKAI'S HISTORY AS THE FACTOR OF THE JAPANESE MENTALITY FORMATION.....	237
Н.Н. Ярошевич (Иркутск)	
КИТАЙ В XIX ВЕКЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА.....	245
N. Iaroshevich (Irkutsk)	
CHINA IN THE XIX CENTURY: CLASH OF CIVILIZATIONS AND THE PROBLEM OF CULTURAL CONFLICT.....	246
3. Актуальные проблемы языкознания стран АТР	
М.П. Афанасьева (Иркутск)	
К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ «СЮЮЙ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	254
M. Afanaseva (Irkutsk)	
TO THE PROBLEM OF THE ALLOCATION "СЮЮЙ" IN PHRASEOLOGICAL PART OF THE CHINESE LANGUAGE.....	255
С.А. Быкова (Москва)	
ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ	259
S. Bykova (Moscow)	
TRADITIONAL AND NEW TERRITORIAL DIALECTS IN THE MODERN JAPANESE.....	260
Н.М. Вейнберг (Иркутск)	
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЛИМЕНТОВ/ ПОХВАЛЫ В СИТУАЦИЯХ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	265
N. Veinberg (Irkutsk)	
MAIN CHARACTERISTICS OF USAGE OF COMPLIMENTS IN THE JAPANESE BUSINESS COMMUNICATION.....	266
О.Ю. Воронина (Иркутск)	
РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ТРАКТОВКЕ У. БАКСТЕРА.....	272
O. Voronina (Irkutsk)	
EVOLUTION OF THE PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE CHINESE LANGUAGE IN THE WORK BY W. BAXTER.....	273
С. К. Воронова (Иркутск)	
АКТУАЛИЗАЦИЯ СЦЕНАРИЯ «ИГРА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ РИЧАРДА КОННЕЛА <i>THE MOST DANGEROUS GAME</i>	276
S. Voronova (Irkutsk)	
ACTUALIZATION OF THE SCENARIO «GAME» IN RICHARD CONNELL'S WORK <i>THE MOST DANGEROUS GAME</i>	276
О.М. Готлиб, Е.В. Кремнёв, Т.Е. Шишмарева (Иркутск)	
ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И.М. ОШАНИНА НА ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ.....	286
O. Gotlib, E. Kremnyov, T. Shishmareva (Irkutsk)	
I.M. OSHANIN'S GRAMMATOLOGICAL VIEWS TO THE GRAPHIC CHANGES IN	

THE EVOLUTION OF CHINESE WRITTEN CHARACTERS.....	286
Э.В. Калашников (Иркутск)	
ИЗОТОПИЯ ПРИ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	294
E. Kalashnikov (Irkutsk)	
ISOTOPIY IN SECONDARY INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT.....	295
Н.С. КАРАЧЕВА (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОДИАЛОГОВ).....	299
N. Karacheva (Irkutsk)	
TOWARD CULTURAL LINGUISTIC PHENOMENA TRANSLATION INTO CHINESE(BASED ON FILM LANGUAGE MATERIALS).....	300
А.В. Керешун (Иркутск)	
О СПЕЦИФИКЕ ДИАЛОГИЧНОСТИ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА ХИЛЛАРИ КЛИНТОН.....	305
A. Kereshun (Irkutsk)	
ON THE PECULIARITY OF A DIALOGUE IN HILLARY CLINTON'SPRE-ELECTION DISCOURSE.....	305
Л.В. Кирюхина (Иркутск)	
УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В «马氏文通».....	311
L. Kiryukhina	
UNIVERSALITY AND UNIQUENESS OF "MA SHI WEN TONG".....	312
О.Г. Кобжицкая (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛОВ ГЛАГОЛЬНО-ОБЪЕКТНОГО ТИПА СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	316
О. Kobzhitskaya (Irkutsk)	
ON TRANSITIVE VERBS OF THE VERB-OBJECT TYPE CONNECTION IN THE MODERN CHINESE LANGUAGE.....	317
科瓦尔·叶卡捷琳娜 (哈尔滨市)	
浅谈汉俄同义词色彩义对比.....	323
E. Koval (Harbin)	
A BRIEF COMPARISON OF CHINESE LANGUAGE AND RUSSIAN LANGUAGE COLOUR MEANING OF SYNONYMS.....	324
Ю.С. Курако (Владивосток)	
ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «САНЬ-БАЙ-ЦЯНЬ»	329
Y. Kurako (Vladivostok)	
LEXICAL ANF STYLISTIC FEATURES OF CLASSICAL CHINESE EDUCATIONAL LITERATURE "SAN-BAI-QIAN".....	330
А.Н. Сбоев (Владивосток)	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ	337
A. Sboev (Vladivostok)	
PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS IN THE CHINESE INTERNET LANGUAGE.....	338
В.И. Тарабрина, А.В. Чайкисова (Иркутск)	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ОБРАЗОВ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ В АМЕРИКАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	344
V. Tarabrina, A. Chaykisova (Irkutsk)	
THE REPRESENTATION OF STEREOTYPICAL IMAGES OF AFRICAN AMERICANS IN AMERICAN ADVERTISING DISCOURSE.....	344
С.В. Чиронов (Москва)	
КАК «УЙТИ ОТ ОТВЕТА» ПО-ЯПОНСКИ.....	351

S. Chironov (Moscow)	
HOW TO «DODGE A QUESTION » IN JAPANESE.....	352
Цзяо Юнцинъ (Яньтай)	
ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАТЕГИЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ И ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЭТИХ СТРАТЕГИЙ.....	361
Jiao Yongqin (Yantai)	
CHARACTERISTICS AND REASONS OF ENGLISH-CHINESE CONSECUTIVE INTERPRETING STRATEGIES – A TAPS-BASED EMPIRICAL STUDY ON STUDENT INTERPRETERS.....	362

4. Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания языков стран

Т. В. Амосова (Иркутск)	
ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ АГРАРНОГО ВУЗА	369
T. Amosova (Irkutsk)	
TEACHING OF PROFESSIONALLY ORIENTED LEXICS OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES OF THE AGRARIAN UNIVERSITY.....	369
О.Ю. Вербицкая (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» В РЕГИОНОВЕДЕНИИ.....	374
O. Verbitskaya (Irkutsk)	
TOWARDS THE QUESTION OF IMPORTANCE OF THE NOTION «CULTURAL ENVIRONMENT» IN AREA STUDIES.....	375
Н.В. Владимирцева, А.В. Крипак (Иркутск)	
ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	378
N. Vladimirtseva, A. Kripak (Irkutsk)	
MOTIVATIONAL STRATEGIES IN TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE.....	378
Л.А. Воробьева, И.В. Шалина (Иркутск)	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ГОРОАВАСЭ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ.....	385
L. Vorobieva, I. Shalina (Irkutsk)	
USING A LANGUAGE GAME GOROAVASÈ AS A MEANS OF EXERCISING CONTROL OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGE.....	385
М.В. Гаврилова, О.А. Горонинова (Братск)	
ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА.....	390
M. Gavrilova, O. Goroninova (Bratsk)	
THE TECHNOLOGY OF A SOCIAL AND PEDAGOGICAL INTERACTION BETWEEN A FAMILY AND A SCHOOL ON THE BASIS OF THE SYSTEM AND ACTIVITY APPROACH.....	390
Ю.Б. Дюндик, Е.Е. Калиш (Иркутск)	
ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИНЦИПОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МНЕМОТЕХНИКИ	396
Yu. Dyundik, E. Kalish (Irkutsk)	
TEACHING ENGLISH GRAMMAR USING SOME PRINCIPLES OF PEDAGOGICAL MNEMOTECHNICS.....	397
Joann E. Childers (Arvada)	

MONO-LINGUAL EDUCATION VS MULTI-LINGUAL EDUCATION.....	404
Н. С. Иванова (Благовещенск)	
ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАОССКОЙ АУДИТОРИИ.....	407
N. Ivanova (Blagoveshchensk)	
EXPERIENCE OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN A LAO LANGUAGE CLASSROOM.....	407
А.Е. Маланханова (Москва)	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ.....	412
A. Malanhanova (Moscow)	
INSTITUTIONAL FEATURES OF AN ECONOMIC DISCOURSE OF THE CHINESE LANGUAGE IN TEACHING TRANSLATION.....	413
Vallan Melicent Kantner (Tokyo)	
HELPING NATIVE ENGLISH SPEAKING INSTRUCTORS ADAPT TO ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE PROGRAMS IN RUSSIA.....	419
Н.А. Маркина, И.В. Шурупова (Москва)	
ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ К ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (РЯДО) НА ПРОДВИНУТОМ УРОВНЕ.....	423
N. Markina, I. Shurupova (Moscow)	
PECULIARITIES OF PREPARATION OF CHINESE STUDENTS FOR THE EXAM OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR BUSINESS COMMUNICATIONS (RLfBC) AT AN ADVANCED LEVEL.....	424
Ни Айся, Ян Иньлин (Яньтай)	
МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В НОВУЮ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ.....	428
Ni Aixia, Yang Yinling (Yantai)	
INTERPRETATION TEACHING MODELS IN THE NEW ERA: CHALLENGES AND RESPONSES.....	429
Сун Минь (Яньтай)	
ИНТЕГРИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	435
Song Min (Yantai)	
ON THE INTEGRATION OF CULTURE INTO EFL TEACHING.....	435
Сунь Цы (Яньтай)	
О ПРИМЕНЕНИИ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАНЦЕВ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ.....	441
Sun Ci (Yantai)	
ON THE USE OF THE REFLECTIVE TEACHING IN THE INTERNATIONAL CHINESE TEACHING	441
Фан Бао (Яньтай)	
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКИМ СТУДЕНТАМ.....	448
Baо Fang (Yantai)	
AN ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL DIFFERENCE ON TEACHING CHINESE TO RUSSIAN STUDENTS.....	448
Н.Ю. Хлызова, И.В. Ямушева (Иркутск)	
МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА.....	454
N. Khlyzova, I. Yamusheva (Irkutsk)	
MEDIA EDUCATION IN ASIAN PACIFIC OCEAN REGION.....	455

Цуй Хунхай (Яньтай)	
ФОРМАТ МООК В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ.....	462
Cui Honghai (Yantai)	
CHALLENGE AND STRATEGY: MOOC MODE IN LANGUAGE TEACHING	463
Чжан Сяоли (Яньтай)	
РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОЛЛЕДЖЕ В СООТВЕТСТВИИ С ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ КИТАЯ.....	469
Zhang Xiaoli (Yantai)	
THE FORMATION OF THE COLLEGE ENGLISH TEACHING IN ACCORD WITH THE CHINESE FOREIGN POLICY	470
Чжан Яцзюнь (Яньтай), Се Юйминь (Яньтай)	
РОЛЬ И РАЗВИТИЕ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ЭПОХУ ПОСТ-МЕТОДА.....	476
Zhang Yajun (Yantai), Xie Yumin (Yantai)	
THE ROLE AND DEVELOPMENT OF ESP TEACHERS DURING THE POST- METHOD ERA.....	477
Чжу Сяоцзин (Яньтай)	
ВЫРАБОТКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....	484
Zhu Xiaojing (Yantai)	
CULTIVATING INTERCULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING.....	485
Ян Иньлин, Ни Айся (Яньтай)	
НЕДОСТАТКИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В КОЛЛЕДЖАХ И ИХ УСТРАНЕНИЕ.....	492
Yang Yinling, Ni Aixia (Yantai)	
MULTIMEDIA COLLEGE ENGLISH TEACHING DEFECTS AND COUNTERMEASURES.....	493

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы II Международной научно-практической конференции

(Иркутск, 30-31 мая 2016 г.)

ISBN 978-5-88267-439-6

Московский государственный лингвистический университет
Евразийский лингвистический институт

Подписано в печать 21.06.2016. Формат 60x90/16.

Тираж 120 экз. Усл. печ. 32 . Заказ

Адрес редакции:

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8

Тел.: 24-28-52

E-mail: rio@islu.ru

Изготовлено в ООО «Репроцентр А 1»

г. Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2

тел. 540-940